Министерство образования и науки РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (45)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2017

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 1 (45). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. – 179 с.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:
Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Ю.И. Александров – д.психол.н., проф. (Институт психологии РАН);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия);
Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); Е.Н. Волкова – д.психол.н., проф. (НГПУ им. К.Минина); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия);
М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); А.В. Мудрик – д.пед.н., проф. (МПГУ);
В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ);
Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); М.А. Родионов – д.пед.н., проф. (ПГУ);
З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва);
О.В. Трофимов – д.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2017

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 1 (45)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2017

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 1 (45). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2017. – 179 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.;
Yu.I. Alexandrov – D.Sc. (Psychology), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.;
H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.;
E.N. Volkova – D.Sc. (Psychology), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.;
L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.;
A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS;
Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .;
M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof .;
A.V. Mudrik – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.;
L.M. Popov – D.Sc. (Psychology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.;
M.A. Rodionov – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.;
G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics);
O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.;
S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Бузмакова М.В. Реиндустриализация – тенденция мировой экономики 7
Золотов А.В. Перспектива перехода к 6-часовому рабочему дню в экономически развитых странах 18
Кузнецов В.П., Чурбанова Е.С. О проблемах и источниках стратегического развития предприятий в условиях санкций 27
Кузнецов Ю.А., Маркова С.Е. Математическое моделирование динамики смены поколений инновационных технологий 37
Лядова Е.В. Анализ динамики производительности труда в России: макроэкономический аспект 46
Перова В.И., Авагян Э.А. Нейросетевой анализ динамики показателей высшего образования в регионах Российской Федерации как фактора экономического роста страны 54
Чкалова О.В., Ефремова М.В. Доминирование торговли в цепях поставок под влиянием торговых сетей 61

Социологические науки

Ростовская Т.К., Ростовская Н.А. Специфика жизнедеятельности кросскультурных браков в современном российском обществе 68
Карцева Л.В. Какую семью мы можем и должны сохранить (по материалам социологических исследований) 74
Малышев А.Г. Влияние гендерно чувствительных социальных сервисов (папа-школ) на вовлечение отцов в заботу о детях 80
Струнки на Т.С., Шмелева Е.А. Факторная структура социокультурных потребностей студенческой молодежи 91
Кутявина Е.Е., Шорыгин Е.А. Характеристики альтерофобии в школе 99
Варызгина А.А. Внешние и внутренние факторы, влияющие на выбор превентивной стратегии избегания бедности семьями с несовершеннолетними детьми 108
Хвоин Н.Н. Социальная адаптация лиц без определенного места жительства и занятий в условиях системы социальной защиты населения 118
Хусяинов Т.М. Идентичность самозанятых интернет-работников 127
Козлов А.П., Махалин А.И. Ценностное регулирование клиентоориентированности (на примере медицинских организаций скорой помощи) 132
Кеммет Е.В. Гендерная асимметрия в профессиональном сообществе инженеров 140

Педагогические науки

Вострокнутов И.Е. Обработка и анализ результатов физического эксперимента средствами современных графических калькуляторов CASIO 146
Горылев А.И., Кузнецова С.Н. Совместные образовательные программы как инструмент интернационализации (на примере юридического факультета университета лобачевского) 150
Гребенев И.В., Чупрунов Е.В. Научный метод познания в обучении физике (размышления над книгой) 156
Задорожная О.В. Учебно-научный проект как способ углубления и расширения знаний по математическому анализу 160
Новожилова Л.И., Перевезенцев А.Ю. Управление контролем как аспект приобретения коммуникативной компетенции 167
Чернышова Н.А. Связь результатов егэ и академических успехов студентов в сельскохозяйственном вузе 171

Авторы 178

CONTENTS

Economic sciences

Buzmakova M.V. Reindustrialization: the trend of the world economy 7
Zolotov A.V. The prospects of moving to a 6-hour working day in economically developed countries 18
Kuznetsov V.P., Churbanova E.S. About the problems and sources of strategic development of enterprises under the sanctions.....27
Kuznetsov Yu.A., Markova S.E. Mathematical models for the dynamics of innovation technology generation change.....37
Lyadova E.V. Analysis of the dynamics of labor productivity in Russia: the macroeconomic aspect.....46
Perova V.I., *Avagyan E.A.* Neural network analysis of higher education dynamics indicators in the regions of the Russian Federation as a factor of the country's economic growth.....54
Chkalova O.V., Efremova M.V. Domination of trade industry in supply chains under the influence of distribution networks 61

Sociological sciences

Rostovskaya T.K., Rostovskaya N.A. Specific features of cross-cultural marriages in modern Russian society.....68
Kartseva L.V. What kind of family can and should be preserved (based on the materials of sociological research) 74
Malyshev A.G. Impact of gender-sensitive social services (father schools) on *fathers' involvement* in child care.....80
Strunkina T.S., Shmeleva E.A. Factoral structure of students' sociocultural needs 91
Kutyavina E.E., Shorygin E.A. Characteristics of alterophobia in schools 99
Varyzgina A.A. External and internal factors affecting the choice of poverty prevention strategies by families with minor children 108
Khvoin N.N. Social adaptation of homeless people in the social security system 118
Khusyainov T.M. Identity of self-employed e-workers 127
Kozlov A.P., Makhalin A.I. Value-based regulation of customer focus (a case study of emergency medical services) 132
Kemmet E.V. Gender asymmetry in the professional community of engineers 140

Pedagogical sciences

Vostroknutov I.E. Processing and analysis of physical experiment results by means of Casio graphic calculators 146
Gorylev A.I., Kuznertsova S.N. Joint education programs as a tool for internationalization (the example of Lobachevsky University Faculty of Law) 150
Grebenev I.V., Chuprunov E.V. Scientific method of knowledge acquisition in the teaching of physics (reflections on the book) 156
Zadorozhnaya O.V. Educational and research projects as a way to deepen and expand the knowledge of mathematical analysis 160
Novozhilova L.I., Perevezentsev A.Yu. Monitoring management as an aspect of communicative competence acquisition 167
Chernyshova N.A. Correlation between the results of the unified state examination and achievement of students in an agricultural university 171

Authors.....178

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 339.3

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ – ТЕНДЕНЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2017 г.

М.В. Бузмакова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

webdirect@nm.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2017
Статья принята к публикации 01.02.2017

Анализируются процессы реиндустриализации в странах с разным уровнем развития. При этом используются общенаучные методы сравнения, анализа, обобщения, абстрагирования, а также специальные статистические методы обработки экономических данных и получения обобщающих показателей. Проанализированы основные тенденции относительно нового явления в постиндустриальной экономике – реиндустриализации, т.е. расширения промышленного сектора и возвращения промышленных предприятий-репатриантов в границы страны на фоне глобальной тенденции увеличения доли третичного сектора в ВВП разных стран. Исследованы причины, побуждающие к реиндустриализации различные группы стран – как развитых, так и развивающихся, а также страны, прошедшие переходный период трансформации экономики. Для основного анализа выбраны США, Китай, Бразилия, Сингапур, Польша. Для лучшего понимания темы приведены статистические данные и по другим странам из выбранных групп. Дается прогноз мировых тенденций реиндустриализации. Делается вывод о необходимости реиндустриализации экономики каждой страны в отдельности, что позволит странам повысить производственный потенциал и инновационную активность.

Ключевые слова: реиндустриализация, глобализация, производственный потенциал, инновации, НИОКР.

Постановка научной проблемы

Реиндустриализация мировой экономики в последнее время становится все более масштабной и заметной. Данный термин понимается как обновление всех технологических структур, замена устаревших технологий современными, инновационное обновление производства и качественное преобразование экономики и всей страны в целом.

Успех самого процесса реиндустриализации зависит от общей политики государства, от развития его инновационной сферы, правильной деятельности правовых структур и от многих других факторов. Существует понятие – региональный институциональный контур процесса реиндустриализации. Он объединяет в себе характеристику типов экономических, технологических, политических и других преобразований, которые имеют наиболее ценностный аспект при проведении всей реиндустриализации государства.

При проведении любых преобразований в рыночной экономике в условиях открытого мирового пространства ведущую роль играют информация, знания, технический потенциал и человеческий фактор. От качества ресурсов страны зависит успех всех преобразований, их скорость и качество.

Взаимодействие страны с другими государствами также вносит значительный вклад в ее развитие. В период глобализации международной экономики большое значение приобретают именно мирохозяйственные связи, позиционирование страны в мировом хозяйстве.

Таким образом, актуальность выбранной темы исследования заключается в том, что процесс реиндустриализации в последнее время затрагивает все мировое пространство и вносит изменения в мировую экономику в целом.

Реиндустриализация российской экономики неоднократно являлась предметом исследования отечественных учёных – Е.М. Примакова [1], О.С. Сухарева [2], С.Ю. Глазьева [3]. Исключительную миссию инфраструктурных секторов экономики, в частности образования, культуры, здравоохранения, в восстановлении отечественного промышленного потенциала анализировали в своих работах А.В. Бузгалин [4], А.И. Колганов [5], Г.П. Журавлёва [6]. Также интерес представляют работы, в которых представлены особенные способы модернизации производительных сил, сулящие положительные результаты, с точки зрения их авторов: либеральная ветвь исследователей обосновывает преимущества рыночного фундаментализма (В.Л. Иноземцев [7]); приверженцы государст-

венного капитализма заявляют о первостепенности новой модели планирования и планового регулирования пропорций общественного производства (С.С. Губанов [8]); консервативное крыло отмечает первостепенное значение государственного вмешательства в рыночные отношения (С.Д. Бодрунов [9]). Ряд экономистов занимаются разработкой проблемы региональной реиндустриализации – В.И. Бархатов [10], О.А. Романова [11], А.И. Татаркин [12], В.П. Шуйский [13]. Важную лепту в анализ проблем реиндустриализации вносят ученые, занимающиеся исследованиями возрождения промышленности в зарубежных странах. О возврате к индустриальному базису в США и ЕС пишут С.А. Толкачев, С.А. Побываев [14], А.К. Корнев, С.И. Максимцова, С.В. Трещина [15]. Вызывают интерес и труды по проблемам реиндустриализации развивающихся стран, например КНР. Здесь можно отметить таких авторов, как Л.С. Шаховская и Я.С. Матковская [16].

Реиндустриализация в развитых странах

Такие постиндустриальные державы, как США и страны ЕС, уже давно подтверждают свой большой потенциал и значительную эффективность всей экономики в целом. Но постепенно и они задумываются о необходимости процесса реиндустриализации всего своего производства. В последнее время большинство аналитиков отмечают тенденцию снижения производственного потенциала данных стран. Это связано с тем, что они являются основой для поставки производства в такие страны, как Бразилия, Мексика и Китай. В данных странах рабочая сила достаточно дешевая, и это делает производство более эффективным. Но вместе с тем промышленность и производственная сфера в целом в самих развитых странах постепенно начинает страдать, так как нет должной производственной нагрузки и задействования необходимого числа рабочей силы [17].

Поэтому в данных странах необходимость реиндустриализации стала выходить на первый план. Основные ее причины для США таковы:

– в последнее время сделано большое открытие – были найдены и разработаны месторождения сланцевого газа, что позволяет Америке добиться значительной экономии энергии;

– в связи с вышесказанным Китай стал богатым и развитым государством, и данная тенденция усиливается, что не входит в планы самих США, делая их зависимыми от другого государства.

Были проведены исследования, показавшие, что производство в США стало за последнее время ненамного дороже, чем в Китае, – всего на 7%, а завозить товары из самой Америки будет на 15% дешевле, нежели из Японии или Европы. Поэтому в планах самих США стало увеличение занятости в американской промышленности к 2020 году на 5 млн человек по сравнению с сегодняшней.

Для того чтобы добиться реиндустриализации производства и промышленности в отдельности, Б. Обама предложил стратегию, которая включает в себя несколько пунктов.

Основным пунктом является возврат производства из других стран в сами Соединенные Штаты. Но простой перевод промышленности из Китая не даст тех результатов, к которым стремится Америка. Это будет не столь эффективно, в отличие от организации высокотехнологичного экспорта, который помимо достижения поставленной цели положительно скажется на всем торговом балансе страны. Для этого необходимо направить все силы и средства США на инновационные разработки, которые помогут и в дальнейшем экономить на ресурсах путем повышения производительности труда и его наукоемкости [18].

Также необходимо снизить уровень затрат на энергию и энергоносители путем снижения зависимости самих США от импорта углеводородов. Это позволит добиться повышения конкурентоспособности отечественной промышленности и уровня прибыли путем включения в нее меньших затрат.

Кроме того, предполагается повышение внутреннего спроса; снижение уровня расходов и повышение налогов путем увеличения налогообложения бизнеса и более обеспеченных граждан. Данные цели уже осуществляются на практике, благодаря чему выросли поступления в бюджет и наметилась некоторая положительная тенденция уменьшения задолженности США перед мировым хозяйством. Это открывает перспективу перед Америкой в виде положительного торгового баланса и снижения уровня задолженности в будущем перед всем мировым пространством [19, с. 147].

Уже на сегодня можно отметить некоторое увеличение экспорта США и сокращение дефицита торгового баланса. Положительные изменения были отмечены в таких областях экспорта, как автомобилестроение, товары потребительского спроса, оборудование промышленного сектора и некоторые другие.

Промышленность Америки также имеет тенденцию к развитию. Восстанавливаются те отрасли производства, которые реэволюционировали последние тридцать лет. Примерами могут стать строительство химических заводов, уве-

Таблица 1

Затраты частного бизнеса на развитие промышленности (по данным McKinsey)

Страна	Процентное соотношение
Германия	89
Южная Корея	89
Китай	87
Япония	87
США	67
Мексика	69

Источник: ЗАО «Газета.ру». Главные новости дня. URL: https://www.gazeta.ru/growth/2015/04/20a6646877.shtml (дата обращения: 25.10.2016).

личение сталепроизводства, увеличение экспорта нефти и других ресурсов.

По итогам исследования, которое было проведено Массачусетским технологическим институтом, уже около 14% крупных компаний Америки начали процесс возвращения производства на родину, 30% думают заниматься этим в ближайшем будущем. Примером может послужить компания Apple, которая в последнее время направляет достаточно большие инвестиции на перенос производства в Месу (Аризона). Ранее же основная часть ее производственной деятельности осуществлялась вне американских границ.

Если проводить анализ реиндустриализации в Европе, то можно отметить, что европейские страны еще в 2012 году признали, что без сильной промышленности невозможен устойчивый рост и экономическое развитие ни одного государства. В январе 2014 года был принят «Европейский промышленный ренессанс», который содержит призыв к возрождению и реиндустриализации европейского промышленного сектора [14].

В планах Европы уже к 2020 году увеличить долю промышленного сектора в ВВП до 20% с 15% уже имеющихся. Основой данного рывка также стали hi-tech-отрасли. Примером могут послужить такие компании, как Philips, Siemens, Alcatel-Lucent, Ericsson, которые планируют вернуть основное производство именно в Старый Свет.

Любое производство высокотехнологичного оборудования не осуществляется без подкрепления НИОКР. Поэтому если основное производство переводится в какую-либо другую страну, то последнюю необходимо обеспечить и всеми научными разработками, всей необходимой базой для организации производственного процесса. В результате данных мероприятий повышается научный потенциал, стимулируется развитие ранее неразвитых стран, делая их менее зависимыми от стран с развитой экономикой, а сам производственный процесс в них менее дешевым и выгодным для постиндустриальных стран.

Европа и США также обеспокоились данной тенденцией в последнее время. Как отмечалось ранее, Китай из страны с дешевой рабочей силой превратился в развитое и сильное государство. В таблице 1 представлены некоторые данные относительно инвестиций именно в промышленность в разных странах.

Анализируя приведенные данные, можно сделать вывод, что в США уровень инвестиций в НИОКР на 20% меньше, чем в Китае и европейских странах. Китай же, наоборот, подтверждает основную тенденцию своего развития, выступая почти на равных с Германией и Южной Кореей.

Инновации являются основой всего производственного процесса и экономического развития в целом. Очень важно, чтобы сам разработчик новой технологии был максимально приближен к производственному процессу. Некоторые компании не соблюдают данное требование и все равно остаются успешными, например Apple, но за последнее время наметилась тенденция – ведущие разработчики остаются в Азии, так как это повышает эффективность производственного процесса, помогая достичь наибольшей прибыли [15].

Также следует отметить прямую зависимость от развития промышленности и уровня дохода населения. Опираясь на «Европейский промышленный ренессанс», можно сделать вывод, что 25% рабочих мест принадлежат именно промышленному сектору. Причем данные работники создают и новые рабочие места в других сферах, которые сопряжены с промышленной отраслью.

Рассмотрев первую часть стратегии реиндустриализации, необходимо обратиться ко второй, которая более затратна и трудна в своей реализации. При высвобождении нефти из сланцев необходимо прежде всего поднять ее на поверхность, предварительно освободив из каменных полостей. Но данный процесс достаточно трудоемкий. Он производится при помощи взрывов, при осуществлении которых вырабатывается большое количество углекислого газа, отравляющего окружающее пространство и подземные воды. Но уже сегодня ученые нашли способ, с помощью которого нейтрализуется данное негативное воздействие. Благодаря этому добыча сланцевого газа достаточно окупаема.

Проанализировав всю представленную информацию, необходимо учесть и возможные перспективы реиндустриализации США. Конкурентоспособность американской промышленности будет зависеть от многих факторов, по которым она не должна будет уступать уже имеющимся представителям данной отрасли. На некоторые факторы можно воздействовать со

стороны государства, на некоторые нет. Б. Обама в своем выступлении особое внимание уделял таким конкурентным преимуществам, как налогообложение, инновации, налоговые льготы, увеличение финансирования промышленности и направленность государственной политики на поддержание экспорта США.

Можно отметить и некоторые преимущества Америки по сравнению с другими странами:

– высокое промышленное развитие, которое, хотя за последнее время несколько утратило свою силу, все еще остается одним из ведущих среди мировых держав;

– возможность представления и отстаивания своих интересов на международной арене, а именно выдвижение своей продукции на мировой рынок;

– экспорт США остается достаточно конкурентоспособным и растет достаточно большими темпами;

– хорошая сырьевая база и достаточная экономия на энергоносителях, особенно это отмечается в настоящий период времени в связи с открытием сланцевого газа;

– население США достаточно молодое, что дает им преимущество в отношении экономии на пенсии и обеспечении работоспособным населением.

Переходя к Европе, можно выделить такую страну, как Германия, которая стала ведущим технологическим центром всех европейских стран. Ее товары достаточно востребованы, отличаются своей уникальностью и качеством. Основу германской экономики составляет малый и средний бизнес, который более мобильно отзывается на все изменения, происходящие в мире.

Большинство рабочих ФРГ прошли полную переквалификацию, вырос спрос на ресурсы германских земель, была произведена модернизация всей инфраструктуры. Все изменения были осуществлены преимущественно за счет государственного финансирования. Именно развитие промышленного сектора дало возможность Германии подняться на новый уровень развития [17, с. 158].

Таким образом, страны с постиндустриальной экономикой основным своим направлением деятельности выбрали именно промышленный сектор. Это оправдывается его большим потенциалом. Именно с помощью промышленности и развития инновационной сферы возможен выход данных стран на новый уровень своего.

Реиндустриализация в развивающихся странах

Реиндустриализация затронула и развивающиеся страны. Для постоянного прогресса и соответствия всех стран некоторым «мировым стандартам» необходимы постоянные изменения в экономике, производстве и других отраслях.

В последнее время США отметили факт снижения своих инвестиций, которые они направляли в Китай ранее. Это объясняется тем, что наметившийся прогресс экономики Китая не устраивает Америку, также большинство американских производителей намерены в ближайшее время вернуть основную часть своей промышленности на родину, тем самым стабилизировав ситуацию в самой Америке и поддерживая ее экономический рост.

Поэтому перед Китаем в последнее время встал вопрос необходимости реиндустриализации и развития своей собственной промышленности с опорой на собственные средства. Основой экономики КНР являются Гонконг, Макао, Тайвань. Китайское правительство не ставит перед собой задачи по достижению определенной политической или экономической модели. Она уже давно выработана и действует на территории этой страны [20].

Основой развития Китая стала опора на внутренние факторы и ресурсы, получаемые извне. Большое влияние на все мировое пространство оказывают ведущие страны, такие как США, европейские державы, Россия и сам Китай в целом. От того, как именно будет осуществлена расстановка сил в мировом хозяйстве, и будет зависеть эффективность реформ, проводимых в каждой стране, и в Китае в частности [16].

Новые институты – вот основная идея реиндустриализации Китая. В настоящее время власть Китая активно стимулирует не только прямые иностранные, но и отечественные инвестиции, направленные в развитие ведущих отраслей промышленности страны и новых технологий.

На сегодня основой развития Китая является разработка технопроектов и строительство технопарков, в которых ведущее значение имеют новые технологии. Все планы в этой стране принимаются на пятилетний срок.

Можно выделить и другие основные плановые достижения Китая на будущее:

– построение социализма, который отражал бы особенности именно китайской истории. Основной целью является возврат Китаю того величия, которым он всегда обладал по сравнению с другими странами;

– разработка собственной модели социально-экономических реформ, планируемых к проведению в Китае. Данная модель должна учитывать не только специфику самого Китая, но также и опыт стран, которые добились значительных успехов в своем экономическом развитии;

– формирование сильной команды, которая и будет заниматься разработкой основных ре-

форм, претворением их в жизнь. Она должна быть привержена интересам своей страны, а не быть зависимой от иных структур, расположенных выше по своему положению;

– отказ от существовавшей внешней политики, которая заключалась в построении открытых и дружественных отношений со всеми странами, и предоставление условий для развития инновационных высокотехнологичных иностранных производств на территории Китая [21].

Реиндустриализация страны невозможна без высоких технологий, для создания и реализации которых необходимы прежде всего работники, которые будут обладать достаточным профессионализмом. Поэтому за основу было решено взять переквалификацию кадрового состава, поднятие уровня образования.

Китайские производители телекоммуникационных товаров основной целью ставят реализацию своей продукции на рынках СНГ и стран «третьего мира», предоставляя возможность последним пользоваться зарубежными аналогами, но по более низким ценам. Они набирают объем продаж не за счет марок, а за счет величины реализации, которая достаточно высокая благодаря низкой цене.

Оценим и другой технологический потенциал Китая, сложившийся за последнее время. Если брать отрасль космонавтики, то здесь Китай уже к 2013 году стал третьей мировой державой. КНР имеет собственную пилотируемую космонавтику [21].

Информационные технологии Китая также имеют тенденцию к развитию. Основным примером может служить компьютер Tianhe-1, входивший в рейтинг TOP-500 суперкомпьютеров. После того как в прошлом году он перестал быть таковым, ему на смену КНР создала вторую усовершенствованную модель.

Следует отметить, что в Китае нет простаивающих промышленных мощностей, действуют все построенные и модернизированные предприятия. Машиностроение занимает около 60% всего экспорта, а высокие технологии – около 35%, в то время как в России данные показатели не поднимались выше 10%.

Следует отметить и результативность политики Китая, направленной на реиндустриализацию сферы образования. В 2012 году по рейтингу лучших вузов три университета принадлежали именно Китаю, два – Гонконгу. В списке 300 лучших вузов 14 позиций занимали именно китайские образовательные учреждения, 4 вуза вошли в число 100 сильнейших мировых образовательных центров.

Следует отметить активность Китая и Гонконга в отношении поданных ими патентов во Всемирную организацию интеллектуальной собственности, общая численность которых (с 2000 г.) к 2011 году достигла 526 412, в то время как от США – 503 582, Японии – 342 610, Южной Кореи – 178 924, России – 41 414 заявок. По выданным патентам, однако, лидируют Япония – 238 323 патентов, США – 224 205, Китай – 172 113, Россия – 29 999 патентов.

При анализе общего экономического состояния другой страны – Бразилии – следует отметить более низкие показатели социально-экономических достижений. В 2017 году данное государство ожидает увеличение инфляции и некоторое торможение развития экономического сектора.

Темпы роста ВВП Бразилии в последние годы сокращались и даже вышли на отрицательные значения, так как Бразилия впала в технологическую рецессию из-за перелива капитала назад в Америку и закрытия некоторых производств [2].

Экономика Бразилии, как ожидается, вернется к росту в первом квартале 2017 года, сообщил секретарь министерства финансов Бразилии. Правительство также изменило прогноз для экономического спада в 2016 году с 3% до 3.5%. Однако аналитики МВФ предрекают Бразилии в 2017 году максимальный рост экономики не более 0.5%.

Повышение Центральным банком Бразилии ключевой процентной ставки до 14.25% в рамках борьбы с инфляцией на фоне сильного падения национальной валюты привело к удорожанию внутреннего кредита до 36%. Кредитная ставка известного бразильского банка развития Bandes в настоящее время составляет 26% годовых.

Относительно иностранных инвестиций прогноз недостаточно оптимистичный, так как основной инвестор – США – переносит свою промышленность на территорию Америки, поэтому к 2017 году общий объем инвестиционных ресурсов снизится.

Проанализируем некоторые показатели Бразилии (табл. 2).

Относительно общего экономического состояния Бразилии можно сделать вывод о ее постепенном прогрессе относительно ВВП, дохода на душу населения и других приведенных данных до 2013 года. Современный бразильский кризис обусловлен, как считают аналитики, излишне жесткой политикой экономии команды Дилмы Руссефф. Падение цен на сырье и сельскохозяйственную продукцию привело к уменьшению экспорта на 17% за первые девять месяцев 2016 года, а Бразилия традиционно экспортирует кофе, сою, сахар и мясо, а также кукурузу и железную руду.

Таблица 2

Основные экономические показатели Бразилии за 2000–2015 гг.

Показатель	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2013 г.	2015 г.
Население, млн человек	170.7	184.2	192.0	203.4	201.0	204.3
ВВП, млрд долл., текущие цены	644.7	882.4	1573.3	2024	2190.0	1800.0
Душевой ВВП, долл., текущие цены	3755	4791	7525	10 900	10 895	8 810
Темпы роста ВВП, %	4.3	3.2	5.1	7.5	2.7	-3.0
Уровень инфляции, %	8.2	6.3	5.9	4.9	5.9	10.6
Экспорт, млрд долл.	55.1	118.3	197.9	199.7	242.0	189.1
Импорт, млрд долл.	55.1	118.3	173.1	187.7	239.6	174.2
Прямые иностранные инвестиции, млрд долл.	32.8	15.1	45.1	18.5	62.3	56
Валютные резервы, млрд долл.	33.0	53.8	206.8	290.9	358.8	367.8
Внешний долг, млрд долл.	216.9	169.5	198.4	310.8	308.6	331.4
Внешний долг, % ВВП	33.6	19.2	12.6	15.4	14.1	18.4

Источник: Министерство экономического развития РФ //Портал внешнеэкономической информации. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/br/about_br/eco_br/ (дата обращения: 26.11.2016).

Таблица 3

Статистические показатели Сингапура (по состоянию на 2014 год)

Показатель	Значение
Территория, тыс. кв. км	0.7
Население, млн человек	5.6
Размер номинального ВВП, млрд долл. США	307.1
Инфляция, %	1.0
Уровень безработицы, %	2.0

Источник: http://www.ereport.ru/stat.php?razdel= country&count=singapore (дата обращения: 5.12.2016).

Таким образом, общий пик развития Бразилии, возможно, придется на 2017 год, так как за последние 15 лет она не смогла добиться конкретных показательных изменений [22].

Сингапур – еще одна развивающаяся страна, проходящая этап реиндустриализации. Для нее характерен стабильный экономический рост, который наметился в последнее время. Поэтому страна становится все более привлекательной для ведения бизнеса, увеличения объема продаж и других мероприятий относительно инвестирования.

Сингапур приоритетом своего развития ставит выход на мировой рынок и расширение своего влияния, так как без стабильного развития рыночных отношений невозможна эффективная экономика в целом. Эта цель прописывается в плане деятельности страны.

На сегодня можно привести некоторые показатели развития страны, которые характеризуют основную позицию Сингапура среди других ведущих держав (таблица 3).

Темпы роста объема промышленного производства Сингапура представлены на рисунке.

Страна занимается расширением производства, что стало одним из пунктов стратегии реиндустриализации Сингапура. Благодаря данным изменениям стал возможен рост экономики страны на 5.1% в 2014 году по сравнению с 2013 годом.

Другим пунктом развития является постепенный перевод всех расходов, которые были накоплены за последнее время, на потребительские цены, в результате чего можно отметить некоторый рост инфляции, но правительство запланировало ее снижение к концу 2014 года.

Относительно ВВП и его динамики можно отметить скромное увеличение на 0.1%, также не все запланированные показатели развития экономики достигаются, что говорит о не совсем эффективном функционировании института власти и зависимости от мировой экономики, так как процесс глобализации откладывает свой отпечаток на развитие любой современной страны [23].

Основной акцент промышленный рост Сингапура делает на развитии химической промышленности и производства биомедицинских товаров, благодаря чему наметился рост всего производственного сектора на 8% к концу 2014 года.

Следует отметить некоторые трудности, которые не позволяют оптимально развиваться финансовому сектору и сектору страхования, из-за чего весь спектр услуг и их предоставление потерпели некоторое снижение, но все так же остаются существовать на достаточно хорошем уровне.

Трудовой потенциал Сингапура терпит убытки из-за оттока иностранной рабочей силы, что откладывает свой отпечаток на снижение динамики ВВП и развитие сектора услуг.

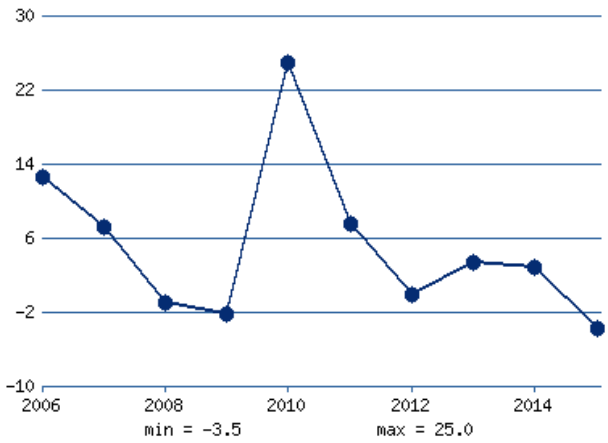

Рис. Темпы роста объема промышленного производства Сингапура до 2015 года (%).
Источник: http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=singapore (дата обращения: 5.12.2016)

Но следует отметить, что общий экономический рост, по мнению экспертов, трудно достижим для Сингапура на современном периоде его развития. Без поддержки со стороны США промышленность не сможет развиваться должными темпами, так как она не была готова к тем изменениям, которые происходят в мире и в США по плану концентрации промышленности в собственной стране [15].

Поэтому общий рост экономики страны будет осуществляться умеренными темпами, внутренний спрос на товары и услуги останется тем же, за исключением некоторой динамики в результате возникших проблем с рабочей силой, но выход на мировой рынок будет достаточно серьезным испытанием для развития Сингапура.

Таким образом, страны, привыкшие к постоянной зависимости от Запада и США, оказались несколько хуже подготовлены к самостоятельной реиндустриализации, чем им казалось на первый взгляд. Поэтому основой станет развитие промышленного сектора и профессионализма рабочей силы, ведь без интеллектуальной силы невозможен прогресс ни в какой стране.

Реиндустриализация в странах Восточной Европы

Страны Восточной Европы воспользовались тенденцией интеграции Европы, происходящей в последнее время, и определили основную цель своего развития, заключающуюся в использовании тех преимуществ, которые предоставляет данная интеграция. Основные тенденции их развития были сформированы ЕС, который ввел определенные ограничения, выполнение которых необходимо для членства в этой организации:

– совершенствование государственных институтов, что благотворно влияет на развитие не только конкретной сферы, но и всего государства в целом, а также повышает качество жизни населения, проживающего на его территории;

– использование финансовых ресурсов, предоставляемых ЕС, для развития сфер государства, что благотворно влияет на общее развитие всей страны, на минимизацию ресурсных проблем, снижение издержек и экономию ресурсов государств;

– интеграция экономик стран, которая заключается в предоставлении трансфертов, в открытости экономик друг для друга и для осуществления торговых отношений.

Данные направления стимулируют любую экономику к развитию, но страны Восточной Европы сталкиваются с некоторыми проблемами в их реализации. Например, достаточно жесткие стандарты в отношении экологической ситуации повлияли на разорение и закрытие многих ферм, которые им не соответствовали, сама процедура введения и распространения этих стандартов оказалась достаточно трудоемкой и дорогой [19, с. 78].

Многие аграрные хозяйства Восточной Европы были ликвидированы, так как политика ЕС направлена на то, чтобы не допустить кризиса перепроизводства и поддерживать только те хозяйства, которые он считает действительно эффективными и окупаемыми.

Процесс получения финансовой поддержки ЕС также достаточно трудоемкий. Необходимо соответствие организации всем требованиям ЕС, государство должно состоять в долевом участии реализации тех проектов, на которые выдаются данные средства. Сама финансовая помощь должна быть реализована не более чем через два года, иначе она становится неправомерной [17, с. 275].

Основными причинами реиндустриализации стран Восточной Европы становятся необходимость изменения их установившегося типа хозяйствования в соответствии с западноевропей-

Таблица 4

Показатели инновационного развития некоторых стран – членов ЕС в 2016 г.

Страны	Совокупные расходы на НИОКР, % от ВВП	Индекс инновативности, GII
Болгария	0.8	41.42
Венгрия	1.4	44.71
Латвия	0.7	44.33
Литва	1.0	41.76
Польша	0.9	40.22
Румыния	0.4	37.9
Словакия	0.9	41.7
Словения	2.4	45.97
Чехия	2.0	49.4
Эстония	1.4	51.73
ЕС	2.6	55.9

Источник: The Global Innovation Index 2016: Winning with Global Innovation. © Cornell University, INSEAD, and the World Intellectual Property Organization, 2016 [Электронный ресурс]. http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2016. pdf. (дата обращения: 2.12.2016).

скими стандартами, стабилизация экономики в целом, защита внутреннего производителя. При открытости экономики необходима адаптация производственного сектора, так как при увеличении импорта возможны трудности защиты отечественного производства и его развития.

Иностранные инвесторы предпочитали выкуп государственных производств, вложение денежных средств в такие отрасли промышленности, которые являются слабыми и имеют достаточно низкий уровень производительности. За последнее время страны Восточной Европы лишились многих средств и возможностей своего развития. Поэтому возникла необходимость предпринять некоторые изменения, касающиеся как промышленного сектора, так и устройства экономических отношений в целом.

Следует выделить и другую ключевую проблему развития стран Восточной Европы, которая побудила осознать необходимость реиндустриализации: постепенно промышленность поделилась на эффективную свою часть, т.е. западный сектор, и собственную промышленность, которая не была столь же эффективной. Это объясняется очень низкими инвестициями всех стран Восточной Европы в инновационные разработки, без которых дальнейшее развитие как самих стран, так и их экономик стало невозможным (таблица 4).

Достаточно низкий уровень инновационного потенциала стран приводит к их дальнейшему отставанию от ведущих европейских держав, что проявляется в снижении эффективности экономики, качества жизни и возможностей роста в дальнейшем.

Основная проблема польской экономики, как отмечалось ранее, заключается в значительном отставании инновационного прогресса во всех отраслях народного хозяйства страны. Недостаточность инвестиций именно на инновации порождает их заимствование у западных стран, в результате чего страдает экономическое равновесие страны. Особенно это показательно на примере собственных разработок, которые недофинансируются в Польше.

Определенные трудности испытывает и польская промышленность, которая страдает от недостатка денежных средств. Только 14% предприятий проводят финансирование НИОКР, что неблагоприятно отражается на всем технологическом прогрессе.

Другая причина, побудившая Польшу к осуществлению реиндустриализации, заключается во взаимосвязи изменений в образовании и промышленности, так как для осуществления всех инновационных разработок необходимы прежде всего специализированные кадры. В этой стране большое значение играет иностранный капитал, который вроде бы оказывает стимулирующее воздействие на экономику Польши, увеличивая экспорт всей наукоемкой продукции. Но страны Западной Европы не переводят все свои инновационные разработки в страну-производителя, а только частично используют их на удобной территории.

Для осуществления действительного прорыва Польша основным пунктом стратегии своего развития выделила развитие необходимых государственных институтов, создание нового и усовершенствованного центрального банка, наделив его новыми функциями в отношении всего банковского сектора.

В нормативных актах законодательно закреплено равноправие всех форм собственности, существующих на территории данной страны. Все хозяйствующие субъекты наделены равными правами, но особой поддержкой со стороны государства пользуется частная собственность.

Была проведена либерализация всей хозяйственной деятельности, и сформирован развитый рынок. Данные изменения стали основой стимулирования экономического роста Польши [19, с. 265].

Все предприятия стали независимыми, обладают необходимой хозяйственной самостоятельностью. Они получили допуск к ресурсной базе, которая ранее была централизованной, материалы распределялись только при участии государственного сектора.

Другим направлением реиндустриализации стала отмена всех барьеров по осуществлению финансовой деятельности и деятельности на валютных рынках. Национальная валюта Польши стала полностью конвертируемой, деятельность как иностранных, так и национальных инвесторов регулируется единым законодательством, которое позволяет на равных основаниях добиваться успехов в организации и ведении своей деятельности на территории страны разным экономическим агентам.

Благодаря этим изменениям возросла доля малого и среднего бизнеса, который является основой эффективного функционирования экономики любой страны, так как именно он наиболее мобильно реагирует на все изменения, происходящие в мире [24].

В Польше большое значение имеет поддержка предпринимательского сектора, которая регулируется Агентством развития предпринимательства. Основой такой поддержки служат финансовые средства, направляемые как из государственного бюджета, так и фондов ЕС, общий объем которых достигает 20% от всех средств, направляемых на необходимые цели.

Благодаря такой поддержке в стране стало возможно формирование обслуживающих структур финансового рынка. Появилось множество брокерских контор, растет сектор страхования. Также Агентство занимается финансовым обеспечением выданных займов и кредитных ресурсов, что делает их более доступными для нуждающихся структур.

Проводится политика приватизации собственности, принадлежащей государству. Причем данный процесс направлен на построение развитых рыночных отношений, которые будут иметь некоторую социальную направленность. Весь процесс приватизации проводится поступательно. Многие предприятия перешли в частную собственность, но основа промышленного сектора осталась в руках государства. Постепенно крупные предприятия энергетического комплекса, машиностроения, металлургии и других отраслей также будут приватизированы. Полностью данный процесс планируется завершить к 2018 году.

Польская экономика развивалась долгое время за счет достаточного внутреннего спроса и инвестиций, рост производительности труда также был ключевым фактором развития, но до сих пор он не откладывал большого отпечатка на рост ВВП страны. Наибольший рост этого показателя отмечен в отраслях обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве, благодаря чему Польша стала одной из ведущих стран ЕС по показателю производительности рабочей силы [24].

Еще одной целью развития польской экономики стала разработка мероприятий по снижению уровня инфляции, благодаря проведению независимых от правительства мероприятий ЦБ и Советом по денежной политике. Снижение инфляции будет стимулировать потребительский сектор, сделает банковские услуги более доступными, увеличит приток собственного капитала в отрасли промышленности.

Реиндустриализация Польши стала необходимым условием ее дальнейшего развития, так как в последнее время страна реализовывала политику «догоняющего развития», которая принесла свои успехи. Они отразились на уровне развития государства, но все же по многим показателям Польша еще остается наименее развитой страной, по сравнению со всем составом ЕС.

Основой реиндустриализации должно стать перераспределение доходов государства в те сферы, которые играют ключевую роль в развитии любой страны, а именно здравоохранение, образование, промышленность и др. Для последних лет характерно постепенное увеличение финансирования данных сфер государства, например, для науки показатель финансирования вырос с 13% до 16% от расходов бюджета.

Необходимо также создать зависимость и потребность друг в друге бизнеса и науки. Необходимо тесное сотрудничество ведущих институтов страны с промышленным сектором, благодаря чему станут возможны реализация инновационных разработок, создание новых рабочих мест и увеличение объема производства в целом.

Реиндустриализация преследует своей целью увеличение общего объема наукоемкой промышленности и развитие именно своего промышленного сектора. На первом этапе планируется снизить долю обслуживающих услуг и влияние государственного сектора на промышленность страны.

Реформы, производимые на этом этапе, должны брать во внимание потребности всего мирового рынка, соответствие производимой продукции мировым стандартам и уровню конкурентоспособности.

Реализация всех мероприятий невозможна без соответствующей законодательной организации правящего аппарата. Поэтому на втором этапе необходимо провести ряд политических

изменений, а также добиться независимости политического курса от основной правящей партии в стране. Не должно быть четкой связи между принимаемыми решениями и основным аппаратом власти, решения должны оцениваться относительно их целесообразности и эффективности.

К основным мероприятиям можно отнести следующие:

– повышение культуры управления и профессиональной подготовленности кадров власти;

– минимизация вертикальной зависимости властных структур, развитие горизонтальных связей в отношении принимаемых решений;

– повышение уровня информационного образования властных структур и обеспеченности их всей необходимой информацией.

Анализируя общее состояние экономики Польши, можно сделать вывод о наличии положительной тенденции, которая выражается в постепенном увеличении доли частного сектора, финансировании промышленности, повышении уровня эффективности хозяйственных систем. Все это делает возможным дальнейшее успешное развитие, которое ждет Польшу после проведения реиндустриализации своей экономики.

Выводы

Таким образом, для всех стран мира реиндустриализация сопряжена с ростом уровня промышленности и инновационных разработок. Отличаются только возможности и этапы достижения данной цели. Если развитые страны уже на сегодняшний момент имеют возможности добиться значительных успехов в данной сфере и расширить промышленный сектор и его значение для экономики путем простого возврата производства на родину, то развивающимся странам приходится действовать более поступательно. Это осуществляется за счет постепенного развития собственного производства и снижения зависимости от иностранного инвестора.

Характеризуя процесс реиндустриализации, следует прежде всего выделить основные тенденции развития мирового сообщества в целом:

– глобализация всей мировой системы хозяйствования. Причем основная роль принадлежит мировым организациям, включающим в себя наиболее развитые страны, которые диктуют свои условия всему миру;

– растет роль и развивающихся стран, которые выходят на новый уровень своего развития, подвигая уже развитые страны с их ведущих позиций. Это происходит также за счет того, что именно развивающимся странам есть куда двигаться, и реиндустриализация их экономик приводит к более заметному мировому изменению всех хозяйственных связей;

– происходит и поляризация мира, что стимулируется различиями в вероисповедании, развитости экономик, законодательной базы и др.;

– увеличивается энергозависимость стран и уровень добычи полезных ископаемых.

Все эти мировые тенденции приводят к необходимости реиндустриализации каждой экономики, каждой страны в отдельности. Все страны стремятся к своему дальнейшему развитию, повышению производственного потенциала, инновационной активности.

Цели и способы их достижения полностью определяются уровнем развития самих стран, поэтому и успех всех проводимых мероприятий зависит от того, насколько эффективно и правильно будут сначала спланированы, а потом реализованы на практике программы реиндустриализации.

Список литературы

1. Примаков Е.М. Новая индустриализация страны. Доклад на заседании «Меркурий-клуба» 8.06.2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tpp-inform.ru/official/2393.html.

2. Сухарев О.С. Экономическая политика реиндустриализации России: возможности и ограничения // Приоритеты России. 2013. № 24 (213). С. 2–24.

3. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992. 207 с.

4. Экономическая система России: анатомия настоящего и стратегии будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие) / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Ленанд, 2014. 200 с.

5. Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социс. 2014. № 3. С. 120–130.

6. Журавлёва Г.П. Экономическая политика современной России: модернизация и реиндустриализация // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2014. № 3 (131). С. 26–32.

7. Иноземцев В.Л. Воссоздание индустриального мира. Контуры нового глобального устройства // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. С. 98.

8. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012. 224 с.

9. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России: Монография. СПб.: Ин-т нового индустриального развития, 2013. 680 с.

10. Бархатов В.И., Дьяченко О.В. Инновационно-креативная экономика как альтернативный путь деиндустриализации экономики России // Журнал экономической теории. 2013. № 3. С. 65–79.

11. Романова О.А., Бухвалов Н.Ю. Реиндустриализация как определяющая тенденция экономическо-

го развития промышленных территорий // Фундаментальные исследования. 2014. № 6. С. 151–155.

12. Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Регион. экономика. 2014. № 2. С. 9–22.

13. Шуйский В.П. Реиндустриализация России. Возможности импорта технологий // Мировая экономика. 2014. № 3. С. 15–22.

14. Побываев С.А., Толкачев С.А. Реиндустриализация в США и ЕС // Мир новой экономики. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fa.ru/dep/mne/Documents/MNE_02-2015.pdf.

15. Корнев А.К., Максимцова С.И., Трещина С.В. Опыт мирового индустриального развития и реиндустриализация отечественной экономики // Проблемы прогнозирования. 2015. № 5. С. 63–79.

16. Шаховская Л.С., Матковская Я.С. Решоринг: проблемы и перспективы для России и Китая // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. 36 (273). Сентябрь.

17. Мировая экономика и международные экономические отношения: Учебник / Под ред. А.С. Булатова, Н.Н. Ливенцева. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012. 653 с.

18. Портной М.А. США в мировой финансовой системе // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 1 (13). Январь–апрель [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intertrends.ru/thirteen/001.htm.

19. Международные экономические отношения: Учебник для вузов / Под ред. В.Е. Рыбалкина. 9-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

20. LiveJournal. Живой журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hasid.livejournal.com/1339997.html.

21. Однако. Электронный альманах [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odnako.org/almanac/material/reindustrializaciya-zachem-i-pochem/.

22. Портал внешнеэкономической информации/ Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/br/about_br/eco_br/.

23. Мировая экономика // © EREPORT.RU 2006–2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=singapore

24. The Global Innovation Index 2016: Winning with Global Innovation. © Cornell University, INSEAD, and the World Intellectual Property Organization, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2016.pdf. (дата обращения: 2.12.2016).

25. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1 (35). С. 19–48.

26. NEWINSPIRE [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://newinspire.ru/lektsii-po-ekonomicheskomu rostu/ekonomicheskiy-rost-brazilii-2751.

REINDUSTRIALIZATION: THE TREND OF THE WORLD ECONOMY

M.V. Buzmakova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In this article, we present an analysis of the main trends in reindustrialization as a relatively new phenomenon in the postindustrial economy. Reindustrialization involves the expansion of the industrial sector and the return of industrial enterprises-repatriates to their countries of origin against the background of the global tendency of increasing the tertiary sector share in the GDP of different countries. We examine the reasons for reindustrialization in different groups of countries, both developed and developing, and also in the countries that have passed the transitional period of transformations in their economy. The focus of our analysis is on the USA, China, Brazil, Singapore, and Poland. Some statistical data are also included for a number of other countries from the chosen groups. A forecast is given of the world reindustrialization trends. It is concluded that this process contributes to the increase in production capacity and innovation activity in different countries.

Keywords: reindustrialization, globalization, production capacity, innovations, research and development.

УДК 330.3+331.5

ПЕРСПЕКТИВА ПЕРЕХОДА К 6-ЧАСОВОМУ РАБОЧЕМУ ДНЮ В ЭКОНОМИЧЕСКИ РАЗВИТЫХ СТРАНАХ

© 2017 г.

А.В. Золотов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

zoav6@iee.unn.ru

Статья поступила в редакцию 19.01.2017
Статья принята к публикации 01.02.2017

Раскрываются объективные возможности перехода к 6-часовому рабочему дню в экономически развитых странах и факторы, противодействующие такому переходу. Применяются диалектический метод исследования противоречий экономического развития и табличный метод анализа статистических данных. Установлено, что существующая продолжительность рабочего дня в экономически развитых странах сложилась под влиянием двух тенденций: сокращения общего фонда рабочего времени в производстве, способствующего уменьшению рабочего дня, и снижения занятости в производстве, препятствующего такому уменьшению. Определена потенциально возможная продолжительность рабочей смены в условиях реализации предпосылок прогноза Кейнса о введении трехчасовых смен к 2030 году. Обосновывается необходимость законодательного перехода к 6-часовому рабочему дню. Представлен расчет продолжительности периода введения 6-часового рабочего дня в ряде экономически развитых стран, исходя из величины экономии труда в производственной сфере. Приведены аргументы о стимулирующем влиянии законодательного сокращения рабочего дня до 6 часов на повышение производительности труда. Выявлена перспектива дальнейшего сокращения рабочего дня.

Ключевые слова: сокращение рабочего времени, 6-часовой рабочий день, трехчасовая рабочая смена.

Введение

Сокращение рабочего времени на основе повышения производительности труда – общепризнанный факт, который становится очевидным при рассмотрении долгосрочной ретроспективы. Если в последние десятилетия XIX века среднее количество часов, отрабатываемых в расчете на одного работника, составляло в странах – лидерах мировой экономики около 3000, то к настоящему времени оно сократилось приблизительно в 2 раза – до 1400–1700 часов. Данный факт стал предметом развернутого анализа в экономической литературе.

Следует отметить, что в исследованиях продолжительности рабочего времени внимание зачастую фокусируется на динамике его величины за год [1–3]. Это находит свое отражение и в статистике, когда, например, в базах данных Организации экономического сотрудничества и развития величина затрат труда связывается именно со среднегодовым количеством отработанных часов.

В социально-экономической литературе достаточно распространен анализ продолжительности рабочей недели [4–7]. Динамика данного периода трудовой активности отслеживается статистикой МОТ.

При всей значимости указанных периодов трудовой активности ключевая роль в системе подобных периодов принадлежит не им, а рабочему дню. Именно его продолжительность определяет повседневный образ жизни работников. Неудивителен поэтому интерес, проявляемый специалистами в области медицины, социологии и т.п., к влиянию величины рабочего дня на различные аспекты человеческой жизни [8–12].

В экономической литературе динамика рабочего дня анализируется значительно реже по сравнению с тенденциями в продолжительности рабочей недели или количества часов, отработанных за год. Очевидно, это связано с тем, что за последние 40–50 лет тенденция к сокращению рабочего дня у работников, занятых полное рабочее время, практически не проявлялась. Распространение же нестандартной занятости, допускающей менее продолжительный рабочий день при пропорциональном понижении заработка, правомерно не рассматривается как закономерность уменьшения нормальной продолжительности рабочего времени.

При таких условиях работы, посвященные сокращению рабочего дня, в основной своей массе, либо публиковались в тот уже отдаленный период, когда подобное сокращение активно осуществлялось [13], либо, будучи недавно опубликованными, сосредотачивались на осмыслении исторического опыта [14–16].

Под влиянием проводимых сейчас в Швеции экспериментов по введению 6-часового рабоче-

Таблица 1

Средняя продолжительность рабочих смен в 1993 г. и 2007 г.

	1993 г.			2007 г.		
	Продолжительность рабочего времени за год, час	Количество рабочих дней	Продолжительность смены, час	Продолжительность рабочего времени за год, час	Количество рабочих дней	Продолжительность смены, час
Италия	1880	225	8.36	1862	225	8.28
Канада	1952	225	8.68	1970	225	8.76
Корея	2551	225	11.34	2257	225	10.03
США	2029	225	9.02	1847	225	8.21
Франция	1897	225	8.43	1771	225	7.87
ФРГ	1637	225	7.28	1522	225	6.76
Швеция	1735	225	7.71	1804	225	8.02

Таблица 2

Рабочий день работников непроизводственной сферы

	1993 г.			2007 г.		
	Продолжительность рабочего времени за год, час	Количество рабочих дней	Продолжительность рабочего дня, час	Продолжительность рабочего времени за год, час	Количество рабочих дней	Продолжительность рабочего дня, час
Италия	1852	225	8.23	1795	225	7.98
Канада	1666	225	7.40	1665	225	7.40
Корея	2772	225	12.32	2344	225	10.42
США	1215	225	5.40	1267	225	5.63
Франция	1590	225	7.07	1486	225	6.60
ФРГ	1525	225	6.78	1394	225	6.20
Швеция	1543	225	6.86	1661	225	7.38

го дня ситуация начинает меняться: появляются исследования, посвященные анализу перспектив сокращения рабочего дня в экономически развитых странах [17]. Такая теоретическая работа, безусловно, требует продолжения.

Оценка существующей продолжительности рабочего дня

Продолжительность рабочего дня, как и любого периода трудовой активности, определяется величинами фондов рабочего времени в общественном производстве и сфере услуг, необходимыми для удовлетворения общественных потребностей при существующей численности трудоспособных. Тем самым, речь идет о средней продолжительности рабочего дня в расчете на одного работника. Такая величина в большей степени соответствует действительной в обрабатывающих производствах, для которых характерна ритмичность трудового процесса, его организация по сменам. В других подразделениях производства: сельском хозяйстве, строительстве и т.д. – продолжительность рабочего дня может существенно отклоняться от средней в силу сезонного фактора. Поскольку обрабатывающие производства преобладают в производственной сфере развитых стран, будем характеризовать рабочий день в ней как рабочую смену.

Среднюю продолжительность рабочей смены будем рассчитывать путем соотнесения времени, отработанного в расчете на одного производственного работника за год[1], и количества рабочих дней. Предположим, что количество выходных и праздничных дней в рассматриваемых странах одинаково и составляет 110 дней в году, а время оплачиваемых отпусков – 30 дней. Тогда за год будет отработано 225 дней.

При сделанной предпосылке о равном количестве рабочих смен в течение года средняя продолжительность смен находилась в 1993 году в интервале между 7 и 11 часами. При этом самые короткие смены были в европейских странах, наиболее продолжительные – в Корее. В действительности, с учетом меньшего количества выходных дней и дней оплачиваемых отпусков, в Корее рабочие смены в производстве были чуть менее продолжительны. В 2007 году ситуация кардинально не изменилась, хотя 7 часов перестали быть нижней границей величины рабочей смены.

Итак, в условиях характерного для развитых стран сокращения численности занятых в производстве уменьшение общего фонда рабочего времени не привело к соответствующему уменьшению продолжительности рабочих смен. 8-часовой рабочий день, выступавший стратегической целью рабочего движения в конце

Таблица 3

Средняя продолжительность рабочей смены при всеобщем участии трудоспособных в производстве

	1993 г.			2007 г.		
	Продолжительность рабочего времени за год, час	Количество рабочих дней	Продолжительность смены, час	Продолжительность рабочего времени за год, час	Количество рабочих дней	Продолжительность смены, час
Италия	525	225	2.33	491	225	2.18
Канада	428	225	1.90	434	225	1.93
Корея	911	225	4.05	630	225	2.80
США	414	225	1.84	327	225	1.45
Франция	425	225	1.89	338	225	1.50
ФРГ	539	225	2.40	390	225	1.73
Швеция	445	225	1.98	434	225	1.93

XIX века, так или иначе узаконенный в первые десятилетия XX, остается реальностью для десятков миллионов производственных работников в XXI веке.

Продолжительность рабочего дня в сфере услуг также определяется соотношением общего фонда рабочего времени и занятости в ней. Этот фонд имеет тенденцию к увеличению, однако в большинстве стран занятость в этой сфере растет еще быстрее.

Определим среднюю продолжительность рабочего дня работников рассматриваемой сферы, исходя из того, что количество рабочих дней в году у них такое же, как и производственных работников, – 225.

Рабочий день работников непроизводственной сферы также имеет тенденцию к сокращению (исключением являются США и Швеция), что при росте общего фонда рабочего времени объясняется опережающим ростом занятости.

Из приведенных данных следует, что продолжительность рабочего дня производственных работников образует верхнюю границу среднедневного рабочего времени работников сферы услуг (исключение составляет Корея).

Труд в сфере услуг, даже богатый по своему содержанию и осуществляемый при благоприятных условиях, имеет оптимальную меру своей продолжительности, определяемую уровнем результативности и влиянием на здоровье исполнителей. Так, Эриксон установил, что «специалисты, достигающие высоких целей, работают 21–35 часов в неделю, но не более 3–5 часов в день. Имея полную свободу действий в отношении работы, они уделяли ей не больше указанного количества часов в течение недели, и это свидетельствует о том, что такой объем представляется им оптимальным» [18]. Это согласуется с выводами Маккензи о том, что «слишком продолжительный рабочий день и определенные виды задач могут вызвать усталость и стресс, способные негативно отразиться на когнитивной деятельности» [18].

Приведенные в таблице 2 данные свидетельствуют, что во всех рассматриваемых странах средняя продолжительность рабочего дня работников сферы услуг превышает 6 часов. Это дает основание рассматривать ее как чрезмерно высокую, выходящую за рамки, согласующиеся с наивысшей отдачей от труда.

Величина рабочего дня, как в производственной, так и в непроизводственной сферах, существенно превышает 3 часа – его продолжительность, спрогнозированную Кейнсом применительно к 2030 году [13]. Очевидно, что некоторые существенные предпосылки этого прогноза остались нереализованными. Целесообразно определить продолжительность рабочего дня при условии реализации этих предпосылок.

Продолжительность рабочего дня, соответствующая предпосылкам прогноза Кейнса

Базовыми предпосылками прогноза о введении 3-часовых смен к 2030 году были предположения о многократном сокращении затрат труда в основных отраслях производства и распределении труда между как можно более широким кругом лиц. Наряду с базовыми вводились и дополнительные предпосылки: о стабильности населения, отсутствии войн и т.п.

Предвидение великого экономиста о многократном уменьшении общих затрат труда в сфере производства осуществилось. Оно произошло вопреки пятикратному росту населения в мире по сравнению с концом 20-х годов прошлого века и разрушительной Второй мировой войне. Прогресс производительных сил обеспечил гигантскую экономию труда в производстве при увеличении объема выпуска.

Осуществимость прогноза зависела и от реализации другой базовой предпосылки – о максимально возможном расширении круга лиц, участвующих в производстве (пределом такого расширения является участие в нем всех трудоспособных). Между тем тенденция к расши-

Таблица 4

Продолжительность рабочего дня при повседневном сочетании работниками труда в производстве и оказания услуг

	1993 г.			2007 г.		
	Рабочее время в производстве, час	Время оказания услуг, час	Рабочий день, час	Рабочее время в производстве, час	Время оказания услуг, час	Рабочий день, час
Италия	2.33	3.79	6.12	2.18	4.35	6.53
Канада	1.90	4.61	6.51	1.93	5.42	7.35
Корея	4.05	4.85	8.9	2.80	5.81	8.61
США	1.84	3.91	5.75	1.45	4.42	5.87
Франция	1.89	3.73	5.62	1.50	4.11	5.61
ФРГ	2.40	3.69	6.09	1.73	4.16	5.89
Швеция	1.98	4.48	6.46	1.93	4.96	6.89

рению участия в производстве была парализована вследствие относительного и абсолютного сокращения численности занятых в этой сфере. В лучшем случае для оставшихся в ней работников темпы такого сокращения отстают от темпов понижения общего фонда рабочего времени, что дает занятым некоторый прирост нерабочего времени.

Возникает вопрос, какой могла бы быть продолжительность типичной рабочей смены при условии всеобщего участия трудоспособных в производстве.

Очевидно, что при реализации одной из базовых предпосылок прогноза Кейнса – о распределении производственного труда между всеми трудоспособными – продолжительность времени, отрабатываемого в производстве в расчете на одного работника за год, была бы в 2–4 раза ниже, чем существующая сегодня. Отсюда и продолжительность рабочих смен оказалась бы многократно ниже. В этом смысле прогноз о достижении трехчасовых смен был бы реализован не к 2030 году, а уже до 1990 года.

Вместе с тем в прогнозе Кейнса не отражен тот факт, что с определенного момента экономического развития фонд рабочего времени в непроизводственной сфере общества начинает преобладать над аналогичным фондом в производственной. Если Кейнс предполагал расширение участия в производственном труде, то, следуя его логике, такое же предположение следует распространить и на труд по оказанию услуг. Тогда необходимо скорректировать представление о продолжительности рабочего дня, которая будет включать две составляющих: время труда в производстве и время оказания услуг.

При сделанных предпосылках продолжительность рабочего дня, охватывающая время труда в производстве и оказания услуг, в 1993 г. в США и Франции была бы ниже 6 часов, в Италии, Канаде, Франции, ФРГ и Швеции она не превышала бы 7 часов и только в Корее была бы продолжительнее 8 часов. Основная доля рабочего времени приходилась бы на труд в непроизводственной сфере.

К 2007 году ситуация изменилась бы разнонаправленно: в Корее, ФРГ и Франции общая продолжительность рабочего дня сократилась бы, в остальных странах – увеличилась бы. При этом у работников всех стран возросла бы доля времени, уделяемого труду в сфере услуг. Это означало бы, что каждый трудоспособный повседневно уделял бы все больше времени деятельности, более богатой по содержанию и осуществляемой при более благоприятных условиях, чем труд в производстве.

Вышеприведенные данные соответствуют предпосылке о повседневном распределении труда в производстве и сфере услуг в постоянных пропорциях, полученных при нахождении средних величин. Вполне возможно, что организация производства потребовала бы распределения рабочего времени в несколько иных пропорциях, с тем чтобы продолжительность рабочих смен составляла 1.5–2 часа (а не 1.73 часа, 1.93 часа и т.п.). Аналогичным образом допустимо корректировать и продолжительность оказания услуг. Подобные вариации в продолжительности составляющих рабочего дня не отменяли бы социально-экономического равенства членов общества по отношению к выполнению экономически неоднородных видов труда.

Необходимость законодательного перехода к 6-часовому рабочему дню

Когда речь идет о перспективе сокращения рабочего и увеличения свободного времени работников, то следует принимать во внимание, прежде всего, те возможности для реализации данной закономерности, которые обусловлены уже достигнутым уровнем общественной производительности труда и формируются в результате его дальнейшего прогресса. Как было

Таблица 5

Потенциальная величина понижения общего фонда рабочего времени в производстве при сокращении рабочей смены до 6 часов (по состоянию на 2007 год)

	Рабочий день, час	Сокращаемое рабочее время за день, час	Число рабочих дней	Сокращаемое рабочее время за год, час	Занятость в общественном производстве, чел.	Общий объем сокращаемого времени за год, час	Среднегодовая экономия труда (1993 г.–2007 г.), млн час	Данные столбца 7/ данные столбца 8
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Италия	8.28	2.28	225	513	8205300	4209318900	37.85	111.2
Канада	8.76	2.76	225	621	3959634	2458932714	нет	…
Корея	10.03	4.30	225	968	7814934	7564856112	404.57	18.7
США	8.21	2.21	225	497	28369000	14099393000	354.35	39.8
Франция	7.87	1.87	225	421	6025607	2536780547	144.71	17.5
ФРГ	6.76	0.76	225	171	10970000	1875870000	440.35	4.3
Швеция	8.02	2.02	225	455	1136700	517198500	нет	…

показано выше, нынешняя продолжительность рабочего дня многократно выше возможной в условиях использования экономии труда преимущественно для сокращения рабочего времени занятых в производстве, а не сокращения занятости в нем при консервации величины рабочего дня оставшихся работников. Как бы ни повышалась общественная производительность труда в сфере производства, до тех пор пока экономия труда реализуется преимущественно в форме сокращения занятости, подобный разрыв будет воспроизводиться. Соответственно, перспектива сокращения рабочего дня связана с преодолением этого разрыва.

Необходимо прежде всего нейтрализовать тенденцию к уменьшению численности производственных работников. Ее действие обусловлено стремлением предпринимателей снизить постоянные издержки на труд, что диктует мотив получить требуемый объем труда от возможно меньшего количества работников даже при одной и той же величине фонда зарплаты. Именно поэтому при экономии труда вследствие повышения его производительности сокращают не рабочее время занятых, а их численность. Отмеченный мотив имеет всеобщий характер, то есть присущ всем предпринимателям.

С учетом сказанного нейтрализация тенденции к сокращению численности занятых в производстве также должна иметь всеобщий характер. Это означает использование государственной власти, полномочия которой распространяются на каждого.

Речь идет не о том, чтобы государство запрещало расторжение трудовых договоров по инициативе работодателей – такой запрет дезорганизовал бы экономику. Требуется принятие мер, стимулирующих всех предпринимателей сохранять и увеличивать занятость. Вот почему актуально и необходимо законодательное сокращение нормальной продолжительности рабочего дня без понижения заработной платы.

Такое сокращение, прежде всего, побуждает предпринимателей использовать экономию труда от повышения его производительности для компенсации уменьшения фонда рабочего времени занятых, а не снижения занятости. Складывается ситуация, препятствующая превращению части работников в избыточных при консервации трудовой нагрузки у оставшихся на предприятиях.

При указанных условиях возникает проблема соответствия объемов экономии труда величине понижения общего фонда рабочего времени в производстве вследствие законодательного сокращения нормальной продолжительности рабочего дня. О масштабах такой проблемы свидетельствуют данные таблицы 5.

Очевидно, что ни в одной из рассматриваемых стран введение в рамках одного года повседневных 6-часовых смен не могло бы быть обеспечено только за счет повышения производительности труда. Величина уменьшения общего фонда рабочего времени многократно превосходила бы размеры годовой экономии труда, и потому полная компенсация за год такого уменьшения за счет экономии была бы недостижима.

Таковы последствия сохранения той ситуации, когда на протяжении второй половины XX века в большинстве развитых стран вытеснение работников из сферы производства преобладало над сокращением их рабочего времени, так что сколько-нибудь заметный прогресс в положении производственных работников, образующих сегодня незначительное меньшинст-

во в составе занятых, становится трудно осуществимым.

Сказанное не означает невозможности сокращения рабочих смен. Речь идет о модификации масштабов их использования. Так, например, при имевшихся темпах экономии труда и численности занятых в производстве Италии понадобилось бы более века, чтобы сделать нормой повседневные 6-часовые рабочие смены. Вместе с тем уже в 2008 году можно было 2 дня использовать 6-часовые смены, ежегодно увеличивая количество таких дней. В ФРГ с 2008 года 6-часовые смены могли бы охватить четверть годового фонда рабочего времени производственных работников, а их повседневное применение произошло бы за 4 года.

Переход к 6-часовому рабочему дню путем комбинирования в рамках трудового года смен разной продолжительности – это специфическая форма внедрения гибкого рабочего графика, получающего все большее распространение. Эта специфика состоит в снижении среднегодового количества часов, отработанных в расчете на одного производственного работника, при сохранении прежнего уровня заработной платы.

Выше предполагалось, что законодательное сокращение рабочего дня влияет только на способ реализации полученной экономии труда (стимулируя уменьшение продолжительности рабочих смен занятых и препятствуя вытеснению занятых из производства). Следует учитывать, однако, что рассматриваемая мера побуждает предпринимателей к дальнейшему повышению производительности труда.

В самом деле, без такого повышения сокращение общего фонда рабочего времени на предприятии увеличит суммарные издержки на труд, что негативно отразится на массе и норме прибыли. Даже прогресс производительности труда прежним темпом не гарантирует сохранения ее имевшегося уровня, так как стабильная занятость препятствует получению прибыли за счет снижения постоянных издержек на труд путем сокращения численности занятых. Следовательно, для поддержания прибыльности на прежнем уровне требуется увеличивать темпы повышения производительности труда. Тогда наращивание прибыли предполагает дополнительный прирост производительности.

Сокращение продолжительности рабочих смен – не только стимул, но и необходимая предпосылка повышения производительности труда. Внедрение новых технологий и оборудования всегда включает этап их освоения рабочими. Такое освоение, осуществляемое, как правило, в рамках формально рабочего времени, по сути, означает прекращение производственной работы в целях развития у работников требуемых компетенций. Фактическое сокращение рабочего времени может иметь форму повышения квалификации или профессиональной переподготовки рабочих с отрывом от производства, но такая форма – разновидность сочетания работы и профессионального развития наряду с их повседневным сочетанием.

В современной экономике правомерна увязка законодательного сокращения рабочего времени с прогрессом повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников. Конкретные способы такой увязки могут определяться коллективными договорами, предусматривающими соответствующие взаимные обязательства работодателей и работников.

Вот почему нельзя ограничиваться экстраполяцией среднегодовых объемов экономии труда до введения, в том или ином масштабе, менее продолжительных рабочих смен на период после их введения. Необходимо иметь в виду факторы, способствующие повышению темпов этой экономии. Соответственно, переход к 6-часовым сменам, даже если бы он осуществлялся только за счет использования экономии труда от повышения его производительности, произошел бы быстрее, чем это следует из представленных выше расчетов.

Последствия законодательного сокращения нормальной продолжительности рабочего дня в производстве выходят за рамки сохранения имевшейся численности производственных работников.

Прежде всего, повышение производительности труда требует времени, идет неравномерно на разных предприятиях, поэтому при менее продолжительных рабочих сменах для поддержания и увеличения объемов выпуска первоначально может потребоваться дополнительный ресурс труда. Связь между сокращением рабочего времени и уменьшением безработицы обстоятельно исследована в экономической литературе [19, 20]. Важно отметить, что это – одно из проявлений тенденции к увеличению занятости в производстве.

Наличие безработицы позволяет осуществлять сокращение рабочего дня даже при отсутствии экономии труда в сфере производства. При современном уровне занятости в экономически развитых странах численность безработных сопоставима с потребностью в дополнительном ресурсе труда в производстве при сокращении нормальной продолжительности рабочего дня до 6 часов. Масштабное перемещение из безработных в занятые затрудняется из-за утраты квалификации или недостаточной профессиональной подготовки безработных, их

деморализации и т.д. Соответственно, реальная возможность сокращения рабочего дня за счет уменьшения безработицы зависит от уровня развития системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки. На наш взгляд, именно поэтому переход к 6-часовому рабочему дню осуществляется, прежде всего, в Швеции, где такая система является высокоразвитой.

Может показаться, что сохранение и увеличение численности занятых в производстве на основе сокращения рабочего дня при всем его позитивном влиянии на экономическое развитие не является объективно необходимым: выбытие пожилых работников из производства будет компенсироваться притоком молодых в масштабах, достаточных для прогресса общественного производства при повышении производительности труда. Практика ставит под сомнение возможность подобной компенсации.

Так, например, в Великобритании в рамках исследования классовой структуры общества, включавшего опрос нескольких миллионов человек, был установлен факт возрастной дифференциации различных классов. Согласно этому опросу, средний возраст представителей «традиционного рабочего класса» был самым высоким, составляя 66 лет [21, p. 174]. Другими словами, сокращение занятости в сфере производства Великобритании не сопровождалось адекватным притоком молодых работников. При его наличии ядро производственных кадров постоянно имело бы средний возраст в 30–40 лет с перспективой трудовой деятельности в 20–30 лет, необходимой для долгосрочного прогресса производства. Когда же средний возраст рабочих переваливает за 50–60 лет, такая перспектива отсутствует.

Сложившаяся ситуация не случайна. Продолжительность рабочих смен на уровне 50-летней давности при менее благоприятных условиях труда, чем, например, в «офисной экономике», существенный элемент монотонности и рутинности трудовых операций, отсутствие перспектив карьерного роста сводят к минимуму привлекательность труда в производстве для молодежи. При консервации подобного положения неизбежно свертывание производственной сферы Великобритании в обозримом будущем. Зависимость экономики страны от состояния ее финансового сектора приобретет гипертрофированный характер.

Подобная ситуация, в какой-то мере допустимая для страны, выполняющей роль мирового банковского центра, угрожает другим странам дезорганизацией экономики. Необходимо формировать такие условия привлечения современной молодежи в производство, которые бы соответствовали ее ценностям.

Для молодежи развитых стран одной из главных ценностей является получение высшего образования, которым уже охвачено 50–60% молодого поколения. Без учета этого факта не добиться массового притока молодежи в производство. Решению этой проблемы способствует система дуального образования.

Так, в ФРГ 60% выпускников школ 2–3 года продолжают обучение по дуальной системе, предполагающей работу на предприятии в течение 3–4 дней в неделю и учебу в образовательном учреждении – 8–12 часов. Стипендия выплачивается обучающимся не только за время работы, но и за время учебных занятий. Хотя данный период и считается лишь подготовкой к труду, но, в действительности, налицо специфическая форма сочетания трудовой деятельности с образованием при сокращении рабочего времени на 30–40% по сравнению с его нормальной продолжительностью в немецкой экономике.

Предполагая, что подобным трудом занимаются 1.5 млн молодых людей, можно приблизительно установить его годовой объем: он составляет около 1.1 млрд часов в год. Несомненно, часть такой деятельности относится к работе в качестве административного персонала и т.д. Приняв ее долю за 50%, можно оценить дополнительный ресурс производственного труда в 600 млн часов, что, по нашим расчетам, составляет 3.8% от общего фонда рабочего времени в производстве ФРГ.

Сокращение нормальной продолжительности рабочего дня до 6 часов сделало бы привлекательнее для молодежи работу в производстве после обучения в образовательных заведениях по дуальному принципу. С другой стороны, использование сокращения рабочего дня для повышения квалификации отвечало бы потребности нового поколения работников в обучении на протяжении всей жизни. Так обеспечивался бы приток молодежи в производство, необходимый для его долгосрочного прогресса. Поэтому немецкий опыт дуального обучения заслуживает внимания и развития в контексте сокращения рабочего дня до 6 часов.

Разумеется, завершение перехода к повседневному использованию 6-часовых рабочих смен привело бы в действие тенденцию к уменьшению занятости в производстве. Для ее нейтрализации потребовалось бы новое сокращение рабочей смены – до 5 часов, сопровождающееся дополнительным увеличением занятости в производстве и т.д.

Подобных циклов, приближающих продолжительность рабочих смен к объективно возможной величине, а численность участвующих в производстве к численности трудоспособных,

может быть много. Каждый из них станет этапом в современном экономическом развитии.

Поскольку продолжительность рабочего времени в производстве задает верхнюю границу типичного рабочего времени в непроизводственной сфере, то правомерно прогнозировать сокращение рабочего времени работников этой сферы.

Заключение

Проделанный анализ показывает, что в экономически развитых странах сокращение рабочего дня до 6 часов соответствует достигнутому уровню общественной производительности труда и потому является объективно возможным. Переход к такой продолжительности рабочего дня способствовал бы повышению эффективности труда и в производстве, и в непроизводственной сфере, создал бы дополнительные условия для развития работников.

Переходу к 6-часовому рабочему дню препятствует практика использования экономии труда в производственной сфере для уменьшения занятости в ней при консервации существующей продолжительности рабочего дня. Эта ситуация тормозит и сокращение рабочего времени работников сферы услуг.

Законодательное введение 6-часового рабочего дня позволило бы нейтрализовать тенденцию к сокращению занятости в производстве и адекватно использовать потенциал достигнутого уровня производительности труда.

Дальнейшая разработка проблемы предполагает исследование следующего парадокса. В экономически развитых странах сокращение рабочего дня происходило более быстрыми темпами в тот период, когда общий фонд рабочего времени в производстве возрастал. Когда же этот фонд начал уменьшаться, сокращение рабочего дня замедлилось. Решение данной проблемы послужит более конкретному пониманию перспективы сокращения рабочего дня до 6 часов.

Примечание

1. Здесь и далее используются данные о среднегодовом количестве часов, отработанных в расчете на одного работника, приведенные в работе: Золотов А.В., Попов М.В., Бузмакова М.В., Былинская А.А., Глушич Н.Г., Демичева Т.Н., Лядова Е.В., Малявина И.Ю., Полушкина И.Н., Удалова Н.А. Сокращение рабочего дня как основание экономического развития / Под ред. А.В. Золотова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 198 с.

Список литературы

1. Bosch G. and Lehndorff S. Working-time reduction and employment: experiences in Europe and economic policy recommendations//Cambridge Journal of Economics. 2001. Vol. 25. Is. 2. P. 209–243.

2. Белов А.В., Золотов А.В. Динамика рабочего времени и ее особенности в Японии и России в контексте формирования инновационной экономики // Экономический вестник Республики Татарстан. 2013. № 3. С. 11–18.

3. Лядова Е.В. Снижение трудоемкости общественного продукта как закономерность экономического развития многих стран // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Экономика и право». 2015. № 7–8. С. 3–6.

4. Полушкина И.Н., Удалов А.С., Удалова Н.А. Производительность труда и рабочее время: динамика и взаимообусловленность в современной экономике // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6. Ч. 2. (59-2). С. 185–190.

5. Coote A., Franklin J., Simms A. 21 hours: why a shorter working week can help us to flourish in 21st century // The New Economics Foundation. 2010. February. 38 p.

6. Huberman M., Minns C. The times they are not changin': Days and hours of work in Old and New Worlds, 1870–2000 // Explorations in Economic History. 2007. № 44. P. 538–567.

7. Lehndorff S. It's a long way from norms to normality: the 35-hour week in France // Industrial & Labor Relations Review. № 67(3). July 2014. P. 838–863.

8. Lehndorff S., Wagner A., Franz C. Development of working time in the EU Pub.: Thomas Handel / Dr. Axel Troost. 2010. 145 p.

9. Cheng Y., Du C.-L., Hwang J.-J. et al. Working hours, sleep duration and the risk of acute coronary heart disease: A case-control study of middle-aged men in Taiwan // International Journal of Cardiology. 2014. № 171. P. 419–422.

10. Härmä M., Partinen M., Repo R. et al. Effects of 6/6 and 4/8 watch systems on sleepiness among bridge officers // Chronobiology International. 2008. № 25. P. 413–423.

11. Harsh J., Yang R., Hull S. G. The impact of shift duration on the efficacy and tolerability of armodafinil in patients with excessive sleepiness associated with shift work disorder // Current Medical Research & Opinion. Vol. 30. № 5. 2014. P. 945–951.

12. Root L.S., Wooten L.P. Time out for family: shift work, fathers, and sports // Human Resource Management. Fall. 2008. Vol. 47. № 3. P. 481–499.

13. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–67.

14. Малявина И.Ю. Система периодов трудовой активности работников: структура и динамика элементов // Экономический вестник Республики Татарстан. 2014. № 2. С. 28–33.

15. Atack J., Bateman F., Margo R.A. Productivity in manufacturing and the length of the working day: evidence from the 1880 census of manufactures // Explorations in Economic History. 2003. № 40. P. 170–194.

16. Costa D. L. The unequal work day: a long-term view // NBER Working Paper. № 6419. 1998. P. 1–12.

17. Золотов А.В., Попов М.В., Бузмакова М.В., Былинская А.А., Глушич Н.Г., Демичева Т.Н., Лядова Е.В., Малявина И.Ю., Полушкина И.Н., Удалова Н.А. Сокращение рабочего дня как основание эко-

номического развития / Под ред. А.В. Золотова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 198 с.

18. Правда ли, что работа на полную ставку вредна для вашего мозга? URL: http://www.lenty.ru/gofin.html ?http://www.oilru.com/news/527342.

19. Altavilla C., Garofalo A., Vinci C. P. Evaluating the effects of working hours on employment and wages // Journal of Policy Modeling. 2005. № 27. P. 647–664.

20. Mattesini F., Quintieri B. Does a reduction in the length of the working week reduce unemployment? Some evidence from the Italian economy during the Great Depression // Explorations in Economic History. 2006. № 43. P. 413–437.

21. Savage M., Cunningham N., Devine F. et al. Social Class in the 21st Century. A Pelican Introduction. 2015. 449 p.

THE PROSPECTS OF MOVING TO A 6-HOUR WORKING DAY IN ECONOMICALLY DEVELOPED COUNTRIES

A.V. Zolotov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The purpose of the article is to examine the objective possibility of moving to a 6-hour working day in economically developed countries and the factors that impede this transition. It has been established that the existing number of working hours in economically developed countries is the result of two trends: a reduction in the total fund of working hours in the production sector, which helps to reduce the working day duration, and a reduction in employment in the production sector that prevents such a reduction. The potentially possible working shift duration has been determined for the conditions when the premises of Keynes's forecast for the introduction of three-hour shifts by 2030 are realized. The necessity of legislative transition to a 6-hour working day is substantiated. A calculation of the introduction period is presented for a 6-hour working day in a number of economically developed countries taking into account the index of labor economy in the production sector. Some arguments are given in favor of the stimulating effect of the legislative reduction of the working day to 6 hours on the labor productivity increase. The prospects for the further working day reduction are outlined.

Keywords: working time reduction, 6-hour working day, three-hour working shift.

УДК 338.2

О ПРОБЛЕМАХ И ИСТОЧНИКАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

© 2017 г.

В.П. Кузнецов, Е.С. Чурбанова

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

l.churbanowa@gmail.com

Статья поступила в редакцию 17.01.2017
Статья принята к публикации 01.02.2017

Рассматриваются воздействие принятых в отношении России санкций на экономику страны, промышленность, а также возникшие проблемы и возможные источники стратегического развития промышленных предприятий. Выявляются факторы, оказывающие влияние на деятельность предприятий обрабатывающей промышленности в сложившихся экономических условиях, анализируется влияние санкций на экономику России и на деятельность промышленных предприятий. Предложены источники внутрифирменного стратегического развития, и рассмотрены особенности их использования в условиях нестабильности. Даны рекомендации по адаптации промышленных предприятий к новым экономическим условиям, которые могут быть использованы при разработке стратегии развития.

Ключевые слова: промышленное предприятие; стратегия предприятия; санкции; курс рубля; цены на нефть; структура импорта; проблемы стратегического развития; источники внутрифирменного стратегического развития.

Введение

В современных условиях хозяйствования, которые характеризуются высоким уровнем конкуренции и неопределенностью, каждое предприятие стремится разработать концепцию своего развития, отвечающую вызовам внешней среды. В связи с этим для формирования четкого представления об основных направлениях деятельности организации большое значение имеет разработка направлений стратегического развития предприятия.

Необходимость стратегического управления предприятием стала особо острой в XX веке, когда отчетливо возникла потребность разграничения текущего управления производством и управления на высшем уровне. Это связано с существенными изменениями в мировой экономике, такими как расширение сфер деятельности национальных экономик, кризисные явления, а также переустройство мира в результате Второй мировой войны. Данные факторы способствовали признанию важности решения задач, связанных с изменениями внешней среды и возникшими внутрифирменными проблемами. Ввиду этого основной вектор стратегического управления предприятием изменялся: от необходимости реакции на экономические, политические и социальные изменения до сосредоточения внимания на внутренних аспектах функционирования отдельного предприятия или отрасли.

Целью статьи является изучение последствий введенных против России экономических санкций, их воздействия на промышленность России, анализ проблем и источников развития промышленных предприятий в данных условиях. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- проанализировать отраслевую направленность введенных экономических санкций;
- изучить сложившиеся и возможные последствия введенных экономических санкций для промышленности России;
- сформулировать прогнозы развития предприятий в условиях экономических санкций;
- определить проблемы стратегического развития предприятий в условиях санкций, а также возможные источники роста.

Вопросами стратегического развития предприятия занимались видные зарубежные и отечественные ученые. А. Чендлер, И. Ансофф и М. Портер в основе эффективного стратегического управления видели разработку долгосрочных целей предприятия и необходимость своевременного реагирования на угрозы внешней среды. Позднее Г. Минцберг указал на большое значение качества составления внутрифирменных планов для контроля за достижением стратегических задач. Г. Хамел [1] основное внимание уделял «особым» способностям фирмы, помогающим достичь конкурентных преимуществ. А. Томпсон [2] рассматривал стратегическое управление как преактивное

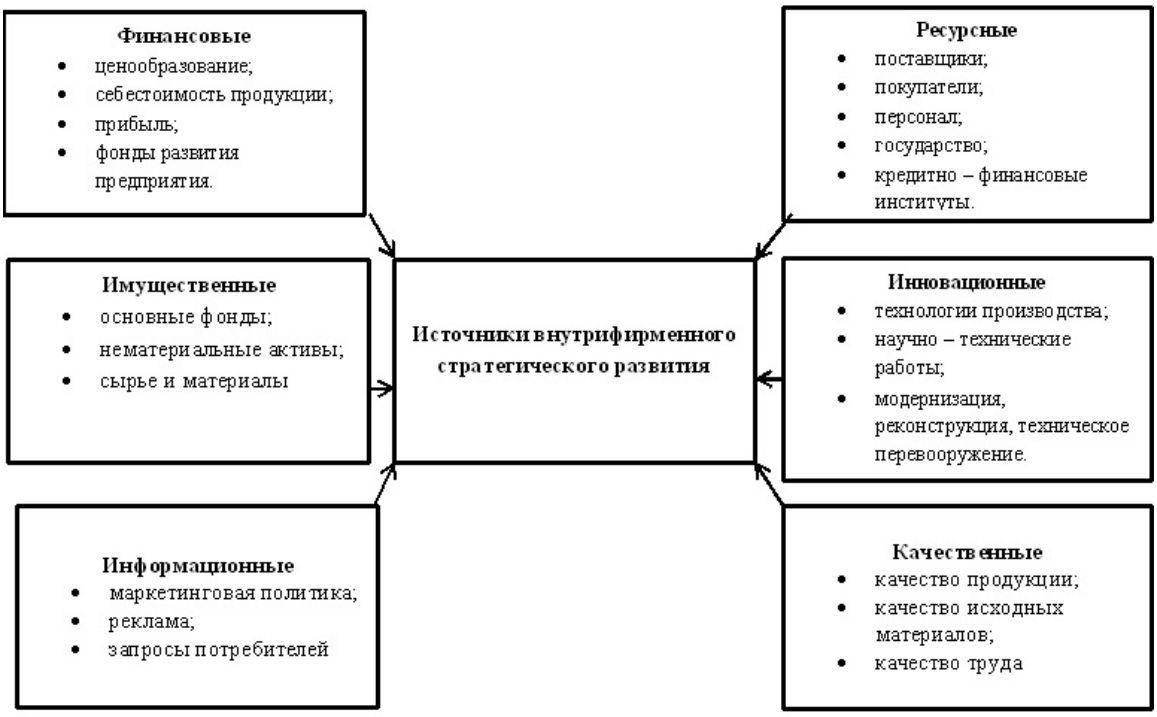

Рис. Источники внутрифирменного стратегического развития предприятия

(упреждающее) и реактивное (адаптирующееся) под изменения внешней и внутренней среды. Среди отечественных ученых можно выделить В.Н. Парахину, Л.С. Максименко и С.В. Панасенко [3], которые основное назначение стратегического управления рассматривали через призму рыночного управления на основе гибких экстренных решений.

Ввиду сложных экономических и политических условий вопросы эффективного стратегического управления предприятием и, как следствие, развитие хозяйствующего субъекта приобретают особое значение.

Проблемы и источники стратегического развития

Среди проблем стратегического развития особо остры проблемы системы управления на предприятии, к которым можно отнести, прежде всего, проблему эффективности управления.

В России растет спрос на современные технологии стратегического управления. Однако четко разработанную стратегию имеет абсолютное меньшинство российских компаний; в особенности это относится к средним и малым предприятиям (таковых не более 5–7%). К основным причинам сложившейся ситуации можно отнести боязнь руководства раскрыть стратегию, довести стратегически важную информацию до менеджеров, открыто обсуждать и корректировать цели, задачи в ходе совместной работы. Однако стоит отметить, что среди крупных предприятий этот процент существенно выше [4].

Во-вторых, наблюдается низкий уровень ответственности за принимаемые решения, результаты деятельности предприятия, а также сохранность имущества и ценностей предприятия.

В-третьих, можно отметить низкие качество и достоверность используемой в процессе стратегического управления информации, что приводит к неадекватной оценке сложившейся ситуации, возможностей и трудностей развития предприятия.

Отсутствие надежных и устойчивых источников внутреннего и внешнего роста в области финансов, инноваций, ресурсов и имущества также является значительной проблемой, так как от этого будут зависеть основные направления стратегического развития.

В современных условиях, отличающихся высокой степенью нестабильности ввиду сложной политической обстановки и принятых экономических санкций, необходимо внедрять на предприятии инструменты формирования долгосрочных конкурентных преимуществ.

Внутрифирменные источники развития предприятия приобретают особое значение, так как влияние внешних факторов не всегда возможно исключить или сгладить. Поэтому особое внимание необходимо уделять внутренним источникам стратегического развития, среди которых по временной составляющей можно выделить:

• перспективные – ориентированы на достижение значительных результатов деятельности в будущем, за счет ранее созданных стратегических преимуществ и резервов без существенного их изменения;

• стабилизационные – основаны на эффективном использовании имеющихся стратегических преимуществ и достижений, за счет которых поддерживается хозяйственная деятельность предприятия на действующем уровне без последующих изменений;

• опережающие – характеризуются ориентацией на получение высоких результатов деятельности за счет усиления и развития существующих, а также достижения новых конкурентных преимуществ.

На наш взгляд, основными источниками внутрифирменного стратегического развития являются финансовые, имущественные, информационные, ресурсные, инновационные и качественные составляющие.

На рисунке отражено разнообразие источников стратегического развития промышленных предприятий:

1. Финансовые. Обеспечение поступательного снижения себестоимости продукции позволит более эффективно проводить политику ценообразования. Снижение цены при сохранении необходимых свойств и качества продукции позволит привлечь на рынке больший объем потребителей, что обеспечит увеличение доходов предприятия и возможности пополнения фондов.

2. Имущественные. Эффективность использования основных фондов оказывает существенное влияние на рост производства продукции. Ввиду запрета на поставку высокотехнологичных видов машин и оборудования в связи с санкциями многие предприятия смогут заменить устаревшее оборудование отечественным. То же возможно и с точки зрения применяемых в производственном процессе сырья и материалов.

3. Информационные. В настоящее время особую важность приобретает такой источник стратегического развития, как информация. Информация представляет собой совокупность знаний социально-экономического, научного и другого свойства, качество, эффективность и своевременность использования которых способствуют формированию конкурентных преимуществ.

4. Ресурсные. Наличие ресурсов для осуществления производственной деятельности имеет одно из первостепенных значений, так как от этого будет зависеть существование предприятия как хозяйствующего субъекта. Принятые экономические санкции способствуют необходимости пересмотра каждой организацией сферы своего ближнего и дальнего окружения.

5. Инновационные. Данный источник ориентирован на внедрение в производственный процесс прогрессивной технологии, проведение научно-технических работ, а также осуществление реконструкции, модернизации и технического перевооружения предприятия. Данный источник необходимо использовать в течение всего научно-производственного цикла, а кроме этого проводить качественную оценку результатов с показателями конкурентов.

6. Качественные. Данный источник ориентирован на повышение качества всех стадий производственного процесса, качества выпускаемой продукции, а также качества труда.

На наш взгляд, данные источники взаимосвязаны и использование одного из этих источников невозможно без другого.

Рассмотрим особенности использования источников внутрифирменного стратегического развития в условиях санкций (табл. 1).

Стратегическое развитие в условиях санкций заключается в разработке нескольких вариантов развития, ориентированных как на ухудшение, так и на стабилизацию внутренних и внешних составляющих. При этом одним из основных источников развития следует рассматривать внутренние резервы предприятия, что позволит максимально снизить финансовую зависимость и внешние риски.

Санкции и экономика России

Санкции, введенные странами Европейского союза и США против России ввиду присоединения Крыма и обострения конфликта на Украине, изменили экономическое равновесие во всем мире.

Первые санкции были введены США, ЕС и другими странами в марте 2014 года в отношении отдельных лиц, групп лиц и компаний. Они предусматривают запрет на въезд в эти страны для лиц, находящихся под санкциями, замораживание их активов, а также запрет на деловые операции. В июле 2014 года были введены санкции в отношении оборонного, энергетического и финансового секторов России. Что касается финансового сектора, то для шести крупнейших российских государственных банков, а также предприятий энергетической и оборонной отраслей был резко ограничен доступ к финансовым рынкам ЕС и США. Вслед за ЕС санкции ввели Норвегия, Канада и Австралия и другие страны.

В ответ на эти санкции Россия ввела запрет на импорт сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия и Королевство Норвегия [5].

Таблица 1

Использование внутрифирменных источников стратегического развития в условиях санкций

Проблемы, сдерживающие развитие предприятий в условиях санкций	Источники стратегического развития	Характеристика
Внешние		
Сокращение внешнего финансирования	Ресурсные Финансовые	Участие в государственных программах; участие в программах льготного кредитования; формирование и использование источников собственных средств
Снижение потребительского спроса	Качественные Информационные Финансовые	Повышение качества продукции за счет улучшения контроля качества продукции, улучшения уровня организации производства; проведение маркетинговых исследований в области оценки предпочтений потребителей; поиск резервов снижения себестоимости продукции (например, за счет использования отечественных сырья и материалов)
Недостаточность инноваций	Инновационные	Повышение уровня инновационной активности за счет постепенной, четко спланированной модернизации основных фондов
Запрет поставки высокотехнологичного оборудования	Ресурсные	Использование отечественных и зарубежных аналогов
Прекращение ранее устоявшихся деловых связей	Ресурсные	Поиск новых деловых партнеров за счет повышения уровня доверия между Россией и странами Азии не только на государственном, но и корпоративном уровне
Внутренние		
Проблемы эффективности управления	Качественные Ресурсные	Доведение стратегически важной информации до менеджеров; обсуждение и корректировка целей и задач; повышение требований к уровню подготовки управленческого персонала
Низкий уровень ответственности за принимаемые решения	Качественные Ресурсные	Введение и корректировка системы материальной ответственности за своевременность, эффективность принимаемых управленческих решений; повышение требований к уровню подготовки управленческого персонала в области промышленного производства; внедрение системы менеджмента качества
Низкий уровень качества и достоверности используемой информации	Качественные Ресурсные	Налаживание четкой системы организации документооборота; использование данных только из проверенных источников; повышение уровня корпоративной культуры и защиты информационной системы предприятия
Высокий уровень износа основных фондов	Имущественные Инновационные	Использование возможностей реконструкции основных фондов; постепенная модернизация и техническое перевооружение производства; использование отечественного оборудования
Рост себестоимости продукции ввиду удорожания исходных сырья и материалов	Ресурсные Инновационные Качественные	Внедрение новой техники и технологий; повышение качества трудовой деятельности; повышение уровня квалификации персонала; поиск более дешевых аналогов используемых сырья и материалов

Чтобы определить степень воздействия принятых санкций на экономическую ситуацию в Российской Федерации, проведем их классификацию (табл. 2).

Экономические санкции более действенны в отношении стран – традиционных хозяйственных партнеров, чем давних соперников. Для России санкции со стороны США менее болезненны, чем со стороны стран-членов Европейского союза, признанного стратегическим партнером. К концу 2013 г. объем накопленных российских инвестиций в экономике США составил 4.1 млрд долл., а, например, в Нидерландах – 23.3 млрд долл. В свою очередь, инвестиций из

Таблица 2

Классификация санкций, принятых в отношении России

Наименование	Характеристика
Коммерческие	Связаны с ограничением или запретом на поставку сырья, материалов и высокотехнологичного оборудования
Финансовые	Ограничение доступа на международные финансовые рынки; прекращение или отказ от инвестирования в совместные проекты
Дипломатические	Полный или частичный отзыв дипломатических представительств; аннулирование дипломатических виз
Ограничение в передвижении	Запрет или ограничение на перемещение через границу отдельных лиц или групп лиц
Процессуальные	Прекращение или лишение права голоса в международной организации, а также исключение из членства

США в России накоплено лишь 10.3 млрд, из Нидерландов – 68.2 млрд долл. США [6].

Санкции коснулись многих государственных корпораций России, которые стали наращивать свое присутствие на европейском рынке. В списки предприятий, на которые распространены санкции, включены государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»; ОАО «Сбербанк России»; ГАО «Черноморнефтегаз»; государственная корпорация «Роснано»; государственная корпорация по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех», а также крупнейшие частные компании ПАО «ЛУКойл», ОАО «Сургутнефтегаз» и др.

Однако последствия санкций, введенных в отношении России, скорее всего, будут наиболее ощутимыми в сфере инвестиций. Так, ограничения на экспорт высокотехнологичного оборудования могут привести к переносу сроков реализации некоторых новых инвестиционных проектов. Однако темпы осуществления таких инвестиций могут снизиться сами по себе на фоне слабого мирового спроса и низких мировых цен на нефть. Ограничения на новые среднесрочные и долгосрочные заимствования приведут к сокращению внешнего финансирования новых инвестиций.

В связи с этим актуальны разработка, адаптация и внедрение стратегии предприятия с учетом сложившейся экономической ситуации, которая не только позволила бы обеспечить сохранение организации как экономического субъекта, но и способствовала переходу на новый уровень развития.

Промышленность России в условиях санкций

Промышленное производство является ключевым звеном экономики любой страны. В условиях цикличности экономического развития любое предприятие подвергается определенным испытаниям, и от того, насколько соответствует стратегия предприятия вызовам внешней среды, будет зависеть развитие, а в некоторых случаях и существование самой организации [7].

В период финансово-экономического кризиса в России в 2008 – 2009 годах наблюдалось резкое снижение промышленного производства, наиболее сильный спад произошел в обрабатывающих отраслях [8]. Основными проблемами, особенно в период кризиса, являются: резкое снижение спроса на продукцию, следовательно, и цен, низкие потребительские качества продукции; физический и моральный износ активов предприятия; высокий уровень материальных затрат, приводящих к повышению себестоимости продукции. В настоящее время проблема формирования стратегии развития предприятия в связи с принятием в отношении России экономических санкций становится особо острой.

Промышленные предприятия представляют собой особый вид предприятий, деятельность которых направлена на производство продукции по определенной технологии. Ввиду сложности организации производственного процесса и необходимости четкого представления о перспективах развития формирование стратегии для них является сложным и всеобъемлющим процессом [9].

Для промышленных предприятий производство продукции является сложной и масштабной деятельностью. Для таких организаций наиболее эффективной структурой деятельности является та, в которой производство является основным элементом. Производственная деятельность тесно связана с другими основными видами деятельности организации: финансовой деятельностью, маркетингом, деятельностью службы персонала. Таким образом, комплексная стратегия промышленного предприятия сложно взаимосвязана с другими стратегиями основных подсистем организации, представляющих компоненты ее внутренней среды. Кроме того, стратегия развития предприятия должна формироваться с учетом факторов внешней среды.

Таблица 3

Основные показатели деятельности промышленных предприятий

Показатели	2012	2013	2014	2015
Объем отгруженных товаров собственного производства, млрд руб.: • добыча полезных ископаемых	8950	9748	10287	11359
• обрабатывающие производства	25111	27133	30118	31964
Индекс промышленного производства, в процентах к предыдущему году	103.4	100.4	101.7	96.6
Среднегодовая численность работников организаций, тыс. человек	10390	10297	10056	9875

Нестабильная экономическая обстановка оказала существенное влияние на деятельность промышленных предприятий. Санкции существенно ослабили экономику и оказали значительное воздействие на все ее сферы. Ввиду этого особо обострились такие стратегические проблемы, как уменьшение доли рынка, отсутствие роста, снижение рентабельности, сокращение объемов инвестиций и недостаточность инноваций.

Рассмотрим влияние сложившейся экономической ситуации на деятельность промышленных предприятий.

Введенные против России санкции направлены на основные конкурентоспособные отрасли экономики: нефтяную, газовую, атомную, военную промышленность, а также против российского банковского капитала. Большая доля экспорта России ориентирована на европейский рынок, следовательно, санкции означают вытеснение российских компаний с европейского рынка.

Экономические санкции, принятые в отношении Российской Федерации, включают запрет доступа российских банков на рынок международного капитала, поставок высокотехнологичного оборудования, инвестиций в Крым и торговли с ним, а также прекращение действия многих совместных проектов. В условиях санкций вопрос развития отечественного производства стоит очень остро. Резкое падение курса рубля по отношению к доллару и евро привело к снижению импортных поставок и их удорожанию [10]. В январе 2015 года внешнеторговый оборот России составил 39.0 млрд долларов США и по сравнению с январем 2014 года снизился на 33.9%.

Рассматривая основные показатели деятельности промышленных предприятий (табл. 3), можно отметить, что объем отгруженной продукции в 2015 году по сравнению с 2014 годом увеличился. В добывающей промышленности отмечен рост данного показателя на 1072 млрд руб., а в обрабатывающей – на 1846 млрд руб.

Индекс промышленного производства снизился на 5.1%. Среднегодовая численность персонала сократилась на 181 тыс. чел. по сравнению с 2014 годом и на 422 тыс. чел. по сравнению с 2013 годом [11].

Предприятия оборонно-промышленного комплекса наиболее остро чувствуют введение санкций западными странами, так как они сильно зависят от зарубежных заказов. Введенные санкции направлены на ограничение поставок новейших технологий, оборудования и приборов. Кроме этого значительно сократился объем внешнего инвестирования. В 2014 году Латвия, Германия, Франция, Канада, Великобритания, Швейцария, Норвегия, Швеция, Нидерланды, США и Евросоюз приостановили военно-техническое сотрудничество с Россией. Израиль запретил поставки в Россию беспилотников и новых военных технологий. В санкционных списках США присутствуют такие предприятия, как АО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод» им. Ф.Э. Дзержинского», «Ростех», НПО «Базальт», ОАО «Объединенная судостроительная корпорация», государственный оборонный концерн «Алмаз – Антей». Кроме данных предприятий под запретом находятся концерн «Калашников», ОАО «Концерн Радиоэлектронные Технологии», концерн «Созвездие», ОАО «Конструкторское бюро приборостроения», ОАО «Машиностроительный завод им. М.И. Калинина», ОАО «Мытищинский машиностроительный завод», ОАО «Долгопрудненское научно-производственное предприятие» и др.

Авиастроение является одной из самых высокотехнологичных отраслей экономики. Создание и проектирование воздушных судов предусматривает использование материалов с улучшенными служебными характеристиками и технологиями их переработки. Российская Федерация импортирует в гражданском самолетостроении более 80% комплектующих, в тяжелом машиностроении – около 70%, в нефтегазовом оборудовании – 60%, в энергетическом оборудовании – 50%, в сельхозмашиностроении в зависимости от категории продукции – от 50% до 90%.

Экспорт российского вооружения и военной техники в 1999–2013 гг. имеет стабильный рост номинального объема поставок и валютных поступлений. В 2015 году РФ продала оружия и военной техники на 15 млрд долл., из них

13 млрд долл. приходится на долю «Рособоронэкспорта». Ввиду непростой международной обстановки и экономической ситуации был упрощен вывоз военной продукции для участия в зарубежных выставках.

Экспорт российских вооружений за последние пять лет увеличился на 28% по сравнению с предыдущим пятилетним периодом. Объем продаж в 2014 и 2015 годах оказался ниже, чем в 2011–2013 годах. Россия в 2011–2015 годах поставила оружие 50 странам. Крупнейшим покупателем российского вооружения является Индия (39% российского экспорта), далее следуют Китай и Вьетнам – 11%.

В 2015 году доля военного экспорта в общем экспорте увеличилась в 1.5 раза, на него приходилось 4.2% всей внешней торговли, которая в целом в предыдущем году сократилась более чем на 30%.

При этом введенные санкции еще более обостряют внутренние проблемы оборонных предприятий. К ним можно отнести плохое состояние материальной базы, нарушение процесса воспроизводства основных фондов, ухудшение подготовки кадров и слабую государственную поддержку.

Также санкции коснулись предприятий нефтегазовой отрасли: «Роснефть», «Транснефть» и «Газпромнефть». Запрещается напрямую или косвенно приобретать, продавать, предоставлять инвестиционные услуги или помощь в получении или иным образом распоряжаться ценными бумагами и инструментами денежного рынка со сроком погашения более 30 дней. На дочерние компании «Роснефти» официально распространяются те же секторальные санкции, что и на головную компанию. Запрещены поставки для перспективных месторождений: сланцевых, шельфовых и арктических, что создает трудности в доступности западного оборудования.

Согласно данным опроса [12], 48.1% компаний считают, что экономические санкции оказывают влияние на деятельность предприятий, 38.9% отрицают влияние санкций на их компании, а 13% затруднились с ответом на данный вопрос. Наиболее критичным стал рост цен на сырье и оборудование (64.6% респондентов), 20.8% организаций отметили, что воздействие по данному направлению незначительно. В то же время 14.6% не испытывают на себе роста цен на сырьё, оборудование, комплектующие из-за санкций. Снижение доступности кредитов оказывает воздействие на деятельность почти половины компаний – участниц опроса (48.9%), а 17% компаний отметили, что по данному направлению введение санкций оказывает воздействие незначительно или не в полной мере.

Ввиду того, что в структуре российского импорта наибольший удельный вес занимают машины и оборудование, введенные санкции могут затормозить процесс обновления основных фондов более современным и высокотехнологичным оборудованием [13]. Данный запрет коснулся в первую очередь нефтегазоперерабатывающих и нефтедобывающих предприятий. Также можно отметить прекращение совместных проектов в газовой и нефтяной сфере, инвестирования перспективных проектов, в том числе «Южного потока».

Структура отрасли машиностроения представлена тремя основными направлениями: производство машин и оборудования; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; производство транспортных средств. В 2015 году объем отгруженных предприятиями машиностроения товаров составил 5 960 263 млн руб., что меньше по сравнению с 2014 годом на 308 714 млн руб., или на 4.9% [11].

В структуре отгруженной отраслями машиностроения продукции основную часть (около 47%) составляет продукция предприятий по производству транспортных средств и оборудования – 2811320 млн руб., при этом можно отметить снижение данного показателя к 2014 году на 11.6%, в производстве машин и оборудования – на 4.7%. Положительная тенденция отмечается в отраслях по производству электрооборудования, объем отгрузки в которых по сравнению с 2014 годом вырос на 7.3%.

В 2015 году можно отметить рост производства машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства на 23.4%, а также значительное падение аналогичного показателя в производстве легковых автомобилей на 38.9% [14].

Ввиду сложной экономической обстановки особое значение приобретает необходимость замещения импорта для увеличения потенциала промышленности. Важными условиями для этого является соблюдение ряда принципов [15]:

1) с российской экономики должен быть снят груз в виде коррупции и монополий;

2) необходима модернизация инфраструктуры, так как в настоящее время имеются избыточные издержки ввиду ее нехватки;

3) следует соблюдать разумный протекционизм;

4) необходима грамотная промышленная политика, предусматривающая наличие льготного режима налогообложения для предприятий приоритетных отраслей;

5) необходимо эффективное управление валютным курсом.

Ограничения, связанные с «замораживанием» многих совместных проектов, привели к сокращению объемов иностранных инвестиций. В 2013 году в Россию было вложено 79 млрд долл.

США, а в 2014 году прямые иностранные инвестиции в Россию упали более чем на 70% и составили 19 млрд долл. США. Основными факторами, которые могут существенно повлиять на инвестиции в российскую экономику, можно считать неуверенность потребителей, волатильность валютных рынков и геополитическую нестабильность. Кроме этого, снижение цен на сырьевые товары, скорее всего, приведет к отсутствию интереса инвесторов на вложения в эти активы. К основным причинам падения цен на нефть можно отнести быстрый рост добычи сланцевой нефти в США, замедление роста спроса, а также ожидание появления на мировом рынке нефти из Ирака, Ирана и Ливии. Поскольку бюджет России формируется в основном из возможных доходов от продажи сырьевых ресурсов, данный фактор может оказать существенное влияние на сокращение объемов государственных инвестиций.

Среди факторов, ограничивающих деловую активность обрабатывающих предприятий, можно отметить недостаточный рост спроса на продукцию на внутреннем рынке и недостаток финансовых средств. Ограничение поставок импортной продукции будет способствовать налаживанию новых деловых связей с отечественными производителями [16].

Среди предприятий обрабатывающей промышленности автомобильный рынок России уменьшился на 12% за первое полугодие 2014 года из-за экономического спада, крайней неопределенности политической обстановки, а также сложившейся плохой конъюнктуры [17].

Последствия принятых экономических санкций двойственны. В.С. Загашвили [18] отмечает, что одним из их последствий является сокращение зарубежной инвестиционной деятельности ввиду трудностей получения разрешения на приобретение активов и опасения российских банков стать объектами санкций.

С.В. Пономарев, А.А. Юрченко [19] считают, что принятые в отношении России санкции способствуют восстановлению российского производства, созданию надежной основы для его дальнейшего развития, неотъемлемым элементом которого является поддержка отечественного товаропроизводителя.

А.Е. Гавриленко [20] в качестве основного эффекта от зарубежных санкций выделяет снижение доступности внешних источников финансирования ввиду роста процентных ставок по кредитам.

Рост задолженности по кредитам и займам может свидетельствовать не только об увеличении их доли в источниках формирования запасов и затрат, но и об их удорожании в связи с повышением процентных ставок по кредиту.

В связи со снижением объемов поступлений денежных средств расходы на приобретение основных средств сократились, что говорит о сокращении вложений в приобретение нового высокотехнологичного оборудования.

В современных условиях глобализации и взаимозависимости компаний друг от друга большое значение приобретает понимание необходимости разработки и последующей реализации долгосрочных целей компании, направленных на повышение степени конкурентоспособности предприятия и отдачи на вложенный капитал. Без этого компании, работающие в среде с высокой степенью конкуренции и неопределенности, не могут рассчитывать не только на рост, но и на удержание ранее завоеванных позиций.

Заключение

Рассмотрев источники стратегического развития, можно сделать вывод, что основным вектором развития промышленных предприятий в новых экономических условиях является необходимость корректировки планов и программ, направленных на систематизацию составляющих экономического потенциала предприятия.

Во многом успех инновационного развития России зависит от того, насколько эффективно государство сможет осуществить его инфраструктурное сопровождение [21].

Сохранение негативных тенденций от влияния санкций в 2016 году в виде значительного оттока капитала, падения курса рубля и существенного ухудшения ситуации в банковском секторе требует особого внимания. Стратегия должна предусматривать постоянный мониторинг состояния всех воспроизводственных, социально-экономических, финансово-инвестиционных процессов: процесса производства, инвестиционных потоков, изменений в бюджетной сфере. В качестве основы следует использовать формализованные алгоритмы на основе математических моделей, предусматривающих оценку различных факторов [22].

Таким образом, для поддержания стабильного развития предприятия в условиях значительного влияния факторов внешней среды необходимо минимизировать их негативное воздействие за счет внутренних резервов и своевременно формировать новые партнерские отношения как с отечественными производителями, так и на новых рынках. Особое значение имеет своевременная реакция на меры государственного регулирования по снижению негативного воздействия экономических санкций и международной обстановки.

Проведенный анализ показал, что состояние промышленного производства зависит от множества внутренних и внешних воздействий, но все они оказывают различное влияние на деятельность предприятий.

В качестве рекомендаций по адаптации промышленных предприятий к новым экономическим условиям можно назвать:

1) повышение уровня подготовки и квалификации управленческих кадров предприятия;

2) строгий контроль за тенденциями основных показателей работы предприятия, в частности себестоимости продукции; замена, при возможности, зарубежных сырья, материалов и комплектующих отечественными аналогами;

3) замена устаревшего оборудования, в частности его активной части, для повышения эффективности труда;

4) внедрение в производственный процесс прогрессивных технологий, проведение научно-технических работ, а также осуществление реконструкции, модернизации и технического перевооружения предприятия;

5) повышение контроля качества продукции на всех стадиях производственного процесса с целью ликвидации брака и снижения затрат;

6) создание на предприятиях специальных фондов с целью формирования средств для развития и поддержания деятельности;

7) поиск новых деловых партнеров не только на государственном, но и корпоративном уровне;

8) государственная поддержка важнейших отраслей экономики, снижение налоговой нагрузки и создание специальных экономических зон развития.

Одной из основных проблем стратегического развития предприятия является неустойчивое экономическое положение как внутри страны, так и на международной арене. Ввиду этого главной задачей любой организации является своевременное реагирование на вызовы внешней среды, а также разработка гибкой стратегии развития. Главной задачей при формировании стратегии организации является ориентация на собственные резервы, готовность к возможному ухудшению общей экономической ситуации.

Разработка четкой и гибкой стратегии развития предприятия позволит сохранить на существующем уровне основные показатели работы организации для действующего предприятия и исключить возможность «провала» для вновь создаваемого. Чем раньше предприятие внесет коррективы в свою работу, тем легче будет сохранить его целостность и экономическую независимость.

Список литературы

1. Прахалад С.К., Хамел Г. Ключевая компетенция корпорации // Вестник СПбГУ. Сер. 8. 2003. Вып. 3. № 24. С. 18–41.

2. Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии. М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. 576 с.

3. Парахина В.Н., Максименко Л.С., Панасенко С.В. Стратегический менеджмент: Учебник. 6-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2012. 496 с.

4. Неудачин В.В. Реализация стратегии компании. Финансовый анализ и моделирование. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. 168 с.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации».

6. Клинова М., Сидорова Е. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским союзом // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 67–79.

7. Стратегический менеджмент: Учебник для вузов. 3-е изд. / Под ред. А. Петрова. СПб.: Питер, 2012. 400 с.

8. Россия в цифрах [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_11/Main.htm (дата обращения: 04.09.2016).

9. Кузнецов В.П., Гарина Е.П., Романовская Е.В. Комплексное исследование условий промышленного развития России: Монография. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2013. 166 с.

10. Динамика курсов доллара США и евро к рублю и показатели биржевых торгов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cbr.ru/hd_base/?PrtId=micex_doc (дата обращения: 10.12.2015).

11. Российский статистический ежегодник 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 10.03.2016).

12. Результаты опроса «Последствия введения санкций для российского бизнеса» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rspp.ru/library/view/104?s (дата обращения: 04.12.2015).

13. Социально-экономическое положение России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_01/Main.htm (дата обращения: 10.11.2016).

14. Статистическое обозрение. 2016. № 1 (96) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_06/Main.htm (дата обращения: 10.03.2016).

15. Матвеева Л.Г., Стефанков И.О. Стратегический подход к развитию промышленных предприятий в условиях экономических санкций // Terra Economicus. 2014. № 2.

16. Российский статистический ежегодник – 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/Main.htm (дата обращения: 06.11.2016).

17. Егорова А.О., Кузнецов В.П. Механизм разработки и реализации конкурентной стратегии предприятий машиностроения: Монография. Н. Новгород: НГПУ, 2014. 180 с.

18. Загашвили В.С. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 67–77.

19. Пономарев С.В., Юрченко А.А. Влияние санкций на экономику России // Молодой ученый. 2016. № 4. С. 478–481.

20. Гавриленко А.Е. Влияние санкций на отдельные отрасли российской экономики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2796–2800. URL: http://e-koncept.ru/2016/ 86590.htm.

21. Иванова М.С. Проблемы и перспективы развития России в условиях санкций // Интернет-журнал «Мир науки». 2015. № 1. URL: http://mir-nauki.com/PDF/26EMN115.pdf (доступ свободный).

22. Матвеева Л.Г., Стефанков И.О. Стратегический подход к развитию промышленных предприятий в условиях экономических санкций // Пространство экономики. 2014. № 2 (2). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskiy-podhod-k-razvitiyu-promyshlennyh-predpriyatiy-v-usloviyah-ekonomicheskih-sanktsiy (дата обращения: 10.04.2016).

ABOUT THE PROBLEMS AND SOURCES OF STRATEGIC DEVELOPMENT OF ENTERPRISES UNDER THE SANCTIONS

V.P. Kuznetsov, E.S. Churbanova

Kozma Minin State Pedagogical University of Nizhni Nogorod

The article discusses the impact of the sanctions against Russia on its economy and industry, as well as the problems arising in this connection and the possible sources for strategic development of industrial enterprises. The purpose of this paper is to identify the factors that influence the activities of the manufacturing industry in the current economic conditions, to analyze the impact of sanctions on the Russian economy and the current internal problems of industrial enterprises. The study is based on the use of the following methods: analysis, synthesis, logical and systems approach. Based on the statistical data of industrial enterprises' performance, the authors have analyzed the impact of sanctions on the activities of industrial enterprises and the problems of their strategic development. The authors propose some sources for in-house strategic development and discuss their use in the conditions of instability. A number of recommendations are given regarding the adaptation of industrial enterprises to new economic conditions. The recommendations can be used to elaborate the development strategy for industrial enterprises.

Keywords: industrial enterprise, business strategy, sanctions, ruble exchange rate, oil prices, import structure, import substitution, issues of strategic development, sources for in-house strategic development.

УДК 330.35:330.42+517.977.5+519.86

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© 2017 г.

Ю.А. Кузнецов, С.Е. Маркова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Kuznetsov_YuA@iee.unn.ru

Статья поступила в редакцию 20.01.2017
Статья принята к публикации 01.02.2017

При моделировании и анализе процесса смены поколений инновационных товаров очень важно учитывать емкость рынка, возможный спрос на различные версии данного товара, наличие на рынке конкурирующих товаров-аналогов, близость рынка к насыщению и т.д. В настоящей работе дается краткое описание ряда математических моделей диффузии инноваций, широко используемых при исследовании динамики смены поколений инновационных технологий (товаров, услуг). Одно из направлений в построении таких моделей восходит к классической модели Ф.М. Басса; другое основано на использовании биологических аналогий – метафор; и поэтому концептуально модели этого направления исследований оказываются сходными с моделями динамики численности взаимодействующих биологических популяций, в частности с известными моделями Лотки – Вольтерры. Такие модели могут учитывать как отношения типа хищник – жертва, так и отношения конкуренции и симбиоза. В работе строится обобщенная математическая модель динамики смены поколений инновационного товара, в определенной мере объединяющая упомянутые выше подходы в области моделирования диффузии инноваций. Эта модель охватывает весьма широкий диапазон конкретных математических моделей и может быть положена в основу общих эконометрических моделей диффузии инноваций, описываемых системами одновременных уравнений.

Ключевые слова: механизмы диффузии инноваций, математическая модель, модель Ф.М. Басса, модель Лотки – Вольтерры, модель Гилпина – Айалы.

Введение

В современной экономической теории научно-технологический прогресс (НТП) рассматривается как один из важнейших факторов долговременного экономического роста. Влияние НТП на отдельную отрасль экономики проявляется в создании новой продукции, которая имеет важные конкурентные преимущества перед уже существующей, или же в модификации (модернизации) уже производимой продукции. Зачастую новая продукция основана и на новых (инновационных) технологиях. Однако технологическое первенство требует своевременной модернизации производства и обучения персонала, то есть существенных финансовых и организационных вложений. В то же время отказ от перехода к инновационным технологиям может привести к ощутимым потерям рыночных позиций или даже к полному прекращению деятельности. На рис. 1 приведен пример изменения рынка, обусловленного отставанием некоторых его участников в технологической гонке (см. [1, p. 11]).

В настоящее время одним из важных примеров рынков, для которых характерно вытеснение одних продуктов другими, более привлекательными с технологической точки зрения, является рынок информационно-телекоммуникационных технологий (рынок услуг передачи данных). Перед большинством поставщиков услуг по передаче данных в настоящее время уже встает вопрос о степени насыщения рынка и перспективах его развития; этот вопрос актуален также и в свете появления новых технологий мобильной передачи данных и т.д.

Целью данной работы является построение математической модели динамики смены поколений инновационных технологий весьма общего вида. Заметим, что при моделировании и анализе процесса смены поколений инновационных технологий (товаров) очень важно учитывать емкость рынка, возможный спрос на различные версии данного товара, наличие на рынке конкурирующих товаров-аналогов, близость рынка к насыщению и т.д.

В настоящей работе дается краткое описание ряда математических моделей диффузии инноваций, широко используемых при исследовании динамики смены поколений инновационных технологий (товаров, услуг). Одно из направлений в построении таких моделей восходит к классической модели Ф.М. Басса (см. [2]); эта модель концептуально основана, по признанию её автора [3], на работе [4], в которой было дано достаточно общее определения понятия «диффузия инноваций». Другое направление основа-

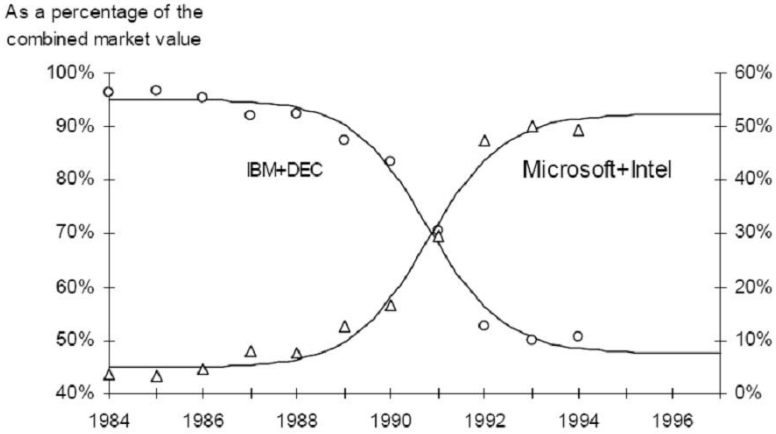

Рис. 1. Перераспределение долей рынка ИКТ в период 1988–1994 гг. (см. [1, p. 11])

но на явном использовании биологических аналогий, т.е. моделей-метафор (см. подробнее, например, [5–8] и др.; ряд авторов усматривает связь этих понятий с взглядами Николая Кузанского [9][1]). Концептуально модели этого направления исследований оказываются сходными с моделями динамики численности взаимодействующих биологических популяций, в частности с известными моделями Лотки – Вольтерры. Такие модели могут включать в себя как отношения типа хищник – жертва, так и отношения конкуренции и симбиоза. Их удобство особенно отчетливо проявляется при структурировании и качественном описании динамики роста (развития) систем различной природы (см. подробнее, например, [10–12] и др.). Впрочем, как показано в настоящей работе, модели типа Ф.М. Басса также содержат построения и рассуждения, вызывающие ассоциации с построением некоторых биологических моделей.

В настоящей работе строится обобщенная математическая модель динамики смены поколений инновационного товара, в определенной мере объединяющая упомянутые выше подходы в области моделирования диффузии инноваций. Эта модель охватывает весьма широкий диапазон конкретных математических моделей и может быть положена в основу общих эконометрических моделей диффузии инноваций, описываемых системами одновременных уравнений.

Биологические модели динамики конкурентного взаимодействия биологических популяций («модели-метафоры»)

Как известно, *конкуренция* (от ср.-век. лат. *concurrentia* и лат. *concurro* – сталкиваться) – это взаимоотношения между организмами одного и того же вида (*внутривидовая конкуренция*) или разных видов (*межвидовая конкуренция*), соревнующимися за одни и те же ресурсы внешней среды при недостатке последних (см., например, [13, с. 277]). Сразу следует отметить также, что понятие *конкуренция* в приведенном выше *биологическом* смысле вовсе не тождественно понятию *конкуренция* в *экономическом* смысле. Следуя [14, с. 257], приведем для сравнения соответствующее определение: «Конкуренция (англ. *competition*) – состязательная борьба, соперничество между товаропроизводителями за наиболее выгодные сферы приложения капитала, рынки сбыта, источники сырья; механизм стихийного регулирования пропорций общественного производства».

Разумеется, в приведенных выше определениях достаточно много весьма сходного; эти сходства и ассоциации всегда служили и служат доныне источником различных биологических аналогий и математических моделей в экономике. В основе подобных моделей зачастую лежат хорошо известные модели динамики численности однородных популяций; среди них наиболее популярными являются модели Мальтуса и Ферхюльста – Пирла – Рида (см., например, [15, 16]). Часто они и сами используются при описании простейших динамических процессов в целом ряде научных дисциплин. Первая из них – модель Т.Р. Мальтуса – может быть записана в виде:

$$\frac{dN(t)}{dt} = rN(t)\,,\ t \in \mathbf{R}_{t_0} \equiv [t_0, \infty)\,, \qquad (1)$$

где $r > 0$ – *мальтузианский параметр* – темп роста численности популяции. К уравнению (1) необходимо присоединить также следующее начальное условие

$$N(t)\big|_{t=t_0+0} = N_0 > 0\,. \qquad (2)$$

Из (1), (2) вытекает, что численность популяции $N(t)$ описывается формулой

$$N(t) = N_0 e^{r(t-t_0)},\ t \in \mathbf{R}_{t_0} \equiv [t_0, \infty). \qquad (3)$$

Уравнение (1) является очень частным вариантом уравнения

$$\frac{dN(t)}{dt} = G[N(t)],\ t \in \mathbf{R}_{t_0} \equiv [t_0, \infty), \qquad (4)$$

описывающего в весьма общем виде динамику численности однородных популяций. Обычно считается, что $G(N) = M(N)N$, где $M(N)$ – *мальтузианская функция*. К уравнению (4) необходимо присоединить также начальное условие (2). В общем случае $G(N)$ может зависеть от некоторой части популяции или даже определяться как-то совсем по-иному. Например, пусть m – фиксированная величина некоторого ресурса (имеющего размерность численности популяции), являющегося важным условием существования данной популяции. Пусть $m - N > 0$ – количество неиспользованного ресурса, которым и определяется скорость ее роста; тогда (4) запишется в виде уравнения

$$\frac{dN(t)}{dt} = r[m - N(t)],\ t \in \mathbf{R}_{t_0} \equiv [t_0, \infty), \qquad (5)$$

решение которого с начальными условиями (2) описывается формулой

$$N(t) = m(1 - e^{-r(t-t_0)}) + N_0 e^{-r(t-t_0)},$$
$$t \in \mathbf{R}_{t_0} \equiv [t_0, \infty),$$

так что $N(t) \to m$, $t \to \infty$. Так как уравнение (1) в силу (3) демонстрирует во многих случаях неприемлемое поведение ($N(t) \to \infty$, $t \to \infty$), то чаще используется (как более реалистическое) уравнение Ферхюльста – Пирла – Рида (или *логистическое уравнение*)

$$\frac{dN(t)}{dt} = r\left(1 - \frac{N(t)}{m}\right)N(t),\ t \in \mathbf{R}_{t_0} \equiv [t_0, \infty). \qquad (6)$$

Легко установить, что решение задачи (6), (2) записывается следующим образом:

$$N(t) = \frac{N_0 e^{r(t-t_0)}}{1 + \frac{N_0}{m}[e^{r(t-t_0)} - 1]},\ t \in \mathbf{R}_{t_0} \equiv [t_0, \infty),$$

так что $N(t) \to m$, $t \to \infty$. Величина $\left(1 - \frac{N(t)}{m}\right)$ в уравнении (6) выступает в качестве своеобразной «поправки» к мальтузианскому параметру $r > 0$ в уравнении (1), обусловленной (в рамках биологической трактовки уравнения (6)) «внутривидовой конкуренцией». Однако уравнение (6) можно записать и по-иному:

$$\frac{dN(t)}{dt} = r[m - N(t)]\left(\frac{N(t)}{m}\right),\ t \in \mathbf{R}_{t_0} \equiv [t_0, \infty). \qquad (7)$$

С записью (7) уравнения (6) связана и иная трактовка логистического уравнения: скорость роста популяции пропорциональна (как и в уравнении (5)) количеству еще не использованного ресурса и доле «уже используемого». Как будет очевидно ниже, соотношения (5) и (7) (в рамках трактовки, связанной с «диффузией инноваций») представляют, по существу, два варианта роста популяции (числа) потребителей (пользователей) нового продукта и приводят к модели диффузии инноваций Ф.М. Басса.

Если речь идет о поведении нескольких популяций инновационных товаров и их потребителей, то часто используют системы уравнений, описывающих как динамику каждой из них (например, с помощью описанных выше моделей), так и их взаимодействие (конкуренцию). В случае двух популяций инновационных товаров часто используется «конкурентный вариант» классической модели Лотки – Вольтерры [15, 16]:

$$\frac{dN_1}{dt} = r_1\left(1 - \frac{N_1}{K_1} - \frac{\gamma_1}{r_1}N_2\right)N_1,$$
$$\frac{dN_2}{dt} = r_2\left(1 - \frac{N_2}{K_2} - \frac{\gamma_2}{r_2}N_1\right)N_2. \qquad (8)$$

Здесь, как обычно, K_1 и K_2 – емкости экологических ниш для популяций, r_1 и r_2 – коэффициенты роста численности популяций при малых численностях популяций (когда внутри- и межвидовой борьбой можно пренебречь), γ_1 и γ_2 – характеристики межвидовой конкуренции. Для исследования системы (8) обычно проводят замену переменных, «сокращающую» количество параметров. Один из вариантов подобного преобразования состоит в следующем. Сначала вводится «новое время» по формуле $t = \tau/r_1$. Здесь время τ – некоторое «биологическое время», характерное для первой популяции. Далее вводятся «относительные численности» биологических популяций – функции $u_i(\tau) = N_i(\tau/r_1)/K_i$, $i = 1, 2$. После переобозначения «нового времени» символом t приходим к стандартной форме модели конкуренции «логистических» популяций

$$\frac{du_1(t)}{dt} = [1 - u_1(t) - \varepsilon_1 u_2(t)]u_1(t),$$
$$\frac{du_2(t)}{d\tau} = \gamma[1 - \varepsilon_2 u_1(t) - u_2(t)]u_2(t). \qquad (9)$$

Здесь $\gamma = r_2 r_1^{-1} > 0$, $\varepsilon_1 = \gamma_1 K_2 r_1^{-1} > 0$, $\varepsilon_2 = \gamma_2 K_1 r_2^{-1} > 0$ – «новые параметры» преобразованной системы (9) (и их только три), допускающие достаточно ясную биологическую интерпретацию. Нетрудно видеть, что точки $O(0,0)$, $S_1(1,0)$ и $S_2(0,1)$ на плоскости $\mathbf{R}^2$ переменных (u_1, u_2) являются стационарными

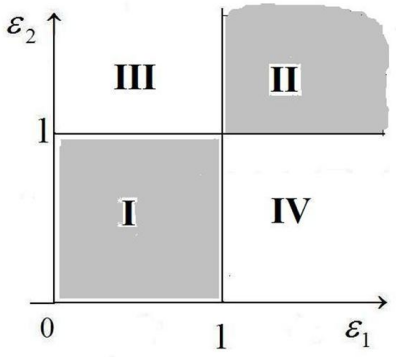

Рис. 2. Множество допустимых значений параметров $(\varepsilon_1, \varepsilon_2)$

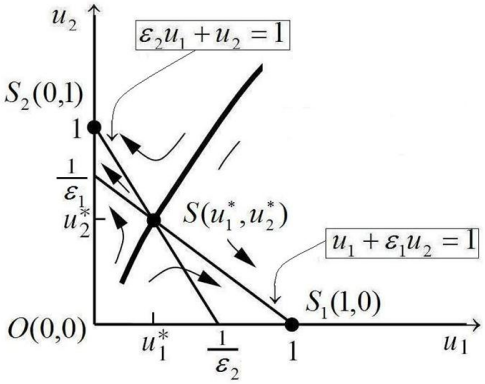

Рис. 3. Фазовый портрет системы в случае, когда параметры $(\varepsilon_1, \varepsilon_2)$ принадлежат области II

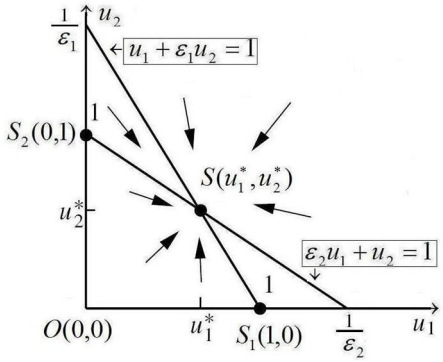

Рис. 4. Фазовый портрет системы в случае, когда параметры $(\varepsilon_1, \varepsilon_2)$ принадлежат области I

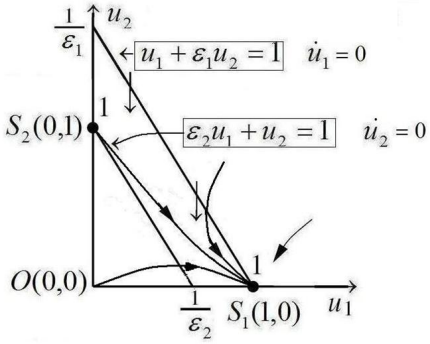

Рис. 5 Фазовый портрет системы в случае, когда параметры $(\varepsilon_1, \varepsilon_2)$ принадлежат области III

решениями системы (9) независимо от величины и знаков параметров $(\varepsilon_1, \varepsilon_2)$. Весьма важным является вопрос о существовании *положительного* стационарного решения $S(u_1^*, u_2^*)$ системы (9). На плоскости $\mathbf{R}^2$ переменных $(\varepsilon_1, \varepsilon_2)$ (см. рис. 2) можно выделить четыре области (обозначенные римскими цифрами), для каждой из которых указанный вопрос имеет достаточно специфичный ответ.

Нетрудно установить (см. подробнее, например, [15, 16]), что в случае областей III и IV координаты состояния равновесия $S(u_1^*, u_2^*)$ биологически бессмысленны (одна из координат отрицательна); напротив, для значений параметров $(\varepsilon_1, \varepsilon_2)$ из областей I и II существует единственное состояние равновесия $S(u_1^*, u_2^*)$ с положительными координатами. На рис. 3 – 5 представлены эскизы фазового портрета системы (9) в некоторых из указанных на рис. 2 случаях. Оказывается, что для значений параметров $(\varepsilon_1, \varepsilon_2)$ из области I состояние равновесия $O(0,0)$ – неустойчивый узел, $S(u_1^*, u_2^*)$ – устойчивый узел, а состояния равновесия $S_1(1,0)$ и $S_2(0,1)$ – седла. Для значений параметров $(\varepsilon_1, \varepsilon_2)$ из области II состояние равновесия $S(u_1^*, u_2^*)$ – седло, $O(0,0)$ – неустойчивый узел, а $S_1(1,0)$ и $S_2(0,1)$ – устойчивые узлы. Этот результат вполне согласуется со знаменитым *принципом конкурентного исключения* (*Principle of Competitive Exclusion*), или *принципом* (*законом*) *Гаузе* [17]. Наконец, для значений параметров $(\varepsilon_1, \varepsilon_2)$ из области III биологически реализуемы только состояния равновесия $O(0,0)$, $S_1(1,0)$ и $S_2(0,1)$. При этом состояние равновесия $O(0,0)$ – неустойчивый узел, $S_1(1,0)$ – устойчивый узел, а $S_2(0,1)$ – седло (случай области IV вполне аналогичен; в случае области IV состояние равновесия $O(0,0)$ – неустойчивый узел, $S_1(1,0)$ – седло, а $S_2(0,1)$ – устойчивый узел).

Таким образом, уже эта, сравнительно простая, модель *качественно* правильно описывает возможные исходы конкуренции. Вопрос о *количественно* правильном описании процесса конкуренции гораздо более сложен и требует привлечения более сложных моделей.

К числу таких моделей относится, например, модель Гилпина – Айалы (M.E. Gilpin , F.J. Ayala). Эта модель введена в рассмотрение в работе [18]. В достаточно общем виде модель Гилпина – Айалы динамики *конкурентного* взаимодействия двух биологических популяций может быть записана следующим образом:

$$\frac{dN_1}{dt} = r_1 N_1 \left[1 - \left(\frac{N_1}{K_1} \right)^{\theta_1} - \varepsilon_1 \frac{N_2}{K_2} \right],$$

$$\frac{dN_2}{dt} = r_2 N_2 \left[1 - \left(\frac{N_2}{K_2} \right)^{\theta_2} - \varepsilon_2 \frac{N_1}{K_1} \right]. \qquad (10)$$

Здесь основные переменные имеют прежний смысл; величины θ_1 и θ_2 – характеристики внутривидовой, а $\varepsilon_1 > 0$ и $\varepsilon_2 > 0$ – межвидовой конкуренции. В ситуации когда рассматривается динамика процесса диффузии инноваций, может быть использована следующая трактовка переменных и параметров модели (10): N_1 – численность пользователей первого поколения данной технологии, N_2 – численность пользователей второго поколения этой технологии, K_1 и K_2 – емкости рынков соответствующей технологии, r_1 и r_2 – темпы роста количества пользователей (при малых численностях), θ_1, θ_2 и ε_1, ε_2 – соответственно характеристики конкуренции в рамках одной технологии и между ними. Понятно, что естественным фазовым пространством системы (10) является множество $\mathbf{R}_+^{2\,2}$. Ясно, что система (10) включает в себя как частный случай модель Лотки – Вольтерры и содержит (по сравнению с ней) дополнительные параметры, служащие характеристикой взаимодействия популяций, и, тем самым, расширяет возможности сопоставления теоретических исследований и экспериментальных данных. Исследованию различных вариантов данной модели посвящены многочисленные работы (см., например, [19, 20] и др.).

Для данной системы могут быть получены более интересные и разнообразные результаты; некоторые из них вполне аналогичны результатам, приведенным выше для системы (8), (9) (см., например, [21]). Модель Гилпина – Айалы была использована в работах [22, 23] для математического моделирования динамики смены поколений телекоммуникационных услуг и показала приемлемые результаты. В ряде публикаций модель Гилпина – Айалы обобщалась на случай произвольного числа популяций и более общей формы правой части. Например, в работе [24] предложено следующее её обобщение:

$$\frac{dN_i(t)}{dt} = r_i N_i(t) \left(1 - \left(\frac{N_i(t)}{K_i} \right)^{\theta_i} - \sum_{i=1, i \neq j}^{n} \alpha_{ij} \frac{N_j(t)}{K_j} \right),$$

$$i = 1, 2, ..., n. \qquad (11)$$

Здесь основные переменные имеют прежний смысл; величины θ_i – характеристики внутривидовой, а α_{ij} – межвидовой конкуренции популяций. В целом системы (9)–(11) качественно (а в некоторых случаях – и количественно) правильно описывают динамику конкурентного взаимодействия последовательных поколений новой технологии (допуская как ситуацию сосуществования этих поколений, так и ситуацию вытеснения), однако не исчерпывают всех интересных в теоретическом и практическом плане ситуаций.

Модель Ф.М. Басса и некоторые ее обобщения

Математическая модель Ф.М. Басса диффузии инноваций может быть записана следующим образом (см. [2, 3]):

$$\frac{dN(t)}{dt} = \left[p + q \frac{N(t)}{m} \right] \left[m - N(t) \right]. \qquad (12)$$

К уравнению (12) добавляется начальное условие (2). Здесь $N(t)$ – количество экономических агентов, использующих новый продукт, m – емкость рынка (т.е. количество потенциальных его пользователей), $\left[m - N(t) \right]$ – количество «не охваченных» инновацией экономических агентов, p – «коэффициент инноваций» (*coefficient of innovation*), характеризующий «внешнее» воздействие на экономического агента (обычно это СМИ), в силу которого он и приобретает новый продукт (такие экономические агенты были названы Ф.М. Бассом «инноваторами»). Далее, q – «коэффициент имитации» (*coefficient of imitation*), характеризующий «межличностное» воздействие на экономического агента (так что решающим для него оказывается мнение тех экономических агентов, которые уже приобрели новый продукт, – «*word of mouth*»); эти экономические агенты были названы Ф.М. Бассом «имитаторами». Вероятность приобретения имитаторами нового продукта определяется величиной «коэффициента имитации» q и долей $N(t)/m$ уже купивших и использующих этот продукт агентов, так что имитаторы приобретают новый продукт с вероятностью $qN(t)/m$. Отметим, что употребление терминов «инноватор» и «инновация» в работах [2, 3] отличается от принятого в современной теории инноваций (см., например, [25–27]).

Как уже отмечалось выше, модель Ф.М. Басса диффузии инноваций включает в себя, по существу, два варианта роста популяции в соответствии с соотношениями (5) и (7) (но теперь уже в рамках трактовки, связанной с «диффузией инноваций»).

Нетрудно найти решение задачи (12), (2), которое запишется в виде:

$$N(t) = m\frac{(pm+qN_0) - p(m-N_0)e^{-(p+q)(t-t_0)}}{(pm+qN_0) + q(m-N_0)e^{-(p+q)(t-t_0)}} = \\ = m\frac{1-p\Delta e^{-(p+q)(t-t_0)}}{1+q\Delta e^{-(p+q)(t-t_0)}}, \quad (13)$$

где $\Delta = (m-N_0)(pm+qN_0)^{-1}$. Ясно, что, в силу (13), $N(t) \to m$, $t \to \infty$. Фактически модель Ф.М. Басса описывает диффузию новых продуктов в следующей ситуации. Пусть существует некоторый рынок, на котором появляется принципиально новый продукт (товар или услуга), выпускаемый некоторой фирмой, не имеющий аналогов и, соответственно, конкуренции со стороны других продуктов или других фирм. Этот продукт создает новый спрос, так как появляется вполне определенное количество людей, желающих приобрести этот продукт или уже совершивших его покупку. Считается, что модель Ф.М. Басса имеет некоторое «поведенческое» обоснование, согласующееся с результатами исследований по этому поводу в социальных науках (см., например, [4]).

Заметим, что известная модель В.М. Полтеровича – Г.М. Хенкина взаимодействия процессов создания, заимствования и диффузии технологий (см. [28, 29] и др.) в некоторых аспектах имеет аналогии с моделью Ф.М. Басса.

В работах ряда авторов были представлены различные обобщения модели Ф.М. Басса. Отметим только некоторые из них. Так, в работе [30] уравнение (12) приобретает вид

$$\frac{dN(t)}{dt} = \left[p + q\left(\frac{N(t)}{m}\right)^{\delta}\right]\left[m - N(t)\right], \quad (14)$$

где δ – положительный параметр. Запись модели Ф.М. Басса в форме (14), возможно, была навеяна некоторыми биологическими ассоциациями [15,16]. Введение таким способом еще одного параметра в уравнение (14), в принципе, придает ему большую гибкость в плане соответствия данным статистики. В работах [31, 32] рассматривается случай двух фирм. Например, автор работы [32] приходит к системе уравнений

$$\frac{dN_1(t)}{dt} = \left[p_1 + \frac{q_1}{m_1}N_1(t)\right]\left[m_1 - N_1(t)\right] + \\ + \frac{q_{12}}{m_1}N_1(t)\left[m_2 - N_2(t)\right], \quad (15)$$

$$\frac{dN_2(t)}{dt} = \left[p_2 + \frac{q_2}{m_2}N_2(t)\right]\left[m_2 - N_2(t)\right] + \\ + \frac{q_{21}}{m_2}N_2(t)\left[m_1 - N_1(t)\right], \quad (16)$$

где переменные имеют смысл, аналогичный модели Ф.М. Басса, а $m = m_1 + m_2$ – общий потенциал рынка. Суммарное количество $N(t)$ «пользователей» инновации определяется из соотношения $\frac{dN(t)}{dt} = \frac{dN_1(t)}{dt} + \frac{dN_2(t)}{dt}$. Параметры q_{ij} описывают взаимное воздействие фирм друг на друга («коэффициенты перекрестного влияния»). Аналогичная модель рассматривается в работе [33]. Система (15), (16) достаточно легко может быть обобщена на случай произвольного числа фирм.

Отметим, что в приведенной выше постановке задачи предполагается, что новые продукты присутствуют на рынке одновременно, т.е. реализуется ситуация «синхронной работы» производящих их фирм. Однако часто рассматривается ситуация «последовательного» появления на рынке новых поколений данного товара (или новых товаров-заместителей). В идейном плане такие модели сходны с представленными, однако значительно более сложны и содержат большее число параметров, которые должны быть определены независимым образом. К числу таких работ относится, например, работа [34]. Подробный обзор данного направления исследований см., например, в работах [35–37].

Обобщенная математическая модель процесса диффузии инноваций

Несмотря на то, что в настоящее время имеется достаточно широкий набор теоретических и прикладных моделей создания, заимствования и распространения новых технологий, поиски адекватных моделей диффузии инноваций продолжаются (см., например, [38–40]). Одним из возможных подходов к созданию достаточно общей модели диффузии инноваций является сочетание ряда не противоречащих друг другу предположений, делаемых в каждом из описанных выше направлений исследования и позволяющих в наибольшей степени отразить динамику этого процесса без излишнего усложнения его математического описания. Одним из вариантов такой модели может служить следующая система дифференциальных уравнений, включающая в себя элементы модели Ф.М. Басса (12) (с уточнениями типа (14)) и использующая для оценки неиспользованного потенциала

рынка не количество «не охваченных» инновацией экономических агентов (как в модели Ф.М. Басса), а некоторую *оценку* этого потенциала, учитывающую характер взаимодействия представленных на рынке экономических агентов. В качестве такой оценки «неиспользованного потенциала рынка» можно использовать оценку «неиспользованной емкости экологической ниши», входящую в правые части уравнений модели Гилпина – Айалы (см. (11)). В результате получаем следующую систему обыкновенных дифференциальных уравнений

$$\frac{dN_i(t)}{dt} = \left[p_i + q_i \left(\frac{N_i(t)}{K_i} \right)^{\beta_i} \right] \times \\ \times \left[1 - \left(\frac{N_i(t)}{K_i} \right)^{\theta_{ii}} - \sum_{i=1, i \neq j}^{n} \alpha_{ij} \left(\frac{N_j(t)}{K_j} \right)^{\theta_{ij}} \right], \quad (17)$$

$$i = 1, 2, ..., n,$$

где переменные имеют ясный из предыдущего обсуждения смысл. Как и в [38], данная математическая модель использует предположение о том, что диффузия инноваций реализуется в рамках взаимодействия нескольких сосуществующих последовательных поколений новой технологии, причем динамика такого взаимодействия сходна с динамикой взаимодействия биологических популяций, существующих в одном ареале обитания и конкурирующих между собой. Следует признать, что даже в случае $n = 2$ эта модель содержит значительное количество (независимых) параметров, которые должны быть определены независимым образом. Этот факт, конечно же, затрудняет идентификацию параметров модели и накладывает серьезные ограничения на объем необходимой статистической информации (которая во многих случаях оказывается коммерческой тайной). С другой стороны, ясная структура модели и положительные результаты в использовании её частных случаев [22, 23] позволяют надеяться на её достаточно большую эффективность в исследовании диффузии инноваций.

Заключение

В настоящей работе дается краткий обзор ряда математических моделей диффузии инноваций, широко используемых при исследовании динамики смены поколений инновационных технологий (товаров, услуг). Одно из направлений в построении таких моделей восходит к классической модели Ф.М. Басса; другое основано на использовании биологических аналогий – метафор и опирается на модели динамики численности взаимодействующих биологических популяций. В работе вводится в рассмотрение обобщенная математическая модель динамики смены поколений инновационного товара, в определенной мере объединяющая упомянутые выше подходы в области моделирования диффузии инноваций. Эта модель охватывает весьма широкий диапазон конкретных математических моделей и может быть положена в основу общих эконометрических моделей диффузии инноваций, описываемых системами одновременных уравнений.

Примечания

1. В своем трактате «Об учёном незнании» Николай Кузанский указывает: «…все исследователи судят о неизвестном путём соразмеряющего… сравнивания с чем-то уже знакомым…», однако «… последняя точность… и однозначное приведение неизвестного к известному … выше человеческого разума» (см. [9]).

2. По определению, $\mathbf{R}_+ = [0, \infty)$, $\mathbf{R}_{++} = (0, \infty)$.

Список литературы

1. Kucharavy D., De Guio R., Application of S-shaped curves // Presented at ETRIA TRIZ Future Conference 2007, Frankfurt [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.seecore.org/d/2007_02t.pdf (дата обращения: 19.01.2017).

2. Bass F.M. A new product growth model for consumer durables // Management Science. 1969. Vol. 15. № 5. P. 215–227.

3. Bass F.M. Comments on «A new product growth model for consumer durables» // Management Science. 2004. Vol. 50. № 12 (Supplement). P. 1833–1840.

4. Rogers E.M. Diffusion of innovations. Third Edition. New York: The Free Press, A Division of Macmillan Publishing Co., Inc., 1983. 453 p. (1st Edition – 1962).

5. Hirshleifer J. Competition, cooperation, and conflict in economics and biology // American Economic Review. 1978. Vol. 68. № 2. P. 238–243.

6. Тамбовцев В.Л. Исследования по метаэкономике. М.: Экономический факультет, ТЕИС, 1998. 146 с.

7. Фатенков А.Н. Модель-метафора как универсально-конкретная форма философского дискурса // Вестник ННГУ. Социальные науки. 2002. № 1. С. 345–361.

8. Ginzburg A. Biological metaphors in economics: natural selection and competition // Ch. 6 in: D. Lane et al. (eds.). Complexity Perspectives in Innovation and Social Change. Springer Science+Business Media B.V., 2009. P. 117–152.

9. Кузанский Н. Об учёном незнании [Электронный ресурс]. URL: http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/antology/document/HASH015d20aefe593a2a72bf38b2 (дата обращения: 19.01.2017).

10. Peschel M., Mende W. The predator – prey model: Do we live in a Vorterra World? Wien – N.Y.: Springer-Verlag, 1986. 252 p.

11. Svirezhev Yu.M. Nonlinearities in mathematical ecology: Phenomena and models. Would we live in Vol-

terra's world? // Ecological Modeling. 2008. Vol. 216. № 1. P. 89–101.

12. Трубецков Д.И. Феномен математической модели Лотки – Вольтерры и сходных с ней // Прикладная нелинейная динамика. 2011. Т. 19. № 2. С. 69–88.

13. Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М.С. Гиляров; Редкол.: А.А. Баев, Г.Г. Винберг, Г.А. Заварзин и др. М.: Сов. энциклопедия, 1986. 831 с.

14. Словарь современных экономических и правовых терминов / Авт.-сост. В.Н. Шимов, А.Н. Тур, Н.В. Стах и др.; Под ред. В.Н. Шимова и В.С. Каменкова. Мн.: Амалфея, 2002. 816 с.

15. Murray J.D. Mathematical biology. I. An introduction. 3rd Edition. New York: Springer – Verlag. 2001. 551 p. [Русский перевод 1-го издания: Марри Дж. Нелинейные дифференциальные уравнения в биологии. Лекции о моделях: Пер. с англ. М.: Мир, 1983. 397 с.].

16. Базыкин А.Д. Нелинейная динамика взаимодействующих популяций. М. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. 368 с.

17. Gause G.F. The struggle for existence. Baltimore: Williams & Wilkins, 1934.

18. Gilpin M.E., Ayala F.J. Global models of growth and competition // Proceedings of the National Academy of Sciences USA. 1973. Vol. 70. № 12. Part I. P. 3590–3593.

19. Fan M., Wang K. Global periodic solutions of a generalized *n*-species Gilpin–Ayala competition model // Computers & Mathematics with Applications. 2000. Vol. 40. № 10–11. P. 1141–1151.

20. Meili Li M., Han M., Kou C. The existence of positive periodic solutions of a generalized *N*-species Gilpin–Ayala impulsive competition system // Matheatical Biosciences and Engineering. 2008. Vol. 5. № 4. P. 803–812.

21. Chen F., Chen Y., Guo S., Li Z. Global attractivity of a generalized Lotka – Volterra competition model // Differential Equations and Dynamical Systems. 2010. Vol. 18. № 3. P. 303–315.

22. Кузнецов Ю.А., Маркова С.Е., Мичасова О.В. Математическое моделирование динамики конкурентного замещения поколений инновационного товара // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (1). С. 170–179.

23. Кузнецов Ю.А., Маркова С.Е., Мичасова О.В. Экономико-математическое моделирование динамики смены поколений телекоммуникационных услуг // Финансовая аналитика: теория и практика. 2014. № 34 (220). С. 43–55.

24. Jurang Y., Global positive solutions of periodic *n*-species competition systems // J. Math. Anal. Appl. 2009. Vol. 356. P. 288–294.

25. Селиванов С.Г., Гузаиров М.Б., Кутин А.А. Инноватика: Учебник для вузов. М.: Машиностроение. 2008. 721 с.

26. Комаров В.М. Основные положения теории инноваций. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. 190 с.

27. Крючкова С.Е. Инноватика: история и теория // В кн.: Философско-методологические основания развития общества в условиях инноваций. М.: Янус-К, 2012. С. 53–69.

28. Полтерович В.М., Хенкин Г.М. Эволюционная модель взаимодействия процессов создания и заимствования технологий // Экономика и математические методы. 1988. Т. 24. № 6. С. 1071–1083.

29. Хенкин Г.М., Шананин А.А. Математическое моделирование шумпетеровской инновационной динамики // Математическое моделирование. 2014. Т. 26. № 8. С. 3–19.

30. Easingwood C., Mahajan V., Muller E. A non-uniform influence innovation diffusion model of new product acceptance // Marketing Science. 1983. Vol. 2. № 3. P. 273–293.

31. Mahajan V., Muller E., Bass F.M. New product diffusion models in marketing: A review and directions for research // Journal of Marketing. 1990. Vol. 54. № 1. P. 1–26.

32. Казанцев С.Ю. Использование диффузионной модели в прогнозировании долей рынка (на примере развития сетей сотовой связи стандартов GSM и CDMA 2000) // Научные труды ИНП РАН. Российская академия наук. Институт народнохозяйственного прогнозирования. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 248–260. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/sa2005/11 (дата обращения: 20.09.2014).

33. Li X., Liao Z. The dynamic multi-innovation diffusion model with active potential consumers and its application to the diffusion of local telephony and mobile telephony in China // International Journal of Management Science and Engineering Management. 2006. Vol. 1. № 2. P. 148–160.

34. Stremersch S., Muller E., Peres R. Does new product growth accelerate across technology generations? // Market Letters. 2010. Vol. 21. P.103–120.

35. Meade N., Islam T. Modelling and forecasting of Innovation – 25-year review // International Journal of Forecasting. 2006. Vol. 22, № 3. P. 519–545.

36. Chandrasekaran D., Tellis G.J. A critical review of marketing research on diffusion of new products // In: N.K. Malhorta (Ed.). Review of Marketing Research. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2007. Ch. 2. P. 39–80.

37. Peres R., Muller E., Mahajan V. Innovation diffusion and new product growth models: A critical review and research directions // International Journal of Research in Marketing. 2010. Vol. 27. № 2. P. 91–106.

38. Dalla Valle A. A new competition model combining the Lotka – Volterra model and the Bass model in pharmacological market competition // University of Padova. Department of Statistical Sciences. Working Paper Series. № 7. July 2014. 19 p.

39. Baláž V., Williams A.M. Diffusion and competition of voice communication technologies in the Czech and Slovak Republics, 1948–2009 // Technological Forecasting & Social Change. 2012. Vol. 79, № 2. P. 393–404.

40. Neokosmidis I., Avaritsiotis N., Ventoura Z., Varoutas D. Assessment of the gap and (non-) Internet users evolution based on population biology dynamics // Telecommunications Policy. 2015. Vol. 39. № 1. P. 14–37.

MATHEMATICAL MODELS FOR THE DYNAMICS OF INNOVATION TECHNOLOGY GENERATION CHANGE

Yu.A. Kuznetsov, S.E. Markova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

When simulating and analyzing the process of changing generations of innovative products, it is very important to take into account the market capacity, the possible demand for different versions of this product, the availability of competing analogues on the market, the closeness of the market to saturation, etc. In this paper, we present a brief description of a number of mathematical models of innovation diffusion that are widely used in studying the dynamics of the generation change of innovative technologies (goods, services). One of the trends in the construction of these models goes back to the classical model of F.M. Bass; another is based on the use of biological analogies - metaphors and therefore the conceptual models in this area of research are similar to the models of population dynamics of interacting biological populations, in particular, to the well-known Lotka-Volterra models. Such models can take into account both the predator-victim relationship, and the relationship of competition and symbiosis. In this article, we build a generalized mathematical model for the dynamics of the generation change of an innovative product. To some extent, this model combines the above-mentioned approaches to modeling diffusion of innovations. This model covers a very wide range of specific mathematical models and can be used as a basis for general econometric models for diffusion of innovations described by systems of simultaneous equations.

Keywords: mechanics of innovation diffusion, mathematical model, Bass model, Lotka – Volterra model, Gilpin – Ayala model.

УДК 330.3

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В РОССИИ: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2017 г.

Е.В. Лядова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

lyadova_ev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2017
Статья принята к публикации 01.02.2017

Исследуется динамика производительности труда на макроэкономическом уровне в отраслях промышленности, строительства, транспорта и связи экономики РФ с некоторой детализацией по основным отраслям обрабатывающей промышленности, а также выявляется взаимосвязь между темпами роста производительности труда и динамикой заработной платы. Корреляционно-регрессионный анализ позволил выявить сильную взаимосвязь между темпами роста производительности труда и изменениями реальной заработной платы работников. Сделан вывод о том, что для экономики России подтверждается действие общемировой закономерности абсолютного сокращения общего фонда рабочего времени в обрабатывающих производствах, сочетающегося с увеличением объемов выпуска в этом секторе, что выступает результатом повышения общественной производительности труда. При этом рост производительности труда выступает основой и важнейшей предпосылкой ускорения экономического развития.

Ключевые слова: добавленная стоимость, реальная заработная плата, производительность труда, промышленное производство, затраты труда, экономическое развитие.

Введение

Величина производительности труда и динамика данного показателя признается многими исследователями одним из важнейших и даже решающих условий достижения высокого уровня конкурентоспособности социально-экономической системы и, как следствие, улучшения качества жизни населения [1, с. 5]. В связи с этим представляется очень важным стабильное повышение эффективности производства, и в частности увеличение производительности труда как базового фактора обеспечения качественного прироста добавленной стоимости, увеличения дохода, получаемого с каждой единицы затрачиваемых ресурсов, снижения общего уровня цен, повышения стандартов жизни работников.

Главным образом остановимся на оценке динамики производительности труда в отраслях отечественной промышленности, а также в строительстве, транспорте и связи. В структуре произведенного ВВП за 2015 г. доля этих отраслей составила порядка 41%. Именно эти отрасли всегда выступали материальной основой развития общества, а промышленное производство по показателю создаваемой добавленной стоимости, благодаря масштабному вкладу в интенсивное развитие новых технологий, представляет собой еще и один из решающих факторов развития экономики.

Учитывая, что отставание в производительности труда во многом определяет разрыв благосостояния между странами [2], необходимо уделять более пристальное внимание данной проблеме для определения «узких мест» и новых возможностей развития.

Методология

В рамках данного исследования используется макроэкономический подход, согласно которому анализируется экономика в целом и производительность труда в связи с этим рассматривается в широком смысле. Макроэкономический анализ общей эффективности российской экономики уточняется с помощью дополнительных показателей производительности труда по отраслям с целью выявления проблемных зон и выработки предложений по их устранению.

Эмпирической базой исследования стали данные Федеральной службы государственной статистики за период 2004–2015 гг. Расчет показателей производительности труда выполнен двумя методами.

1. Стоимостной метод, согласно которому для расчета среднегодовой производительности труда в качестве результатов производственной деятельности использованы значения реальной валовой добавленной стоимости, а в качестве затрат труда – численность занятых работников и затраты рабочего времени в человеко-часах в конкретных отраслях. Поскольку добавленная стоимость формируется при использовании труда, при расчетах используются значения

Таблица 1

Производительность труда в расчете на единицу затрат рабочего времени в некоторых отраслях экономики России (руб./час)[1]

	2004	2006	2008	2010	2012	2014
Добыча полезных ископаемых	370.23	1098.86	1575.35	1627.02	1765.19	2846.69
Обрабатывающие производства	83.86	173.46	238.05	279.68	347.73	416.78
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	115.31	182.51	250.62	409.28	378.64	536.12
Строительство	93.14	109.46	163.55	202.46	385.18	373.58
Транспорт и связь	106.73	202.92	278.11	337.07	317.49	454.17

Таблица 2

Производительность труда в расчете на одного занятого в некоторых отраслях экономики России (млн руб. в год)

	2004	2006	2008	2010	2012	2014
Добыча полезных ископаемых	0.801871	1.681471	2.170983	2.188266	3.455807	3.557427
Обрабатывающие производства	0.1739	0.293737	0.419701	0.510493	0.672099	0.75684
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0.234999	0.300447	0.408713	0.629246	0.740935	0.788037
Строительство	0.162956	0.248955	0.335755	0.434378	0.770659	0.774874
Транспорт и связь	0.249034	0.331704	0.440095	0.525806	0.624115	0.692555

именно данного показателя, а не сумма ВВП, в которой отражаются также налоги и субсидии на созданные продукты [3, с. 18]. Данный подход позволяет получить более точные результаты использования труда, дать детализированную оценку и выявить истинные закономерности в динамике производительности.

2. Индексный метод. Оценка динамики производительности труда основывается на расчете индексов изменения данного показателя по методике Росстата как отношение индекса физического объема валовой добавленной стоимости к индексу изменения совокупных затрат труда в эквиваленте полной занятости [4]. Однако несмотря на то, что при использовании такого подхода к оценке затрат труда, по мнению некоторых исследователей, возникают дополнительные погрешности в ходе измерения [5, с. 215], он позволяет соотнести изменения производительности труда и реального объема выпуска за весь рассматриваемый период.

Для анализа взаимосвязи и взаимовлияния производительности труда и его оплаты использован методологический подход, предложенный Р. Капелюшниковым [6]. Согласно данной методологии, следует различать реальную заработную плату производителя и реальную заработную плату работника, используя при расчете первой индекс цен производителей (ИЦП), а при расчете второй – индекс потребительских цен (ИПЦ). Это позволит соотнести темпы изменения производительности труда с реальными издержками производителя на рабочую силу и оценить изменение благосостояния работников.

Применение корреляционно-регрессионного анализа позволило определить взаимосвязь между динамикой показателей производительности труда и изменения затрат на инновации по отраслям, а также оценить степень взаимовлияния между реальной заработной платой и производительностью труда.

Результаты

Оценим динамику уровня производительности труда, рассчитав стоимостным методом данный показатель на единицу затрат рабочего времени (таблица 1) и на одного занятого в год (таблица 2).

Представленные данные свидетельствуют о росте производительности труда в анализируемых отраслях российской экономики за период 2004–2014 гг. при наибольшем прогрессе в добывающем секторе. Однако при более детальном рассмотрении в течение всего периода рост показателя в расчете на одного занятого более стабилен, чем в расчете на единицу затрат рабочего времени. Так, например, из-за неблагоприятной конъюнктуры и понижения цен на сырьевые энергоресурсы в 2009 и 2012 г. производительность труда на 1 час рабочего времени в добывающей промышленности, производстве электроэнергии, газа и воды, транспорте и связи снижалась, что и объясняет незначительный

Таблица 3

Динамика абсолютных затрат рабочего времени в некоторых отраслях экономики России (тыс. чел.-часов)

	2004	2006	2008	2010	2012	2014
Добыча полезных ископаемых	2356479	1824000	1837000	1891000	2840698	1907000
Обрабатывающие производства	24441836	21068000	20665000	19432000	20715692	18853000
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3872318	3485000	3441000	3530000	4653381	3466000
Строительство	8298064	10196000	11098000	10841000	10644169	11240000
Транспорт и связь	12349802	10256000	10414000	10174000	13192171	10331000

рост показателя в периоды 2008–2010 гг. и 2010–2012 гг.

На неустойчивость темпов положительной динамики изменения показателя производительности труда в расчете на единицу рабочего времени оказало влияние волнообразное изменение фонда рабочего времени (таблица 3).

Экономия абсолютных затрат рабочего времени в отраслях промышленности и транспорта РФ является одним из следствий повышения производительности труда и соответствует общей тенденции снижения трудоемкости в промышленном секторе развитых стран. Относительная экономия затрат труда в отдельных отраслях означает сокращение рабочего времени на выпуск определенного объема продукции при том, что общие затраты производительного труда в экономике не уменьшаются. Примеры многих стран (Южная Корея, Чили, Израиль, Турция, Канада) свидетельствуют о том, что на уровне национальной экономики рост производительности труда не способствует снижению занятости в долгосрочном периоде за счет активного внедрения инновационных технологий, увеличения объемов выпуска продукции, активного расширения рынков сбыта [7, с. 130].

Таким образом, происходит перераспределение рабочего времени из отраслей производственного сектора в сферу услуг. В современных условиях сфера нематериального производства также становится мощнейшим фактором экономического роста, в т.ч. развития и совершенствования самого материального производства [8, с. 695] за счет предоставления различного рода услуг, оказываемых организациями социальной и рыночной инфраструктуры. При этом экономия производительного труда, базирующаяся на развитии производительных сил общества, выступает основой расширения сферы непроизводственной социальной деятельности, что соответствует прогрессу общества при параллельном увеличении свободного времени работников, предназначенного для осуществления их всестороннего развития. Подобная тенденция характерна для многих стран мира, например Германии, Франции, Италии, Швеции, Голландии, Дании, США, Южной Кореи и др. [9, с. 37–48, с. 63].

Так, например, численность занятых в обрабатывающей промышленности США снизилась за период 2005–2013 гг. с 14.2 до 12 млн человек при том, что производительность труда выросла на 13.7%, а валовая добавленная стоимость увеличилась на 376 млрд долл. в текущих ценах [10, с. 35]. Это подтверждает тот факт, что страны с высоким уровнем производительности труда в обрабатывающих производствах имеют возможность уделить основную долю времени своей экономической деятельности предоставлению услуг и другим видам непроизводительного труда, не сокращая при этом объемов промышленного производства.

Оценим соотношение темпов изменения производительности труда и реального объема выпуска в отраслях производства, строительства и транспорта российской экономики на основе расчетов с использованием индексного метода (таблица 4).

Результаты расчетов, представленные в таблице 4, показали, что в добывающих и обрабатывающих отраслях темпы повышения производительности труда значительно опережают темпы прироста объемов выпуска, что является положительной тенденцией. Транспорт и связь демонстрирует более скромные успехи (чуть меньше 6%). Подобное опережение объясняется параллельным снижением общих затрат труда. Поскольку последнее происходило медленнее увеличения производительности, то объем выпуска возрастал, хотя и не в меру повышения производительности труда. Более того, в обрабатывающих отраслях рост производительности труда за весь рассматриваемый период намного превышает значения показателя по другим представленным отраслям.

Вместе с тем рост реальной добавленной стоимости в строительстве происходил в основном за счет увеличения затрат труда (за период 2004–2014 гг. рост абсолютных затрат рабочего

Таблица 4

Изменение производительности труда, затрат труда и реального объема выпуска в некоторых отраслях российской экономики за период 2004–2014 гг. (%)

	Изменение производительности труда на одного занятого	Изменение реального объема выпуска	(2)–(3)	Изменение затрат труда	Изменение численности занятых
1	2	3	4	5	6
Добыча полезных ископаемых	+42.6	+19.2	+23.4	–19.1	+40.26
Обрабатывающие производства	+71.5	+38.1	+33.4	–22.3	–11.92
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	+2.5	+8.3	–5.8	–10.5	+24.11
Строительство	+59	+66.46	–7.46	+35.45	+14.25
Транспорт и связь	+52.7	+46.89	+5.81	–16.35	+28

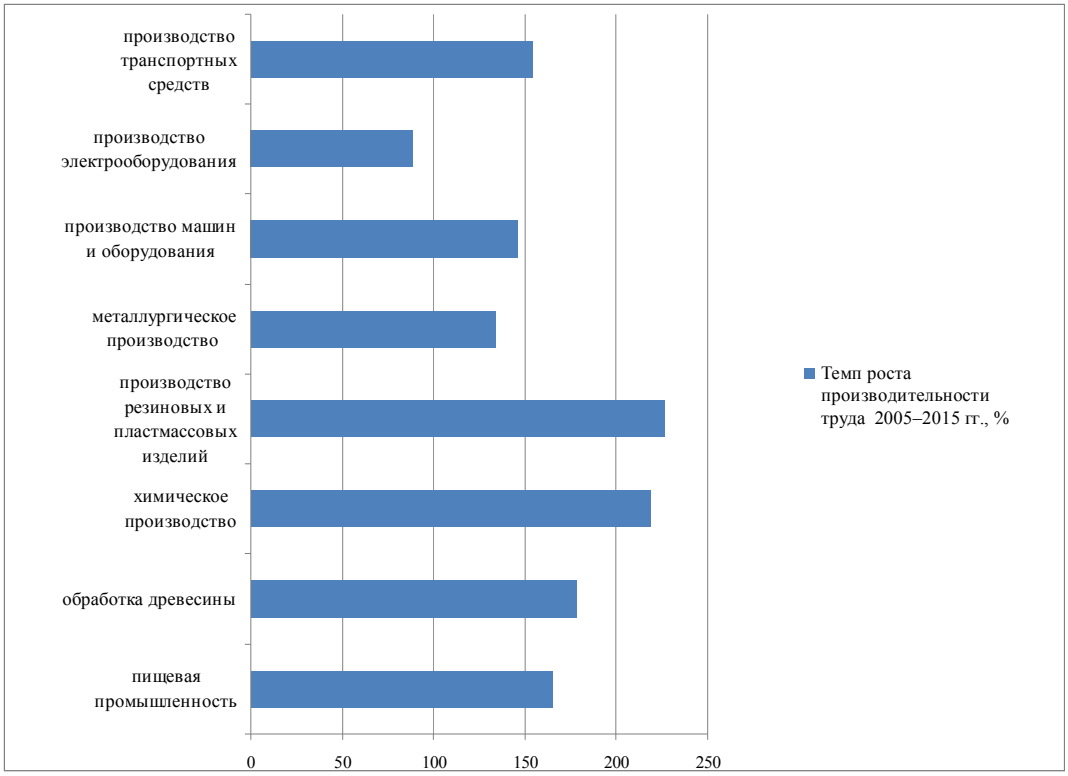

Рис. Изменение индекса производительности труда в некоторых отраслях отечественной обрабатывающей промышленности (%)

времени составил порядка 2942 млн человеко-часов) и численности занятых, а не роста производительности труда, хотя значение этого показателя также активно увеличивалось.

Таким образом, для экономики России также подтверждается действие общемировой закономерности абсолютного сокращения общего фонда рабочего времени, прежде всего в обрабатывающих производствах, сочетающегося с увеличением объемов выпуска в этом секторе, что выступает результатом повышения общественной производительности труда. В связи с этим рост производительности труда выступает важнейшим фактором увеличения объема производимых и потребляемых обществом благ и становится предпосылкой ускорения экономического развития.

Подобное значение обрабатывающей промышленности для ускорения экономического развития вызывает необходимость осуществления более детального анализа динамики производительности труда в отраслях этого сектора российской экономики. Для выявления возможностей развития машиностроения, металлургической, химической, деревообрабатывающей, пищевой промышленности с целью реализации в дальнейшем политики импортозамещения оценим динамику производительности труда в этих отраслях на основе индекса изменения данного показателя. Согласно методике Росста-

та, рассчитаем его путем соотнесения индексов валовой добавленной стоимости и совокупных затрат труда (рисунок).

В целом за последние 11 лет (рисунок) производительность труда в отдельных отраслях обрабатывающей промышленности в среднем увеличилась почти в 1.5–2 раза, кроме отрасли, производящей электрооборудование (снизилась на 11%). Наибольший прогресс характерен для производства резиновых и пластмассовых изделий, химической промышленности, в этих отраслях ежегодные темпы роста производительности труда также стабильны и достаточно высоки. Следует отметить, что в пищевой и химической отраслях даже в кризисные годы показатель производительности труда не снижался, а лишь имело место некоторое замедление роста.

Производства электронного и оптического оборудования, транспортных средств, машиностроение, напротив, сильно подвержены конъюнктурным колебаниям. Производительность труда в этих отраслях значительно снижалась в периоды 2008–2009 гг. и 2013–2015 гг., что указывает на серьезные проблемы в их развитии. Для данных видов производств характерны глубокие спады, проявляющиеся в значительном регулярном снижении производительности труда, что отрицательно сказывается на отраслевом объеме выпускаемой продукции. В отраслях обработки древесины, производстве резиновых и пластмассовых изделий, металлургии также наблюдается значительное падение производительности труда в кризисные 2008–2009 гг., 2015 г. при небольшом росте в остальные годы.

Выявленные тенденции свидетельствуют о неустойчивости развития сектора обрабатывающей промышленности в России. А поскольку повышение производительности труда является основным источником развития производства, сложившаяся ситуация ограничивает потенциал этих видов экономической деятельности в реализации политики импортозамещения и снижает их роль в ускорении экономического развития страны.

Недостаточно высокий уровень производительности труда в отраслях российской промышленности сочетается с высокой степенью износа производственного оборудования, отраслевыми диспропорциями, негативными изменениями в структуре занятости, снижением инвестиций в промышленность, конъюнктурными колебаниями, что ограничивает развитие отечественной экономики. При этом, по мнению А.И. Щербакова, современное регулирование государством производительности труда в российской экономике носит несколько фрагментарный характер, не всегда ориентируясь на результаты в долгосрочной перспективе [11, с. 18]. Недостаточное внимание к этому вопросу сейчас может привести к недоиспользованию трудового потенциала и снижению отдачи от трудовых ресурсов в будущем.

На совокупную производительность труда и экономический рост влияют также и уровень образования, масштабы производства в стране, качество основного капитала, новые организационные формы использования промышленного и интеллектуального капитала, сложившаяся техноструктура [12, с. 188]. В связи с этим в качестве механизмов и методов развития отраслей промышленности и стимулирования роста производительности труда предлагается применение налоговых механизмов повышения инновационной и инвестиционной активности, поддержка малого предпринимательства [13], эффективное государственное управление и реализация обоснованной промышленной политики [14, с. 89], техническое перевооружение предприятий и внедрение инноваций. Исследования подтверждают, что порядка 40–66% роста совокупной производительности является результатом использования в производстве научных достижений [15].

В подтверждение данного положения рассчитаем коэффициенты корреляции между динамикой показателей производительности труда и изменением затрат на инновации в отраслях российской экономики. Результаты проведенных расчетов показали достаточно сильную взаимосвязь между затратами на инновации и производительностью труда в обрабатывающей промышленности (коэффициент корреляции 0.96), добывающих производствах (0.9), производстве и распределении электроэнергии (0.8). Это доказывает, что среди факторов, обеспечивающих рост производительности труда, несомненно, выделяются и повышение технического уровня производства за счет модернизации технологического оборудования, и организационные изменения трудового процесса, основанные на инновационных методиках.

Еще одним важным фактором роста производительности труда и элементом мотивационной системы достижения желаемого уровня производительности выступает материальное стимулирование работников, выражающееся в повышении реальной заработной платы.

Многие исследователи обращают внимание на то, что низкий уровень производительности труда определяется недостаточным его стимулированием и низкими реальными доходами работающих граждан [16, с. 13; 17, с. 32; 18, с. 64].

Это подтверждается и мировым практическим опытом. Так, лидерство США в произ-

Таблица 5

Изменение производительности труда, номинальной и реальной заработной платы за период 2004–2014 гг. в отдельных отраслях российской экономики (%)

	Производительность труда	Номинальная заработная плата	Реальные издержки на заработную плату для производителей	Реальная заработная плата работника
Добыча полезных ископаемых	+42.6	+250.08	– 33	+28.9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	+2.5	+302.79	+26.08	+48.3
Обрабатывающие производства	+71.5	+330.88	+58.01	+58.7
Строительство	+59	+301.85	+28.25	+47.9
Транспорт и связь	+52.7	+297.11	+16.31	+73.6

водительности труда в значительной степени определяется высоким уровнем заработной платы американских работников. В США с 1987 г. по 1995 г. производительность труда в экономике (в расчете на одного занятого) ежегодно увеличивалась на 1.4%, а с 1995 г. по 2008 г. – на 1.9%. При этом в течение первого периода реальная зарплата возрастала приблизительно на 0.1% в год, а второго – на 0.7%. Повышение реальной зарплаты работников в Китае также позитивно повлияло на рост производительности труда. За период 1980–2005 гг. при росте потребительских цен в 4.57 раза денежная зарплата в китайской промышленности возросла почти в 20 раз, что обеспечило многократное увеличение реальной заработной платы. Эти процессы сопровождались ускорением роста производительности труда в экономике Китая. С 1995 г. по 2008 г. ежегодные темпы прироста производительности составляли 7.7%, реальная зарплата увеличивалась приблизительно на 18% [19, с. 98–99].

Таким образом, прогресс в производительности труда с макроэкономической точки зрения неразрывно связан с ростом оплаты труда работников. При этом поднимается вопрос изменения не только номинальной, но и реальной заработной платы, которая представляет собой один из основных факторов повышения благосостояния, улучшения качества жизни населения, увеличения потребительского спроса, а следовательно, и роста выпуска продукции. В то же время повышение производительности труда может рассматриваться как фактор, определяющий величину и динамику заработной платы, выступая объективной основой роста оплаты труда сотрудников и, как следствие, расширения их возможностей в удовлетворении потребностей.

Для подтверждения существования связи между реальной зарплатой и производительностью труда в исследуемых отраслях рассчитаем корреляционную зависимость между этими показателями. Полученные результаты коэффициента линейной корреляции приближаются к 0.98, что свидетельствует об очень сильной прямой взаимосвязи между двумя переменными. Дальнейший регрессионный анализ позволит уточнить, что в большей степени влияет: заработная плата на производительность труда или производительность труда на заработную плату.

Полученные результаты коэффициентов детерминации свидетельствуют о том, что прирост производительности труда в добывающих отраслях по сравнению с другими в меньшей степени обусловливает рост заработной платы работника (коэффициент детерминации при оценке степени влияния производительности труда на реальную заработную плату работника равен 0.73). Для остальных рассматриваемых отраслей заработная плата значительно зависит от производительности труда и в то же время выступает серьезным стимулом для повышения эффективности работы (коэффициенты детерминации составляют порядка 0.9).

Далее стоит обратить внимание на то, что анализ производительности труда и его оплаты можно рассматривать с двух сторон:

1) с точки зрения работника, когда важно оценивать влияние изменения данных величин на рост его благосостояния либо его мотивацию;

2) с точки зрения производителя, в этом случае оценивается изменение затрат на трудовые ресурсы.

Учитывая данный факт, проведем дальнейший анализ взаимосвязи и взаимовлияния производительности труда и его оплаты.

Рост производительности труда стимулируется в том случае, если сопровождается ростом реальной заработной платы работников, что совершенно справедливо повышает их благосостояние. Согласно полученным в таблице 5 данным, практически во всех рассматриваемых отраслях действует дигрессивная модель, при которой рост заработной платы отстает от роста

производительности труда. Наиболее значительно – в 1.4 раза – рост реальной заработной платы работника отстает от роста производительности труда в добывающем секторе.

Кроме того, стимулирующее воздействие роста реальной заработной платы на снижение трудоемкости постоянно подрывается инфляцией, только за период 2004–2014 гг. индекс потребительских цен составил порядка 271% [4]. В целом же снижение реальной заработной платы работников происходило во время экономических спадов, т.е. в 2009 г., 2014–2015 гг.

Прогрессивная модель, когда рост заработной платы опережает рост производительности труда, характерна для производства и распределения энергии, газа и воды.

Изменение реальной заработной платы, рассчитанной с использованием индекса промышленных цен, показало, что издержки на рабочую силу уменьшились только в добывающих отраслях. Это говорит о том, что рост производительности труда позволил снизить затраты труда на производство и реализацию данного вида продукции. В обрабатывающих производствах наблюдается самый высокий прирост реальных издержек на заработную плату за период 2004–2014 гг. Но это в конечном итоге не должно сильно повлиять на снижение стимулов производителей, поскольку динамика роста производительности труда опережала рост издержек на рабочую силу.

Заключение

В целом по итогам проведенного анализа можно сделать следующие выводы относительно тенденций изменения производительности труда в некоторых отраслях отечественной экономики за последние 11–12 лет и их влияния на дальнейшее развитие.

1. Наибольший рост производительности труда в расчете на единицу затрат рабочего времени характерен для добывающей промышленности (7.7 раза) и для отраслей обрабатывающего сектора (5 раз).

2. Производительность труда на одного занятого, рассчитанная стоимостным методом, в большей степени выросла в сфере строительства (4.8 раза) и обрабатывающем производстве (4.5 раза); индексным методом – в обрабатывающей промышленности (прирост 71.5%) и строительстве (прирост 59%). Однако этого в целом недостаточно для преодоления технологической зависимости от иностранных поставщиков современного оборудования, что предопределяет дальнейшее медленное развитие отраслей обрабатывающей промышленности.

3. Детальный анализ производительности труда по отдельным отраслям обрабатывающего сектора промышленности позволил выявить:

– отрасли-лидеры – химическая промышленность, производство резиновых и пластмассовых изделий, которые продемонстрировали значительные успехи в повышении производительности труда за рассматриваемый период;

– отрасли-аутсайдеры – производство электро-, электронного и оптического оборудования, где производительность труда даже снизилась. Для этих видов деятельности необходимо найти источники роста производительности труда. К таким стимулирующим факторам относят организационные, технологические, научно-технические, экономические, социальные, логистические и мотивационные механизмы [20, с. 68], которые лишь при одновременном применении дадут желаемый результат.

4. Для всех рассматриваемых отраслей, кроме строительства, характерно снижение абсолютных затрат рабочего времени. Однако сокращение численности занятых наблюдается только в отраслях обрабатывающей промышленности, что свидетельствует о проявлении в российской экономике общемировой тенденции высвобождения рабочей силы из отраслей производственного сектора и перевода ее в сферу услуг. При этом реальный объем выпуска промышленности увеличивается за счет роста производительности труда.

5. Рост производительности труда в обрабатывающем секторе в большей степени по сравнению с другими отраслями опережает рост издержек производителей на рабочую силу, что в целом создает некоторые условия и предпосылки для развития и расширения этих видов производств.

В целом выявленные тенденции свидетельствуют о нестабильном росте производительности труда в различных отраслях и неустойчивости развития экономики России. Основная задача на современном этапе состоит в том, чтобы грамотно и своевременно использовать появляющиеся возможности, поскольку преимущества в показателях производительности проявляются впоследствии не только в появлении положительных экономических результатов, но еще и в достижении множества социальных эффектов.

Примечание

1. Данные таблиц 1–5 рассчитаны автором на основе данных [4].

Список литературы

1. Лавровский Б.Л., Позднякова И.В., Федоров А.А., Спиридонова Е.В. Производительность труда и уровень потребления: межстрановые сопоставления (эмпирический анализ) // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16. № 2. С. 5–15.

2. Basu S., Pascali L., Schiantarelli F., Serveny L. Productivity and the Welfare of Nations. February 18, 2016. URL: http://www.bc.edu/content/dam/files/schools/cas_sites/economics/pdf/workingpapers/wp793.pdf

3. Арутюнян Ф.Г., Торопов В.Т. Концептуальные положения и тенденции оценки производительности труда по отраслям экономики РФ // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 12 (1). С. 17–21.

4. Федеральная служба государственной статистики России. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 20.11.2016).

5. Тимарсуев М.В. Анализ методологических подходов к оценке производительности труда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 2 (31). С. 213–218.

6. Капелюшников Р. Производительность труда и стоимость рабочей силы: как рождаются статистические иллюзии // Вопросы экономики. 2009. № 4. С. 59–79.

7. Лобанова В.А., Трофимова Н.В. Динамика производительности труда: расчет и особенности в регионах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15. № 2. С.125–131.

8. Полушкина И.Н., Бузмакова М.В. Противоречия развития производства и потребления на современном этапе развития экономики // Экономика и предпринимательство. 2016. № 6 (71). С. 695–701.

9. Сокращение рабочего дня как основание современного экономического развития / Под ред. А.В. Золотова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 198 с.

10. Варнавский В. Глобальная конкурентоспособность обрабатывающей промышленности США // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2. С. 34–46.

11. Щербаков А.И. Государственное регулирование производительности труда в современной России // Горизонты экономики. 2016. № 6 (32). С. 18–23.

12. Сухарев О.С. Институциональная теория экономического роста: основные императивы // Журнал экономической теории. 2015. № 3. С. 185–202.

13. Гринберг Р.С. и др. Налоговая политика в социально-экономическом развитии стран с переходной экономикой: Монография / Под ред. Р.С. Гринберга, З.Н. Кузнецовой. СПб.: Алетейя, 2011. 391 с.

14. Фролов В.Г. Институциональные факторы развития промышленной политики // Креативная экономика. 2013. № 2 (74). С. 89–95.

15. Хелпман Э. Загадка экономического роста. М.: Изд-во ин-та Е.Т. Гайдара, 2011. 240 с.

16. Иванова Е.А., Гинзбург М.Ю. К проблеме измерения и обеспечения роста производительности труда в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2015. № 4 (40). С. 9–17.

17. Лыгдунова С.В. Взаимосвязь производительности и оплаты труда // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2015. № 2. С. 31–37.

18. Попков А.А. О взаимосвязи роста производительности труда и роста оплаты труда // Экономические науки. 2015. № 4. С. 61–64.

19. Золотов А.В. Рост реальной заработной платы и повышение конкурентоспособности экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 5. С. 98–104.

20. Ершова М.В., Жариков В.Д., Жариков Р.В., Жариков В.В. Модель роста производительности труда персонала на промышленном предприятии // Организатор производства. 2015. № 2 (65). С. 66–77.

ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF LABOR PRODUCTIVITY IN RUSSIA: THE MACROECONOMIC ASPECT

E.V. Lyadova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The purpose of this article is to study the dynamics of labor productivity at the macroeconomic level in the industrial, construction, transport and communications sectors of the Russian economy and to identify the relationship between the growth rates of labor productivity and the dynamics of wages. The analysis of this problem is based on the use of statistical information and author's calculations of labor productivity indicators and the rates of their change in the main sectors of the Russian economy. By means of correlation and regression analysis, we have revealed a strong relationship between productivity growth and changes in real wages. As a result, we have confirmed the action of the global patterns of absolute decrease of the overall work-time fund in the manufacturing sector, coupled with the increase in production volumes in this sector as a result of increasing public labor productivity. It is concluded that the growth of labor productivity is the basis and essential prerequisite for accelerating economic development.

Keywords: value added, real wages, labor productivity, industrial production, labor costs, economic development.

УДК 330.354: 378.4

НЕЙРОСЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРАНЫ

© 2017 г.

В.И. Перова, Э.А. Авагян

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

perova_vi@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.01.2017
Статья принята к публикации 01.02.2017

Методом нейросетевого моделирования исследована динамика показателей деятельности регионов Российской Федерации в сфере высшего образования. Данное исследование обусловлено тем, что совокупность знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и приносящих впоследствии доход, представляет собой человеческий капитал – один из важнейших внутренних факторов экономического потенциала страны. Исследование этой деятельности связано с анализом многомерных данных. Проведен кластерный анализ по шести показателям при помощи самоорганизующихся карт Кохонена, реализованных в приложении Viscovery SOMine. Показано, что за период 2010–2015 гг. регионы России распределились по 4 кластерам. Получены состав и характеристики каждого кластера. Сделаны выводы по проведенным исследованиям в целях определения путей повышения конкурентоспособности национальной системы образования как фактора экономического роста страны.

Ключевые слова: экономический рост, человеческий капитал, высшее образование, регионы Российской Федерации, кластерный анализ, нейронные сети, самоорганизующиеся карты Кохонена.

Введение

Одним из важнейших факторов человеческого капитала является уровень образования населения. Поэтому инвестирование в образование приносит в будущем для экономики больше прибыли по сравнению с затратами. Для высокоразвитых стран наиболее часто обсуждаемым вопросом является увеличение количества технологических инноваций от инвестиций в образование. Это делает капитал и рабочую силу более продуктивными и порождает рост доходов [1, 2]. По влиянию образования на экономический рост можно выделить, по меньшей мере, три механизма:

– образование может увеличить человеческий капитал. Это достигается за счет увеличения квалификации рабочей силы, что приводит к повышению производительности труда и, следовательно, позволяет перейти к более высокому уровню производства;

– образование может повысить инновационный потенциал экономики. Новые знания о передовых технологиях, продуктах и процессах способствуют росту экономики;

– образование может способствовать распространению и передаче знаний. Эти знания необходимы для понимания и обработки новой информации и успешной реализации технологий, разработанных другими, что благоприятствует экономическому росту [3].

Поддержание конкурентоспособности и лидирующего положения государства в мире связано с инновациями и высокоэффективными технологиями. Поэтому образование становится все более важным и значимым фактором экономического развития [4–9]. Конкурентоспособная экономика напрямую зависит от конкурентоспособной рабочей силы в стране, обеспечить которую может конкурентоспособная национальная система образования [7].

В Российской Федерации переход к инновационной экономике связан с необходимостью оптимизации системы образования. Поэтому актуален анализ динамики показателей деятельности регионов РФ в сфере высшего образования.

В работе такой анализ проведен с применением перспективной технологии нейросетевого моделирования на основе шести показателей за период 2010–2015 гг. в расчете на 10 тысяч человек населения в регионе [10]: число учреждений высшего образования; численность профессорско-преподавательского состава; прием бакалавров, специалистов, магистров; численность студентов; выпуск бакалавров, специалистов, магистров; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в сфере высшего образования.

Инструментом для проведения исследований были выбраны самоорганизующиеся карты (СОК) Кохонена [11–15], реализованные в паке-

те Viscovery SOMine [16]. СОК – это нейронные сети, обучаемые без учителя на основе конкуренции нейронов [17–19]. Главным отличием метода нейросетевого моделирования от других методов, например, таких как экспертные системы, является то, что нейронные сети сами строят модель только на основе предъявляемой информации. Именно поэтому нейронные сети используются там, где нужно решать задачи прогнозирования и кластеризации [20, 21] данных.

Анализ результатов нейросетевого моделирования динамики показателей деятельности регионов России в сфере высшего образования

В настоящей работе проведено нейросетевое моделирование динамики деятельности регионов России в сфере высшего образования за период 2010–2015 г. на основе показателей, взятых с сайта Федеральной службы государственной статистики [10]:

X1 – число учреждений высшего образования (на 10 тыс. чел.);

X2 – численность профессорско-преподавательского состава (на 10 тыс. чел.);

X3 – прием бакалавров, специалистов, магистров (на 10 тыс. чел.);

X4 – численность студентов (на 10 тыс. чел.);

X5 – выпуск бакалавров, специалистов, магистров (на 10 тыс. чел.);

X6 – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в сфере высшего образования (руб.).

Показатель X6 приведен нами к ценам 2015 г. с учетом инфляции [22].

По итогам нейросетевого моделирования осуществлено разбиение исходных данных 83 субъектов РФ в 2010–2014 гг. и 85 субъектов в 2015 г. на 4 кластера, которые представлены на рис. 1.

Кластер № 1 характеризуется показателями, в 1.5 – 2 раза превышающими общие средние показатели по России. Средние показатели кластера № 2 близки к общим средним по РФ показателям, за исключением показателя заработной платы, который ниже среднего по России. В кластере № 3 показатель заработной платы в 1.5 раза выше общего среднего по России, при этом остальные показатели ниже общих средних по РФ показателей. Кластер № 4 характеризуется низкими значениями всех показателей.

Динамика количества регионов в кластерах приведена в табл. 1.

Более наглядное представление о динамике количественного распределения регионов РФ по кластерам в период 2010–2015 гг. дает рис. 2.

Анализ данных, приведенных в табл. 1 и на рис. 2, показывает, что количество регионов за период 2010–2015 гг. в кластерах № 2 и № 4 варьируется достаточно сильно, а в кластерах № 1 и № 3 остается практически неизменным.

Подробные сведения о динамике распределения регионов Российской Федерации по кластерам в 2010–2015 гг. приведены в табл. 2.

Из табл. 2 следует, что на протяжении периода 2010–2015 гг. некоторые регионы оставались в одном и том же кластере, то есть во всех кластерах образовались ядра с постоянным составом. В ядро кластера № 1 вошел только один регион – г. Москва. Ядром кластера № 2 являются 3 региона – Иркутская, Ростовская и Челябинская области. Ядро кластера № 3 составляют 5 регионов – Камчатский край, Республика Коми, Магаданская, Мурманская и Тюменская области. Ядро кластера № 4 состоит из одного региона – Алтайского края.

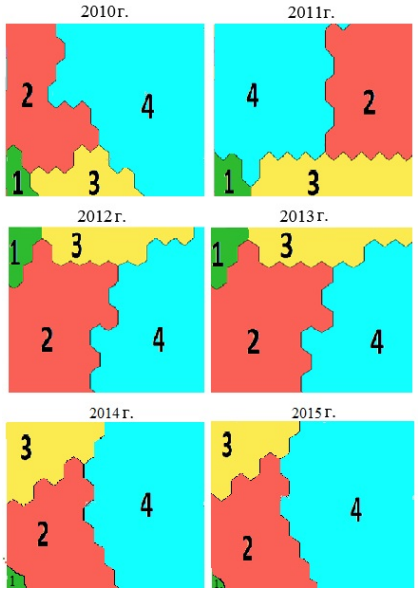

Рис. 1. Самоорганизующиеся карты Кохонена распределения регионов РФ по кластерам за период 2011–2015 гг.

Таблица 1

Динамика количества регионов в кластерах в 2010–2015 гг.

Год \ Кластер	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
2010	2	52	12	17
2011	2	39	11	31
2012	2	36	10	35
2013	3	32	9	39
2014	1	17	10	55
2015	1	15	13	56

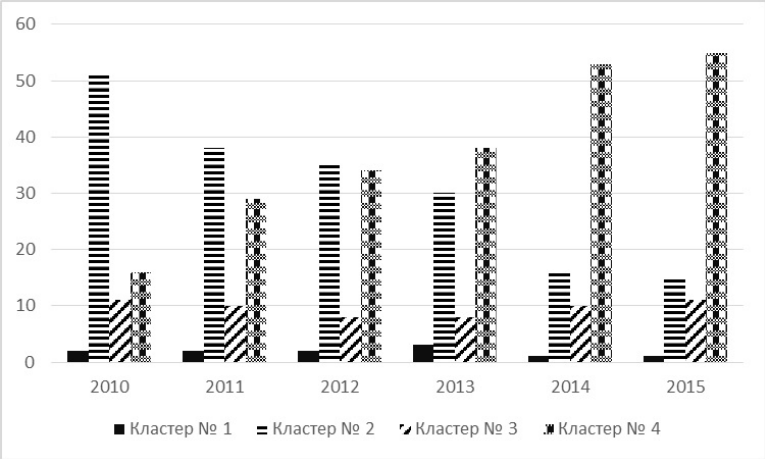

Рис. 2. Динамика распределения регионов России по кластерам

Таблица 2

Динамика распределения регионов РФ по кластерам в 2010–2015 гг.

Год / Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Архангельская область	3	4	4	4	3	3
Алтайский край	4	4	4	4	4	4
Амурская область	3	2	4	4	4	4
Астраханская область	2	2	2	2	4	4
Брянская область	2	3	4	4	4	4
Белгородская область	2	2	2	2	4	4
Владимирская область	2	4	4	4	4	4
Воронежская область	3	2	2	2	2	2
Волгоградская область	2	2	2	2	4	4
Вологодская область	2	4	2	4	4	4
г. Москва	1	1	1	1	1	1
г. Санкт-Петербург	1	1	1	1	2	2
Еврейская автономная область	2	2	2	4	4	4
Забайкальский край	2	4	4	4	4	4
Иркутская область	2	2	2	2	2	2
Ивановская область	4	2	2	2	4	4
Краснодарский край	2	4	4	4	4	4
Карачаево-Черкесская Республика	2	4	4	4	4	4
Кабардино-Балкарская Республика	2	4	4	4	4	4
Калининградская область	4	2	2	2	4	4
Калужская область	2	4	4	4	4	4
Камчатский край	3	3	3	3	3	3
Кемеровская область	2	4	4	4	4	4
Кировская область	2	4	4	4	4	4
Костромская область	2	4	4	4	4	4
Красноярский край	3	2	2	2	2	2
Курганская область	2	4	4	4	2	4
Курская область	4	2	2	2	4	2
Ленинградская область	2	3	4	4	4	4
Липецкая область	2	4	4	4	4	4
Магаданская область	3	3	3	3	3	3
Московская область	3	3	4	3	3	3
Мурманская область	3	3	3	3	3	3
Нижегородская область	2	2	2	2	4	4
Новгородская область	2	4	4	4	4	2
Новосибирская область	4	2	2	2	2	4
Оренбургская область	2	4	4	4	4	4
Орловская область	4	2	2	2	2	2
Омская область	4	2	2	2	2	2
Приморский край	4	2	2	2	2	2
Пермский край	2	4	2	4	4	4

Окончание таблицы 2

Динамика распределения регионов РФ по кластерам в 2010–2015 гг.

Год / Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Пензенская область	2	4	4	4	4	4
Псковская область	2	4	4	4	4	4
Республика Адыгея	2	2	4	4	4	4
Республика Алтай	2	3	4	4	4	4
Республика Башкортостан	2	4	4	4	4	4
Республика Бурятия	2	2	2	2	4	4
Республика Дагестан	2	4	4	4	4	4
Республика Ингушетия	2	4	4	4	4	4
Республика Карелия	2	2	2	4	4	4
Республика Калмыкия	2	2	4	4	4	4
Республика Коми	3	3	3	3	3	3
Республика Марий Эл	2	2	4	4	4	4
Республика Мордовия	2	2	2	2	4	4
Республика Саха (Якутия)	3	2	3	3	3	3
Республика Северная Осетия – Алания	4	2	2	2	4	4
Республика Татарстан	4	2	2	2	2	2
Республика Тыва	2	4	4	4	4	4
Республика Хакасия	2	4	4	4	4	4
Ростовская область	2	2	2	2	2	2
Рязанская область	2	2	2	2	4	4
Саратовская область	2	2	2	2	4	4
Самарская область	4	2	2	2	2	2
Сахалинская область	3	3	3	3	2	3
Свердловская область	4	2	2	2	2	2
Смоленская область	2	2	2	2	4	4
Ставропольский край	4	2	2	2	4	4
Тамбовская область	2	4	4	4	4	4
Тверская область	2	4	4	4	4	4
Томская область	4	2	2	1	2	2
Тульская область	2	4	4	4	4	4
Тюменская область	3	3	3	3	3	3
Удмуртская Республика	2	2	2	2	4	4
Ульяновская область	2	2	4	4	4	4
Хабаровский край	4	2	2	2	2	2
Челябинская область	2	2	2	2	2	2
Чеченская Республика	2	4	4	4	4	4
Чувашская Республика	2	2	2	2	4	4
Ярославская область	2	2	2	2	4	4
г.Севастополь	-	-	-	-	-	4
Республика Крым	-	-	-	-	-	4

Отметим, что Республика Крым и г. Севастополь учтены в статистике 2015 г. и вошли в кластер № 4.

Таблица 3 демонстрирует статистику средних значений показателей деятельности регионов в сфере высшего образования за рассматриваемый период по кластерам и общих средних значений показателей по всем регионам РФ.

Наглядное представление о динамике средних значений показателей деятельности регионов РФ по кластерам за 2010–2015 гг. и соответствующих общих средних по России показателей дают графики (рис. 3–8).

Как показывает анализ данных рис. 3–5, среднее значение показателей X1 – число учреждений высшего образования, X2 – численность профессорско-преподавательского состава и X3 – прием бакалавров, специалистов, магистров – в кластере № 1 в течение всего рассматриваемого периода превышает общее среднее значение соответствующих показателей по Российской Федерации практически в 2 раза. В противоположность этому средние значения данных показателей в кластерах № 2–4 во всем исследуемом периоде ниже общего средних значений по стране до 2013 г., в период с 2013 по 2015 гг. в кластере № 2 наблюдается резкое увеличение приема бакалавров, специалистов и магистров.

На рис. 6 наблюдается отрицательная динамика по показателю X4 – численность сту-

Таблица 3

Статистика средних значений показателей деятельности регионов России в сфере высшего образования по кластерам за 2010–2015 гг. и общих средних по РФ показателей

Год	Номер кластера, M_y	Средние значения					
		X1	X2	X3	X4	X5	X6
2010	1	0.21	58.12	184.2	1 020.50	212.9	42 825.00
	2	0.05	18.75	80.44	393.96	78.41	19 518.98
	3	0.06	16.87	84.82	402.09	76.99	38 295.45
	4	0.1	28.7	110.37	542.73	113.98	22 056.00
	M_{2010}	**0.1**	**30.61**	**114.96**	**589.82**	**120.57**	**30 673.86**
2011	1	0.2	56.51	155.45	847.5	205.2	44 820.00
	2	0.07	23.92	88.23	463.11	107.92	22 059.74
	3	0.06	12.67	59.61	343.1	163.34	39 164.00
	4	0.05	15.98	61.34	330.45	147.51	20 347.59
	M_{2011}	**0.09**	**27.27**	**91.16**	**496.04**	**155.99**	**31 597.83**
2012	1	0.19	50.24	167.9	772.5	194.75	46 405.00
	2	0.07	21.91	93.37	425.89	94.4	23 561.94
	3	0.05	14.47	68.3	354.5	78.3	46 397.50
	4	0.04	15.12	63.8	310.32	66.84	22 072.65
	M_{2012}	**0.09**	**25.43**	**98.34**	**465.8**	**108.57**	**34 609.27**
2013	1	0.14	52.78	160.1	679.67	159.93	40 715.67
	2	0.06	23.92	91.56	412.93	92.32	23 519.93
	3	0.06	13.72	63.46	309.88	71.49	45 742.50
	4	0.04	16.48	59.23	284.05	62.54	22 356.47
	M_{2013}	**0.07**	**26.72**	**93.59**	**421.63**	**96.57**	**33 083.64**
2014	1	0.13	52.6	198.5	740.06	143	79585
	2	0.1	27.4	282.1	884.7	53.5	38438
	3	0.05	10	98.6	259.1	34.7	63494
	4	0.03	10.1	96.1	291.4	36.4	31409
	M_{2014}	**0.0775**	**25.025**	**168.825**	**543.815**	**66.9**	**53231.5**
2015	1	0.12	49.88	188.23	701.78	135.60	91385.35
	2	0.09	25.98	267.51	838.94	50.73	44137.34
	3	0.05	9.48	93.50	245.70	32.91	72908.48
	4	0.03	9.58	91.13	276.33	34.52	36066.12
	M_{2014}	**0.07**	**23.73**	**160.09**	**515.69**	**63.44**	**61124.32**

*M_y – среднее значение показателя по России

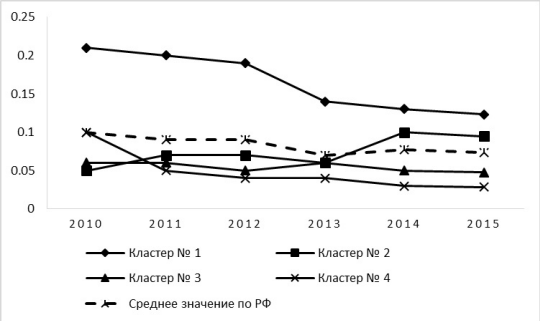

Рис. 3. Динамика числа учреждений высшего образования (на 10 тыс. чел.) в 2010–2015 гг.

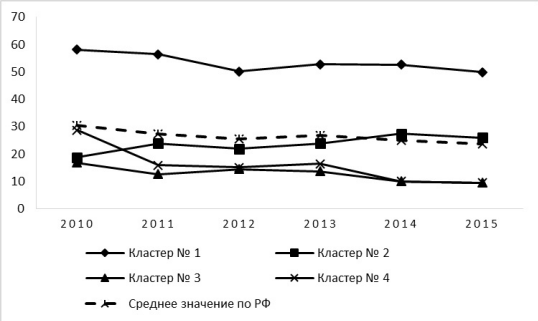

Рис. 4. Динамика численности профессорско-преподавательского состава (на 10 тыс. чел.) в 2010–2015 гг.

дентов – в период 2010–2015 гг. в регионах кластеров № 3 и № 4, а в регионах кластеров № 1 и № 2 – в период 2010–2013 гг. Заметно увеличение данного показателя с 2013 по 2014 г. в кластерах № 1 и № 2 и его незначительное снижение в 2015 г. Общее среднее по РФ значение этого показателя имеет похожую динамику с его значениями в кластере № 1.

Рисунок 7 демонстрирует отрицательную динамику показателя X5 – выпуск бакалавров, специалистов, магистров – в кластере № 1 во всем рассматриваемом периоде, а в кластерах № 2 – № 4 с 2011 по 2015 г.

Из рис. 8 следует, что в рассматриваемый период показатель X6 – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в сфере высшего образования – в кластерах № 1 и № 3 примерно на 10000 руб. превышает общее среднее значение по России, а в кластерах № 2 и № 4 – практически на 10000 руб. ниже общего

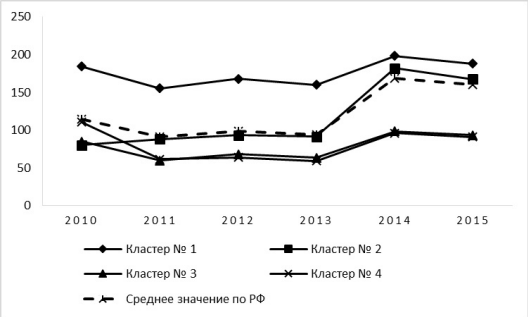

Рис. 5. Динамика приема бакалавров, специалистов, магистров (на 10 тыс. чел.) в 2010–2015 гг.

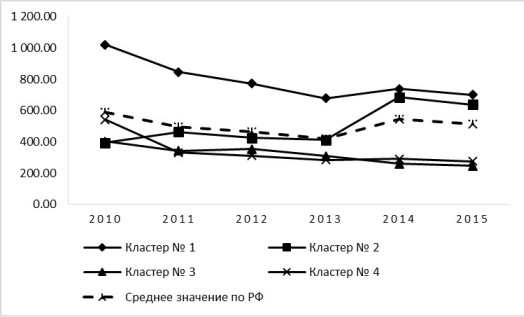

Рис. 6. Динамика численности студентов (на 10 тыс. чел.) в 2010–2015 гг.

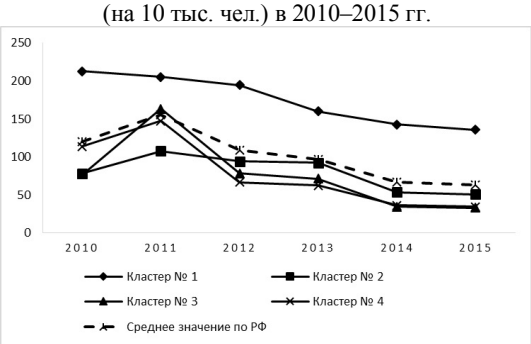

Рис. 7. Динамика выпуска бакалавров, специалистов, магистров (на 10 тыс. чел.) в 2010–2015 гг.

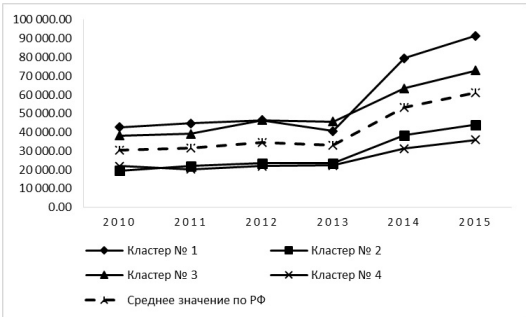

Рис. 8. Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в сфере высшего образования (руб.) в 2010–2015 гг.

среднего значения по РФ. При этом наблюдается заметный рост заработной платы в сфере высшего образования во всех кластерах начиная с 2013 г.

Заключение

Проведенное исследование показало возможность эффективного применения СОК Кохонена в задаче кластеризации регионов Российской Федерации по показателям их деятельности в сфере высшего образования как одного из важнейших факторов экономического роста страны.

Применение методов нейросетевого моделирования в задаче исследования динамики деятельности регионов РФ в сфере высшего образования позволило установить присутствие заметных различий в размерах кластеров. Это свидетельствует о неравномерном характере деятельности регионов России в данной сфере.

Увеличение количества регионов в кластере № 4 и уменьшение их в кластере № 2 говорит о том, что ряд регионов ухудшил свои показатели к 2015 году. В стране в период 2010–2013 гг. наблюдался спад приема, выпуска и численности студентов в высших учебных заведениях. Это может быть связано с демографической ситуацией по рождаемости в начале 90-х годов, поскольку в период с 1990 по 1995 г. естественный прирост населения был отрицательный [10]. Начиная с 2013 г. общий средний по РФ показатель численности студентов вузов демонстрирует рост в основном за счет его увеличения в регионах кластера № 2.

Получена отрицательная динамика количества образовательных учреждений высшего образования, которая может быть связана с интеграцией высших образовательных учреждений с целью повышения их конкурентоспособности.

Показатель среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в сфере высшего образования на протяжении всего исследуемого периода демонстрировал увеличение, особенно начиная с 2013 г.

Таким образом, полученные результаты позволили выявить регионы, являющиеся перспективными в плане развития образовательной деятельности, и регионы, которым необходимо оптимизировать их деятельность в сфере высшего образования с целью увеличения человеческого капитала и повышения инновационного потенциала страны.

Список литературы

1. Лавров Е.И., Лаврова Л.А. Человеческий капитал как фактор экономического роста // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2006. № 2. С. 63–69.

2. Benhabib I., Spiegel M.M. The role of human capital in economic development: Evidence from aggregate

cross-country data // Journal of Monetary Economics. Amsterdam: Elsevier Science B.V. 1994. № 34. P. 143–173.

3. Кузнецов Ю.А., Умилина А.Ю. Некоторые особенности развития экономики развивающихся стран и математическая модель экономического роста типа Нельсона – Фелпса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4 (40). С. 36–44.

4. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ [ред. от 07.05.2013]. Режим доступа: Консультант Плюс. Законодательство. Версия Проф. URL: https://www.consultant.ru/about/software/systems/prof/ (дата обращения: 12.09.2016).

5. Программа повышения конкурентоспособности Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского – Национального исследовательского университета. URL: http://www.unn.ru/pages/ranking/program/program.pdf (дата обращения: 12.09.2016).

6. Чупрунов Е.В., Грудзинский А.О., Гребенев И.В. Роль инновационных университетов в реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 3 (3). С. 7–13.

7. Горылев А.И., Камынина Н.Р. Совместные образовательные программы как инструмент построения единого европейского пространства высшего образования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 3 (39). С. 183–189.

8. Балыхин Г.А. Управление развитием образования: организационно-экономический аспект. М.: Изд-во «Экономика», 2003. 408 с.

9. Горылев А.И., Грудзинская Е.Ю., Марико В.В. и др. На пути в единое европейское пространство высшего образования: Учебное пособие / Под ред. А.О. Грудзинского. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2011. 176 с.

10. http://www.gks.ru (дата обращения: 16.09.2016).

11. Дебок Г., Кохонен Т. Анализ финансовых данных с помощью самоорганизующихся карт: Пер. с англ. М.: Издательский дом «АЛЬПИНА», 2001. 317 с.

12. Круглов В.В., Борисов В.В. Искусственные нейронные сети. Теория и практика. М.: Горячая линия – Телеком, 2002. 382 с.

13. Головко В.А. Нейронные сети: обучение, организация и применение. Кн. 4: Учебное пособие для вузов / Общая ред. А.И. Галушкина. М.: ИПРЖР, 2001. 256 с.

14. Перова В.И. Нейронные сети в экономических приложениях. Часть 1. Нейронные сети, обучаемые с учителем: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. 130 с.

15. Перова В.И. Нейронные сети в экономических приложениях. Часть 2. Нейронные сети, обучаемые без учителя: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. 135 с.

16. https://www.viscovery.net/somine/ (дата обращения: 19.09.2016).

17. Осовский С. Нейронные сети для обработки информации / Пер. с польск. И.Д. Рудинского. М.: Финансы и статистика, 2002. 344 с.

18. Kohonen T. Self-organized formation of topologically correct feature maps // Biol. Cybern. 1982. V. 43. P. 59–69.

19. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс. М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. 1104 с.

20. Балабанов А.С., Стронгина Н.Р. Анализ данных в экономических приложениях: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2010. 135 с.

21. Кузнецов Ю.А., Перова В.И. Кластерный анализ в экономических приложениях с применением ППП «STATISTICA». Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2009. 88 с.

22. http://planetcalc.ru/250/ (дата обращения: 16.09.2016).

NEURAL NETWORK ANALYSIS OF HIGHER EDUCATION DYNAMICS INDICATORS IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FACTOR OF THE COUNTRY'S ECONOMIC GROWTH

V.I. Perova, E.A. Avagyan

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

By using the method of neural network modeling, we have studied the dynamics of indicators of the Russian regions in the field of higher education. The relevance of this study is due to the fact that the body of knowledge and skills, which are obtained in the course of education and which subsequently yield income, is a part of human capital, one of the most important internal factors of the country's economic potential. The study of these activities is related to the analysis of multidimensional data. Cluster analysis on six indicators using Kohonen self-organizing maps is implemented by using the Viscovery SOMine data mining system. It is shown that for the 2010-2015 period, Russian regions are divided into 4 clusters. The composition and characteristics of each cluster are obtained. In our conclusions, we identify some ways to enhance the competitiveness of the national education system as a factor of economic growth.

Keywords: economic growth, human capital, higher education, regions of the Russian Federation, cluster analysis, neural networks, Kohonen self-organizing maps.

УДК 33.334.78

ДОМИНИРОВАНИЕ ТОРГОВЛИ В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК ПОД ВЛИЯНИЕМ ТОРГОВЫХ СЕТЕЙ

© 2017 г.

О.В.Чкалова, М.В. Ефремова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ochkalova@iee.unn.ru

Статья поступила в редакцию 22.01.2017
Статья принята к публикации 01.02.2017

Изучается изменение механизма взаимодействия контрагентов в цепях поставок; анализируются, обобщаются и систематизируются бизнес-процессы в логистических цепях поставок, которые контролируются торговлей. Прикладное использование полученных результатов явится основой создания соответствующей экономико-правовой базы, обеспечивающей устранение возникшего дисбаланса и справедливое распределение прибавочной стоимости в цепях поставок.

На основе общелогических методов исследований материалов Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Министерства экономического развития РФ, ведущих деловых и информационных агентств, материалов, содержащихся в исследованиях отечественных и зарубежных ученых, изучены состояние и перспективы происходящих процессов в цепях поставок, определены тенденции развития торговых сетей, влияющие на происходящие изменения.

Показано, что отечественные торговые сети имеют устойчивые тенденции развития и занимают высокие позиции в ведущих рейтингах мира. Установлено, что розничная торговля под влиянием торговых сетей становится ведущим сектором экономики, формируя в значительной степени ВВП страны и влияя на социально-экономические процессы. Выявлены глубокие изменения в моделях взаимодействия торговли в логистических цепях поставок: с производителями, оптовиками, транспортными организациями, покупателями, свидетельствующие о расширении бизнес-процессов, которые контролируются торговлей. Приведены факты, характеризующие доминирование торговли в цепях поставок.

Ключевые слова: логистические цепи поставок, доминирование и власть торговых сетей, бизнес-процессы.

На современном этапе развития российской экономики в логистических цепях поставок произошли значительные изменения, вызванные развитием торговых сетей. Почти 20 лет назад, до появления торговых сетей, торговля в цепях поставок выполняла подчиненную роль и полностью зависела от производителей, поставляющих ей товарные фонды. На протяжении первой половины XX века розничных продавцов считали «владельцами запасов» товаров. Сегодня ситуация коренным образом изменилась. Торговля как вид экономической деятельности претерпела радикальные изменения и из промежуточного звена в цепочке товародвижения, что было ей присуще до рыночной экономики, стала доминирующим звеном в цепях поставок, декларирующим свои требования остальным контрагентам. Торговля стала основным источником пополнения бюджета страны. К началу 2000-х годов на ее долю приходилось 33% (против 5.6% в 1990 году). К 2015 году эта цифра уменьшилась до 14.18%, но продолжает оставаться высокой по сравнению с другими видами экономической деятельности (на втором месте после операций с недвижимостью, арендой и предоставлением услуг – 15.39%).

С развитием торговых сетей усилилось влияние торговли на социально-экономические процессы общества. Торговля стала лидером среди других видов экономической деятельности по обеспечению населения рабочими местами. Так, в настоящее время в торговле трудится почти 20% работающего населения, в крупных мегаполисах эта цифра доходит до 25%. Торговля обеспечивает дополнительные рабочие места, повышает уровень занятости, снижает уровень безработицы и социальной напряженности в стране, а также формирует средний класс общества, повышая доходы и благосостояние населения.

Рост сетевых торговых организаций повлиял на изменение характера взаимодействия контрагентов в цепях поставок. Торговые организации заняли доминирующие позиции, диктуя свою политику отдельным производителям, сегментам рынка и целым отраслям экономики. Этот процесс изменил теоретические и методологические принципы, методы и способы развития торговли, что позволяет нам говорить о смене ее парадигмы.

Проведем анализ развития торговых сетей в России. Отечественные торговые сети, появив-

Таблица 1

Позиции отечественных торговых сетей в мировом рейтинге ТОП-250 в 2015 году

Позиция в рейтинге ТОП-250				Название компании	Показатели за 2014 финансовый год (июль 2014 г. – июнь 2015 г.) ($ млн)	
2015 год	2014 год	2012 год	2011 год		Выручка	Чистая прибыль
51	55	65	87	«Магнит»	18851	1241
60	58	58	83	X5 Retail Group	16853	338
162	166	192	–	«Дикси»	6043	119
199	192	211	240	«М.Видео»	4657	180
183	196	–	–	«Лента»	4580	213
229	206	–	–	«О'кей»	3989	175

Источник: официальный сайт компании Deloitte (www.deloitte.com/about).

Таблица 2

Позиции отечественных торговых сетей в рейтинге ТОП-50, по версии Deloitte, за 2010 – 2015 годы, %

Позиция в рейтинге ТОП-50	Название компании	Среднегодовой темп прироста товарооборота	Среднегодовой рост доходов	Среднегодовой рост чистой прибыли
8	«Дикси»	33.3	27.0	2.0
11	«Магнит»	30.0	9.1	6.2
12	«Лента»	28.4	34.5	4.7
30	«О'кей»	17.5	8.9	3.4
41	X5 Retail Group	14.1	0.4	2.0
45	«Юлмарт»	100.0	50.0	63.2

Источник: официальный сайт компании Deloitte (www.deloitte.com/about).

шиеся на российском рынке двадцать лет назад (первые сети появились в 1994 году), успели пройти за этот период сложный путь от начала появления до конкурентоспособных структур, способных конкурировать с мировыми гигантами розничной торговли. Так, «Магнит» в 2012 году вошёл в пятерку крупнейших ретейлеров мира по капитализации. «Капитализация «Магнита» через 15 лет развития превысила $15 миллиардов, а 15 лет назад она стоила 0 миллиардов», – написал по этому поводу глава и совладелец «Магнита» С. Галицкий в социальной сети Twitter.

Шесть крупнейших сетей страны – «Магнит», X5 Retail Group (сети «Пятерочка», «Перекресток», «Карусель»), «Лента», «О'кей», «Дикси», работающие в сегменте FMCG (Fast Moving Consumer Goods – сектор быстро оборачиваемых товаров в розничной торговле), «М.Видео» (сегмент электроники и бытовой техники) – уже несколько лет входят в рейтинг Global Powers of Retailing, определяемый международной консалтинговой компанией Deloitte.

С каждым годом развитие этих сетей все эффективнее: так, «Магнит» перешел с 87-го места в 2011 году на 51-е в 2015 г., X5 Retail Group в 2011 году находилась на 83-м месте, в 2015 г. – на 60-м. Причем данные сети в рейтинге стоят выше самой крупной китайской компании. В 2012 году в список крупнейших ретейлеров мира вошла торговая сеть «Дикси», заняв 192-е место. В 2015 году она поднялась до 162-го места. Две торговые сети «О'кей» и «Лента» в 2014 году в этом рейтинге позиционируют впервые (их позиции соответственно 206-я и 196-я). В 2015 году они занимали соответственно 229-е и 183-е места. Единственная оставшаяся в рейтинге непродовольственная сеть «М.Видео» поднялась с 240-го места (2011 год) до 199-го (2015 год) (таблица 1).

Пять торговых сетей предыдущего рейтинга (за исключением «М.Видео») входят и в рейтинг самых быстроразвивающихся компаний мира ТОП-50, который ежегодно определяет компания Deloitte. Критерием отбора является темп роста среднегодовой выручки (таблица 2).

Самые высокие темпы роста среди отечественных компаний показала торговая сеть «Дикси»: она заняла 8-е место в этом списке, среднегодовое увеличение выручки за 2009–2014 годы составило 33.3%. У других российских компаний: «Магнит», «Лента», «О'кей», X5 Retail Group – позиции в рейтинге ТОП-50, по версии Deloitte, соответственно следующие: 11-е, 12-е, 30-е, 41-е. В 2015 году в этот рейтинг впервые вошла российская компания «Юлмарт».

Рост торговых сетей повлиял на консолидацию торговли, которая в мировой практике достигла высоких результатов. Так, в продовольственном секторе в Германии она составляет 80%, в США – 55%, в Швейцарии – 63%, в Португалии 47%. Доля сетевой торговли в России пока не достигла такого уровня, но имеет устойчивую тенденцию к росту. По итогам 2015 года доля сетевой торговли составила почти 24.3% по сравнению с 15.1% в 2009 году (таблица 3).

Таблица 3

Доля сетевой торговли в России, %

Доля оборота розничной торговли розничных торговых сетей в общем объеме оборота розничной торговли						
2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
15.1	17.5	18.4	20.5	21.5	22.9	24.3

Источник: Федеральная служба государственной статистики (http://www.gks.ru/).

Торговля стала основным видом деятельности в структуре ВВП страны, поступлении налоговых платежей в федеральные и муниципальные бюджеты [1–6]. В новых условиях развития торговли изменился механизм взаимодействия контрагентов в цепях поставок производителей – поставщиков – розничных сетей – потребителей [7–9]. Торговые сети на сформировавшихся рынках обеспечивают производственным предприятиям до 70% объема продаж. Такая концепция распределения в менеджменте получила название key accounts management («ключевые клиенты»). Они обеспечивают гарантированный сбыт значительных объемов продукции по упрощенной схеме, когда по одному контракту продукция продается в десятках и даже сотнях торговых точек.

В новых экономических условиях торговые сети стали диктовать свои условия товаропроизводителям, поставляющим им продукцию, и предъявлять жесткие требования при заключении, исполнении и продлении договора с изготовителями[1]. На поставщика возлагается обязательство в течение установленного в договоре времени, которое может достигать нескольких лет, не изменять цены на товар. Поставщики по условиям, диктуемым торговыми сетями, должны поставлять им товары по ценам, не превышающим цен поставки аналогичных товаров в другие торговые сети. Отсрочка платежа поставленного товара в крупную международную сеть по договору может составлять до 450 календарных дней, и по сути поставщик кредитует торговую сеть. При приемке товаров многие сети требуют, чтобы остаточный срок годности поставляемой продукции составлял не менее 80% от заявленного в маркировке. Производитель вынужден принимать подобные условия, чтобы обеспечить себе сбыт[2].

Розничные сети диктуют производителям, где будут выложены их бренды[3]. Они ожидают от поставщика налаженную логистику, качественный мерчендайзинг, маркетинговый бюджет на продвижение товара[4]. За все возникающие риски при поставке и продаже товаров несет ответственность поставщик. Так, при нарушении договорных обязательств по поставке товаров, например при недопоставке товара или поставке с опозданием (даже на несколько часов), договор поставки предусматривает выплаты до 60% от суммы недопоставки[5]. В случае отсутствия спроса на товар торговые сети имеют право осуществлять его возврат поставщику. На поставщиков ложатся все непредвиденные расходы торговых сетей. Так, после роста цен на потребительские товары в декабре 2014 года Ассоциация компаний розничной торговли (АКОРТ), объединяющая крупнейших ретейлеров, выступила с инициативой заморозить цены на ряд социально значимых продовольственных товаров и сохранить наценку до 15% для избежания регулирования цен на государственном уровне. Но при этом торговые сети переложили свои убытки на поставщиков[6].

Расширяя рынки сбыта и осваивая новые географические сегменты, торговые сети на начальном этапе привлекают местных поставщиков в качестве источников поставки товаров. После этого торговые сети зачастую отказываются от сотрудничества и закупают однородный товар у других поставщиков, обосновывая это более привлекательными условиями работы с последним поставщиком. Торговые сети предъявляют к поставщикам самые жесткие требования при сотрудничестве, перекладывают на изготовителей часть собственной работы, бюджеты на продвижение товаров, нивелируют собственные риски [10, 11].

Власть торговых сетей, определение которой дано в работе немецкого политэконома Макса Вебера («это способность реализовать свой интерес независимо от интереса контрагента» [12]), проявляется не только в вовлечении производителей в торговые бизнес-процессы. Производители, помимо своих производственных задач, должны участвовать в вопросах продвижения и сбыта товаров торговых сетей. В этой связи бизнес-процессы изготовителей расширились и видоизменились.

Достаточно распространенными формами участия производителей в бизнес-процессах торговых сетей являются проведение дегустаций, предоставление фирменного оборудования, услуг мерчендайзеров для выкладки товаров в торговом зале, поддержания эффективного товарного запаса и т.д.

Другой важной предпосылкой, усиливающей влияние торговли на трансформацию цепей по-

ставок, является интенсивное развитие информационных технологий. Владея информацией о клиентах, их портрете, потребительских предпочтениях, торговые сети только на выгодных для себя условиях могут предоставить ее изготовителю[7].

Доминирование торговли в цепях поставок во многом связано с проникновением торговли в концепцию производства товаров, что всегда было исключительно прерогативой изготовителей. Данное явление прослеживается в нескольких аспектах. Во-первых, в непосредственной разработке товара и тесном сотрудничестве при этом с производителем, что позволяет гибко и оперативно подходить к формированию нового ассортимента. Примером являются международные сети Zara и IKEA. IKEA разработала новую стратегию развития, непосредственными участниками которой являются сами потребители. Они выбирают модули мебели, детали интерьера и создают товары в соответствии со своими вкусами и предпочтениями. Изготовители мебели вынуждены были принять новые концепции развития, поставляя ретейлеру отдельные элементы мебели для окончательной сборки самим потребителем. Этот технологический прорыв сделал изготовителей товаров для IKEA фактически международными подрядчиками компании, располагающей сетью магазинов по всему миру. Стратегия развития торговой сети одежды Zara позволяет ей разрабатывать и производить товары в двухнедельный срок. За год в торговой сети появляется до 10 000 новых товаров.

Во-вторых, вмешательство торговых сетей в концепцию товара выражается через производство товаров под собственной торговой маркой (СТМ, или частные марки (private label)). Механизм действия СТМ достаточно подробно рассмотрен в работе С.А. Старова [13]. Собственные торговые марки позволяют значительно (до 30%) снижать издержки по сравнению с закупкой чужих брендов и продвигать бренд розничной компании. Торговые сети получают возможность контролировать весь процесс производства, устанавливать оптимальное соотношение «цена – качество».

Для изготовителей СТМ – это обеспеченный сбыт продукции, исключение расходов на создание и продвижение бренда, разработку упаковки, маркетинговые исследования. Наиболее активно осваивают сегодня эту нишу «Вимм-Билль-Данн» (соки и молоко), торговый дом «Настюша» (мука и крупы), «Ледово» (замороженные продукты), Московская ореховая компания (орехи и снековая продукция), холдинг «Лебедянский» (соки). Вместе с тем, производя продукцию СТМ торговых сетей, изготовители становятся инструментом подчинения торговых сетей, утрачивают собственное имя, превращаясь в технологический придаток.

Первой торговой сетью в мире, начавшей заниматься производством собственных торговых марок, была французская торговая сеть Carrefour (1976 г.). Первой российской торговой сетью в этой области стала сеть «Перекресток» (2001 г.). В настоящее время стратегия развития СТМ характерна для всех мировых и федеральных сетей. Мировыми лидерами по продаже продуктов питания под СТМ являются: Wal-Mart (США), Carrefour (Франция), Tesco (Великобритания), Shwarz Group (Германия), Aldi (Германия). Доля СТМ в общем товарообороте может превышать 30% (Швейцария, Великобритания, Германия, Испания, Нидерланды, Франция). В среднем в мировой практике эта цифра составляет 22%. В России уровень проникновения СТМ пока небольшой и составляет 3% (см. рис.). Но в настоящее время все крупные федеральные сети, а их более 40, занимаются производством СТМ.

В условиях роста торговых сетей оптовые структуры также испытывают давление с их стороны. До появления торговых сетей они были основными контрагентами в цепях поставок, обеспечивающими взаимосвязь между производителями и розничной торговлей.

В настоящее время значимость оптовой торговли резко снижена из-за того, что крупные торговые сети создают свои распределительные центры, выполняющие функции оптово-транспортных компаний. Торговые сети создают десятки распределительных центров по всей стране, имеют парки автомобилей более 5000 единиц, что позволяет им выбирать поставщиков по всей стране, поставлять однотипный ассортимент во все магазины сети. Поставщики в этих условиях особо дорожат связями с торговыми сетями и готовы выполнять любые их условия.

Влияние торговли на контрагентов в цепях поставок наблюдается не только в бизнес-процессах с производителями, оптом, транспортными организациями, но и с потребителями. Торговые сети стали силой, оказывающей влияние на потребителей, формируя потребительский спрос и новую для них ценность. Потребители поставлены в условия, когда торговля диктует им правила, предлагая выбрать из того ассортимента, который сформировала сама, а не дистрибьютор, как это было раньше. Причем сегодня стратегия ретейлеров направлена не на расширение ассортимента, что было несколько лет назад, а на его сужение. Управлять меньшим ассортиментом для торговых се-

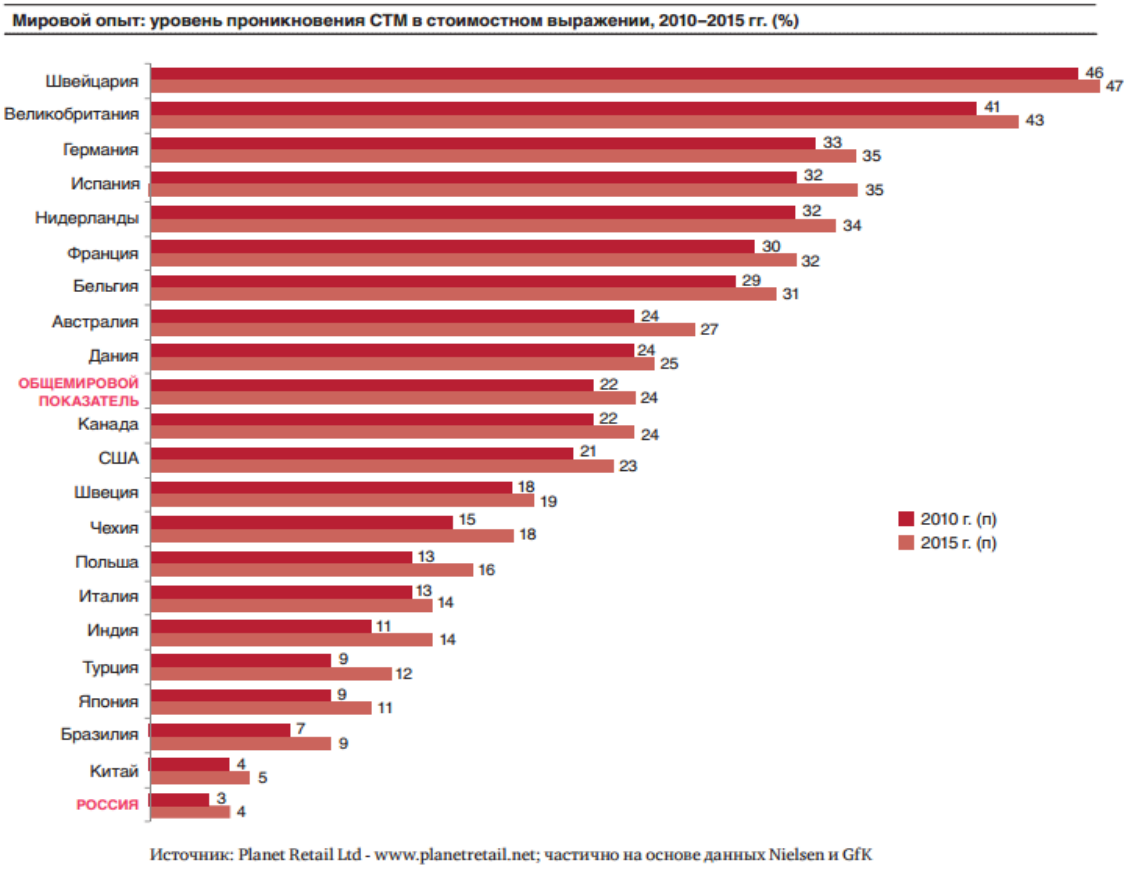

Рис. Мировой опыт – уровень проникновения СТМ в стоимостном выражении, 2010–2015 гг., %

тей намного проще, если уделять особое внимание мерчендайзингу товаров.

Таким образом, произошло перманентное расширение границ контроля сетевой торговли над всей цепью поставок. Изучению данного феномена посвящен ряд исследований российских ученых [14–19]. Изменения в цепи поставок и доминирование в них торговых сетей российские исследователи называют «властной асимметрией» [10], «разладом координации в деловых отношениях бизнес-партнеров» [15], «институциональной реконфигурацией системы товародвижения потребительского рынка» [8].

Возникшая реконфигурация цепи поставок последних 30 лет сопровождается не только изменениями в цепи поставок в сторону доминирования торговых сетей, но и диспропорциями в распределении прибавочной стоимости товара, смещением центра накопления стоимости в сферу торговли, что, по нашему мнению, позволяет более глубоко судить о доминировании торговли в цепях поставок.

Заключение

Результаты проведенного исследования выявили глубокие изменения в моделях взаимодействия торговли в цепях поставок с производителями, оптом, покупателями. Торговля в цепях поставок стала приобретать доминирующее значение и иметь влияние на всех их агентов. Данный феномен объясняется бурным развитием торговых сетей. Для более глубокого осмысления происходящих процессов в цепях поставок необходимы соответствующие исследования и создание обширной эмпирической базы о создании и распределении прибавочной стоимости в цепях поставок. Осмысление данных процессов и прикладное использование полученных результатов явится основой создания соответствующей экономико-правовой базы, обеспечивающей устранение возникшего дисбаланса и справедливое распределение прибавочной стоимости в цепях поставок.

Примечания

1. Торговая сеть «Дикси» при продлении соглашения о поставках требует подтвердить финансовые обязательства на следующий год «протоколом о намерении», которым обязывает определенный объем выплат для изготовителя. Без этого протокола «Дикси» не работает с поставщиками. URL: http://top.rbc.ru//business/19/02/2015/54e49fb49a79476f7547 7f28 (дата обращения: 18.06.2016).

В торговой сети «Ашан» отсутствует четко регламентированная процедура заключения договоров с

поставщиками. Из-за этого переговоры по заключению договора затягиваются на долгое время. Например, преддоговорный процесс между ООО «Ашан» и ООО «Донской консервный завод» длился 1.5 года. URL: http://pravo.ru/news/view/101583/ (дата обращения: 20.06.2016).

2. О работе крупных торговых сетей с поставщиками можно судить на примере торговой сети Wal-Mart. Когда менеджерам сети долгое время не удавалось договориться о нужных скидках с Procter & Gamble, поставщика предупредили, что продукцию его главного конкурента Colgate выложат на лучшем месте и по низкой цене. Необходимо отметить, что Wal-Mart на тот момент нуждалась в продукции Procter & Gamble намного больше, чем последняя компания в партнерстве с этой сетью. Procter & Gamble пришлось пойти на уступки. URL: http://retail-tech.ru/food/articles/1704/28548/ (дата обращения: 19.06.2016).

3. Торговая сеть «Ашан» не поддерживает маркетинговые политики поставщиков, если они не соответствуют их собственной политике. В недавнем прошлом монополист на рынке молочных продуктов компания «Вимм-Билль-Данн» попыталась надавить на «Ашан» и настоять на размещении своих товаров согласно собственной политике. В ответ на это «Ашан» выпустил абсолютно идентичную молочную продукцию под собственной торговой маркой, поставив ее на одной полке с продукцией «Вимм-Билль-Данн» и с ценой ниже на 20%. Бренды недовольного изготовителя не стали пользоваться спросом. После этого «Ашан» подписал с «Вимм-Билль-Данн» чрезвычайно выгодный контракт и вопросов с выкладкой товара больше не возникало. URL: http://retail-tech.ru/food/articles/1704/28548/ (дата обращения: 19.06.2016).

4. На сайте Федеральной антимонопольной службы (ФАС) впервые опубликованы данные, показывающие, в какую сумму может обходиться поставщикам продуктов участие в промоакциях ретейлеров. Служба изучила, сколько заплатили поставщики молока и молочной продукции сети «Ашан» за услуги «по рекламированию товаров путем демонстрации образцов» (выкладка товаров в местах наибольшей проходимости), и пришла к выводу: разным поставщикам одна и та же услуга обходилась в суммы, различающиеся подчас на порядки, отмечают «Ведомости». ФАС уже оштрафовала сеть Metro Cash & Carry на 126 млн руб. за создание дискриминационных условий для более чем 60 поставщиков рыбы, посчитав, что привязка стоимости услуг по продвижению продукта к объему товарооборота нарушает закон. URL: http://www.trkterra.ru/news/news_rus/fas-vyyasnila-skolko-platyat-ashanu-ego-postavshchiki-za-uchastie-v-promoakciyah.

П.Ю. Офицеров пишет в своей книге «Поставщик: организация эффективной работы с сетевыми магазинами. Российская практика»: «Мало заплатить входной билет, мало просто разложить ассортимент по полкам, для успешной работы нужно еще и проводить промоакции и следить за выкладкой своей продукции. Сегодня доминирование сетевых операторов на рынке Московского региона стало очевидным, их требования к поставщикам по проведению промомероприятий в поддержку своего товара стали не столько настойчивыми, сколько ультимативными». URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/126711/Oficerov.

5. Доклад ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации в 2013 году. URL: http://minec.government-nnov.ru/?id=36271 (дата обращения: 19.06.2016).

6. Председатель правления «Союзмолоко» Андрей Даниленко соглашается, что существует проблема перекладывания сетями финансовой нагрузки, связанной с ограничением наценки, на производителя. URL: http://top.rbc.ru/society/04/03/2015/54f67bbf9a7947aa1e41e181 (дата обращения: 19.06.2016).

7. Производители алкоголя «Русский стандарт» и «Синергия» обратились в ФАС с жалобой на торговую сеть «Дикси», которая предоставляет информацию о потреблении их продукции в разных магазинах сети на платной основе. Продукция изготовителей, поставленная в распределительный центр, самостоятельно развозится по магазинам внутри сети. В этой связи изготовители никак не могут повлиять на распределение своих товаров. Для того чтобы получить информацию, они должны ее купить у торговой сети. В торговой сети «Дикси» цена одного отчета может составлять до 14 млн руб. в месяц. URL: http://top.rbc.ru/business/19/02/2015/54e49fb49a79476f75477f28 (дата обращения: 19.06.2016).

Список литературы

1. Валеева Ю.С., Бурганова Л.И. Имидж торговой организации с точки зрения потребительских предпочтений // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2014. № 5. С. 45–48.

2. Клюева Ю.С. Критерии выбора поставщика материальных ресурсов для розничной торговой сети // РИСК. 2014. № 2. С. 98–100.

3. Панюкова В.В. Теоретическая база исследования интеграционного потенциала торговли // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 20. С. 3583–3598.

4. Хохлова Т.П. Анализ и пути повышения конкурентного потенциала торговой организации сетевого формата // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 4 (451). С. 85–96.

5. Цветков М.А., Цветкова И.Ю. Влияние глобальных изменений на подходы к развитию инновационно-активного предпринимательства // Российское предпринимательство. 2013. № 13 (235). С. 4–14.

6. Шнорр Ж.П. Мировой опыт глобализации розничной торговли // Вестник ТОГУ. 2014. № 1 (32). С. 199–208.

7. Дзреян А.Х., Кудусов С.-М.Л. Институциональная трансформация отношений обмена в цепях поставок потребительского рынка: концептуальный аспект //Новые подходы к развитию логистики в формате Россия – член ВТО: отвечая на вызовы. Расширяя возможности (VIII Южно-Российский логистический форум, 12–13 октября 2012 г.). Ростов н/Д: РИЦ РГЭУ (РИНХ), 2012. С. 97–104.

8. Кудусов С.-М.Л., Чайка А.И. Концептуальные аспекты анализа отношений обмена в логистических

цепях поставок потребительского рынка [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 12. Режим доступа: http://sisp.nkras.ru.

9. Олейник А.Н. Доминирование как результат сочетания интересов: бизнес-стратегии в ритейле и цепях поставок // Российский журнал менеджмента. 2009. Т. 7. № 3. С. 21–44.

10. Радаев В.В. Что требуют розничные сети от своих поставщиков: эмпирический анализ // Экономическая политика. 2009. № 2. С. 58–80.

11. Радаев В.В. Рыночная власть и рыночный обмен: отношения розничных сетей с поставщиками // Российский журнал менеджмента. 2009. Т. 7. № 2. С. 3–30.

12. Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978.

13. Старов С.А. Управление собственными торговыми марками розничных сетей: Монография / Высшая школа менеджмента, СПбГУ. СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента», 2013. 492 с.

14. Иванов Д.А. Управление цепями поставок. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2011. 660 с.

15. Маркин М.Е. Разлад координации в деловых отношениях участников рынка: к развитию экономической теории конвенций // Теоретическая экономика. 2013. № 6. С. 9–16.

16. Маркитантов О.А. Взаимная конфигурация воспроизводства и розничной торговли в системе товародвижения экономики: логистические аспекты конвергенции // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 36 (129). С. 50–53.

17. Радаев В.В. Кому принадлежит власть на потребительских рынках: отношения розничных сетей и поставщиков в современной России. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2011. 382 с.

18. Томассен Л. Ритейлизация: как выжить в эпоху диктата розничных сетей, используя силу и власть ритейлеров на благо своего бизнеса. М., 2010. 350 с.

19. Чайка А.И. Рост торговых сетей как фактор усиления властной асимметрии в системе товародвижения потребительского рынка [Электронный ресурс] // Инженерный вестник Дона. 2013. № 2. Режим доступа: http://www.ivdon.ru.

DOMINATION OF TRADE INDUSTRY IN SUPPLY CHAINS UNDER THE INFLUENCE OF DISTRIBUTION NETWORKS

O.V. Chkalova, M.V. Efremova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The aim of this study was to examine the changes in the mechanism of interaction between counterparties in supply chains; to analyze, summarize and systematize business processes in the logistics supply chains which are controlled by trade industry. Application of the results of this study will provide the basis for creating an appropriate economic and legal framework to ensure the elimination of the imbalance and the equitable distribution of the surplus value in the supply chain.

The study is based on the materials of the Federal Service of State Statistics and the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, of the leading business and news agencies, as well as the materials of domestic and foreign scientists' research. We examine the state and prospects of the processes in supply chains and determine the trends in the development of distribution networks that affect the changes.

It is shown that domestic distribution networks demonstrate stable development trends and occupy high positions in the leading world rankings. It is established that retail trade under the influence of distribution networks is becoming the leading sector of the economy that creates a large share of the country's GDP and affects socio-economic processes. We reveal profound changes in the interaction patterns of the trade industry and logistics supply chains involving manufacturers, wholesalers, transport organizations, and customers. This testifies to the expansion of the business processes that are controlled by the trade industry. Some facts that characterize trade industry's dominance in the supply chain are also presented.

Keywords: logistics supply chain, domination and power of distribution networks, business processes.

.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

СПЕЦИФИКА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ БРАКОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2017 г.

***Т.К. Ростовская,*[1] *Н.А. Ростовская*[2]**

[1]Российский государственный социальный университет, Москва
[2]Средняя общеобразовательная школа № 121, Москва

rostovskaya.tamara@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.09.2016
Статья принята к публикации 06.02.2017

Рассматриваются особенности создания и развития кросс-культурных браков в современном российском обществе. Анализируются исследования по проблемам жизнедеятельности кросс-культурных браков, предлагаются пути их решения. Данная проблема малоизучена и не систематизирована в общероссийском масштабе, так как основные исследования ограничиваются региональным уровнем. Затрагиваются вопросы психологической совместимости супругов, находящихся в кросс-культурном браке, культурно-религиозные модели семьи.

Ключевые слова: кросс-культурные браки, жизнедеятельность кросс-культурных браков, культурно-религиозные модели семьи.

Особенность многонациональной России состоит в том, что на ее территории процесс этногенеза прошли более ста этносов (наряду с русским).

В состав Российской Федерации входят этносы различных языковых групп, культур, конфессий, с различным уровнем современного индустриально-экономического и социально-культурного развития. Все они исторически принадлежат к разным цивилизационным зонам и традициям. (По данным Всероссийской переписи населения за 2010 г., в составе населения России насчитывается более 180 национальностей.)

Такой этнически сложный состав населения предопределяет необходимость выработки эффективной государственной семейной политики, которая учитывает данный факт и способствует обеспечению стабильности и благополучия жизнедеятельности членов кросс-культурных браков.

Процесс демократизации российского общества, существенные экономические, социально-политические и культурные перемены, происходящие во всех регионах России, способствуют интенсивной внутренней миграции. Молодые люди разных национальностей перемещаются в более экономически стабильные регионы с целью трудоустройства и создания семьи. Происходящие миграционные процессы позволили по-новому исследовать и изучить социальную природу кросс-культурных браков в российском обществе. Авторы согласны с мнением российского исследователя Е.Л. Сороко, полагающего, что процесс распространения смешанных супружеских пар зависит от ряда социально-демографических факторов, в первую очередь от места рождения и наличия высшего образования. Полученные данные свидетельствуют, что эффект от получения высшего образования заметен и вызывает снижение барьеров (конфессиональных, культурных, бытовых) в кросс-культурных браках [1, с. 100–101].

Следует подчеркнуть, что в СССР кросс-культурные браки занимали довольно значительное место в системе семейных отношений, находясь под пристальным вниманием государства, культурно-образовательных учреждений, искусства. В современном российском обществе происходят динамичные процессы социально-статусной, социально-профессиональной и территориальной мобильности населения, особенно молодежи [2]. Одновременно с этим, в силу существующих различных социокультурных и межнациональных конфликтов, роста национального самосознания у различных этнических общностей страны, отношение к институту кросс-культурных браков неоднозначное, поэтому данный тип брака сталкивается с рядом проблем.

Несмотря на общее уменьшение числа кросс-культурных браков, они продолжают составлять определенную часть семейно-брачных

союзов, заключаемых в российском обществе, являясь очень неоднородными в социально-экономическом, в национальном и конфессиональном отношении.

Как известно, через институт семьи можно решать самые различные проблемы, в том числе налаживания диалога культур и толерантности, так как в процессе взаимодействия представителей различных этносов формируется кросс-культурное общение. Для грамотного прогнозирования событий и урегулирования тех или иных ситуаций кросс-культурного взаимодействия необходимо не только рассматривать общие вопросы, но и углубляться в самое ядро, каковым и является, в данном случае, кросс-культурная семья. Российская Федерация как полиэтничное государство заинтересована в формировании государственной поддержки и стабильности кросс-культурных семей. Благодаря кросс-культурному взаимодействию в кросс-культурных семьях самым гармоничным образом вырабатываются чувства толерантности, интернационализма, что положительно отражается на состоянии кросс-культурных взаимоотношений и способствует формированию здорового гражданского общества.

Особенностью российского общества является его социально-экономическая, национальная и конфессиональная неоднородность. На фоне указанной неоднородности в нем отмечаются процессы динамичного социального, профессионального характера, которые влияют на общую культуру населения, особенно молодежи. В этой связи актуальными являются исследования, связанные с созданием и жизнедеятельностью кросс-культурных браков – «…когда в семейные отношения вступают молодые люди, принадлежащие к различным социально-статусным группам или национальностям, каждая из которых имеет свою специфику культуры и систему ценностей» [3, с. 50].

Для более детального изучения жизнедеятельности кросс-культурных браков авторы используют классификацию российских ученых А.Г. Волкова, А.П. Горкина, выделивших следующие группы с различными сочетаниями национальностей:

1) семейная пара, в которой один из супругов – представитель основной национальности, а второй – русский;

2) семейная пара, в которой один из супругов представитель основной национальности, а второй – любой другой, кроме русской;

3) любое сочетание представителей разных национальностей [4; 5].

Проблемы кросс-культурных браков очень многогранны, так как они обусловлены целым рядом социальных, исторических, религиозных и психологических причин и уходят корнями в далекое прошлое.

При создании отношений кросс-культурными партнерами открываются два, диаметрально противоположных, социально-психологических фактора: это интерес к другой культуре, возможность познакомиться с ней, с одной стороны, и желание сохранить традиции, корни, язык своей культуры, вызывающие опасения для вступления в кросс-культурный брак, – с другой. Кросс-культурные браки – это не что иное, как столкновение отличных друг от друга культурно-религиозных моделей семьи.

Распад Советского Союза вызвал обострение национального вопроса и проблем, связанных с ним, в связи с чем исследования культурно-религиозных моделей семьи стали более актуальными.

Несмотря на то, что любая культурно-религиозная модель семьи трансформируется в соответствии с социально-экономическими процессами, происходящими в тот или иной момент в обществе, в том числе и миграционными, каждая из них имеет свои, отличные от других, особенности и характеристики.

Православная модель семьи рассчитана на очень устойчивый и очень сильный характер. Христианство подняло супружеский союз на высоту Таинства, в котором человек раскрывается и реализуется как личность не сам по себе, а лишь в духовном общении с Богом и ближним. Мужчина в такой семье принимает господствующую роль, обладая колоссальной властью и авторитетом, несмотря на то, что вся ответственность, зачастую, делегируется супруге. Его любовь к жене проявляется в ласковом и нежестоком обращении с нею. Роль женщины в православной (христианской) семье вторична, в первую очередь она мать и хранительница домашнего очага.

Об этом свидетельствует Послание Апостола Павла к ефесянам, где говорится, что жены должны повиноваться мужьям своим, как Господу, потому что муж является главой жены, как и Христос является главой Церкви. А муж должен любить свою жену, как самого себя [6].

Иерархия в православной семье является залогом ее гармоничного развития. В такой семье в качестве непременного условия выступает послушание детей родителям, основанное на их авторитете. Для самих детей семья является школой любви, где они учатся любить близких и окружающий их мир. Такой тип семьи испокон веков был господствующим на Руси. Однако в последнее время в православных семьях наблюдается нивелирование роли отца и мужа, в то время как роль женщины стремительно

возрастает, что отрицательно сказывается на внутрисемейных отношениях, которые перетекают из состояния союза в состояние войны, выигрывает которую психологически или физически более сильный партнер.

Следует отметить, что христианская церковь очень ревностно относится к тому, чтобы муж и жена были одной веры. Причем не только христианин и мусульманин или христианин и иудей не могут быть связаны церковным браком, но и православный и католик или православный и баптист. Если даже один из супругов сменит веру (что само по себе не просто и не приветствуется ни одной из существующих конфессий), такие супруги могут быть обвенчаны, только получив благословение на брак от архиерея своей епархии.

Католическая церковь относится к бракам между верующими и неверующими, а также людьми разной веры более благосклонно. Ею допускаются такого рода браки, даже без прямого благословения епископа, при условии, что фактом заключения церковного брака не будет совершено духовное насилие над одним из супругов.

В культуре ислама [7], в противоположность христианской культуре, и в особенности православной, браку не уделяется столь большого значения в духовной жизни общества. С точки зрения мусульманского учения, брак не является духовным таинством, связывающим людей с богом, а лишь актом, разрешающим определенные отношения между людьми – мужем и женой. В части Корана, посвященной вопросам брака, записано, что брак есть граница, установленная для различия между дозволенным и недозволенным.

В мусульманской семье женщина очень ценится и оберегается, но не с духовной точки зрения, а почти в буквальном, то есть в материальном, смысле, о чем свидетельствует одна из норм мусульманской семьи – многоженство. Женщина – это в первую очередь хранительница домашнего очага. Хорошо одетая и щедро одариваемая мужем, она – показатель его социального статуса. Мужчина в мусульманской семье – бесспорный лидер и кормилец, принятие решений – только его прерогатива. Современный мир диктует свои условия, вследствие чего трансформация происходит и в исламских семьях. Женщины стали образованными, а значит, меняется их роль в обществе и семье, поэтому традиционная модель мусульманской семьи также претерпевает колоссальные изменения. Как и в христианской семье, регулятором отношений в мусульманской семье является незыблемый авторитет родителей.

Мусульманский брак может быть заключен даже с иноверцем, вернее, с иноверкой, поскольку инициатором брака всегда является мужчина, и потому исламский брак на самом деле – это брак мужчины-мусульманина и женщины любой другой веры.

Еще одна семейная модель предлагается иудаизмом. Брак для иудеев сравним со вторым рождением, а семья – это не просто сожительство двух партнеров, это единый нерушимый союз, в котором мужчина ответственен за внешнюю его составляющую, а женщина за внутреннюю. Тора гласит: «Человек, у которого нет жены, обречен на существование без радости, без блаженства, без ощущения истинной ценности жизни, без Торы, без защиты и без мира» (Иевамот, 62Ъ) [8]. Согласно еврейскому закону, принадлежность ребенка к еврейскому народу определяют именно по матери, а не по отцу, как, например, в христианстве или исламе, поэтому именно женщина играет лидирующую роль в иудейской семье и авторитет ее невероятно высок. Мужчина же проявляет себя на общественной арене. Еврейская жена – не собственность мужа, а привилегированный партнер. Поведение матери напрямую зависит от пола ребенка. Оно негативное и репрессивное по отношению к девочкам, но по отношению к мальчикам – поддерживающее и поощряющее. Так как воспитание детей – это приоритетная задача еврейского общества в целом, то еврейские мамы никогда не оставляют детей в покое и постоянно их воспитывают: следят за осанкой, манерой поведения, речью ребенка. Дети, вырастающие в этих семьях, всегда вежливы и очень приятны в общении, однако, с точки зрения психолога, таким отношением легко подавить в ребенке творческое начало, которое предполагает определенный детский произвол.

Анализ исследований отечественных учёных показывает, что в настоящее время кросс-культурные браки учат общество терпимости и умению с пониманием относиться к представителям разных наций, способствуют улучшению отношений между странами и этносами. Благодаря таким семьям нарастает взаимная заинтересованность культурой и историей, общественной жизнью другого народа.

П.И. Бабочкин в своем научном труде «Кросс-культурные браки в полиэтнической среде», представляя результаты проведенного исследования по проблеме трудностей в кросс-культурных браках, вызванных социальными и психологическими межкультурными различиями, подчеркивает, что жизнеспособность кросс-культурных браков зависит от социокультурных ориентаций молодых людей, вступающих в брачно-семейные отношения. На рисунке 1 можно увидеть, каково отношение семейной

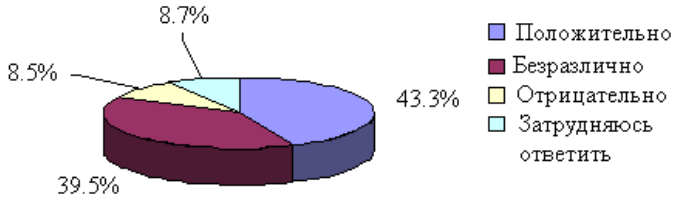

Рис. 1. Отношение семейной молодежи к заключению межнациональных браков

Рис. 2. Обобщённые результаты ответов на вопрос:
«Как Вы относитесь к людям другого этноса?»

молодежи к возможности заключения межнациональных браков.

Как видим, несмотря на сложность межнациональных отношений в постсоветской России, весьма значительно число молодых людей, положительно относящихся к межнациональным бракам (> 43%). Группа респондентов, которые отрицательно относятся к таким брачным союзам, остается стабильной и составляет менее одной десятой части от числа опрошенных [9].

Интересен анализ авторского вузовского исследования «Кросс-культурные браки в современном российском обществе глазами молодежи», проведенного в 2015 г. в МГПУ (N = 170 чел. в возрасте 17–20 лет; руководитель д.соц.н., проф. Т.К. Ростовская).

По результатам исследования можно увидеть, что 44.2% опрошенных нейтрально относятся к людям другого этноса, положительно – 20%, а 15.7% респондентов относятся негативно, но без агрессии (рис. 2).

Отвечая на вопрос, связанный с мотивацией создания кросс-культурного брака, более 90% респондентов ответили, что доминирующим фактором в предбрачных отношениях является любовь. Таким образом, можно отметить, что основным мотивом создания кросс-культурных браков является любовь, не имеющая национальной окраски.

В числе мотиваторов выделяются традиции семьи – 28.6% респондентов и необходимость – 12.9%. Были и совершенно радикальные ответы, такие как расчет – 2.9%, а 1.4% респондентов вообще не хотят создавать семью. В разделе ответа «Другое» 2.4% респондентов отметили желание завести ребенка, готовность выступать в роли родителя, создание очага эмоциональной поддержки, а также без мотивации, объясняя это тем, что создание семьи – это цель и смысл нашей жизни.

Для 94.3% респондентов показателем успешного брака в основном являются теплые отношения между супругами и любовь, почти 3% отметили взаимопонимание, взаимоуважение (рис. 3).

При создании семьи все задумываются о проблемах и положительных сторонах будущего брака. Именно такие вопросы были заданы респондентам. На вопрос: «В чем Вы видите положительные стороны кросс-культурных браков?» – большинство – 54.3% – ответили, что положительная сторона всех браков одна – рождение новой семьи, ячейки общества. Разделились поровну голоса в ответах «традиционная насыщенность» и «затрудняюсь ответить» – по 24.3%, а 15.7% респондентов считают, что самые одаренные и красивые дети рождаются в этнически смешанных браках.

Не обошел респондентов и вопрос о проблемах в кросс-культурном браке. Самой главной проблемой и препятствием для респондентов является возможное неприятие национальных и

Рис. 3. Обобщённые результаты ответов на вопрос:
«Что для Вас является показателем успешного брака?»

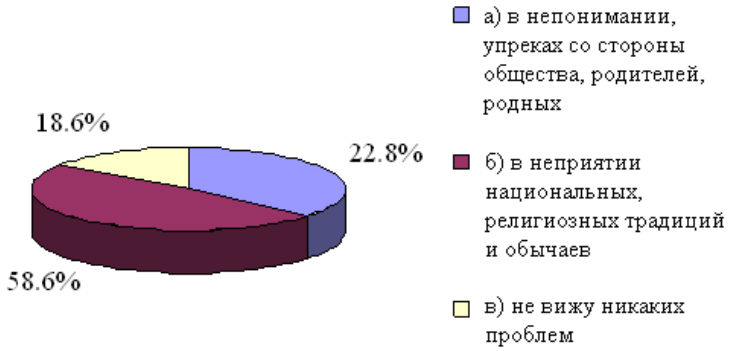

Рис. 4. Обобщённые результаты ответов на вопрос:
«В чем Вы видите основные проблемы кросс-культурных браков?»

религиозных традиций и обычаев – 58.6%, непонимание и упреки со стороны общества, родителей, родных – 22.8%, а 18.64% респондентов не видят в кросс-культурных браках проблем (рис. 4).

По результатам исследования мы видим, что для большинства молодежи именно любовь является самой важной причиной, самым важным мотиватором для создания семьи. Для многих важной причиной также являются семейные традиции и как итог отношений – необходимость заключения брака [10, с. 89].

Положительной стороной кросс-культурного брака молодые люди видят традиционную насыщенность и, конечно же, создание новой семьи.

Вместе с тем следует обратить особое внимание на те риски и проблемы, которые, безусловно, возникают при создании кросс-культурных браков в молодежной среде. Первой проблемой, с которой сталкиваются молодые супруги в кросс-культурных браках, является культурное самоопределение ребенка. Ведь полностью его не принимает ни та, ни другая сторона. К тому же сделать свой выбор принадлежности к культуре мешает и нежелание обидеть кого-то из родителей.

Второй проблемой является иная культура с ее нормами поведения, правилами, традициями, ценностями. Обычно имеют значение такие аспекты быта, как ежедневное соблюдение ритуалов и обычаев, кулинарных традиций, а также религиозных обрядов, которые обретают особенную важность не только во время всевозможных постов и больших религиозных праздников, но и во время организации и празднования свадьбы, при рождении и в процессе воспитания детей, то есть при любых позитивно или негативно значимых событиях жизни. Не все могут это понять и принять, становится некомфортно и непривычно. Именно по этой причине распадаются большинство кросс-культурных браков.

Третья проблема носит религиозный характер. Создавая семью, один из супругов лоялен к религии своего любимого человека, но не всегда меняет свою. Иудею или мусульманину очень трудно принять православие и жить по другим законам. Возникает проблема и принадлежности к религии ребенка. Ведь каждому человеку свойственно склоняться к чему-то одному, а тут два разных мира со своими особенностями. В этом случае приходится ждать, пока ребенок сам достигнет определенного возраста и решит этот вопрос.

Эти проблемы актуальны для всех кросс-культурных браков, где религиозный и культурный аспекты играют главенствующую роль. Вместе с тем обозначенные проблемы можно решить, относясь друг к другу с уважением, пониманием,

пытаясь найти точки соприкосновения, проявляя интерес к культуре супруга/супруги.

С целью повышения эффективности деятельности государства по снижению социально-психологической напряженности в современном российском обществе, формирования в молодежной среде толерантного отношения к созданию кросс-культурных браков необходимо в первую очередь на государственном уровне провести фундаментальное всероссийское социологическое исследование на тему «Роль кросс-культурных браков в глобализации человечества: мотивация их создания и проблемы жизнеспособности» (авторская анкета разработана). Данное исследование позволит выявить системные проблемы жизнедеятельности членов кросс-культурных браков в поликультурном российском обществе и выработать комплекс механизмов эффективного решения имеющихся проблем.

Список литературы

1. Сороко Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. Т. 1. № 4. 2014. С. 96–124.

2. Ростовская Т.К., Ростовская Н.А. Кросс-культурные браки в молодежной среде: проблемы, тенденции // Культурное наследие народов России. 2016. № 2. С. 78–83.

3. Мельниченко И.И., Плотников А.Д., Ростовская Т.К. Формирование у подростков и молодежи репродуктивного поведения и установок на создание семьи: Монография. М.: Государственное учреждение «Российский центр молодежной семейной политики», 2005. 169 с.

4. Волков А.Г. Этнически смешанные семьи и межнациональные браки // Семья и семейная политика. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения АН СССР, 1991. С. 77–90.

5. Горкин А.П. Социальная энциклопедия. М.: Большая рос. энциклопедия, 2000. 438 с.

6. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское Общество, 2015. 1374 с.

7. Османов Н.О. Коран: академический перевод и комментарий. М.: Диля, 2013. 576 с.

8. Тора с гафтарот / Перевод Давида Сафронова. М.: Книжники, 2014. 1304 с.

9. Бабочкин П.И. Кросс-культурные браки в полиэтнической среде // Миграционная и национальная политика. 2008. № 3. С. 54–58.

10. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Семья в системе социальных институтов общества. М.: ВАКО, Галлея принт, 2015. 372 с.

SPECIFIC FEATURES OF CROSS-CULTURAL MARRIAGES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

T.K. Rostovskaya,[1] N.A. Rostovskaya[2]

[1]Russian State Social University, Moscow
[2]Secondary school No.121, Moscow

The article deals with some peculiarities of creation and development of cross-cultural marriages in modern Russian society. The authors present an analysis of studies on various problems in the functioning of cross-cultural marriages and suggest some solutions. This issue has not been sufficiently studied and systematized at the national scale in Russia; key studies in this field are limited to the regional level. The article addresses the issues of psychological compatibility of spouses living in a cross-cultural marriage. Cultural and religious models of the family are also discussed.

Keywords: cross-cultural marriages, functioning of cross-cultural marriages, cultural and religious models of the family.

УДК 316.614.5

КАКУЮ СЕМЬЮ МЫ МОЖЕМ И ДОЛЖНЫ СОХРАНИТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

© 2017 г.

Л.В. Карцева

Казанский государственный институт культуры

lizolda@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.10.2016
Статья принята к публикации 06.02.2017

Рассматривается современное состояние институтов брака и семьи в России и их отражение в социологической теории. Автор полемизирует с противниками традиционной социологии семьи, приводит доказательства поспешности выводов о том, что имеющиеся формы брака и семьи себя изжили, а им на смену приходят принципиально новые, меняющие облик и будущее и семьи, и государства, и личности.

Ключевые слова: брак, семья, кризис семьи, форма брака, особенности брачно-семейных отношений, семейная и асемейная идеология.

Говорить о трансформации института семьи и семейных ценностей в российском обществе в наши дни вряд ли остроумно: данный факт признан социологическим сообществом не меньше двух десятилетий тому назад. Общепризнаны такие факты в доказательство тезиса трансформационных изменений семьи:

1) доминирование интимности над репродукцией в качестве супружеских отношений, даже если это отношения в официальном браке, при декларируемом уважении к семейным ценностям. Причина – приоритет чувственно-эмоционального общественного сознания над рациональным;

2) согласие и учёных, и общественного сознания в том, что сожительство равноценно традиционному браку, а официальная его регистрация – всего лишь дань обряду и уступка родительскому давлению;

3) признание неполной семьи аналогом полной не только на уровне обыденного сознания, но и в социологическом сообществе;

4) смена установки на многодетность и среднедетность ожиданием одного ребёнка или отсутствия детей;

5) оценка процедуры развода как нормативной, решающей проблему неудачного брака кардинально;

6) выбор одиночества как нормы жизни. Как указывают некоторые источники, «40% россиян среднего возраста одиноки» [1];

7) «утекание» невест за границу в поисках лучшей доли [2];

8) попытки со стороны самой социологической науки утвердить политизированный поиск идентичности гетеро- и гомосексуальных связей полов в социологии семьи с ожиданием их юридического уравнивания в правах [3] и многое-многое другое.

Если признать названные обстоятельства в качестве непреодолимой силы, услышав и увидев только негативные, разрушительные картинки брачно-семейных отношений, резюме будет и впрямь удручающим: брака не будет в ближайшие пару десятилетий, семьи – ещё быстрее.

Но, как известно, современное общество значительно отличается от себя самого двадцати-тридцатилетней давности. Оно плюралистично – вне зависимости от социального слоя, половозрастных особенностей. В нём индивидуализация, явившаяся следствием всеобщей демократизации, оставила свой главный след – способность выбирать собственную поведенческую стратегию, отличающуюся не только от родительской, но и от стратегии большинства.

Порой эта стратегия, демонстрируемая «молодыми взрослыми» – лицами от 18 лет и старше, означает только одно – право иметь собственный голос, выделиться на общем фоне. Данный факт – не что иное, как отголосок авторитаризма в семейном и общественном воспитании детей и подростков просоветской направленности. Ведь со времени слома машины социалистического (или коммунистического) воспитания прошло совсем немного лет, то есть сменились не более двух поколений родителей в процессе лепки будущих российских граждан.

И если некие социальные «ниспровергатели основ» и «сползают» за грань социальной нормы в сторону социальной девиации, как в случае скорее с политическим, чем с нравственно-этическим признанием союзов трансгендерного, однополого или бисексуального характера, то это ровным счётом ничего не означает. Статистика показывает: браков заключается почти вдвое больше, чем происходит разводов.

Так, в 2014 г. на тысячу населения в целом по стране приходилось браков – 8.1, разводов – 4.7 [4, с. 50]. В стране проживает 142.9 млн человек. При этом подавляющее большинство россиян (66.5 млн граждан из числа взрослого населения, что составляет 61%) живут в семьях, и это 33 млн супружеских пар [5], а 26.0 млн (39%), начиная от 16 лет и старше, в браке не состояли на момент проведения переписи. И это первое свидетельство того, что брак как социальный институт на данный момент себя не изжил.

Второе важное обстоятельство, определяющее устойчивость института семьи. В России живут 190 народов, русское население составляет 80.9%, остальные – представители других национальностей [6]. На территории Российской Федерации находятся государственно-территориальные образования с различными статусами, среди которых 22 национальные республики, Еврейская автономная область, 9 автономных округов [7]. Каждая из этих без малого двух сотен этнических групп надеется на своё продолжение в истории страны. Подавляющее большинство имеет свою письменность. На территориях, которые прежде называли национальными окраинами, за годы социальных реформ образовались единые сплочённые этнические общины, готовые к самым решительным действиям ради защиты собственных культурных традиций, обрядов, своего языка национального общения.

Так, судя по материалам опроса, проведённого в Татарстане А.Н. Нурутдиновой, среди жителей республики в равной степени представлены общегражданская и локальная идентичности. При этом молодые люди чаще считают себя гражданами России и мира, а старшие поколения – гражданами Татарстана и мусульманами. Особую специфику имеет сельская аудитория: сельчане чаще, чем городские жители, поддерживают свою местную и религиозную идентичность. Если же сравнивать татар и русских, то первые чаще указывают на местную и религиозную идентичность, чем вторые. В единой российской нации себя видят больше жители села, малых городов, что связано, очевидно, с уровнем жизни, а также, как уже было сказано, русские [8].

Социальная мобильность также была рассмотрена татарстанским исследователем, и, как выяснилось в ходе опроса, сельчане оказались и более осёдлыми, чем горожане. И несмотря на то, что Казань, встретившая Всемирные студенческие игры (Универсиаду) в 2013 г., расцвела и превратилась в город европейского уровня, среди молодёжи всё-таки есть желающие уехать в другую страну, в другой регион, и чаще такие проживают именно в столице республики. В их числе – русские, православные граждане, ощущающие себя единой нацией, нацией российской. Региональны, конфессиональны, этничны сельчане, мусульмане, татары.

Вот об этом ресурсе и идёт речь. Коренные народы России не отдадут Западу, Соединённым Штатам Америки своё культурное достояние – национальные обычаи и национальную, энтоконфессиональую идентичность.

Третий ресурс выступает как антиресурс в укреплении фундамента институтов брака и семьи. Современная молодёжь попала в тиски нравственного кризиса, который выражается в размывании основы основ брака – его гетеросексуального характера. Заведомая бездетность гомосексуальной или лесбийской пары очевидна. Обсуждать эту тему странно, и она не обсуждалась на всём протяжении современной российской истории на уровне всего общества. Отклонения сексуального характера рассматривались узкими специалистами – практикующими врачами-психотерапевтами, психологами, учёными. В случае покушений на общественное здоровье данная специфическая тематика попадала в поле зрения законодателей.

Но, так или иначе, то, что препятствует нормальному ходу событий в истории отдельной семьи, а значит, и рода, и страны в целом, не становилось ареной борьбы идеологий. Идеология никогда не опускалась до уровня физиологии. Увы, благополучные для общественного разума времена миновали. Пришли иные десятилетия – отчаянного насаждения поведенческих стратегий, которые вносят разнообразие в сексуальную (прежде приватную, но потерявшую интимность) сферу человеческой практики и взывают к утрате чувства социальной зрелости в пользу инфантильного, детского сознания. Принцип «Я хочу поиграть!» или «Разрешите мне поиграть!», относящийся к своей сексуальной идентичности, начинает работать там, где молчит взрослое чувство «Я», где сексуальное развитие личности характеризуется чертами детскости, инфантильности, и индивид остаётся зависимым от пропаганды и агитации подготовленных идеологов ЛГБТ-движения.

И всё-таки, как показали исследования санкт-петербургских учёных, установки Запада, проникнутые неприятием институтов брака и семьи в их российском исполнении, не затронули глубоко сознания молодёжи. Интерес вызывает лишь идея гендерного равноправия, что, кстати, характеризует российское общественное сознание на протяжении нескольких десятков лет, и не только молодёжное. Молодёжь северной столицы предпочитает зарегистрированный

брак, семью с двумя детьми, отмечает Е.М. Захарова [9]. Либеральные идеи однополого брака, раннего сексуального просвещения проникают в наше медийное пространство, но отношение к ним сугубо толерантное, делает вывод исследовательница.

Что скрывается за понятием «толерантность» в современном обществе, становится ясно всё большему числу наших сограждан. Это прозападная идеология, прикрывающая «отходные пути» для агрессивной политики насаждения ценностей, несвойственных многим исконно проживающим на своей земле народам, в угоду ведущим политическим игрокам Старого и Нового Света. Последние же теснейшим образом связаны с экономической элитой, заинтересованной исключительно в супердоходах, о чём бы ни шла речь – о покупке фармацевтических средств, военной техники, наркотического зелья или идеи однополой любви со всеми вытекающими из неё последствиями.

Примерно к тем же выводам пришла и Е.А. Озерова, социолог из Ростова-на-Дону. Рассуждая о тенденциях развития семейно-брачных отношений молодёжи, Е.А. Озерова отмечает: в обществе заметна переориентация от группы на самого себя. Молодые люди хотят «пожить для себя». В ее статье упоминается концепция сожительств известного американского этнографа М. Мид, в которой структурируется двухступенчатая семья. На первой ступени партнёр живёт «для себя», его ориентир – секс, дети тут лишние. На второй ступени, с появлением детей, возникает родительская семья. Как считает М. Мид, данные ступени могут являться одномоментно: пара сожительствует и рожает детей. По данным Е.А. Озеровой, в России 81% опрошенных считают такой союз допустимым, а семью без детей не осуждают 79% опрошенных [10].

В такие высокие показатели было бы трудно поверить, не сошлись автор на данные опроса ВЦИОМ (инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ «Брак, дети, супружеские измены: сейчас и 25 лет назад» проведен 6–7 декабря 2014 г.; опрошены 1600 чел. в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях, республиках России) [11]. И, тем не менее, выводы автора вполне оптимистичны: молодёжь ориентируется на полную семью. Обществу «необходимо направить все усилия на подготовку молодежи к семейной жизни, пропаганду семейных ценностей, что обязательно повлечет за собой положительные изменения» [10].

К сожалению, иные названия современных брачных и семейных практик вызывают у широкой общественности неподдельный интерес в силу, с одной стороны, наивности обыденного сознания, а с другой – свежести своего звучания. И тут содержится четвёртый довод в защиту устойчивости институтов брака и семьи в современном российском обществе – необходимость «перевода» новомодных и непонятных для социума терминов на бытовой язык.

Так, например, форма «гостевой брак» звучит вполне оригинально для иных ревнителей современности, хотя по сути дела немолода для мировой социологической науки. Если перевести на научный язык, что она означает, то за броским словом «брак» ничего не стоит. Речь должна идти здесь о непостоянных половых контактах двух партнёров, каждый из которых может параллельно иметь и иных сожителей.

Иными словами, сожительство оно и есть сожительство, но вариантов его немало: длительное и кратковременное, устойчивое и неустойчивое и т.п. Ни о каком браке между «гостем» и «хозяином» встречи сексуальных партнёров говорить не приходится: первый получает ожидаемые дивиденды, второй тратит свой ресурс на подготовку к встрече «гостя».

Между тем в «наивной социологии» так называемый «гостевой брак» определяется ни больше ни меньше, как альтернатива супружеству. В частности, Е.О. Богданович и Ю.С. Рябцева оповещают научное сообщество: «В век стремительного развития информационных технологий, смены нравственных ориентиров, стремления к раскрепощению традиционный брак «выходит из моды»... Гостевой брак – это такой вид брака, когда супруги ходят другу к другу в гости, вместе проводят выходные, праздники и отпуска, время от времени проживают вместе, но при этом они не связаны общим бытом» [12].

О том же пишет и Е.М. Звягина, рассуждая об особенностях современных семейно-брачных отношений в России. В её перечне присутствуют помимо гостевого брака «пробный» (что фактически соразмерно гостевому), «прерывающийся» (очевидно, партнёры ходят в гости друг к другу совсем редко), «открытый» (здесь партнёров больше двух) и т.п. Суть, как видим, остаётся одна и та же: сексуальные игры в разном количестве участников и различной периодичности. Трудно понять, какое отношение к браку как социальному институту они имеют. К тому же автор в один ряд с подобной «линейкой» браков ставит и семью. «Традиционная семья, как во всем мире, так и в России, становится все более редким явлением. Появляются новые виды брачных отношений: пробный, гостевой, открытый и т.д. брак. Меняются воззрения людей в вопросе о том, как должны распределяться роли в семье, кто является ее главой,

кто – основным добытчиком, кто ведет хозяйство и воспитывает детей и пр. Кроме того, существенно модифицируются функции семьи» [13].

Таким образом, если не иметь определения понятия «брак» и в каждом случае находить то одни, то другие его опорные позиции, тогда под это понятие подпадёт масса различных половых союзов, включая и коммуны, и открытый брак (промискуитет), и отрицание брака как такового с дискретными половыми контактами.

Стоит обратить внимание, что авторы подобных текстов самым натуральным образом пропагандируют отношения полов, наносящие серьёзный вред государству и обществу. В указанной публикации говорится о У. Годвине как «основателе» данной формы брачных отношений (может быть, вернее было бы писать не о форме, а об авторе нового понятия? Учёный не всегда солидарен в собственной жизни с теми явлениями, которые описывает!); о позиции, что проживание супругов под одной крышей – безусловное зло; о мнении психологов о промежуточности гостевого брака в отношениях мужчины и женщины; вдруг оказывается, что особенность «визитного» брака в том, что он зарегистрирован в органах ЗАГС.

Тут, по идее, должна начаться новая страница в теории брачно-семейных отношений – анализа причин отталкивания супругов, которые состоят в официальном браке, но ходят друг к другу в гости. Однако выводы авторов таковы: многие современные пары рассматривают гостевой брак как альтернативу традиционному браку; такая форма брака была достаточно распространена и в дореволюционное время; в XXI веке именно гостевой брак станет самой популярной формой семейно-брачных отношений.

Справедливости ради заметим: в статье, которая построена на материалах, взятых в основном из электронного ресурса, отмечены и отрицательные последствия подобных «браков». Среди них – отсутствие детей, недостаток коммуникации между партнёрами. Понятно, что исследователи стремятся не попасть под удар критики со стороны учёных и одновременно понравиться политикам, настаивающим на полезности сожительств, замещающих зарегистрированные брачные узы.

Перечень подобных заимствований из западных источников, вселяющих в авторов уверенность в новизне и оригинальности собственных построений, можно продолжить. Но суть вопроса в другом. Брак и семья должны быть и могут быть сохранены в своём существующем виде при наличии здравого смысла не только у политиков и деятелей культуры, но и у учёных, и прежде всего у социологов, которые, идя вслед за старой модой, укореняются в сфере идеолого-культурных изысканий гендерного свойства.

И здесь рискну назвать ещё один, пятый дискурс в социологическом контексте рассуждений о том, какой быть семье сегодня, – гендерный. В контексте анализируемых нами научных трудов попытка привязать семейное неблагополучие к появлению так называемых «новых форм» семейности на деле есть не что иное, как образец оптимистичной обеспокоенности инноваторов на семейной ниве по поводу долгожительства традиционных основ институтов брака и семьи. На мой взгляд, наличие данного дискурса как раз и доказывает незыблемость семейного фундамента.

Например, петербуржец М.Б. Глотов утверждает: багаж семейности в современной России обновился. «Новыми формами семейно-брачных отношений в настоящее время выступают: гражданский брак, серийная моногамия и сожительство». При этом почему-то в число «новых» попал заключаемый в органах ЗАГС традиционный брак. Правда, автор подразумевает здесь составление брачного договора между супругами, как можно понять из текста статьи. «В последние десятилетия в России гражданский брак становится все более популярным», – указывает М.Б. Глотов, что трудно комментировать ввиду неожиданности подобного заявления [14, с. 1646].

Далее исследователем называется «новое явление для современных семейно-брачных отношений, получающее все большее распространение в мире», – серийная моногамия. Между тем данная форма среди многих иных перечисляется в российских учебниках социологии семьи по крайней мере начала нулевых годов.

Наконец, М.Б. Глотов включает и «сожительство – совместное проживание мужчины и женщины для удовлетворения своих эмоциональных, сексуальных и материальных потребностей, не связанных с родственными или хозяйственными отношениями» в число новых брачных форм [14, с. 1647]. Это тоже не открытие, а названное явление хорошо известно как для российской социологии семьи, так и для российской системы брачно-семейных отношений. Очевидно, что стремление удивить мир наличием нового несколько опережает реальность, поскольку «старое» отнюдь ещё не забыто и не изжито. Россия всё ещё живёт по традициям, заложенным отцами и праотцами, и, судя по удивительному новому общественному явлению «Бессмертный полк», эти традиции не только не уходят, а, наоборот, наполняются новым содержанием.

К чему социологическое сообщество должно прийти ныне? К некоторому ряду выводов.

Первый вывод. Нетрадиционные формы семейных отношений, поднятые или поднимаемые ревнителями сверхдоходов по иностранным грантам из числа учёных на вершину пирамиды размышлений о судьбе важнейших социальных институтов – брака и семьи, есть один из признаков их кризиса. «Чистить» нужно мышление учёных (путём научных дискуссий, конечно же), дабы они не подрывали устои подлинной научной социологической теории и не вводили в заблуждение студенчество, широкую общественность по тем вопросам, которые являются самыми значимыми для каждого нормального человека.

Второй вывод вытекает из первого. Работа с массами – важнейший участок идеологической борьбы за сохранение российского общества, которую возможно выиграть только через защиту его традиционных ценностей. Ценность семьи была и остаётся краеугольным камнем в фундаменте нации. Национальные лидеры, проповедники как лидеры конфессиональные, деятели (не работники, а именно деятели) культуры, носители родного (чистого, литературного) языка – писатели, журналисты, литераторы, кинематографисты, актёры и режиссёры, историки и филологи, этнографы и социологи, политики и общественные деятели, воспитатели детских садов и педагоги средних школ, преподаватели высших учебных заведений – все те, кто имеет доступ к широкой аудитории, должны вспомнить о своём высоком предназначении. Суть его – в формировании личности, и не просто личности, а личности семьянина, будущего супруга/супруги, родителя/родительницы. О семье нужно думать, её нужно чувствовать, о ней нужно размышлять, начиная с детсадовского возраста.

Третий вывод логично вытекает из второго. Государство, общество, социологическая наука должны выстроить стратегии защиты матери, отца и их детей. И родители, и дети должны чувствовать поддержку со стороны государства. Портрет успешного человека чаще всего содержит его профессиональные достижения, а семейные остаются «за скобками». Ситуацию нужно менять. До тех пор пока мы будем вспоминать, есть ли дети у господина N и если есть, то какого пола и сколько их, его вклад в общее дело не будет полным. Только семейный человек чувствует прилив сил с утра, приходя на работу выспавшимся, сытым и обласканным.

Четвёртый вывод дополняет третий. Нужно на самую высокую планку поставить молодую семью. Как пишет О.Н. Безрукова (г. Санкт-Петербург), ввиду откладывания родительской роли молодыми супругами, российское общество оказалось неспособным для воспроизводства [15]. Исследования родительского потенциала подростков, проведённые социологом в 2007–2013 гг., показали: только в провинции сохраняет популярность идея полной, расширенной семьи с детьми, что представляет собой традиционную модель родительства. К сожалению, в мегаполисе подростки, выросшие в неполных семьях, в среде неверующих, с разведёнными родителями, дети, оказавшиеся единственными в семье, о числе собственных детей не помышляют. Им бы одного ребёнка воспроизвести. Автор приходит к грустному выводу: материнство и отцовство для подростков не обязательно. Они насколько эгоцентричны, настолько и рационалистичны. С пафосом О.Н. Безруковой нельзя не согласиться: культуру родительства нужно менять. Важно воспитать ребёнка духовной личностью, нравственно крепкой и целомудренной. Интеллектуальное развитие – отнюдь не самое главное для сохранения здорового общества на долгие столетия.

Список литературы

1. Арефьева А.В. Одиночество как социальное последствие урбанизации // Десятые Ковалевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 1019–1020.

2. Колударова С.В. Пространственная мобильность в браке с иностранцем // Десятые Ковалевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 1055–1058.

3. Крецер И.Ю. Родственные отношения в контексте мобильности // Десятые Ковалевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 1058–1059.

4. Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. 263 с.

5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Демоскоп Weekly. 19–31 декабря 2011 г. № 491–492 [Электр. ресурс]. Режим доступа: http://www.Weekly.demoscope.ru/weekly/2011/0491/. (дата обращения: 21.08.2016).

6. Этнический состав Российской Федерации [Электр. ресурс]. Режим доступа: http://www.national security.ru/maps/... (дата обращения: 21.08.2016).

7. Состав и территория Российской Федерации [Электр. ресурс]. Режим доступа: base.garant.ru/1776 651/50. (дата обращения: 21.08.2016).

8. Нурутдинова А.Н. Общегражданская, региональная и этническая идентичности татарстанцев (по материалам опроса) // Десятые Ковалевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 1082–1085.

9. Захарова Е.М. Молодёжь и семья в условиях нравственного кризиса современного общества // Десятые Ковалевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 1394–1395.

10. Озерова Е.А. Тенденции развития семейно-брачных отношений молодёжи // Десятые Ковалевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 1501–1503.

11. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ: «Брак, дети, супружеские измены: сейчас и 25 лет назад» 6–7 декабря 2014 г. [Электр. ресурс]. URL: http://wciom.ru.

12. Богданович Е.О., Рябцева Ю.С. Гостевой брак как альтернатива совместной супружеской жизни // Десятые Ковалевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 1629–1632.

13. Звягина Е.М. Особенности современных семейно-брачных отношений в России // Десятые Ковалевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 1669–1671.

14. Глотов М.Б. Гендерный аспект новых форм семейно-брачных отношений // Десятые Ковалевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор Ю.В. Асочаков. СРб.: Скифия-принт, 2015. С. 1646–1648.

15. Безрукова О.Н. Родительский потенциал молодёжи: презентация исследования // Десятые Ковалевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 1337–1338.

WHAT KIND OF FAMILY CAN AND SHOULD BE PRESERVED (BASED ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

L.V. Kartseva

Kazan State Institute of Culture

In this article, the author focuses on both the modern state of the institutions of marriage and family in Russia and their perception in sociological theory. The author challenges the opponents of traditional family sociology by proving that it is too early to assert that the existing forms of marriage and family are outdated and are being replaced by fundamentally new ones that are changing the image and the future of the family, the state and the individual.

Keywords: marriage, family, family crisis, peculiarities of marriage-family relationships, family and anti-family ideology.

УДК 316.356.2

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНО-ЧУВСТВИТЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕРВИСОВ (ПАПА-ШКОЛ) НА ВОВЛЕЧЕНИЕ ОТЦОВ В ЗАБОТУ О ДЕТЯХ

© 2017 г.

А.Г. Малышев

Региональная общественная организация «Информационно-методический центр «Анна», Москва

mirk912@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 19.09.2016
Статья принята к публикации 06.02.2017

Анализируется действенность институционализированных форм поддержки новых моделей отцовства. Представлены результаты социологического исследования о влиянии гендерно-чувствительного социального сервиса (групп для будущих отцов, или папа-школ) на вовлечение отцов в активное участие в заботе о детях. Эмпирическим материалом исследования послужили данные репрезентативного опроса отцов в Санкт-Петербурге, опроса мужчин, прошедших занятия в папа-школах, а также интервью с организаторами и модераторами папа-школ. В ходе анализа автор отвечает на следующие вопросы: какими характеристиками обладают участники папа-школ? как они представляют себе распределение обязанностей между родителями? каков репертуар родительских практик мужчин, участвовавших в папа-школах? насколько отличаются отцы, прошедшие папа-школы, по вовлеченности в заботу о детях от отцов, не принимавших участия в папа-школах?

Ключевые слова: отцовство, социальные сервисы, папа-школы, родительство.

Постановка проблемы

Семья, рождение и воспитание детей на протяжении всей истории человечества занимали особое место в общественной и индивидуальной жизни, поскольку именно эта сфера обеспечивает продолжение существования человечества, с одной стороны, а с другой – выступает для индивидов в качестве «места личного осуществления» [1, с. 125]. В разных обществах, в различных культурах и даже в различные исторические периоды в рамках одного и того же общества конфигурация, значимость и содержание системы ценностей, которые были связаны с семьёй и родительством, практик родительства имели достаточно большую вариативность и могли существенно изменяться. Примером, иллюстрирующим масштабы этой вариативности, могут служить данные о том, что родительство, наличие детей в одних культурах могло восприниматься преимущественно как экономический ресурс, а в других может быть только эмоциональной потребностью.

Семейные отношения, рождение и воспитание ребенка, забота о нём всё чаще осмысляются их участниками как способы эмоциональной самореализации. Родительство всё в большей степени становится «результатом совместного творчества всех членов семьи, приносящим удовольствие каждому» [2, с. 11]. Хотя эти изменения представляют собой скорее тенденции, которые могут сосуществовать с традиционными моделями родительства или затрагивать только отдельные группы общества [3, с. 18], можно констатировать, что «общество всё дальше отходит от старых представлений о роли отца и матери и от позиции пожизненного закрепления этих ролей» [4, с. 121], что способствует перераспределению и обогащению ролей родителей [4, с. 121] в рамках каждой конкретной семьи.

Можно выделить два аспекта родительства. С одной стороны, родительство – это содержание родительских ролей (практик, деятельности, представлений) [5, с. 9]. С другой – родительство представляет собой «институциональные характеристики родительских отношений» [6, с. 73]. Родительство в этом контексте включает субинституты: отцовство и материнство.

Особый интерес представляют изменения, происходящие с отцовством, поскольку их вектор направлен на активизацию участия отцов в заботе о детях и их воспитании, снижение гендерной асимметрии родительских ролей [2, 7–9]. Как показывают современные исследования, такие изменения несут в себе существенный положительный потенциал: активное участие отцов в воспитании детей способствует снижению количества разводов и случаев семейного насилия, дает дополнительные возможности матери для самореализации и участия в трудовой деятельности, снижает нагрузку на неё, положительно влияет на развитие детей и даже делает отца более счастливым [8, p. 16–22].

Изменения, происходящие с отцовством, в целом способствуют распространению успешного родительства, которое определяется как «предписанный социумом статус социального субинститута родительства» [4, с. 121].

Современные исследователи отцовства (М. Ламб, И.С. Клецина, П. Аберг и Д. Родин, Ж.В. Чернова) выделяют несколько основных моделей отцовства, распространение и смену которых можно связать с процессами его трансформации [7, 9, 10, 11]:

– традиционный отец – заботится о пропитании и благосостоянии семьи, но не участвует или крайне ограниченно участвует в заботе о детях, а также выступает в качестве источника родительской власти как средства воспитания;

– ответственный отец – активно участвует в заботе о детях и их воспитании, но тратит на это меньше времени и усилий, чем мать;

– новый отец – готов разделить с матерью поровну ответственность за воспитание детей, на равных с ней участвует в заботе о них, готов разделить с матерью отпуск по уходу за ребенком и др.

Особой моделью отцовства является модель «отсутствующего отца». Данная модель предполагает, что отец фактически не участвует в жизни детей: отсутствует физически (например, после развода) или является «добытчиком» для семьи, но при этом «не просто дистанцирован, а фактически исключен из приватной жизни семьи и повседневных практик воспитания детей и ухода за ними» [11, с. 106].

Модели отцовства, связанные с активным вовлечением отца в воспитание детей и заботу о них, всё шире распространяются в мире [8]. В России на сегодня можно обнаружить похожие тенденции трансформации института отцовства [12, с. 96], «свидетельствующие о появлении идеалов нового отца или заботливого отца» [7].

Во многих странах (Австралия, Белоруссия, Канада, Казахстан, Кыргызстан, Литва, Польша, Россия, США, Швеция и др.) развиваются социальные сервисы и программы, ориентированные на поддержку вовлечения отцов и будущих отцов в активное участие в заботе о детях. Поддержку распространения ответственного отцовства в России осуществляют как общественные организации, так и государство, что находит отражение в официальных программных документах. Например, в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. предусмотрена «реализация дополнительных образовательных программ для мужчин в целях формирования ответственного отцовства, повышения социальной роли отца, вовлечения мужчин в семейные дела и воспитание детей» [13].

Практическая деятельность в области поддержки ответственного отцовства представляет собой информационные мероприятия и создание инфраструктуры социальных сервисов, ориентированных на распространение ответственного отцовства, – групп для будущих отцов (папа-групп), которые создаются в России на базе государственных социальных служб, некоммерческих организаций [14, с. 79], медицинских учреждений и представляют собой одну из форм гендерно-чувствительной групповой социальной работы с мужчинами в области поддержки новых моделей отцовства.

Папа-школы – это клубы мужчин, объединенных общим интересом – подготовкой к рождению ребенка, возможному присутствию на родах и активному участию в жизни ребенка в послеродовой период. Работа папа-школ организована как цикл встреч гендерно гомогенной группы мужчин, на которых обсуждаются будущие роды, первые дни, первый месяц жизни ребенка, ответственное отцовство [15, с. 41]. Возможны дополнительные занятия по темам, которые выбирают члены группы. Работу группы организует модератор, который, как правило, сам должен быть уже состоявшимся отцом. Своей целью папа-группы ставят донесение до будущих отцов информации о возможностях участия в уходе за ребенком, приемлемости этого для мужчины, ценностях гендерного равенства и ответственного отцовства.

Первая папа-школа в России была организована в Санкт-Петербурге в ноябре 2008 г. на основе опыта шведских групп для будущих отцов [14, с. 72; 16, с. 25]. С этого времени продолжается период активного распространения папа-школ в России. Сегодня они действуют в Санкт-Петербурге, Тихвине, Архангельске, Вологде, Нижнем Новгороде и других городах. Распространение папа-школ в России поставило перед их организаторами вопросы об эффективности папа-групп, влиянии проводимой работы на изменения ценностей и практик в области родительства и отцовства участников папа-школ, активности их участия в заботе о детях.

Методология исследования

В 2013 г. автором было проведено социологическое исследование, целью которого являлось определение действенности (effectiveness; [17]) папа-школ как проводника перемен в области ценностей и практик отцовства.

Развернутое описание методологии, методов и результатов исследования представлено в монографии «Влияние гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов на транс-

Таблица 1

Уровень образования респондентов, %

Этапы исследования	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее специальное	Среднее	Неполное среднее
Второй этап: опрос отцов (*n*=404)	53	5	36	5	1
Третий этап: мужчины, посещавшие папа-группы	79	12	6	3	0

Таблица 2

Уровень материальной обеспеченности респондентов, %

Этапы исследования	Денег хватает на еду и самое необходимое	Позволяем себе небольшие покупки (одежда, обувь и т.п.), на дорогие товары приходится копить	Покупка дорогих товаров не вызывает трудностей, но купить квартиру мы не можем	Денег достаточно, чтобы вообще ни в чем себе не отказывать	Нет ответа
Второй этап: опрос отцов (*n*=404)	1.7	37.7	48.6	4.5	7.4
Третий этап: мужчины, посещавшие папа-группы	5.9	32.4	47.1	11.8	2.9

формации ценностей и практик родительства в современной России» [16].

Основной исследовательский интерес сконцентрирован на изучении различий в нормах и практиках отцовства мужчин, прошедших и не прошедших занятия в папа-школах. Это позволяет более объективно оценить влияние папа-школ, чем опрос мужчин до начала посещения ими цикла занятий в папа-школах и после его окончания, поскольку вступление в роль отца после рождения ребенка требует серьёзной психологической адаптации [18, с. 364].

Исследование было проведено в три этапа. Первый этап посвящен изучению работы папа-школ в Санкт-Петербурге. Задачами первого этапа исследования были выявление форм, целей работы папа-школ, предварительная оценка действенности папа-школ, разработка инструментария (анкеты) и сбор контактов участников папа-школ для применения на следующих этапах. В рамках первого этапа исследования была проведена серия глубинных интервью с руководителями и модераторами папа-школ в Санкт-Петербурге (4 интервью). По результатам первого этапа было отобрано около 60 контактов мужчин, прошедших занятия в папа-школе в период с 2010 по 2013 г., был составлен инструментарий стандартизированного интервью для опроса населения Санкт-Петербурга и его расширенный вариант для отцов, прошедших занятия в папа-школах.

Второй этап – количественное исследование представлений и практик в области родительства мужчин, имеющих детей и никогда не посещавших папа-школы. В рамках данного этапа исследования методом сбора информации был опрос методом стандартизированного интервью. Опрос проводился среди мужчин, имеющих детей, которые живут совместно с ними, по репрезентативной целевой квотной выборке в июне 2013 г. в Санкт-Петербурге. Квотирование по возрасту детей и мужчин. Размер выборки составил 404 респондента. Характеристики выборки обеспечивают максимальную ожидаемую статистическую погрешность одномерных распределений не более 5% для уровня надёжности 95%.

На третьем этапе исследования было проведено изучение представлений и практик в области отцовства мужчин, прошедших занятия в папа-школах в Санкт-Петербурге в 2010–2013 гг. Всего было опрошено 40 мужчин, прошедших цикл занятий в папа-школах, из них 36 респондентов прошли занятия в папа-школе на базе государственного центра социальной помощи семье и детям одного из районов Санкт-Петербурга и 4 респондента – в общественной организации «Хэсэд Авраам». Средний возраст опрошенных составил 31 год. Самому младшему опрошенному на момент проведения исследования исполнилось 25 лет, самому старшему – 41 год. Сбор информации проводился методом стандартизированного интервью по анкете, обеспечивающей сопоставимость результатов с опросом, проведенным на втором этапе исследования.

В ходе дальнейшего изложения результаты опроса мужчин, имеющих детей и никогда не посещавших папа-школы, будут обозначаться как данные, полученные на втором этапе исследования, а данные опроса мужчин, прошедших

занятия в папа-школах в Санкт-Петербурге в 2010–2013 гг., будут обозначаться как данные, полученные на третьем этапе исследования.

Данные, полученные на втором этапе исследования, сопоставлялись с данными третьего этапа исследования.

Социальный портрет участника папа-школы

По мнению большинства авторов, изучающих процессы трансформации отцовства в России, мужчины, ориентированные на активное участие в заботе о детях, имеют более высокий уровень образования и лучше материально обеспечены [9, с. 21; 7; 19, с. 273]. Результаты проведенного исследования подтвердили данный тезис лишь отчасти.

Уровень образования мужчин, посещавших занятия в папа-школах, действительно оказался заметно выше, чем у мужчин, принявших участие в массовом опросе на втором этапе исследования. Из таблицы 1 видно, что среди мужчин, участвовавших в занятиях в папа-школах, в полтора раза больше (по сравнению с отцами, опрошенными на втором этапе исследования) тех, кто имеет высшее образование (79% против 53%). Если добавить к респондентам, имеющим высшее образование, респондентов с незаконченным высшим образованием (часто это те, кто ещё продолжает обучение в высшем учебном заведении), разрыв станет ещё больше (91% против 58%). Это позволяет констатировать, что подавляющее большинство отцов, прошедших занятия в папа-школах, имеют высокий уровень образования.

Сравнение самооценки уровня материальной обеспеченности мужчин, опрошенных в ходе второго этапа исследования, и отцов, участвовавших в занятиях папа-школ, не продемонстрировало таких выраженных контрастов, как уровень их образования. Распределение ответов на вопрос «Оцените степень материальной обеспеченности Вашей семьи» представлено в таблице 2. Количество опрошенных, которые выбрали вариант ответа «Покупка дорогих товаров не вызывает трудностей, но купить квартиру мы не можем», практически совпало на втором и третьем этапах исследования и составило около половины респондентов. Среди мужчин, участвовавших в занятиях папа-школ, немного меньше (на 5.3%) тех, кто выбрал вариант ответа «Позволяем себе небольшие покупки (одежда, обувь), на дорогие товары приходится копить». Это второй по частоте вариант ответа в данных второго и третьего этапов исследования (37.7% опрошенных на втором этапе исследования и 32.4% опрошенных на третьем этапе исследования). Наименее обеспеченных (выбрали вариант ответа «Денег хватает на еду и самое необходимое») оказалось больше среди мужчин, участвовавших в папа-школах (5.9% против 1.7%). Наиболее существенные различия в оценке уровня материального благосостояния, выходящие за пределы статистической погрешности выборки, можно обнаружить при анализе количества респондентов, которые выбрали вариант ответа «Денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать». Их оказалось в два раза больше среди тех, кто посещал папа-школы (11.8%), по сравнению с опрошенными на втором этапе исследования мужчинами, которые папа-школы не посещали (4.5%).

Таким образом, хотя среди мужчин, участвовавших в папа-школах, доли хорошо материально обеспеченных и наименее обеспеченных больше, общая картина распределения ответов об уровне материальной обеспеченности мужчин, прошедших занятия в папа-школах, существенно не отличается от картины, полученной в ходе анализа данных опроса мужчин Санкт-Петербурга на втором этапе исследования. Объяснение этого можно найти, если обратить внимание на специфику институций, на базе которых проводятся папа-школы в России: это преимущественно государственные службы социальной помощи семьям и социально ориентированные некоммерческие организации. В интервью модераторы и организаторы папа-школ указывали, что было два основных способа рекрутирования их участников:

– распространение информации о папа-школах среди беременных женщин в женских консультациях;

– приглашение на занятия мужчин из семей, которые были получателями социальных услуг в соответствующих социальных службах или некоммерческих организациях (данный способ особенно характерен для начального периода распространения папа-школ).

Среди клиентов социальных служб больше людей с низким уровнем дохода. Как отмечает И.А. Григорьева, «получатели социальных услуг и пособий в России – довольно разнородная группа», среди членов которой есть люди с разным уровнем образования [20, с. 151]. При этом доля людей с низким уровнем дохода среди клиентов социальных служб больше, а с высоким – меньше, чем среди всего населения. Вероятно, чаще соглашаются участвовать в папа-школах те мужчины, которые обладают высоким уровнем образования и материального благополучия, однако специфика социальной базы, из которой подбираются участники папа-школ,

Таблица 3

Распределение ответов на вопросы о значимости жизненных ценностей (1 – минимальная оценка, 6 – максимальная), %

Оценка значимости от 1 (наименьшая) до 6 (наибольшая)	Семья		Дети		Материальное благополучие		Самореализация	
	2-й этап	3-й этап	2-й этап	3-й этап	2-й этап	3-й этап	2-й этап	3-й этап
6	92.8	53	89.1	60	69.6	70	51.7	28.6
5	4.7	30	9.2	20	23.3	22.5	31.4	35.7
4 и ниже	2.5	17	1.7	20	7.1	7.5	16.8	35.7

способствует вовлечению в участие и мужчин со средним и низким уровнем дохода.

Другой характеристикой участников папа-школ является их отношение к ценностям, связанным с родительством. Сравнение ответов мужчин, прошедших и не прошедших папа-школы, демонстрирует неожиданные соотношения.

Как видно из таблицы 3, наибольшее значение (для оценки респондентам на втором и третьем этапе исследования предлагалась шестибалльная шкала) респонденты опроса отцов Санкт-Петербурга, проведенного на втором этапе исследования, предсказуемо придают таким ценностям, как семья и дети (92.8% опрошенных на втором этапе исследования оценили значимость семьи оценкой «6», 4.7% – оценкой «5»; 89.1% оценили значимость детей оценкой «6», 9.2% – оценкой «5»). Меньшее значение, по сравнению с семьёй и детьми, для мужчин, опрошенных на втором этапе исследования, имеют материальное благополучие (оценку «6» поставили 69.6%, оценку «5» – 23.3%) и самореализация (оценка «6» – 51.7% опрошенных, «5» – 31.4%).

Значимость семьи и детей для мужчин, прошедших занятия в папа-школах, также является высокой (оценку «6» поставили 53% опрошенных отцов, прошедших папа-школы, «5» – 30%), однако она для них оказалась даже ниже, чем для отцов, не проходивших папа-школы.

Разница в оценках значимости семьи и детей может быть объяснена двумя обстоятельствами. Во-первых, мужчины, участвовавшие в папа-школах, имеют высокий уровень образования, что способствует «диверсификации» ценностей. Во-вторых, можно предположить, что среди мужчин, принимавших участие в папа-школах, оказалось большое количество тех, кто склонен к делегирующему и неопределенному типу родительства, характеризующемуся меньшей ценностью детей и семьи [21, с. 121]. Такие мужчины оказались среди участников папа-школ благодаря их подбору из базы клиентов социальных служб. Так, привлечение мужчин к участию в папа-школе, как отметил в интервью один из организаторов папа-школ, в некоторых случаях выступало даже в качестве метода социальной работы, направленного на сохранение или психологическую поддержку семьи, переживающей кризис.

Распределение оценок значимости материального благополучия, полученных от прошедших папа-школы, практически не отличается ни количественно, ни структурно от оценок значимости материального благополучия отцов Санкт-Петербурга, опрошенных на втором этапе исследования (см. таблицу 3).

Большим оказалось различие в оценке значимости самореализации среди прошедших занятия в папа-школе (оценку «6» поставили 28.6%, оценку «5» – 35.7%) по сравнению с мужчинами, опрошенными на втором этапе исследования (оценку «6» поставили 51.7%, оценку «5» – 31.4%). Оно может быть связано как с небольшим объемом выборки прошедших занятия в папа-школах, так и с подбором участников папа-школ через социальные службы и спецификой контингента их клиентов.

Представления о родительских ролях

Понимание того, как мужчины представляют себе модель распределения практик родителей в семье, дает возможность оценить, насколько они разделяют ценности нового и ответственного отцовства, поскольку важным аспектом данных типов отцовства является сглаживание гендерной асимметрии родительских ролей (для нового отцовства характерно практически полное её устранение). П. Аберг и Д. Родин [7], О.Н. Безрукова [19, с. 273] отмечают, что мужчины, ориентированные на активное участие в заботе о детях, как правило, разделяют установки на гендерное равноправие в семье. Мужчины, придерживающиеся традиционной модели распределения обязанностей в семье, считают для себя наиболее подходящим видом деятельности заботу о материальном благополучии семьи, а уход и присмотр за детьми и их воспитание связывают в первую очередь с ролью матери.

Представления принимавших участие в папа-школах, а также респондентов опроса отцов Санкт-Петербурга о нормативной модели рас-

пределения родительских практик отражены в таблицах 4, 5 и 6.

Как видно из таблицы 4, среди прошедших занятия в папа-школах – так же как и среди мужчин Санкт-Петербурга, опрошенных на втором этапе исследования, – преобладает представление о том, что отец должен быть кормильцем в семье.

92.3% респондентов опроса отцов Санкт-Петербурга, проведенного на втором этапе исследования, считают, что отец должен активно заниматься обеспечением материального благополучия семьи (оценили данную деятельность как важную для отцов оценкой «6» по шестибалльной шкале), и только 3% респондентов (значение меньше статистической погрешности выборки) оценили значение этой деятельности для отца оценкой «4» и ниже. Для матери участие в обеспечении материального благополучия семьи считают обязательным видом деятельности только 30.7% опрошенных (оценка «6»), и ещё 23.5% поставили ей оценку «5», что означает, что забота о материальном благополучии семьи для матери в представлениях респондентов является важной, но не приоритетной.

Деятельность по воспитанию детей, уходу и присмотру за ними, как видно из таблиц 5 и 6, считается мужчинами, опрошенными в Санкт-Петербурге на втором этапе исследования, в большей степени обязательной для матери. Оценка «6» (мать должна много этим заниматься) встречается в 87.6% ответов на вопрос, кто должен заниматься уходом и присмотром за детьми, и в 88.1% ответов на вопрос, кто должен заниматься воспитанием детей. При этом оценка «4» и ниже встречается крайне редко при ответе на вопрос, должна ли мать участвовать в уходе, присмотре за детьми и их воспитании. Отец, по мнению респондентов второго этапа исследования, должен принимать участие в уходе и присмотре за детьми, но гораздо в меньшей степени, чем мать: 48% респондентов оценили необходимость участия отца в данной деятельности оценкой «6» (практически в два раза меньше, чем процент респондентов, оценивших данный вид деятельности как обязательное занятие для матери), и ещё 22.5% – оценкой «5» (см. таблицу 5). В практиках воспитания детей, по мнению респондентов второго этапа исследования, отец должен принимать большее участие, чем в уходе за детьми: суммарно 84.2% мужчин, опрошенных в ходе второго этапа исследования, поставили оценки обязательности участия отца в воспитании детей «5» и «6» из 6 возможных (см. таблицу 6). Это позволяет говорить, что большая часть отцов Санкт-Петербурга, опрошенных на втором этапе исследования, считают, что в практики заботы о детях должны быть включены как отец, так и мать, однако для отцов характерна меньшая оценка необходимости включения в эти практики, чем для матерей. Включение практик воспитания и заботы о детях в нормативную модель отцовской роли значительной долей мужчин говорит о движении в сторону эгалитарного принципа распределения обязанностей между родителями, чем в традиционной модели родительства и отцовства.

Представления о распределении обязанностей между родителями отличаются от традиционных среди опрошенных на третьем этапе исследования в части большего, чем это предполагает традиционная модель, участия мужчины в воспитании детей и уходе за ними, однако прошедшие занятия в папа-школах отцы, представления которых о нормативной модели распределения родительских практик изучались на третьем этапе исследования, демонстрируют, вопреки ожиданиям, даже бо́льшую приверженность традиционной модели распределения ролей в семье, чем мужчины, не участвовавшие в папа-школах. Только 17.9% из них выбрали «6» или «5» из 6 при оценке необходимости участия матери в обеспечении материального благополучия семьи. При этом 54.2% опрошенных на втором этапе исследования отцов Санкт-Петербурга выбрали оценки «6» или «5» для данной сферы деятельности матери. В области ухода и присмотра за детьми представления о модели распределения родительских обязанностей даже в большей степени соответствуют традиционной модели, чем в представлениях опрошенных в рамках второго этапа исследования мужчин: всего 6.5% участников папа-школ выбрали «6» для оценки необходимости участия отца в уходе и присмотре за детьми и ещё 32.3% – «5», что почти в два раза меньше долей респондентов второго этапа исследования, выбравших такие оценки для данного вида деятельности (48% и 22.5%, соответственно). Доля выбравших значение «3» и ниже при оценке необходимости участия отца в уходе и присмотре за детьми оказалась среди прошедших папа-школы в три раза больше, чем опрошенных на втором этапе исследования (29% и 10.1%, соответственно). Относительно более равным распределением обязанностей в представлениях мужчин, прошедших папа-школы, характеризуется только участие отца в воспитании детей: 6.7% выбрали оценку «6», 56.7% – оценку «5». Однако даже в этой сфере отцы, прошедшие папа-школы, оказались в своих представлениях более традиционными, чем респонденты опроса, проведенного на втором этапе исследования, среди которых доля оце-

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Кто из родителей должен заниматься обеспечением материального благополучия?», %

Этап исследования и группа опрошенных	Оценка 1 – «не должен(на) этим заниматься»; оценка 6 – «должен(на) много этим заниматься»							
	Оценка 3 и ниже		Оценка 4		Оценка 5		Оценка 6	
	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец
Второй этап: опрос отцов (*n*=404)	24.3	1	21.5	2	23.5	4.7	30.7	92.3
Третий этап: мужчины, посещавшие папа-группы	57.1	6.5	25	0	14.3	9.6	3.6	83.9

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Кто из родителей должен заниматься уходом и присмотром за детьми?», %

Этап исследования и группа опрошенных	Оценка 1 – «не должен(на) этим заниматься»; оценка 6 – «должен(на) много этим заниматься»							
	Оценка 3 и ниже		Оценка 4		Оценка 5		Оценка 6	
	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец
Второй этап: опрос отцов (*n*=404)	1.2	10.1	2.5	19.3	8.7	22.5	87.6	48
Третий этап: мужчины, посещавшие папа-группы	6.6	29	6.7	32.3	40	32.3	46.7	6.5

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Кто из родителей должен заниматься воспитанием детей?», %

Этап исследования и группа опрошенных	Оценка 1 – «не должен(на) этим заниматься»; оценка 6 – «должен(на) много этим заниматься»							
	Оценка 3 и ниже		Оценка 4		Оценка 5		Оценка 6	
	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец
Второй этап: опрос отцов (*n*=404)	1.5	4.5	2.5	11.4	7.9	17.6	88.1	66.6
Третий этап: мужчины, посещавшие папа-группы	13.3	10	10	26.7	26.7	56.7	50	6.7

нивших важность участия отцов в воспитании оценкой «6» значительно больше (66.6%), а оценкой «3» и ниже меньше (4.5% против 10%).

По словам модераторов и организаторов папа-школ, опрошенных на первом этапе исследования, часть мужчин до участия в занятиях папа-школ имели представления о родительских ролях, характеризующиеся ещё большей гендерной асимметричностью. Подтвердить или опровергнуть данный тезис затруднительно, поскольку опроса до начала занятий в папа-школах в рамках проведенного автором исследования не проводилось. Можно только предположить, что специфика клиентской базы социальных служб способствовала отбору для участия в папа-школах мужчин, имеющих более традиционные представления о родительских ролях, а возможно, и склонных к делегирующему типу родительства. Косвенным подтверждением этого может выступать неожиданно большой процент мужчин, прошедших занятия в папа-школах, выбравших «3» и ниже при оценке необходимости участия матери в практиках ухода и присмотра за детьми (6.6%) и воспитания (13.3%). В ответах опрошенных на втором этапе исследования такие оценки не превышали статистической погрешности выборки и составили 1.2% и 1.5% соответственно.

Практики родительства

Прошедшие курс папа-школы посвящают ребенку столько же или даже меньше времени, чем мужчины, не прошедшие папа-группы (см. таблицу 7). Обращает на себя внимание значительная разница в количестве тех, кто прошел папа-группу, и тех, кто её не прошел и при этом тратит на общение со своим ребенком более 24 часов в неделю: среди отцов, опрошенных на втором этапе исследования, таких в два с половиной раза больше, чем среди мужчин, участвовавших в папа-школах. При этом мужчин, участвовавших в занятиях в папа-школах, которые посвящают общению с ребенком от 15 до

Таблица 7

Сравнение количества времени, которое мужчины, не прошедшие папа-школу (2-й этап исследования) и прошедшие папа-школу (3-й этап исследования), посвящают своим детям в среднем в неделю, %

Этап исследования и группа опрошенных	Объем времени, который отцы тратят на ребенка в неделю			
	До 7 часов	От 7 до 15 часов	От 15 до 24 часов	Более 24 часов
Второй этап: опрос отцов (*n*=404)	14	28	16	42
Третий этап: мужчины, посещавшие папа-группы	11.8	34.1	38.2	15.9

24 часов в неделю, более чем в два раза больше. Различия во временных затратах несколько нивелируются, если сопоставлять прошедших папа-школу и отцов из выборки второго этапа исследования, которые имеют детей в возрасте до 4 лет. Это может быть связано с возрастом детей: чем старше ребенок, тем вероятнее, что отец будет посвящать ему больше времени. По всей видимости, папа-школы не оказывают существенного положительного влияния на объем временных затрат мужчин на общение с ребенком.

Анализируя вовлеченность различных групп отцов в заботу о детях, необходимо наряду с количественными характеристиками времени, которое посвящают отцы своим детям, учитывать и его качественное наполнение, понимать, в каких практиках заботы и как часто участвуют отцы. Распределение (в %) ответов на вопросы о частоте, с которой отцы осуществляют различные практики заботы о детях (игры с ребенком, прогулки, приготовление еды для ребенка, физический уход), представлено в таблице 8. Из анализа данной таблицы видно, что наиболее распространенными вариантами ответов на вопросы об участии в практиках заботы о детях являются «часто» (больше всего в вопросах об участии в физическом уходе за ребенком, прогулках с ребенком и играх) и «редко» (в вопросе об участии в приготовлении еды для ребенка).

Распределения долей ответов, характеризующих различную частоту участия прошедших и не прошедших папа-школы в большинстве случаев совпадают, однако можно обнаружить несколько любопытных различий, появление которых может быть связано с участием в папа-школах. Практически во всех вопросах, посвященных участию опрошенных мужчин в практиках заботы о детях, доля отцов, ответивших, что они осуществляют соответствующие практики всегда или почти всегда, среди участников папа-школ оказалась выше, а иногда значительно выше (в вопросе об осуществлении физического ухода и прогулках с ребенком), чем в опросе мужчин Санкт-Петербурга, проведенном в ходе второго этапа исследования. Среди посещавших папа-школы и опрошенных на третьем этапе исследования оказалась большая доля тех, кто часто играет с ребенком (55.9% против 49.3%), ходит с ним на прогулки (58.8% против 51.5%) и готовит еду для него (31.2% против 25.5%). При этом значительно меньше на третьем этапе исследования количество отцов, которые почти никогда или редко осуществляют те или иные практики заботы о детях. Прошедшие занятия в папа-школе ни одного раза не выбрали ответ «никогда» ни в одном из вопросов, посвященных участию в практиках заботы о детях. Описанное соотношение не может быть объяснено возрастом детей опрашиваемых, поскольку большая часть описанных различий сохраняется при включении в анализ только мужчин, имеющих детей возраста 0–4 года. Такое распределение ответов на вопрос о практиках заботы о детях среди прошедших папа-школы и его соотношение с ответами на эти вопросы мужчин, не участвовавших в работе папа-школ, может свидетельствовать о том, что именно практики заботы, реализуемые отцами, являются той областью, в которой прослеживается влияние папа-школ. Можно предположить, что занятия в папа-школах способствуют расширению репертуара родительских практик отцов и более интенсивному включению в них.

Отличия не прошедших папа-школу от прошедших демонстрируют ответы на вопрос: «Если с ребенком надо пойти на прием к врачу, в детский сад и т. п., кто это будет делать в Вашей семье?» Вопрос позволяет оценить готовность отца участвовать в деятельности, значимой для ребенка, но в рамках традиционной модели родительства относящейся к обязанностям матери. Процентное распределение ответов на данный вопрос представлено в таблице 9. Наиболее частым вариантом ответа прошедших цикл занятий в папа-школах (более 61.8%) стал ответ: «в зависимости от занятости на работе, но чаще супруга». В то же время вариант «в основном супруга» (самый частый вариант ответа в опросе мужчин, не прошедших папа-школы) встречался всего в 12% анкет участвовавших в папа-школах. На основании анализа ответов на этот вопрос с определенными оговорками, касающимися размера выборки

Таблица 8

Распределение ответов на вопросы о частоте, с которой отцы осуществляют практики заботы о детях, %

Этап исследования и группа опрошенных	Никогда	Крайне редко	Редко	Часто	Почти всегда	Всегда
Вопрос «Как часто Вы осуществляете физический уход за ребенком (например, смена памперсов, купание)?»						
Второй этап: опрос отцов (*n*=404)	3.3	15.3	31.1	45.9	2.7	1.6
Третий этап: мужчины, посещавшие папа-группы	0	4.8	23.5	38.2	15.8	17.6
Вопрос «Как часто Вы играете с ребенком?»						
Второй этап: опрос отцов (*n*=404)	0.7	5.9	30.2	49.3	10.6	3.2
Третий этап: мужчины, посещавшие папа-группы	0	2.9	14.7	55.9	17.6	8.8
Вопрос «Как часто Вы ходите на прогулки с ребенком?»						
Второй этап: опрос отцов (*n*=404)	1	4.2	31.7	51.5	9.4	2.2
Третий этап: мужчины, посещавшие папа-группы	0	2.9	10.6	58.8	18.8	8.8
Вопрос «Как часто Вы готовите еду для ребенка?»						
Второй этап: опрос отцов (*n*=404)	11.6	22	36.6	25.5	3.2	1
Третий этап: мужчины, посещавшие папа-группы	0	17.6	39.4	31.2	5.9	5.9

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Если с ребенком надо пойти на прием к врачу, в детский сад и т. п., кто это будет делать в Вашей семье?», %

Этап исследования и группа опрошенных	В основном я	В основном супруга	В зависимости от занятости на работе я или супруга, но чаще я	В зависимости от занятости на работе я или супруга, но чаще супруга	Другое
Второй этап: опрос отцов (*n*=404)	8.9	57.3	9.4	18.4	6
Третий этап: мужчины, посещавшие папа-группы	2.9	11.8	14.7	61.8	8.8

третьего этапа исследования, можно сказать, что папа-группы в основном успешно адаптируют мужчину к взаимодействию с социальной инфраструктурой для детей.

Выводы

Результаты проведенного исследования показали, что характеристики социального портрета мужчин, участвовавших в папа-группах, отличаются от распространенного в литературе по социальным наукам описания мужчин, которые включаются в практики ответственного и нового отцовства. П. Аберг и Д. Родин, например, указывают, что ответственные и новые отцы в России относятся к числу «хорошо образованных представителей среднего класса, в чьих семьях есть определенное равноправие» [7]. Прошедшие папа-школу и принявшие участие в данном исследовании отцы являются хорошо образованными, но далеко не всегда могут быть отнесены к среднему классу и даже чаще, чем

среднестатистические отцы, разделяют представления об асимметричной структуре родительства, что может быть объяснено особенностями подбора участников папа-школ из числа клиентов социальных служб, а также тем, что папа-школы их организаторами рассматривались ещё и как метод социальной работы с семьёй в трудной жизненной ситуации.

Большая часть мужчин, прошедших цикл занятий в папа-школах, по сравнению с не участвовавшими в папа-школах, вовлечены в более широкий репертуар практик заботы о детях. Можно говорить о более интенсивной вовлеченности отцов, участвовавших в папа-школах, в практики заботы о детях. Масштабы увеличения этой вовлеченности являются относительно небольшими (примерно 10–15%), но при этом оно характерно для всех проанализированных в исследовании практик. Отцы, прошедшие папа-школы, демонстрируют значительно большую готовность по сравнению с мужчинами, не прошедшими курс папа-школ, к взаимодействию с социальной инфраструктурой для детей.

Повышение доступности папа-школ и обеспечение возможности для всех будущих отцов пройти занятия в них, распространение информации о папа-школах в обществе, а также накопление и анализ опыта проведения папа-школ могут в дальнейшем способствовать более широкому и интенсивному распространению ответственного отцовства и родительских практик, основанных на гендерном равенстве.

Использованы результаты исследования автора в рамках российско-шведского проекта MIR-III (Men in Russia-III, 2011-2013) при финансовой поддержке SIDA (Агентства международного сотрудничества в области развития).

Список литературы

1. Бергер П.Б., Бергер Б. Социология: биографический подход // В кн.: Личностно ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. С. 25–396.

2. Кукулин И., Майофис М. Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra. 2010. Т. 14. № 1/2. С. 6–19.

3. Beck-Gernsheim E. Was kommt nach der Familie? Alte Leitbilder und neue Lebensformen. München: C.H. Beck Verlag, 2010. 199 s.

4. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 118–123.

5. Гурко Т.А. Трансформация института родительства в постсоветской России: Автореф. дис. … д-ра соц. наук. М.: ИС РАН, 2008. 35 с.

6. Гурко Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 72–79.

7. Аберг П., Родин Д. Отцовство сквозь время и пространство с акцентом на России [Электронный ресурс] // Мужская книга: сайт. URL: http://www.themensbook.net/#!blank-26/k94bh (дата обращения: 04.08.2016).

8. Levtov R., van der Gaag N., Greene M., Kaufman M., and Barker G. State of the World's Fathers: A MenCare Advocacy Publication. Washington, DC: Promundo, Rutgers, Save the Children, Sonke Gender Justice, and the MenEngage Alliance, 2015. 286 p.

9. Клецина И.С. От традиционного типа отцовства к вовлеченным отцам // Ответственное отцовство: новые формы социальной работы: Методическое пособие. СПб.: Информационно-аналитический центр негосударственных организаций медико-социальной сферы, 2010. С. 7–28.

10. The Role of the Father in Child Development. 3rd / Ed. by M.E. Lamb. New York: John Wiley and Sons, 1997. 416 p.

11. Чернова Ж.В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 1 (61). С. 103–122.

12. Авдеева А.В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104.

13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.rosmintrud.ru/docs/government/146 (дата обращения: 04.08.2016).

14. Малышев А., Парфёнова О. Социальные сервисы как проводники трансформации родительских практик (на примере распространения папа-школ в Санкт-Петербурге) // Социальные работники как проводники перемен / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, Н.В. Сорокиной. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2012. С. 68–88.

15. Еремин Н.Н. Папа-школа: гендерно-чувствительные формы социальной работы // Ответственное отцовство: новые формы социальной работы: Методическое пособие. СПб.: Информационно-аналитический центр негосударственных организаций медико-социальной сферы, 2010. С. 29–45.

16. Малышев А.Г. Влияние гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов на трансформации ценностей и практик родительства в современной России. СПб.: Тускарора, 2013. 72 с.

17. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р., Ворона М.А. Оценивание в социальной работе // Социальная работа: теории, методы, практика. Материалы интернет-конференций и семинаров. 2012. № 2. С. 12–14.

18. Помарчук Т.В. Феномен отцовства: этапы формирования психологической готовности к отцовству // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 1 (42). С. 360–366.

19. Безрукова О.Н. Практики ответственного отцовства: «папа-школа» и социальный капитал // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 3. С. 266–275.

20. Григорьева И.А. Развитие социальной политики в России в 1990–2000-х гг. // Мир России: Социология, этнология. 2013. Т. 22. № 1. С. 132–154.

21. Безрукова О.Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. 2016. № 3 (383). С. 118–127.

IMPACT OF GENDER-SENSITIVE SOCIAL SERVICES (FATHER SCHOOLS) ON FATHERS' INVOLVEMENT IN CHILD CARE

A.G. Malyshev

Regional Information and Methodological Center «Anna», Moscow

In this article, we analyze the effectiveness of gender-sensitive social services designed to support the new type of parenthood, i.e., responsible or involved fatherhood. We present the findings of the sociological research into how a gender-sensitive social service (groups for fathers-to-be or father schools) influences the involvement of fathers in child care. The empirical material for this research is based on a representative survey among St. Petersburg men with children, a survey of men who attended father schools in St. Petersburg in 2010–2013, and on interviews with managers and moderators of father schools. In this study, the author tries to find the answers to the following questions: What kind of persons are father school participants? How do they see the distribution of responsibilities between parents? What are parenting practices of men who attended father schools? The author compares these indicators with the data of the representative survey describing the general father practices in St. Petersburg.

Keywords: fatherhood, social services, father schools, parenthood.

УДК 316.61

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

© 2017 г.

Т.С. Стрункина, Е.А. Шмелева

Шуйский филиал Ивановского государственного университета

ts.37@bk.ru

Статья поступила в редакцию 15.09.2016
Статья принята к публикации 06.02.2017

Проведен анализ социокультурных потребностей, выявленных у студентов вузов Ивановской области. Приведен теоретический обзор научных трудов о потребностях личности. Описаны план исследования и его результаты. Обобщены математико-статистические данные, представлены результаты опроса среди студенческой молодежи на предмет выраженности социокультурных потребностей. С помощью факторного анализа сделана попытка представить социокультурные потребности студенческой молодежи в виде структурно-содержательной модели. Впервые выявлены структурные компоненты модели социокультурных потребностей личности: национально-гражданская идентичность, профессиональное саморазвитие, социальная рефлексия, приобщение к культуре общества, семейные ценности. Каждый компонент проанализирован и описан. Сформулированы два основных принципа структурно-содержательной модели социокультурных потребностей студенческой молодежи.

Ключевые слова: потребности, социокультурные потребности, молодежь, студенческая молодежь, модель социокультурных потребностей.

Введение

Самосовершенствование, творчество, профессиональное становление, сохранение традиционных семейных ценностей, чувство национально-гражданской идентичности сегодня определяют важные социокультурные векторы государства. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации (2015–2025) [1] базируется на принципе социокультурного развития, позитивной социализации и духовно-нравственном становлении подрастающего поколения. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. [2] предполагает развитие и совершенствование системы патриотического воспитания граждан и ориентирована на становление патриотизма в качестве нравственной основы формирования их активной жизненной позиции. ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» [3] акцентирует необходимость формирования общероссийской гражданской идентичности. Государственная национальная политика Российской Федерации на период до 2025 г. [4] нацелена на развитие гражданственности и укрепление патриотизма. Определен целый ряд государственных ориентиров, определяющих необходимость развития и укрепления активной гражданской позиции, традиционных ценностей, нравственности и патриотизма.

Теоретическое изучение проблемы ценностно-потребностной сферы молодого поколения позволяет обобщить необходимый материал для построения модели социокультурных потребностей и разработки формирующей или развивающей программы [5] развития социокультурных потребностей студенческой молодежи. Целенаправленная работа в области ценностных ориентаций и потребностей современной молодежи даст необходимый результат, а развитые социокультурные потребности молодежи определяют ее активную гражданскую позицию.

Потребностная сфера личности представлена во многих научных трудах известных ученых. А. Маслоу исследовал индивидуальные потребности индивида [6]. В своей работе мы использовали его видение иерархии потребностей для уточнения определения социальных и социокультурных потребностей. Ко второй половине 70-х гг. XX века тематика потребностей стала актуальной для отечественных психологов и философов. В классификацию потребностей Н.М. Бережного входят две большие группы – базовые и ценностно-ориентированные потребности. Они, в свою очередь, делятся на более узконаправленные потребности [7]. А.Г. Здравомыслов в своей книге дал определения и обозначил границы понятий «ценности», «потребности» и «интересы» [8]. На основе обобщенного опыта зарубежных и отечественных философов о проблематике ценностей М.С. Каган соз-

Таблица 1

Социокультурные потребности студенческой молодежи (*n*=384)

№ п/п	Потребности
1	В работе
2	В получении образования
3	В культуре общения
4	В создании семьи
5	В сохранении традиций общества, его институтов и ценностей
6	В посещении культурно-развлекательных центров
7	В следовании нормам нравственности
8	В принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям
9	В принятии обществом
10	В посещении театров
11	В защите интересов Родины и своего народа
12	Испытывать гордость за страну
13	В получении новой информации
14	В воспитании своих детей
15	В чтении
16	В работе по профессии
17	В уважении другими людьми
18	В свободе вероисповедания
19	В заботе со стороны близких людей
20	В профессиональном росте

дал оригинальную концепцию теории ценности, связанную с разработанной им философией культуры [9]. По мнению В.Н. Сагатовского, потребности можно удовлетворить при наличии не только внешних, но и внутренних возможностей субъекта. К ним относятся способности, знания, умения и организационно-волевые качества [10].

Несмотря на богатый теоретический материал, необходимо отметить, что в настоящее время конкретных знаний о специфике, содержании и категориальном статусе такого важного феномена современной социальной действительности, как социокультурные потребности, явно недостаточно.

Изучив различные подходы к рассмотрению потребностей личности, их видов и особенностей, мы определяем социокультурные потребности личности как потребности, характеризующиеся стремлением человека найти отражение культуры общества в своем бытии через непосредственное взаимодействие с социумом [11]. Поэтому целью нашей работы является создание структурной модели социокультурных потребностей студенческой молодежи.

Методика и результаты исследования

Первый этап изучения социокультурных потребностей позволил составить список данных потребностей. В исследовании приняли участие студенты вузов Ивановской области. Полученный перечень социокультурных потребностей студенческой молодежи (*n*=384) представлен в таблице 1.

Следующий этап исследования предполагал определение степени выраженности социокультурных потребностей у студенческой молодежи. В исследовании были также задействованы студенты вузов Ивановской области (*n*=341). Студентам было предложено оценить степень выраженности обозначенных потребностей по пятибалльной шкале: 1 – отсутствует; 2 – скорее отсутствует; 3 – скорее всего присутствует; 4 – скорее присутствует; 5 – ярко выражена.

Математико-статистическая обработка данных опроса показала, что мнение респондентов достаточно однородно. Это подтверждается незначительными отклонениями показателей асимметрии (*As*) и эксцесса (*Ex*) от нуля у большинства показателей. О единогласности решений студентов свидетельствует показатель коэффициента вариации (*V*), который колеблется от 17% до 36%. То есть средняя величина является типичной, а исследуемая группа – однородной. Косвенное подтверждение репрезентативности выборки дают показатели ошибок среднего (*m*), которые для всех показателей существенно меньше самого среднего (*X*) и стандартного отклонения (σ) [12]. Более подробно данные представлены в таблице 2.

Интерпретируя полученные результаты, рассмотрим социокультурные потребности по степени их выраженности.

В группу «скорее присутствующих» (балл «4») вошли следующие потребности: «в получении образования» ($X = 4.37 \pm 0.041$), «в культуре общения» ($X = 4.02 \pm 0.049$), «в получении новой информации» ($X = 4.11 \pm 0.045$), «в заботе со стороны близких людей» ($X = 4.17 \pm 0.048$), «в профессиональном росте» ($X = 4.34 \pm 0.044$). Респонденты выразили единодушное мнение, что подтверждают значения моды (*Mo*) и ме-

Таблица 2

Математико-статистическая обработка данных социокультурных потребностей студенческой молодежи (*n*=341)

№	Социокультурные потребности	*X* (баллы)	*m* (баллы)	*Me* (баллы)	*Mo* (баллы)	σ (баллы)	*Ex* (баллы)	*As* (баллы)	*V* (%)
1	В работе	3.75	0.056	4	4	1.04	0.32	–0.77	28
2	В получении образования	4.37	0.041	5	5	0.75	1.32	–1.15	17
3	В культуре общения	4.02	0.049	4	4	0.91	0.66	–0.84	23
4	В создании семьи	3.65	0.069	4	5	1.28	–0.63	–0.64	35
5	В сохранении традиций общества, его институтов и ценностей	3.54	0.054	4	4	1.00	0.17	–0.55	28
6	В посещении культурно-развлекательных центров	3.48	0.056	4	4	1.04	–0.09	–0.55	30
7	В следовании нормам нравственности	3.78	0.049	4	4	0.91	0.50	–0.65	24
8	В принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям	3.93	0.053	4	4	0.97	0.72	–0.89	25
9	В принятии обществом	3.64	0.053	4	4	0.97	0.29	–0.62	27
10	В посещении театров	2.99	0.058	3	3	1.08	–0.49	–0.06	36
11	В защите интересов Родины и своего народа	3.74	0.053	4	4	0.98	0.15	–0.58	26
12	Испытывать гордость за страну	3.91	0.054	4	4	0.99	0.48	–0.84	25
13	В получении новой информации	4.11	0.045	4	4	0.84	1.01	–0.88	20
14	В воспитании своих детей	3.93	0.064	4	5	1.18	0.34	–1.05	30
15	В чтении	3.68	0.057	4	3	1.06	–0.48	–0.41	29
16	В работе по профессии	3.77	0.061	4	4	1.12	–0.26	–0.69	30
17	В уважении другими людьми	3.92	0.051	4	4	0.95	0.96	–0.93	24
18	В свободе вероисповедания	3.58	0.060	4	4	1.11	–0.16	–0.60	31
19	В заботе со стороны близких людей	4.17	0.048	4	5	0.89	1.60	–1.16	21
20	В профессиональном росте	4.34	0.044	4	5	0.82	3.06	–1.51	19

дианы (*Me*), которые близки к средним арифметическим значениям (*X*), а стандартные отклонения (σ) незначительные.

У студентов достаточно приоритетны социокультурные потребности в получении образования, в культуре общения, в получении новой информации, в заботе со стороны близких людей, в профессиональном росте. Это может быть отражением их социального статуса: студент является полноценным источником удовлетворения четырех из пяти перечисленных потребностей. Вероятно, испытывая стремление к профессиональному росту и образованию, респонденты выбрали путь профессионального обучения [13]. Стремление к культуре общения могло служить причиной выбора именно высшего учебного заведения как среды, предполагающей высокий уровень коммуникаций. Потребность в заботе со стороны близких людей может отражать социальное положение и обусловленное возрастными особенностями эмоциональное состояние респондентов.

Таблица 3

Факторная структура социокультурных потребностей студенческой молодежи

№ фактора	Название и удельный вес фактора, %	Наполнение фактора
1	Национально-гражданская идентичность 28.434	5. В сохранении традиций общества, его институтов и ценностей (0.437) 7. В следовании нормам нравственности (0.511) 8. В принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям (0.811) 11. В защите интересов Родины и своего народа (0.833) 12. Испытывать гордость за страну (0.821)
2	Профессиональное саморазвитие 9.377	2. В получении образования (0.616) 3. В культуре общения (0.425) 13. В получении новой информации (0.601) 16. В работе по профессии (0.621) 20. В профессиональном росте (0.674)
3	Социальная рефлексия 7.009	9. В принятии обществом (0.673) 17. В уважении другими людьми (0.712) 19. В заботе со стороны близких людей (0.564)
4	Приобщение к культуре общества 6.394	6. В посещении культурно-развлекательных центров (0.517) 10. В посещении театров (0.789) 15. В чтении (0.661)
5	Семейные ценности 5.111	1. В работе (0.474) 4. В создании семьи (0.815) 14. В воспитании своих детей (0.756)

Категория потребностей со средней степенью выраженности (балл «3») проявилась в показателях: «в создании семьи» (X = 3.65 ± ± 0.069), «в воспитании своих детей» (X = =3.93 ± 0.064), «в работе» (X = 3.75 ± 0.056), «в работе по профессии» (X = 3.77 ± 0.061), «в сохранении традиций общества, его институтов и ценностей» (X = 3.54 ± 0.054), «в следовании нормам нравственности» (X = 3.78 ± 0.049), «в принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям» (X = 3.93 ± 0.053), «в защите интересов Родины и своего народа» (X = 3.74 ± 0.053), «испытывать гордость за страну» (X = 3.91 ± 0.054), «в посещении культурно-развлекательных центров» (X = 3.48 ± ± 0.056) и «в чтении» (X = 3.68 ± 0.057), «в принятии обществом» (X = 3.64 ± 0.053) и «в уважении другими людьми» (X = 3.92 ± 0.051), «в свободе вероисповедания» (X = 3.58 ± 0.060), «в посещении театров» (X = 2.99 ± 0.058).

Вероятно, студенты еще не определились окончательно, есть ли у них перечисленные потребности. Это может быть связано с возрастными особенностями мировоззрения респондентов, которые в настоящий момент еще не готовы к удовлетворению перечисленных потребностей, но оценивают их значимость в будущем [14]. Поэтому предполагать высокоразвитое чувство патриотизма, ориентированность студентов на изучение литературы и посещение культурно-развлекательных центров и театров оказалось преждевременно.

Группа «скорее отсутствующих» (балл «2») социокультурных потребностей включила в себя всего одну потребность – «в посещении театров» (X = 2.99 ± 0.058). Это свидетельствует о том, что студенческая молодежь в первую очередь хочет развиваться профессионально, так как профессионально направленные потребности отнесены к скорее присутствующим. В то же время она не испытывает желания посещать такие культурные учреждения, как театр. Возможно, это проявление особенностей возрастного периода, превалирования других интересов [15] или специфика менталитета небольших городов.

Обсуждение

С помощью факторного анализа была выявлена структура факторов, определяющих социокультурные потребности студенческой молодежи. Содержание, названия, удельный вес и наполнение факторов приведены в таблице 3.

Фактор № 1 «*Национально-гражданская идентичность*» имеет наибольший вес (удельный вес фактора 28.434%). В нем отражены патриотическое отношение к стране (испытывать гордость за страну), желание сохранить ее культуру (потребности в сохранении традиций общества, его институтов и ценностей; в следовании нормам нравственности) и защищать свой гражданский статус (в принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям; в защите интересов Родины и своего народа) [16].

Фактор № 2 «*Профессиональное саморазвитие*» (удельный вес фактора 9.377%) отражает компонент профессионального развития и са-

моразвития в виде получения образования и новой информации, профессионального роста, культуры общения и работы по профессии.

Фактор № 3 «*Социальная рефлексия*» (удельный вес фактора 7.009%) можно трактовать как фактор получения положительной обратной связи от окружающих и от общества. Здесь сосредоточены социокультурные потребности в принятии обществом, в уважении другими людьми, в заботе со стороны близких людей.

Фактор № 4 «*Приобщение к культуре общества*» (удельный вес фактора 6.394%) отражает потребности в изучении и принятии культуры социума. Это потребности в посещении культурно-развлекательных центров, посещении театров, в чтении.

Фактор № 5 «*Семейные ценности*» (удельный вес фактора 5.111%) свидетельствует о наличии группы потребностей, охваченных идеей семейных ценностей, принятием личностного смысла создания и содержания семьи и представленных потребностями в работе, в создании семьи, в воспитании своих детей.

Потребность «в свободе вероисповедания» не была занесена с таблицу, так как имеет нагрузку менее 0.4. Однако в третьей группе показателей ее вес составляет 0.342, что, на наш взгляд, дает возможность косвенно ее отнести именно к этой группе.

Полученные факторы, их удельный вес и наполнение мы учитывали при создании модели структуры социокультурных потребностей.

Наибольший вес имеет фактор «национально-гражданская идентичность», что, с нашей точки зрения, позволяет ему занять центральное расположение в структурно-содержательной модели социокультурных потребностей. Он представляет собой ядро модели. Ядро способствует проявлению у студентов таких потребностей, как сохранение традиций общества, его институтов и ценностей; следование нормам нравственности, принадлежность к стране и своему гражданству, языку, традициям; защита интересов Родины и своего народа; испытывать гордость за страну, то есть тех потребностей, которые позволяют молодому человеку идентифицировать себя как гражданина, выражать чувство патриотизма и желание сохранить и передать это новым поколениям. Особенностью ядра является его тесная связь с остальными четырьмя компонентами структуры. Человек, обладающий высоким уровнем потребностей национально-гражданской идентичности, также будет стремиться к профессиональному саморазвитию, социальной рефлексии, приобщению к культуре общества, реализации и сохранению семейных ценностей. Это личность, которая с помощью собственной активности выражает свое патриотическое отношение к государству.

Таким образом, компонент «национально-гражданская идентичность» отражает гражданское сознание, патриотические чувства, представления об основных проблемах страны. Выраженность потребностей национально-гражданской идентичности говорит об осознании молодежью себя гражданами России, разделении ее общегражданских основополагающих ценностей, осознании стоящих перед страной проблем, принятии ответственности за ее будущее. Такая молодежь обладает гражданскими и, в определенной мере, политическими ориентирами, в целом патриотично настроена [17].

Благодаря наличию второго компонента структуры – «профессиональное саморазвитие» – проявляются потребности в получении образования, в культуре общения, в получении новой информации, в работе по профессии, в профессиональном росте. Активизация этой составляющей социокультурных потребностей предполагает стремление человека к развитию своего акме [18]. Человек, обладающий высокими показателями потребностей второго компонента, является профессионально ориентированной личностью, проявляет профессиональную активность и профессиональную направленность. Он стремится к творческому самоопределению, саморазвитию и самореализации в своей профессиональной деятельности [19]. Профессиональное саморазвитие представляет собой процесс обогащения профессиональных способностей, профессиональных и личностных качеств. Потребности этого порядка предполагают желание осваивать новые профессиональные роли и качественно осуществлять профессиональную деятельность, совершенствовать ее; переносить профессиональный и социально-культурный опыт в реальную профессиональную практику, в которой происходит саморазвитие [20].

Третий компонент структуры «социальная рефлексия» выражается в потребностях в принятии обществом, в уважении другими людьми, в заботе со стороны близких людей. Это потребности внешнего локуса контроля, ориентированные на получение положительной обратной связи от общества. Рефлексия в данном случае трактуется как осознание человеком того, как окружающие воспринимают его [21]. Потребности этой категории предполагают желание формирования положительного отношения к суждениям и намерениям, способностям, эмоциям и мыслям собеседника в отношении объекта потребности. Кроме того, это отражает потребность в позитивных отношениях между субъектом и объектом восприятия. Получение

обратной связи от субъектов восприятия оказывает влияние на развитие и характер дальнейшего субъект-объектного взаимодействия. Стремление к положительному контакту говорит о стремлении человека к эмоционально благоприятным межличностным взаимоотношениям.

Четвертый компонент структуры «приобщение к культуре общества» включает потребности в посещении культурно-развлекательных центров и театров, а также в чтении литературы. Для того чтобы стать частью общества, успешно социализироваться, необходимо знать и понимать культуру социума. С принятием этой культуры наступает эстетическое удовлетворение. На всех трех этапах этого процесса социокультурные потребности приобщения к культуре могут быть активны. Потребности четвертого компонента отражают проявление социальной активности студенческой молодежи. В данном контексте это означает внутреннюю вовлеченность респондентов в изучение культурного достояния общества. Исходной предпосылкой формирования социальной активности студента является развитие в его сознании ответственности и самостоятельности. Самостоятельность, ответственность, активность выступают характеристиками активной жизненной позиции личности как субъекта деятельности и общественных отношений. Их формирование и изменение происходят в многослойном социальном комплексе учебных и трудовых, общественно-политических и бытовых, социокультурных и коммуникационных ситуаций [22]. Приобщение к культуре общества является выражением стремления молодых людей к раскрытию своих возможностей, проектированию и созиданию новой реальности, изживанию стереотипов и устаревших социально-психологических видов поведения. Потребности данной группы могут служить одной из основ для успешного конструирования образа жизни современных молодых людей, в рамках которого удается поддерживать и прогрессивно развивать систему общественных отношений, норм и ценностей.

Пятый компонент структуры «семейные ценности» состоит из потребностей в создании семьи, воспитании своих детей, в работе. Семья – это ответственность и обязательства. Работа выступает способом проявления заботы человека по отношению к своей семье [23]. Семейные потребности предполагают наличие определенной готовности к созданию семьи. Личность с высокой выраженностью данных потребностей готова принимать на себя комплекс обязанностей по отношению к брачному партнеру и будущим детям, способна к самоотверженному отношению к партнеру и испытывает потребность в соответствующих видах деятельности в отношении него [24]. Наличие потребности в создании семьи свидетельствует об успешной полоролевой социализации личности, усвоении семейных ролей. Потребность в семье отражает мотивы в реализации роли родителя, любви, удовлетворении потребности человека в счастье.

Результаты факторного анализа показывают, что потребности национально-гражданской идентичности имеют наибольший вес и составляют 50.5% от общего веса полученных факторов структуры социокультурных потребностей. Это основополагающий вид социокультурных потребностей. Вероятнее всего, высокая степень выраженности социокультурных потребностей предполагает также высокий или выше среднего уровень выраженности потребностей национально-гражданской идентичности. Потребности в сохранении традиций общества, его институтов и ценностей, в следовании нормам нравственности, в принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям, в защите интересов Родины и своего народа, в проявлении гордости за свою страну составляют ядро социокультурных потребностей, отражающих влияние социокультурной среды. Социокультурная среда выступает основным пространством и совокупностью социальных и духовных условий, непосредственно окружающих человека. Это динамичное и многомерное пространство характеризуется специфическим культурным содержанием. Оно отражает сложившиеся здесь формы и нормы общения, ценности, значимые события, ритуалы. Социокультурное пространство осуществляет собирательную и рассеивающую функции и в зависимости от вектора действия стимулирует созидательную или разрушительную энергию [25].

Потребности любого компонента могут занимать доминирующую позицию в потребностной сфере личности. Человек может быть более направлен на национально-гражданскую идентичность, профессиональное саморазвитие, социальную рефлексию, приобщение к культуре общества или семейные ценности. То есть какой-либо из компонентов может быть выражен более интенсивно, в отличие от остальных. Человек, который стремится к удовлетворению профессиональных интересов и ставит их немного выше остального, может не отличаться интенсивностью потребностей к созданию семьи и защите интересов Родины, желанием хорошо выглядеть перед окружающими и посещать культурно-развлекательные учреждения.

Выводы

В результате исследования были определены наиболее выраженные у студентов потребности ($X \geq 4$). К ним относятся потребности в получении образования, в профессиональном росте, в

заботе со стороны близких людей, в получении новой информации, в культуре общения. Около 70% изученных потребностей выражены у студентов на среднем уровне ($3 \leq X \leq 4$). Это все потребности, связанные с национально-гражданской идентичностью и семейными ценностями, а также частично с профессиональным саморазвитием, социальной рефлексией и приобщением к культуре общества. Слабо выражена потребность в посещении театров ($X = 2.99$). То есть для студенческой молодежи характерны направленность на профессиональное развитие и преобладание профессиональных интересов над гражданскими, традиционными и семейными ценностями. Желание получить образование в данном возрасте ставится выше, чем посещение культурно-развлекательных и просветительных заведений, что указывает на определенный уклад в ценностной сфере молодых людей.

С помощью факторного анализа построена структурно-содержательная модель социокультурных потребностей студенческой молодежи. Модель отражает пятикомпонентную структуру социокультурных потребностей. Основные принципы модели отражены в следующем:

1. Ядро – национально-гражданская идентичность – составляет основу социокультурных потребностей. Уровень выраженности потребностей национально-гражданской идентичности в значительной мере определяет уровень выраженности социокультурных потребностей в целом.

2. Различные компоненты социокультурных потребностей (национально-гражданская идентичность, профессиональное саморазвитие, социальная рефлексия, приобщение к культуре общества, семейные ценности) могут быть выражены у студенческой молодежи в разной степени: одни могут доминировать над другими. То есть какой-либо компонент может быть выражен наиболее интенсивно в отличие от остальных.

Проведение исследования позволило нам изучить степень выраженности социокультурных потребностей студенческой молодежи и построить их структурно-содержательную модель. Опираясь на полученные данные, мы разработаем программу развития социокультурных потребностей студенческой молодежи. В программе будет предусмотрено воздействие на наименее выраженные потребности молодежи, а в качестве опоры мы используем выявленные интенсивно проявляющиеся компоненты потребностной сферы студентов.

Список литературы

1. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996–р // Российская газета. 2015. 8 июня.

2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.

3. ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (2014–2020 гг.): Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 // Российская газета. 2013. 2 сентября.

4. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 52. Ст. 7477.

5. Кисляков П.А. Психологические основы системного подхода к исследованию личности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 1 (33). С. 3.

6. Маслоу А. Мотивация и личность: Пер. с англ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. 352 с.

7. Бережной Н.М. Человек и его потребности / Под ред. В.Д. Диденко. М.: ФОРУМ, 2001. 160 с.

8. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 224 с.

9. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.

10. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения). Часть III: Антропология (Человек и Мир: укоренена ли Вселенная в Человеке?). СПб.: Петрополис, 1999. 288 с.

11. Струнки на Т.С., Шмелева Е.А. Конструирование понятия социокультурных потребностей личности // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5(2). С. 241.

12. Кричевец А.Н., Шикин Е.В., Дьячков А.Г. Математика для психологов: Учебник / Под ред. А.Н. Кричевца. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2003. 376 с.

13. Грудзинский А.О., Палеева О.А. Учебно-познавательная компетенция как базовый элемент функционального образования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1. С. 107–114.

14. Шмелева Е.А., Кисляков П.А., Абрамов А.В. Инновационный потенциал личности в профессиональном становлении: синтез подходов к изучению // В сб.: Системогенез учебной и профессиональной деятельности: Материалы VII Международной научно-практической конференции. Ярославль, 2015. С. 315–318.

15. Ростовская Т.К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги всероссийского межвузовского исследования) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4. С. 73–81.

16. Струнки на Т.С., Шмелева Е.А. Социокультурные потребности молодежи как ресурс формирования национально-государственной идентичности // Научный поиск. 2015. № 2.1. С. 52–54.

17. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. В.А. Тишков, Р.Э. Бараш, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с.

18. Shmeleva E.A. Innovation potential of acmeological approach to teaching staff training // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 5. № 9. С. 1235–1245.

19. Зеер Э.Ф. Личностно ориентированное профессиональное образование: теоретико-методологический аспект. Екатеринбург, 2001. 197 с.

20. Шмелева Е.А. Психолого-педагогические основы развития инновационного потенциала студентов и молодых ученых // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3–1. С. 12–18.

21. Кривых С.В. Социальная рефлексия в основе социального взаимодействия // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. 2012. № 4. С. 27–31.

22. Зотов В.В., Горелик О.В. Социальная активность студенческой молодежи как критерий формирования социокультурной среды вуза // Вопросы культурологии. 2009. № 5. С. 39–43.

23. Стрункина Т.С. Социокультурные потребности молодежи в семье, традиционных ценностях, образовании и саморазвитии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т. 14. № 5 (132). С. 15–22.

24. Сердюкова Е.Ф. Нравственный компонент готовности молодых людей к вступлению в брак (на примере студенческой молодежи Чеченской Республики) // Научный диалог. 2014. № 3 (27). С. 86–91.

25. Запесоцкий А.С. Образование: философия, культурология, политика. М.: Наука, 2002. С. 456.

FACTORAL STRUCTURE OF STUDENTS' SOCIOCULTURAL NEEDS

T.S. Strunkina, E.A. Shmeleva

Ivanovo State University

The article analyzes sociocultural needs of university students in the Ivanovo region. A theoretical review of scholarly papers on individual's needs is presented. We summarize the mathematical and statistical data and present the results of a survey among students regarding the degree of expression of their sociocultural needs. With the use of factor analysis, an attempt is made to present the sociocultural needs of students in the form of a structure and content model. For the first time, we have identified structural components of the model of an individual's sociocultural needs: national-civic identity, professional self-development, social reflection, assimilation of the society's culture, family values. Each of these components is analyzed and described. Two main principles of the structure and content model of students' sociocultural needs are formulated.

Keywords: needs, sociocultural needs, youth, students, model of sociocultural needs.

УДК 316.454.5

ХАРАКТЕРИСТИКИ АЛЬТЕРОФОБИИ В ШКОЛЕ

© 2017 г.

Е.Е. Кутявина, Е.А. Шорыгин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

kutyavona@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.06.2016
Статья принята к публикации 06.02.2017

Делается попытка теоретического и эмпирического осмысления феномена альтерофобии в социокультурном пространстве современной школы. Цель исследования – определение места альтерофобии среди факторов школьного насилия. Приводятся результаты авторского исследования характеристик данного феномена в школах Нижнего Новгорода, раскрывающие распространенность нетерпимости к альтернативным молодежным субкультурам среди других форм ксенофобии, ее основные причины и формы. Делается вывод о распространенности проблемы, характеризующейся не только ярко выраженной гендерной окраской, но и тесным переплетением с гомофобией. Впервые используется понятие «альтерофобия» для изучения взаимоотношений школьников.

Ключевые слова: альтерофобия, ксенофобия, гомофобия, субкультуры, молодежные субкультуры, толерантность, школа, насилие в школе, буллинг, социология молодежи, школьники.

Существует несколько точек зрения по поводу распространенности молодежных субкультур, одна из которых заключается в том, что «классические субкультуры уходят со сцены» [1], тем не менее последние социологические исследования подтверждают факт широкой распространенности субкультурных групп [2, с. 72]. Среди наиболее распространённых молодежных субкультур сегодня можно выделить гопников, футбольных фанатов, хипстеров, скинхедов, анимешников, гиков, рэперов, готов и эмо.

При рассмотрении наиболее распространенных субкультур в рамках школы в первую очередь «выделяются группы нейтральной и маскулинной направленности – геймеры (17%), футбольные фанаты (12%), скинхеды (12%), рокеры (10%). Среди андрогинных солидарностей на первый план выходят анимешники – 8% школьников заявляют о принадлежности к данной группе. В меньшинстве оказались хиппи (3%), фрики (2%), готы и эмо (1%)» [3, с. 66]. Тем не менее почти половина нижегородских школьников (41%) заявляют, что встречали представителей андрогинных субкультур (эмо, готы) в школе, что можно рассматривать как пример стереотипизации и навешивания ярлыков на тех подростков, чей дисплей идентичности имеет некие атрибуты «типичных» эмо или готов.

По мнению ряда исследователей, пик буллинга приходится на подростковый возраст [4–7]. Эрик Эриксон констатирует, что «молодые люди могут становиться в высшей степени обособленными в своем кругу и грубо отвергать всех "чужаков", отличающихся от них цветом кожи, происхождением и уровнем культуры, вкусами и дарованиями, а часто – забавными особенностями одежды, макияжа и жестов, временно выбранных в качестве опознавательных знаков "своих"» [8, с. 180].

Наше пилотное исследование отношения молодежи к альтернативным молодежным субкультурам, проведенное весной 2014 года (n=170), показало, что наибольший градус нетерпимости и авторитарности свойственен именно школьникам (таблица 1). Более того, исследование показало, что 33% молодых людей заявляют о готовности прибегнуть к физическому насилию на почве альтерофобии (в других возрастных группах этот показатель составляет в среднем 12%).

В рамках исследования «Школа: обыденность насилия (Анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)» было выявлено, что «17.2% детей недовольны и еще 3.6% учащихся очень недовольны классом, в котором учатся» [9, с. 66].

Однако в российских исследованиях школьного буллинга зачастую не уделяется должного внимания гендерному и социокультурному аспектам насилия. Модель анализа гендерной доминанты сводится к нахождению корреляции насилия и биологического пола и ответов на вопрос, кто чаще является жертвой/агрессором – мальчик или девочка. При этом игнорируется специфика гендерной и культурной идентичности, сексуальной ориентации. Как показывают зарубежные исследования, именно эти факторы

Таблица 1

Корреляция возраста и уровня авторитарности молодежи, %

Уровень авторитарности \ Возраст	14–17 лет	18–21 лет	22–25 лет	26–29 лет
1 – (<2) очень низкий	13	19	28	42
2 – (2–3) ниже среднего	17	59	56	50
3 – (3 – 4.5) средний	63	22	14	8
4 – (4.5 – 5.5) выше среднего	3	0	2	0
5 – (>5.5) очень высокий	3	0	0	0

выступают на передний план в контексте школьного насилия.

Авторы выдвигают гипотезу о том, что специфика альтерофобии обусловлена гендерными режимами ключевых агентов социализации (семья, друзья, школа, СМИ) и проявляется в насилии по отношению к членам андрогинных субкультур со стороны маскулинных групп, основными мотивами которых являются гомофобия и сексизм.

Исследование ирландского психолога Стивена Минтона подтверждает факт уязвимости андрогинных субкультур в контексте школьного буллинга. Автор вводит в научный оборот термин «альтерофобия», под которым понимается «предвзятое отношение к членам альтернативных субкультур», в том числе к тем, кто выглядят как готы, панки, эмо, скейтеры, поклонники тяжелого металла или любой альтернативной музыки. Предубеждения основаны на отличном от мейнстрима внешнем виде, музыкальных и других интересах [10, p. 86]. Результаты исследования свидетельствовали о том, что «члены альтернативных субкультур более подвержены буллингу, а члены «неальтернативных» субкультур более склонны к буллингу в отношении других. Был сделан вывод о том, что альтерофобный буллинг является реальностью и члены альтернативных субкультур находятся в группе риска» [11, p. 86]. Под альтернативными субкультурами исследователь подразумевает в первую очередь рокеров, эмо и готов – молодежные группы, проявляющие нонконформные модели дисплея идентичности и поведения.

Само понятие «альтернатива» (alternative, alternative rock, alternative pop-rock) имеет не столько стилевое значение, сколько общекультурологическое: так называют группы, стремящиеся продемонстрировать свои некоммерческие (и даже антикоммерческие) идеалы и противопоставить себя мейнстриму (поп-музыке, шансону, блюзу, «ортодоксальному» металлу и др.).

В социологическом исследовании Т.В. Латышевой отмечается, что «андрогинность и маскулинность – два полюса гендерной субкультурной ориентации, порождающие конфликты между субкультурными группами» [12, с. 94]. По результатам исследования выяснилось, что наиболее уязвимыми субкультурами оказались андрогинно-ориентированные (готы, эмо, анимешники, фрики, хиппи).

Результаты социологического исследования В.В. Когана об отношении молодежи к субкультурам показали, что 62.5% опрошенных молодых людей из Мурманска на вопрос о том, сталкивались ли респонденты со случаями унижения достоинства человека из-за его принадлежности к субкультуре, ответили, что наблюдали это лично, 20.8% слышали от знакомых, а 6.3% никогда не обращали на это внимания [13, с. 51].

Таким образом, как зарубежными, так и российскими исследователями констатируется высокий градус нетерпимости к членам альтернативных молодежных субкультур. Однако односторонний замер уровня толерантности к данной группе не позволяет рассмотреть каузальный аспект предубеждений, иначе говоря, проанализировать причины и факторы, обусловливающие и формирующие альтерофобные установки. Настоящая статья представляет собой попытку открыть это потенциальное поле исследований.

Методология исследования

С помощью метода глубинного интервью были опрошены 24 студента первого курса нижегородских высших учебных заведений, среди которых было 15 юношей и 9 девушек. Подобные пропорции обусловлены гендерной спецификой исследуемой проблематики. Целью исследования было описание феномена альтерофобии в нижегородских школах.

В рамках анкетирования нами было опрошено 600 старшеклассников (9–11-е классы) в 8 районах города Нижнего Новгорода (8 школ соответственно) с целью количественного замера уровня альтерофобии и ее характеристик.

Результаты

Интерес к проблеме обострился в 2008 г., когда в публичной риторике политических деяте-

Рис. 1. Соотношение групп меньшинств и субкультур в контексте школьного буллинга, %

лей стали активно употребляться «антинеформальные» коннотации, связанные с разработкой Концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в РФ и защиты их нравственности. Яркими примерами подобных дискурсов являются следующие высказывания:

Все эти готы, связанные с сатанизмом, или непонятные эмо просто опасны для психического здоровья молодежи. Зомбирование происходит через музыку и так далее (*Максим Мищенко, лидер движения «Молодая гвардия», инициатор закона*);

Готы и эмо – все это льется на молодежь с Интернета и телевидения. Надо запретить упоминания о них на ТВ и в Интернете (*Сергей Анисимов, главный специалист по работе с молодежью исполкома регионального отделения «Единой России»*);

Права человека можно ограничивать, если речь идет о здоровье и нравственности. А пирсинг и татуировки можно расценивать как причинение вреда здоровью (*Павел Астахов, уполномоченный по правам ребенка РФ*).

С тех пор начали формироваться «антинеформальные» сообщества в социальных сетях типа «Анти-Эмо», «Анти-Готы», «Против нефоров» и другие, которые являются активными и сегодня.

Нами было установлено, что российская специфика феномена альтерофобии немногим отличается от британской действительности – «члены андрогинных субкультур (готы, эмо, фрики, анимешники) более подвержены буллингу (рисунок 1), а члены «неальтернативных» субкультур более склонны к агрессии в отношении других» [14, с. 97].

Интересным моментом является выделение студентами в качестве объекта нетерпимости людей, пытающихся выглядеть как представители определенной субкультуры, то есть, как выражаются сами неформалы, «позеров».

Респондент (*далее – Р*): *Раздражают псевдоподобие рокеров, которые цветасто раскрашиваются, прокалываются, панки, которые собираются и пьют бесконечно. И так же раздражают группы подростков, которые тупо под кого-то закашивают, они не имеют никакой принадлежности ни к каким группам, а тупо косят* [*М, 18*].

В следующем фрагменте мы можем видеть подтверждение факта о полярности субкультур готов и эмо, несмотря на их общий признак – андрогинную ориентацию.

Р: Ну вот гопники бы издевались над эмо, ну и готы тоже над эмо, у них же вроде там неприязнь какая-то, да, а все остальные бы нормально уживались друг с другом [*М, 17*].

Рассматривая причины нетерпимости к андрогинно-ориентированным субкультурам, можно отметить достаточно большой набор факторов, значимость которых отражена в табл. 2.

Наибольший вес среди причин альтерофобии занимает специфика дисплея идентичности, характеризующаяся эпатажностью и нонконформностью, которые не совпадают с системой релевантностей большинства школьников. Система релевантностей «устанавливает элементы, составляющие основу обобщающей типизации,

Таблица 2

Причины альтерофобии в школе

Причины альтерофобии	Вес фактора, %	Индикаторы	%
Эпатажность	45	Эпатажный внешний вид	58
		Не разделяю их мировоззрения	33
Гомофобия	43	Неформалы похожи на геев и лесбиянок	53
		Схожесть с лицом противоположного пола	34
Сексизм	41	Парень не должен так выглядеть	54
		Девушка не должна так выглядеть	44
		Природой заложено, что юноша не должен так выглядеть и вести себя	35
		Девушки и юноши не должны так одеваться	33
Надменное поведение	38	Агрессивность членов субкультур	48
		Высокомерие	29
Асоциальный образ жизни	38	Они часто пьют и курят	43
		Ведут криминальный образ жизни	34
Ксенофобия	30	Идут против общества	48
		Они не такие, как все	33
		Их меньшинство	13
Религиозность	25	Неформалы игнорируют традиции	26
		Они отвергают Бога	25
Национализм	23	В СССР такого не было, и это хорошо	29
		Это негативное влияние Запада	24
		Они чужды российскому менталитету	20
Это отклонение	23	Это нельзя назвать культурой	27
		Я считаю, что это болезнь	20
Слабость	18	Такие люди не смогут служить в армии	14
		Неформалы слабые и не могут за себя постоять	12
		Неформалы часто ноют и плачут	28
Асоциабельность	15	Замкнутость, необщительность	21
		С ними не о чем поговорить	9
Заниженный катексис	10	С таким человеком не построишь отношения	12
Принадлежность к антагонистической субкультуре	9	Их представители нетерпимы к моей субкультуре	10
		Моя субкультура их недолюбливает	8
Латентные желания	4	Возможно, я бы сам(а) хотел(а) бы стать неформалом, но боюсь осуждения окружающих	4

и черты этих элементов, которые станут характерно типичными или, наоборот, уникальными и индивидуальными» [15, с. 130].

Как выяснилось, для получения ярлыка девианта юношам достаточно отрастить челку, а девушкам перекрасить волосы.

Интервьюер (*далее – И*): *В чем заключалась причина ненависти?*

Р: Конечно, волосы у них длинные, хотя у меня тоже длинные волосы, но у меня челки нет на глазах [*М, 18*].

Р: Ну, родителей вызывали, когда волосы в синий, зеленый красила, меры предпринимали [*Ж, 18*].

Следующая по значимости причина сводится к гомофобии, которую резолюция Европарламента от 18 января 2006 г. [16] определила как иррациональный страх и отвращение к гомосексуальности и к лесбиянкам, геям, бисексуалам и трансгендерным людям, основанные на предубеждении, подобном расизму, ксенофобии, антисемитизму и сексизму. Упомянутые явления не только сходны, но и взаимосвязаны, причем ксенофобия, то есть негативная установка, иррациональный страх и ненависть к чужакам, является в этой связке родовым понятием. Ее объектами могут быть как конкретные социальные группы, так и «обобщенный Чужой» [17].

Об этой причине альтерофобии студенты рассуждают в следующем ключе.

И: А где та граница, за которую не должны выходить юноши и девушки в своем внешнем виде и поведении? Что будет считаться ненормальным?

Р: Ну, то, что будет противоречить праву, нормам каким-то.

И: А что предписывают эти нормы юношам и девушкам?

Р: Ну... для парней это не особо яркая одежда. Потому что яркая одежда это... это... ну это к таким (показывает манерный жест рукой).

И: К каким таким?

Р: Ну, к нетрадиционной ориентации [*М, 17*].

Наряду с этим одним из значимых факторов нетерпимости юношей и девушек к альтернативным субкультурам является специфика их

гендерной идентичности, а именно андрогинность, «под которой понимаются (как концептуально, так и методологически) следующие индивидуумы: (1) в их представлении о самих себе объединены культурные определения как маскулинности, так и фемининности; (2) их представление о самих себе вообще не связано с культурными определениями гендерного соответствия» [18, с. 172].

Как полагает И. Гоффман, феминность и маскулинность рассматриваются как «прототипы сущностного выражения, как нечто, считываемое с первого взгляда в любой социальной ситуации и воспринимаемое нами как самая основная характеристика индивида» [19, p. 75].

Неприятие андрогинности является индикатором сексистских и гетеронормативных установок. Андрогинный внешний вид вызывает у школьников резкое отторжение, многие молодые люди говорят, что не хотели бы учиться вместе с представителями таких субкультур. Молодые люди отмечают андрогинность субкультур, указывая на нарушение ими нормативного гендерного порядка.

И: Как считаешь, к каким представителям из субкультур относились бы негативно?

Р: Эмо, глем, рокеры.

И: Почему так?

Р: Потому что они выглядят слишком ярко и необычно, они слишком выделяются среди других. Тут еще как б, по внешности мы строим образ, а тут образ женственный и несколько такие эмоциональные они. И если это парни, то это сильный уход от нормы и порицается другими парнями. Если сравнивать с готами, они же тоже яркие, то их образ несколько помужественнее может быть [*М, 19*].

Однако андрогинный внешний вид представителей субкультур не всегда является доминирующей причиной нетерпимости. Некоторые студенты отмечали связь между принадлежностью к субкультурам и коммуникативными навыками. Нами была выявлена точка зрения о прямой связи между этими факторами. Подростки считают, что субкультура погружает индивида в «пузырь», закрытый характер которого, в некоторой степени, отгораживает молодых людей от окружающей действительности, в том числе и в коммуникативном плане.

И: Представители каких субкультур у вас были в классе? Как-то они менялись с возрастом?

Р: У нас был один парень, который всегда искал себя. Волосы красил постоянно в разные цвета, татуировки делал, пирсинг носил. А так он был как все, активно со всеми участвовал, потом, когда начал углубляться в субкультуры, отрастил волосы, начал в себе замыкаться. С ним в результате остались общаться те, с кем он близко дружил раньше [*Ж, 17*].

Факт принадлежности молодежи к субкультурам имеет колоссальное влияние на специфику социального взаимодействия, результат которого может быть как положительным, так и отрицательным. Однако определяющим моментом является не столько поведение члена субкультуры, сколько атмосфера класса и школы – насколько она дружная, толерантная и сплоченная. Данная точка зрения отражена в следующем высказывании:

Р: Ну, вот в основном все зависит от коллектива... если он дружный, то неважно какой ты – эмо там, не эмо... анимешка... гей, там... розовый... главное – отношения внутри коллектива [*Ж, 17*].

Наиболее распространенным микросюжетом является «насилие по отношению к юношам-неформалам», об этом упомянула большая часть молодых людей. Очевидным для многих оказался факт, что к мальчикам, причисляющим себя к субкультурам, в несколько раз чаще применялись бы социальные санкции, зачастую – с применением физической силы.

Р: К таким девочкам бы относились спокойно, а мальчикам бы пришлось тяжело! Проблема в вас, мужиках! (смеется) [*Ж, 17*]

В ходе анкетирования было также установлено уязвимое положение юношей-неформалов – 29% учеников считают, что альтернативные мальчики более подвержены альтерофобии, чем девочки (6%). Вероятность проявления нетерпимости по отношению к юношам, которая в 6 раз больше по сравнению с девочками, обусловлена рядом причин.

Причины альтерофобии видятся школьниками по-разному в зависимости от пола «альтернативщика» (таблица 3). Как нами было установлено, вероятность стать мишенью альтерофобии для юношей обусловлена прежде всего сексизмом. Подавляющее большинство молодых людей считают, что проявление агрессии по отношению к альтернативным юношам связано с их гендерным дисплеем – они похожи на геев и лесбиянок (54%), и зачастую бывает трудно определить их пол (41%), что, в свою очередь, выглядит некрасиво (38%), вызывающе (31%) и противоестественно (27%) и воспринимается как вызов природе (26%). Получается, что одна фобия становится причиной другой, что подтверждает гипотезу о гендерной обусловленности альтерофобии и специфики формирования молодежных солидарностей.

Полученные данные подтверждают ведущую тему большинства интервью об уязвимом положении юношей-неформалов в социокультур-

Таблица 3

Гендерная специфика причин альтерофобии, %

Причины альтерофобии			
К юношам		К девушкам	
Похожи на геев	54	Вызывающе выглядят	39
Трудно определить их пол	41	Это некрасиво	35
Это некрасиво	38	Похожи на лесбиянок	34
Выглядят как представители противоположного пола	34	Трудно определить их пол	24
Вызывающе выглядят	31	Это противоестественно	24
Это противоестественно	27	Идут против природы	23
Идут против природы	26	Выглядят как представители противоположного пола	20
Ученики не должны так выглядеть и вести себя	23	Ученики не должны так выглядеть и вести себя	19

Таблица 4

Соотношение спортивности и альтерофобии, %

Уровень альтерофобии	Спортивные	Неспортивные
Высокий	34	17
Средний	1	0
Низкий	0	10

ном пространстве школы, специфика которого состоит в преобладании консервативного гендерного режима, сводящегося по сути к принудительному исполнению индивидом традиционного гендерного сценария в зависимости от биологического пола [20, с. 1762]. Следующая цитата демонстрирует их основополагающую роль в контексте гендерной поляризации.

Р: Ну, вот мальчики не должны быть... ну, природой это предписано, что они не должны так одеваться, не должны себя так вести, характер не должен быть такой [*М, 17*].

Проявления альтерофобии по отношению к девушкам имеют под собой несколько иную основу – здесь на первый план скорее выходит дисплей идентичности, нежели гендерный дисплей, а сексизм уходит на второй план. Молодежью воспринимается агрессивно по большей части нарушение нормативной женственности, проявление индивидуальности и свободомыслия, выражающиеся через особые внешние атрибуты.

Среди студентов распространено мнение о невозможности взаимодействия неформалов в рамках социальных институтов, в частности, таких как семья и армия, поскольку «*парни должны быть мужественные и они... ну... они не могут делать того, что настоящие могут делать, обычные – ну разве такой пойдет вагоны разгружать*» [*М, 18*].

Р: Ну, мне кажется, что не каждую девушку такое привлечет, извините, но строить семью с таким человеком – это несерьезно [*Ж, 18*].

Несколько студентов упомянули о распространенности в субкультурной среде девиантного поведения, и это проявляется в том, что «*они* (*эмо, фрики*) *курят часто, пьют*» [*М, 17*]. Приобщение к вредным привычкам представителей субкультур расценивается молодыми людьми негативно, особенно школьниками, проповедующими здоровый образ жизни.

Р: Вот почему-то другие не хотят так самовыражаться, а они хотят. Хочешь выделиться – найди другой способ. Занимайся в зале, тягай штангу, пей протеин, и будет тебе счастье! [*М, 18*]

Исследование показало, что одним из факторов нетерпимости является спортивная ориентированность школьников-агрессоров (таблица 4). Подобную точку зрения разделяют трое первокурсников, рассуждая в следующем ключе.

Р: Только вот ребята у нас, парни все спортсмены, а такие представители субкультур немного немужественно выглядят (*парни именно*) [*Ж, 17*].

Р: Парням, которые спортом занимаются, скорее бы это больше не нравилось, наверное, со стороны их и насилие бы было [*М, 18*].

В этом контексте занятия спортом являются элементом гипермаскулинности – психологической черты, выражающейся в гипертрофированном, стереотипическом понимании мужественности (физическая сила, волосатая грудь, грубость, сексуальная агрессия и др.). Гипермаскулинность очень часто идет рука об руку с такими нездоровыми убеждениями, как сексизм, расизм и женоненавистничество. Такие юноши имеют предубеждения ко всем моделям поведения и образам жизни, которые хотя бы в

какой-то степени выпадают из этого стереотипного образа настоящего мужчины.

И: Занятие спортом влияет на отношение к субкультурам?

Р: Ну, в смысле, что они нормальные пацаны, им не нравятся эксперименты подобного плана, с внешностью там [*М, 19*].

Другими словами, увлечение молодых людей спортом, а точнее его определенными видами, может быть индикатором принадлежности к спортивной субкультуре, к которой относятся байкеры, скейтеры, паркурщики. Согласно мнениям студентов, спортивные субкультуры имеют антагонистическое соотношение с андрогинными.

Специфика форм проявления альтерофобии напрямую зависит от субъекта насилия. Наиболее жесткие и радикальные насильственные формы свойственны ровесникам, ученикам школы. Самой мягкой и наиболее распространенной формой неприязни являются насмешки, о чем говорит большая часть первокурсников, вспоминая о своем школьном опыте.

Большинство школьников наблюдали лично или слышали от знакомых, что члены альтернативных субкультур подвергаются кибербуллингу – оскорблению в социальных сетях. По утверждениям психологов, в России кибербуллингу подвергается каждый третий ребенок [21]. О масштабе явления также можно судить по материалам новостей, где освещаются инциденты, связанные с тяжелой формой кибербуллинга, то есть сопряженные с физическим насилием [22, с. 122].

Игнорирование в случае проявления альтерофобии является тем минимумом, после которого следуют уже более прямые формы воздействия.

Р: Ну, самое минимальное, я думаю, просто отказались бы от общения с ними, а самое худшее – просто избивали бы после занятий, всякие стрелки и т.п. [*Ж, 18*].

Р: Скорее всего, старались бы не замечать таких людей, игнорировали бы просто. Ну, это аутсайдер класса сразу, если это парень. Девушки еще более-менее [*М, 18*].

Продолжая разговор о формах проявления нетерпимости, рассмотрим следующие элементы по восходящей траектории – от наиболее мягких форм к более радикальным. Насмешки относятся к психологическому насилию, которое имеет широкое распространение почти во всех школах.

Помимо насмешек и задираний первокурсники отмечали, что «*дело доходило до драк, их избивали*». В этом контексте вновь всплывает специфика антагонистических групп, в рамках которой маскулинные субкультуры более склонны к радикальным методам воздействия. Например, многие студенты уточняют, что «*гопники бы их сразу побили и футбольные фанаты бы их тоже замяли*».

Отдельно выявился факт распространенности насилия за пределами школы со стороны одноклассников, поскольку «*в стенах школы учителя бы пресекали всяческие драки и разборки*», поэтому «*скорее всего их бы поджидали после школы*».

Р: Ну, после школы, наверное, ну, вне школы, точнее… его бы поджидали бы, подстригли бы его [*М, 17*].

Р: Наверное, драки происходили бы за ее пределами, после уроков [*М, 18*].

Р: После уроков подкараулили бы [*М, 18*].

Необходимо отметить, что не все первокурсники имеют интолерантные установки по отношению к андрогинно-ориентированным субкультурам. Однако, рассказывая о своем школьном опыте и отвечая на проективные вопросы, молодые люди описали группы, наиболее склонные к альтерофобии.

Специфика альтерофобии, в первую очередь, обусловлена межгрупповыми противоречиями. Главными субъектами насилия над членами альтернативных субкультур, по мнению большинства школьников, оказались представители маскулинных солидарностей – гопники, скинхеды и футбольные фанаты, что подтверждает гипотезу о наличии антагонизмов между членами гендерно поляризованных групп.

И: Могли бы взаимодействовать между собой гопники и эмо?

Р: Думаю, что нет, думаю, что гопники бы их сразу побили. И футбольные фанаты бы их тоже замяли, но гопники бы точно подружились с фанатами [*Ж, 17*].

В качестве субъектов альтерофобии выделяются учителя и администрация школы. Их влияние может быть как прямым, так и косвенным. «*Учителя могли бы закрывать глаза на это, мол, ну дети – сами разберутся*». К прямому влиянию относятся конкретные проявления нетерпимости – упреки, занижение оценок, унижения. В одной школе «*все учителя смотрели только на девочку с синими волосами. Наверное, это что-то личное было! А на агрессоров таких они что-то не особо смотрели* (*учителя*)*, поэтому у нас творился хаос дикий*».

Студенты отмечают, что со стороны учителей были возможны: «*порицание, разговоры – это точно было, иногда на уроке могли скандал устроить, на успеваемость это не влияло. Но, если спрашивали у доски, могли больше заваливать*»; «*неожиданно устраивают звездный час и унижают, как могут, начиная с умственных способностей, заканчивая язвительными шут-*

ками относительно предпочтений во внешнем виде», «*пытались бороться, стыдили их, и на линейке вызывали*».

Формальный статус общеобразовательных учебных заведений автоматически создает систему фреймов, сотканную из набора норм и предписаний, нарушение которых неизбежно приведет к негативным санкциям со стороны большинства. Подобный лейтмотив четко прослеживается практически в каждом интервью:

Со стороны рамок, вот общественных, человек должен придерживаться норм того места, где он находится, независимо от того, какие у него желания и интересы. Пусть там, например, волосы будут розовые, но вот в школе выглядеть нужно как все [*Ж,17*];

В школе ты должен соблюдать нормы. Хочешь – выражайся в другом месте. Не в школе [*М,18*].

В некоторых интервью упоминался сюжет о том, что в качестве потенциального субъекта нетерпимости могут выступать и родители.

Таким образом, нами установлено, что уровень нетерпимости к альтернативной молодежи в нижегородских школах достигает высочайших пределов. Ключевыми характеристиками альтерофобии становятся ее гендерная обусловленность, проявляющаяся в повышенной вероятности для юношей стать жертвой альтерофобии, наличии антагонистических групп, а также тесной связи с гомофобией. Основными формами проявления альтерофобии, как правило, являются кибербуллинг и вербальное насилие, однако на межгрупповом уровне агрессоры заходят дальше, прибегая к физическому насилию. В этой связи дальнейшие исследования ксенофобии в школе должны быть сфокусированы на ее доминирующих формах – гомофобии, альтерофобии, этнофобии и гандикапизме.

Список литературы

1. Омельченко Е.Л., Сабирова Г.А. В поисках молодежных солидарностей [online]. URL: http://youth.hse.spb.ru/node/124 (дата обращения: 9.02.2015).

2. Молодежные субкультуры в современной России и их социализирующий потенциал. Часть первая // Доклады Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. 11. М.: Научный эксперт, 2014. 72 с.

3. Шорыгин Е.А. Распространенность и особенности восприятия молодежных субкультур в современных школах // Молодежная галактика. 2015. № 12. С. 63–71.

4. Minton S.J. Students experiences of aggressive behaviour and bully/victim problems in Irish schools // Irish Educational Studies. 2010. Vol. 29. № 2. P. 131–152.

5. Smith P.K. Violence in schools: The response in Europe. London: Routledge-Falmer, 2003. 384 p.

6. Smith P.K., Pepler D. and Rigby K. Bullying in schools: How effective can interventions be? Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.

7. Smith P.K., Morita Y., Junger-Tas J., Olweus D., Catalano R.F. and Slee P. The nature of school bullying: A cross national perspective. Abingdon: Routledge, 1999. 400 p.

8. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.

9. Мигунова А.В. Возможности социальной работы в решении школьных проблем // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 62–67.

10. Minton S.J. Using psychology in the classroom. London: Sage, 2012. 192 p.

11. Minton S.J. Alterophobic bullying and proconformist aggression in a survey of upper secondary school students in Ireland // Journal of Aggression, Conflict and Peace Research. Vol. 4. Iss: 2. P. 86–95.

12. Латышева Т.В. Феномен молодежной субкультуры: сущность, типы // СОЦИС. 2010. № 6. С. 93–101.

13. Коган В.В. Педагог и молодежные субкультуры // Среднее профессиональное образование. 2010. № 10. С. 49–51.

14. Шорыгин Е.А. Феномен альтерофобии в современных социокультурных условиях // Социология в действии – 2015. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2015. С. 94–102.

15. Щюц А. Структура повседневного мышления // СОЦИС. 1988. № 2. С.129–137.

16. Резолюция Европарламента «Гомофобия в Европе» (18 января 2006 г.). European Parliament resolution on homophobia in Europ. URL: http://www. europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=//EP//TEXT+TA+20060118+ITEMS+DOC+XML+V0//EN&language=DE#sdocta9 (дата обращения: 07.06.2015).

17. Кон И.С. Гомофобия как форма ксенофобии [online]. URL: http://seksologiya.org/info167.html (дата обращения: 12.06.2016).

18. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 336 с.

19. Goffman E. Gender display // Studies in the Anthropology of Visual Communication. 1976. Vol. 3. P. 69–77.

20. Шорыгин Е.А. Гендерные режимы нижегородских школ // Десятые Ковалевские чтения: Материалы научно-практической конференции 13–15 ноября 2014 года. СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 1761–1763.

21. Дробышева И. Как защитить ребенка от кибербуллинга // Российская газета. Федеральный выпуск. 2012. № 5947 (274).

22. Зинцова А.С. Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Сер. Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 122–128.

CHARACTERISTICS OF ALTEROPHOBIA IN SCHOOLS

E.E. Kutyavina*, *E.A. Shorygin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

This study is an attempt at the theoretical and empirical understanding of alterophobia in the sociocultural space of schools. The aim of the research is to identify the significance of alterophobia among the factors of school violence. We present the results of the authors' research of this phenomenon in Nizhni Novgorod schools, reveal the prevalence of intolerance to alternative youth subcultures among other forms of xenophobia, its root causes and forms. The study has shown the prevalence of the problem, which has a pronounced gender-specific nature and is directly related to homophobia. For the first time, we use the concept of alterophobia for the research of the relations between school students.

Keywords: alterophobia, xenophobia, homophobia, subculture, youth subculture, tolerance, school, school violence, bullying, sociology of youth, schoolchildren.

УДК 316.4

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР ПРЕВЕНТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ИЗБЕГАНИЯ БЕДНОСТИ СЕМЬЯМИ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ДЕТЬМИ

© 2017 г.

А.А. Варызгина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

varyzgina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2016
Статья принята к публикации 06.02.2017

Семьи с несовершеннолетними детьми планируют и реализуют превентивные стратегии избегания бедности с учетом различных внешних и внутренних факторов. В число описываемых в данной статье вошли далеко не все существующие факторы социально-экономического развития, но только те из них, которые наиболее актуализированы в общественном сознании. Часть рассматриваемых факторов (преимущественно внешних по отношению к семье и воспринимаемых семьей как не зависящие от ее действий) ограничивает выбор семей, другая часть (преимущественно внутренних, индивидуальных, свойственных конкретной семье) расширяет осуществляемый семьями выбор превентивных стратегий избегания бедности.

Ключевые слова: семьи с детьми, превентивные стратегии избегания бедности, повышение уровня и качества жизни населения, малые города.

Повышение уровня жизни населения, снижение риска бедности является важной задачей в условиях, когда бедность остается одной из главных проблем российского общества. Уровень жизни в малых городах и сельской местности существенно ниже, чем в крупных городах, там объективно меньше возможностей выхода из состояния бедности и снижения риска бедности семей с несовершеннолетними детьми. Семьи с несовершеннолетними детьми являются особой категорией анализа, обладающей своей спецификой по сравнению с другими типами домохозяйств, как социально уязвимая группа населения, с повышенной иждивенческой нагрузкой, которая повышает риск бедности и ограничивает возможности использования ресурсов семьи, но в то же время повышает уровень ответственности за подрастающее поколение и способствует возрастанию активности семей в повышении уровня жизни.

Для написания статьи использованы результаты ряда исследований, проводимых на протяжении 5 лет совместным коллективом кафедры экономической социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Центра российских и евразийских исследований Университета Упсалы (Швеция) и Университета Глазго (Великобритания). Исследования были проведены в Нижегородской области: в Нижнем Новгороде, в двух малых городах Нижегородской области и в сельской местности[1].

Семьи с несовершеннолетними детьми планируют и реализуют превентивные стратегии избегания бедности с учетом различных факторов. Факторы, которые учитываются семьями при планировании превентивных стратегий, можно условно разделить на две группы: внешние по отношению к семье и воспринимаемые семьей как не зависящие от ее действий; внутренние, индивидуальные, свойственные конкретной семье.

Внешние факторы, воспринимаемые семьями как значимые

К внешним факторам, воспринимаемым семьями как наиболее значимые, относятся состояние рынка труда (уровень зарплат, наличие рабочих мест, число функционирующих предприятий), миграционные процессы. Как внешние факторы семьи воспринимают также природные ресурсы региона, развитость инфраструктуры и комфортность среды проживания: качество и доступность медицинских услуг, качество и доступность образования, развитость транспортной инфраструктуры, степень удаленности населенного пункта от крупного города. Конечно, это далеко не все показатели социально-экономического развития региона. Это те факторы, которые видимы семьям и учитываются ими при выборе превентивных стратегий. С упоминания этих факторов начинается практически каждый разговор о том, что́ семья может предпринять для снижения риска бедности и повышения своего уровня жизни. Перечисленные факторы оказывают наибольшее влияние на выбор превентивной стратегии семьи в малых городах и в сельской местности.

Состояние рынка труда во многом определяет качество и уровень жизни населения региона. От степени развитости рынка труда зависят и уровень зарплаты, и возможности дополнительных заработков, и уровень безработицы. Низкий уровень оплаты труда наряду с уровнем задолженностей по выплате заработной платы и безработицы входят в число наиболее важных для семей макрофакторов, оказывающих влияние на снижение уровня жизни [1, с. 38]. Для малых городов и особенно для сельской местности низкий уровень зарплат – очень распространенный фактор, повышающий риск бедности семей с детьми (особенно если в семье не один ребенок) [2], основной фактор трудовой бедности [3, 4].

В больших городах наличие низкой зарплаты, как правило, воспринимается как свидетельство недостаточной, слабой трудовой активности, хотя может быть и следствием жизненной стратегии, осознанным выбором члена семьи, его добровольной «жертвой» на благо семьи, детей. В малых городах и особенно в сельской местности ситуация несколько иная. Хотя уровень заработной платы в какой-то мере зависит от человека (его квалификации, предпринимаемых усилий и т.д.), низкие заработки в большей степени, по мнению респондентов, зависят от неблагоприятной ситуации на рынке труда, не позволяющей людям зарабатывать больше. Факт низкой зарплаты не является для жителей малых городов и сельской местности свидетельством недостаточной трудовой активности. Уважительное отношение к работающим бедным в большей степени характерно именно для жителей малых городов и особенно сельской местности.

Экономически активное население, работающее, но получающее низкую зарплату, – так называемые «работающие бедные» – составляет значительную часть бедных [5]. Образ работающего бедного очень часто встречается в высказываниях экспертов и жителей города, что позволяет говорить о распространенности этого явления. Например, в процессе беседы при ответе на вопрос: «Кого Вы считаете бедным?» – люди, не задумываясь, перечисляют низкооплачиваемые категории работников (детских садов, школ и других работников бюджетной сферы, т.е. тех, кто является малоимущим не по своей вине, а по причинам, связанным с оплатой труда, экономической ситуацией в стране). Как отметил эксперт, социальный педагог школы: «*Я знаю семьи, в которых работают с утра до вечера и не на одной работе, просто зарплаты мизерные и, соответственно, доход низкий*». Приверженность низкооплачиваемой работе и нежелание ее менять отнюдь не считается признаком лени малоимущего человека, хотя фраза «малоимущие – не значит лентяи» говорит о том, что такое восприятие все же имеет место.

Низкий уровень зарплат в малых городах и особенно в сельской местности сочетается с регулярными сокращениями рабочих мест, в том числе в связи с закрытием предприятий и организаций. Последнее особенно характерно для непромышленных малых городов сельских районов. По мнению респондентов, сокращение производства, закрытие предприятий являются основными факторами, повышающими риск бедности, и, конечно, такая ситуация оказывает существенное влияние на выбор семьями превентивных стратегий избегания бедности.

Специалист соцзащиты: С трудоустройством стало хуже, потому что прошли массовые сокращения.

Специалист соцзащиты: Закрываются школы, детские сады.

Специалист соцзащиты: Ликвидация школ идет, да. Соответственно это высвобождаемые работники в сфере образования.

Внешний фактор закрытия предприятий воспринимается в подавляющем большинстве случаев резко негативно. Это связано не только с пессимистичной оценкой жителями перспектив собственных заработков, но и с оценкой перспектив развития населенного пункта.

Специалист соцзащиты: Самое отрицательное – закрыт наш стекольный завод, люди остались без работы. Я думаю, поселку – крах. На заводе работали семьями, это самое большое предприятие у нас в поселке.

Отсутствие альтернативных сокращенным рабочих мест воспринимается как сильное и долговременное ограничение выбора успешных превентивных стратегий избегания бедности, что зачастую служит толчком для поиска работы в других, более крупных населенных пунктах. Значимым мотивом для принятия решения о переезде в более крупный город является восприятие своего родного города или поселка как лишенного перспектив развития. Отток молодежи из сельской местности, малых и средних городов лишает регион и отдельные его муниципальные образования перспектив развития. В результате он не способен конкурировать за население с соседними регионами. Как отмечают специалисты, в подобной ситуации в последние годы оказались 80–90% муниципальных образований [6].

Степень удаленности населенного пункта, в котором проживает семья, от крупных городов воспринимается семьями как значимый внешний фактор, определяющий во многом выбор превентивных стратегий. Этот фактор, как правило, присутствует в большинстве рассуждений

семей о социально-экономической ситуации по месту жительства и при описании возможных выходов из сложившегося положения. Во многих приведенных выше примерах фактор удаленности малых городов и особенно сельских населенных пунктов от крупных городов, областного центра упоминается как ограничивающий выбор превентивных стратегий избегания бедности.

Низкий уровень зарплат, закрытие предприятий, сокращение рабочих мест в регионе в большинстве случаев не дает возможности людям найти более высокооплачиваемую работу по месту жительства. В зависимости от того, насколько удалено место жительства семьи от крупных городов, трудоспособным членам семьи доступны разные варианты трудоустройства: маятниковая миграция, работа вахтовым методом, переезд на новое место жительства в связи с новым местом работы. Если расстояние между местом жительства семьи и крупным городом «не превышает более 50–70 км, то именно областные города становятся местом маятниковой трудовой миграции, с ежедневным либо через сутки возвратом домой (последнее характерно для сельчан, работающих охранниками). И хотя их зарплата минимальна, они предпочитают не уезжать в дальние города» [7, с. 47]. Жители малых городов, расположенных в непосредственной близости от областного центра, крупного города, в основном ездят туда на работу. В межрайонной миграции задействованы чаще жители отдаленных от крупного города районов. «Они едут на работу чаще не в центр, а в ближайшие к месту жительства районы (преимущественно близкие к центру), что снижает издержки на работу» [8, с.11].

Семья, Павлово: Многие ездят в Нижний работать, потому что зарплата устраивает, и они лучше будут 2 часа на дорогу туда и 2 часа обратно тратить, но зарабатывать больше.

Чем дальше семья проживает от крупного города, тем чаще выбор делается в пользу заработков вахтовым методом. Или, в терминологии других авторов, отходничества [9]. «Современное отходничество сельских жителей является в значительной степени реагированием на ограниченность возможностей удовлетворения основных потребностей в локальной среде» [7].

Многодетная мама: У нас ведь практически все мужчины, насколько я знаю, ездят в Москву на заработки.

Предприниматель: Это самый больной вопрос. Большинство работоспособных ездят в Москву.

Хотя временные заработки на стороне имеют давнюю историю в России, особенно в сельской местности [10, с. 70], а в современной России в некоторых регионах численность трудоспособного населения, занятого отходничеством, достигает 30–40% [9], такая занятость получает неоднозначные оценки экспертов, да и самих жителей. С одной стороны, как правило, это возможность заработать больше, чем по месту жительства. Достигается некий компромисс: увеличивается уровень дохода, что снижает риск бедности для семьи, и в то же время семья не исключает себя из важных для нее социальных сетей поддержки. С другой стороны, для этой категории трудоспособного населения оказываются недоступными многие социальные услуги (льготы, субсидии, дотации и доплаты); они исключены из местной социальной и политической жизни. Перемещение населения в связи с поиском более высокооплачиваемой работы, сопровождаемое сменой места жительства, продолжает оставаться массовым общественным явлением [11, 12]. Чем выше квалификация работников, тем дальше они обычно уезжают в поисках высокооплачиваемой работы [8].

Процесс миграции, уже как внешний фактор, также накладывает отпечаток на восприятие места проживания. Жители отмечают, что уезжает в основном молодежь из-за неблагоприятного состояния местного рынка труда. Жители отмечают и противоположный поток миграции в регион, в сельскую местность – приток людей пенсионного возраста из крупных городов в более экологически чистые малые города и поселки. Для этой категории населения становится экономически более выгодным проживание в малых городах и в сельской местности, т.к. получаемая пенсия там более значима в силу меньших расходов по сравнению с крупным городом. Вторая категория населения, мигрирующая из крупных городов, – неблагополучные семьи, вынужденные менять место жительства в силу разных причин, одна из которых – большие долги по квартплате.

Библиотекарь: Надо что-то искать такое, чтобы переезжать поближе туда, к Нижнему. Страшно, наверное, быть здесь. Потому что работы фактически нет. И все, кто более-менее способный, уезжают отсюда, из молодежи. А приезжают сюда, вот выселенные с Нижнего, из таких больших городов, семьи. Причем у них большие семьи. И наши-то тут вот такие вот рождаются, и они останутся здесь. И потому, я думаю, тут будет страшно. Но не сейчас, но лет через 10–15, мне кажется, тут страшно будет, если ничего не сделается.

В результате сочетания этих разнонаправленных миграционных процессов еще больше понижается привлекательность малых городов и сельской местности для молодежи и молодых семей, происходит дальнейшее сокращение трудового потенциала региона. «Миграция молодежи является процессом, во многом определяющим как демографическое настоящее, так и будущее региона, города или территории. Именно в молодых возрастах интенсивность миграции резко повышается, а затем столь же быстро снижается. Миграция молодежи в решающей мере ведет к перераспределению населения, обусловливает омоложение и улучшение возрастной структуры населения одних территорий и ускоренное старение и регресс – других» [6]. Негативный внешний фактор изменения состава населения заставляет семьи и дальше избирать превентивную стратегию территориальной мобильности. Немалую роль при этом играет пример уже уехавших семей, с которыми часто сохраняются связи и контакты. Эти семьи могут являться источником информации, трансляторами успешного опыта адаптации на новом месте, выступать источником разного рода поддержки, особенно в первое время. Последнее очень важно, т.к. при переезде семьи лишаются опоры на родственные и дружеские сети за исключением того варианта, когда они переезжают туда, где у них уже есть друзья или родственники. Между тем в условиях малого города и особенно сельских поселений включенность в социальные сети поддержки имеет огромное значение.

Существенным внешним фактором, упоминаемым в числе значимых, являются природные ресурсы региона: лесные массивы, наличие и качество земли, возможности для сбора дикоросов, рыбной ловли, а также экологическая обстановка, предоставляющая возможности для рекреации, проживания на чистом воздухе, среди красивой природы в отсутствие суеты, характерной для крупного города, что воспринимается как преимущество. Фактор наличия природных ресурсов имеет порой исключительное значение для жителей сельской местности. Это, пожалуй, единственный внешний фактор, воспринимаемый как расширяющий возможности, а не ограничивающий выбор превентивных стратегий. В некоторых районах после многолетнего сокращения производства, в том числе сельскохозяйственного, использование природных ресурсов осталось одним из немногих источников дохода и основой местного мелкого производства. Так, лесные угодья, заготовка леса и связанное с этим существование нескольких деревообрабатывающих малых предприятий стали основой занятости в поселке после закрытия последнего градообразующего предприятия, стекольного завода. Однако семьи занятых на них работников обеспокоены, что непродуманное использование имеющихся природных ресурсов быстро приведет к их истощению и, следовательно, потере работы и ухудшению материального положения их семьи.

Многодетная мама: Муж работает в лесу. В поселке больше нет работы… Через 2 года там леса уже не будет и заниматься там будет нечем, потому что там каждый второй сидит на этом лесе.

Широко распространен в сельской местности сбор дикоросов (грибы, ягоды, травы) в летний и осенний сезон [13], ловля рыбы. Помимо использования этих продуктов для собственного употребления, достаточно распространена и продажа на рынках местным жителям, приезжающим на лето дачникам.

Официантка: Многие без работы сидят. Кто на что, у кого пенсии, сейчас лето будет. У нас ягод там полно, кто на ягодах живет. У нас есть такие люди, которые летом зарабатывают на ягодах, откладывают на книжки, а потом всю зиму на эти деньги живут.

По словам респондентов, активный сбор ягод, грибов в сезон может быть очень прибыльным мероприятием, более высокооплачиваемым, чем регулярная занятость.

В качестве внешнего по отношению к семье фактора можно отметить инфраструктуру и комфортность проживания, объединяющие доступность медицинских услуг, функционирование системы образования, развитость транспортной инфраструктуры, доступность интернет-услуг. Качество, доступность и разнообразие медицинских услуг также упоминаются семьями в качестве внешнего по отношению к семье фактора. Для жителей сельской местности вопрос не столько качества, сколько сохранения разнообразия, доступности предоставляемых по месту жительства медицинских услуг приобрел в последние годы большое значение. Семьи скорее негативно оценивают проведенные за последние годы реформы в области здравоохранения, имевшие целью создать в регионах укрупненные оснащенные центры по оказанию более разнообразных качественных медицинских услуг. Последовавшее в результате этого сокращение спектра медицинских услуг, которое население может получить по месту жительства в малых городах и сельских поселениях, воспринимается большинством семей как довольно значительное понижение качества жизни, несмотря на создание в процессе оптимизации системы здравоохранения межрегиональных центров.

Парикмахер: Медицина у нас вообще разрушается, врачей нет нормальных. Ну как здесь молодежь будет, если медицины нет? А про социальные вообще молчим.

Женщина-предприниматель: У нас была центральная аптека рецептурная, которая все готовила. Все было, и вдруг. Роддом закрыли. В больнице детское отделение сократили. Хирургию убрали. Надо, действительно, собираться и мотать отсюда.

Для части семей сложившаяся ситуация очень некомфортна. Произошедшее сокращение предоставляемых по месту жительства медицинских услуг является дополнительным аргументом в пользу принятия молодыми семьями, имеющими маленьких детей, решения о переезде в более крупный город [14], где все необходимые услуги есть.

Функционирование системы образования, качество и доступность образовательных услуг являются важным внешним фактором, как правило, выступающим как ограничение выбора превентивных стратегий семей. Проблема нехватки мест в дошкольных образовательных учреждениях охватывает и малые города, и сельскую местность. Невозможность, как минимум, для части семей воспользоваться услугами дошкольных учреждений ограничивает и возможности этих семей использовать потенциальные трудовые ресурсы, особенно если они не могут компенсировать это ограничение, воспользовавшись помощью родственников или друзей.

Важным фактором для семей, имеющих детей-школьников, является степень удаленности школы от дома. Особое значение этот фактор приобрел для жителей сельской местности, где после сокращения числа школ удаленность школы стала частой проблемой. Важным фактором для семей являются возможности дополнительного образования по месту жительства для детей и школьного, и дошкольного возраста: наличие секций, образовательных учреждений по организации досуга детей после школьных занятий, степень географической доступности школы (особенно в сельской местности). Прошедшая в последние годы оптимизация системы образования по месту, выразившаяся в том числе в сокращении малокомплектных школ и затронувшая в особенности ступень начального и основного школьного образования в сельской местности, является дополнительным аргументом для семей в пользу переезда [14].

Сельская администрация: Сейчас вот у нас по администрации осталась только одна школа, одна из 10 сёл. Одна школа в селе, девятилетняя. А остальные все возят вот в Лукоянов. Вот, считайте какая у нас перспектива, какое качество. Они заканчивают и уезжают по городам.

Однако, решая эту проблему, семьи приобретают другие: необходимость поиска работы на новом месте, решение проблемы жилья (для многих единственный доступный вариант – съемное жилье), потеря родственных и дружеских связей, служащих опорой в случае трудной ситуации.

Специфическим внешним фактором, также значимым преимущественно для семей, проживающих в сельской местности, является степень развитости транспортной инфраструктуры (общественный транспорт, качество дорожного покрытия). Этот фактор практически не упоминается семьями малых промышленных городов. В малых городах и окружающих сельских поселениях, где транспортная инфраструктура изначально была развита гораздо в меньшей степени, позитивные изменения намного более заметны населению. Улучшение состояния дорог (в большей степени это волнует автовладельцев), увеличение интенсивности общественного транспорта, расширение услуг и снижение их стоимости воспринимаются населением как внешний фактор, расширяющий возможности территориальной мобильности и связанных с ней превентивных стратегий.

Учительница: Я считаю, что транспортная инфраструктура у нас улучшилась, у нас есть возможность в Нижний доехать в 5 утра очень дёшево, 150 рублей.

По мере перемещения в более отдаленные сельские поселения транспортная инфраструктура становится скорее ограничивающим внешним фактором. Все более значимой становится проблема перемещения между населенными пунктами. Для школьников это также довольно большая проблема в течение учебного года, актуализировавшаяся после оптимизации системы образования, сопровождавшейся укрупнением сельских школ. Транспортные проблемы и связанное с этим снижение доступности школьного образования негативно воспринимаются и родителями, и учителями.

Преподаватель: Сколько рейсов позакрывали в деревни! У нас дети, например, отпрашиваются с уроков, мы сейчас развозим, но рейсов отмененных очень много. Они отпрашиваются, им надо ехать. Бывает в 14 часов автобус, и больше нет. И мы в результате отправляем детей, отпускаем с уроков, потому что им нужно ехать. В другое время они не уедут, не попадут домой. Вот особенно Починковский район, Гагинский район. Им еще от этой трассы добираться 6 км.

Транспортная инфраструктура в малых городах не входит в число значимых внешних

факторов. В сельской местности, особенно в глубинке, где транспортная инфраструктура развита гораздо в меньшей степени, это внешний фактор, скорее ограничивающий выбор семьями превентивных стратегий.

К внешним факторам, упоминаемым семьями в процессе беседы, относится степень доступности сети Интернет. В современных условиях Интернет является важным информационным ресурсом, используемым семьями в том числе для поиска работы, особенно за пределами места жительства. В процессе выхода из трудной жизненной ситуации важную роль играет информация. «Способность накапливать, сортировать информацию, получать ее из различных каналов оказывается столь же важным ресурсом для завоевания социальных позиций, как образование или профессия» [15]. «Особенность информационного ресурса состоит в том, что обладание им обеспечивает эффективное управление другими ресурсами, а его недостаток определяет поведение людей в трудной жизненной ситуации. Исследователи отмечают, что люди, имеющие доступ к источникам массовой информации (Интернет и т.д.), занимают более активную позицию на рынке труда, чаще имеют дополнительную занятость, более позитивно оценивают свое материальное благосостояние, менее остро воспринимают угрозу безработицы. В противоположность этому, семьи, которые живут за чертой бедности, очень часто не представляют, как можно улучшить своё положение. Они зачастую не владеют необходимой для этого информацией, специальными знаниями» [16, с. 50].

Внутренние факторы, воспринимаемые семьями как значимые

Факторы, влияющие на выбор превентивной стратегии избегания бедности, воспринимаемые семьями как внутренние, т.е. являющиеся индивидуальной характеристикой конкретной семьи, были уже частично упомянуты выше в процессе описания внешних факторов, т.к. зачастую неразрывно связаны с ними. К внутренним факторам семьи относят уровень иждивенческой нагрузки и преимущественно ресурсы семьи: включенность в социальные сети поддержки, а также наличие земельного участка, наличие собственного транспорта (особенно часто упоминается жителями сельской местности).

Важным фактором, индивидуальным для каждой семьи, является уровень иждивенческой нагрузки. Наличие ребенка в семье, а тем более не одного, неизбежно приводит к повышению значимости этого фактора. Значение этого фактора нельзя определить однозначно. С одной стороны, наличие маленьких детей в семье способствует увеличению риска бедности, а для части семей способствует переходу за грань бедности, т.к. одновременно увеличиваются расходы, заработков отца часто становится недостаточно, а мать не может в полной мере задействовать свои потенциальные ресурсы для увеличения доходов, т.к. вынуждена заниматься воспитанием детей. Усугублять ситуацию могут процессы, происходящие в семье, например развод родителей, в результате чего происходит еще более значительное сокращение доходов, что повышает риск бедности семьи и одновременно ограничивает возможности одного родителя (как правило, это мать) по зарабатыванию средств. Если у неполной семьи есть возможность воспользоваться родственными или дружескими связями, это в определенной степени улучшает ситуацию, т.к. дает возможность матери для трудовой активности.

Молодая мама, в разводе: Мы недавно развелись. Живем с сыном с родителями. Чем занимаюсь? Пока сижу дома. А так, работаю во дворце культуры. То есть все детские мероприятия, все праздники – всё на нас, на мне.

Уровень иждивенческой нагрузки имеет неоднозначное воздействие на выбор семьей превентивных стратегий по избеганию бедности. С одной стороны, наличие несовершеннолетних детей, особенно младшего возраста, ограничивает спектр доступных стратегий, т.к. семьи не могут в полной мере реализовывать свой ресурсный потенциал. С другой стороны, именно наличие детей в семье и ответственность, ощущаемая родителями за их развитие и состояние здоровья, является сильным мотиватором к поиску эффективных превентивных стратегий, направленных не просто на «неухудшение ситуации», но на избегание бедности и повышение уровня жизни, к увеличению трудовой активности.

Важный фактор – наличие социальных связей [17]. Опора на социальные связи является одним из наиболее важных, иногда решающих факторов, компенсирующих негативное воздействие внешних факторов при решении различных семейных проблем, связанных с трудоустройством, с получением образовательных, медицинских услуг и т.д. Семьи используют имеющиеся у них социальные связи для поиска работы, необходимой информации, обращаются за советом, поддержкой, а то и за финансовой помощью в трудной ситуации. Особую важность включенность в социальные сети поддержки приобретает в условиях слабой социальной политики, не справляющейся в полной мере с функцией защиты социально уязвимых семей [18].

Специалисты выделяют две формы социальных сетей – сети, обеспечивающие повседнев-

ное выживание, и сети стратегические, которые могут открыть перед человеком новые возможности. В этом плане уязвимые группы населения обладают ограниченными стратегическими возможностями для улучшения уровня жизни. Социальные сети поддержки очень важны, но обеспечивают преимущественно физическое выживание. «Феномен бедности характеризуется, в том числе, отсутствием (или дефицитом) сетевых ресурсов стратегического значения. Успешность преодоления трудной жизненной ситуации семьей зависит во многом от того, насколько развита система адаптационных ресурсов ее членов, какое количество ресурсов может быть задействовано» [19].

Наличие родственных связей особенно важно для молодых семей на этапе их становления. С течением времени, в результате конвертации этого ресурса и, как следствие, наращивания других типов ресурсов (к примеру, экономического) семьи начинают участвовать во взаимном обмене между родственниками на более равных основаниях, не только получая поддержку, но и оказывая ее. Кроме того, помощь родственников на начальном этапе становления семьи позволяет молодым быстрее встать на ноги и стать финансово независимыми, отделиться от семьи родителей.

Преподаватель: Вот тоже помогают, в основном, если есть возможность, всем родители. Родители, бабушки, дедушки. Они с родителями живут, а со временем уходят на квартиру жить, снимают квартиру.

Родственники оказывают разностороннюю помощь, причем поддержка взаимная. Это может быть регулярная или разовая материальная поддержка; помощь в решении жилищных проблем, предоставление совместного жилья, например в случае развода мать с ребенком возвращается к родителям; помощь в поиске работы, устройстве на работу, в получении образования, лечения; оплата кредита, помощь продуктами; помощь в воспитании детей (посидеть с детьми, забрать ребенка из садика, пока мать работает), обмен детскими вещами.

Молодая семья: Да, в этом плане это очень хорошая помощь, родители большой пласт работы на себя берут. И если с детьми надо посидеть, мне не надо искать куда, кому пристроить. В этом плане даже удобно, что мы вместе с ними живем, не надо никуда вести. Знаю, что дети под присмотром, все с ними будет нормально.

Молодая мама: Моральная поддержка: какая-то есть проблема у сестры, может быть, в семье, может быть, с работой. Мы можем встретиться, попить чайку, обсудить, поговорить, высказаться. Поддержать, дать совет. Материальная помощь: если вдруг чего-то не хватает либо у меня, либо у нее… Физическая – это в огороде точно так же. У сестры в этом году сложный период, ребенок в первый класс пошел, ей не особо было, когда готовились, в итоге мы с мамой все делали по огороду. Два года назад, у меня, когда дочь была маленькой и не было возможности ее с кем-то оставить, они помогали, делали, а делили все (*урожай*) *на троих.*

Наличие родственных, дружеских связей в условиях нехватки рабочих мест, и тем более относительно хорошо оплачиваемых и стабильных, имеет подчас решающее значение. Человеку со стороны гораздо труднее устроиться на работу по месту проживания, что часто вынуждает избирать другие доступные ему превентивные стратегии снижения риска бедности.

Многодетная мама: В садики, в школы берут (*на работу*) *своих знакомых, родственников. Так что там тоже ничего нету. В поселковой администрации люди работают, я уже не знаю по сколько лет. Я еще маленькая была, когда они там работали. Они до сих пор там работают. И то там вот женщина одна есть, у нее место освободилось, она сразу же туда свою дочку посадила. Ну, т.е. там тоже все свои. Школа… берут, правда, молодых, берут. Но… Тоже не вариант, там минимальная зарплата. Кто пойдет?*

Семьи часто упоминают про помощь со стороны друзей: помощь в уходе за детьми, обмен детскими вещами, обмен нужной информацией. Стоит отметить, что обмен ресурсами более характерен для семей с доходами ближе к среднему уровню, которые не боятся выглядеть бедными, для которых одежда с чужого плеча не является знаком собственной несостоятельности обеспечить ребенка [20]. Зачастую значение социальных связей, помощи со стороны родственников и друзей не осознается, понимание важности этого ресурса приходит тогда, когда он теряется или изначально отсутствует. Между тем подобная возможность может оказаться решающим фактором в борьбе семьи с бедностью.

Механизм использования социальных связей в преодолении бедности доступен далеко не всем малоимущим семьям. Наиболее уязвимая часть бедных семей на практике «исключена из общества», не имеет доступа к механизмам интеграции. Чаще всего в такой ситуации оказываются бедные семьи, находящиеся за чертой бедности длительное время, не менее 5–7 лет. За это время меняются стереотипы поведения и навыки реализации своих целей, изменяется круг общения, происходят серьезные сдвиги в ценностных ориентациях людей [21].

Следующим фактором, имеющим большое значение в малых городах и особенно в сельской местности, является наличие земельного участка. Земельный участок становится важным внутренним ресурсом семьи; ведение подсобного хозяйства является значимым вкладом в бюджет семьи, т.к. сокращает расходы на приобретение продуктов питания и позволяет перераспределять средства на другие важные статьи расходов.

Молодая мама: Маленькие города выживают за счет того, что многие имеют просто сады. Земля кормит. Зарплата здесь маленькая. Основная масса получает ниже прожиточного уровня.

Многодетная мама: В основном минималка. Да, на нее и выживаем. Выращиваем все в огороде, так-то свое… Да, в основном-то, если идет, – за коммунальные заплатить, на одежду. А выращиваем все в огороде, у нас все свое. Участочек позволяет.

Ведение подсобного хозяйства для жителей сельской местности часто является дополнительным, а то и основным источником дохода.

Преподаватель: Допустим, глава семьи ездит в Москву на заработки, а вся остальная женская половина, дети – они этим занимаются. А когда он приезжает, они колют скот и продают. Многие семьи поднялись на этом, у них навороченные машины, взрослые дети приезжают. Но они официально не являются крестьянскими хозяйствами. Они просто возделывают свой участок и все.

Многодетный отец-одиночка: Но у нас легче жить, чем в городе. Бери землю, копай, выращивай, иди на рынок, продавай. Вот и заработок. Если человек поставит цель, то можно найти. Проблемно, но можно.

Однако само по себе наличие этого ресурса далеко не всегда означает возможность избрать подобную превентивную стратегию «частичного перехода на натуральное хозяйство». Огромное, подчас решающее значение имеет и способность, и умение использовать земельный ресурс.

Многодетная мать, малообеспеченная: Мы летом пытались сажать огород, а у нас неурожай почему-то.

Мужчина, многодетная семья: Скорей всего, нужно чистить огород, убирать старые яблони. Скорей всего, земля оскудела, истощена.

Многодетная мать, малообеспеченная: Прошлый год у нас не получилось. Мы столько сил туда вложили. И картошку сажали. Не выросла почему-то.

Приведенный пример показывает, что мало иметь участок, надо уметь его обрабатывать. Без знаний, получаемых, как правило, в семье от родственников, друзей и знакомых, соседей, земельный участок не может стать основой превентивной стратегии, фактически не является ни экономическим ресурсом семьи, ни дополнительным источником питания, ни источником доходов. Знания и опыт, полученные в семье на этапе социализации, являются важным фактором успешности адаптации человека к меняющимся социально-экономическим условиям и во многом определяют спектр, разнообразие стратегий выживания и повышения уровня жизни [17]. При отсутствии навыков, знаний по возделыванию земли и ее использованию семьям не удается конвертировать этот ресурс и тем самым компенсировать недостаток одних ресурсов другими. При отсутствии навыков потенциальные возможности так и не становятся актуализованными [22].

На протяжении последних лет отношение семей к наличию земли постепенно меняется. Более старшее поколение привыкло к тому, что продукты личного приусадебного хозяйства являются неотъемлемой частью жизни семьи, преимуществом, компенсирующим недостаток заработка: «*Те, кто живут в квартирах, в городах, на такую зарплату прожить невозможно. Мы за счет своего подсобного хозяйства живем и не страдаем*». В свою очередь, молодое поколение семей с маленькими детьми чаще воспринимает огород как прежде всего поглотитель временных ресурсов. Необходимость посвящать время выращиванию продуктов питания воспринимается как депривация и дополнительная нагрузка: «*Нет, мы страдаем, <…>. Огород – это затрата времени. Там тоже надо работать*». Таким образом, наличие земельного участка воспринимается семьями по-разному. Для одних семей это значимый ресурс, основа выживания и дополнительного дохода. Однако неумение обрабатывать землю сводит на нет эффективность и полезность этого ресурса. Для других необходимость обрабатывать землю и неизбежные при этом затраты времени и сил являются индикатором бедности и нищеты.

Фактором, расширяющим возможности выбора семьями превентивных стратегий, направленных на избегание бедности, является наличие личного транспорта. Автомобиль в семье повышает ее мобильность, что имеет особое значение в сельской местности, т.к. дает возможность рассчитывать на заработки не только в своем городе, селе, но и за его пределами.

Преподаватель: Ну, если кто хочет работать, то у нас многие, например, заняты работой в такси. Если есть машина, частным извозом занимаются.

Представитель администрации: Молодые специалисты живут здесь, домик им построили, работают на ФОКе, на машине ездят туда.

Личный транспорт рассматривается не как роскошь, а в первую очередь как средство передвижения. Семьи, особенно многодетные, отмечают, что, не имея личного транспорта, намного сложнее совершать поездки всей семьей. За последние годы, как отмечают респонденты, число личного транспорта постепенно возрастает. В то же время зачастую приобретаются автомобили плохого качества, т.к. более качественный личный транспорт семьи не могут себе позволить.

***

Наиболее значимые для семей внешние факторы воспринимаются ими, как правило, как ограничения выбора превентивных стратегий избегания бедности: состояние рынка труда, степень удаленности населенного пункта от крупного города, миграционные процессы, развитость инфраструктуры и комфортность среды проживания: качество и доступность медицинских услуг, качество и доступность образования, развитость транспортной инфраструктуры. Внешних факторов, воспринимаемых семьями как возможности, расширяющие выбор превентивных стратегий, существенно меньше. В качестве такого фактора семьи упоминают различные природные ресурсы региона, которые особенно жителями сельской местности воспринимаются как возможности для основной и дополнительной занятости, а также как источник части продуктов питания.

В качестве основных значимых внутренних факторов воспринимаются уровень иждивенческой нагрузки, наличие социальных связей, наличие земельного участка, наличие личного транспорта. Внутренние факторы, как правило, воспринимаются семьями как возможности, способные отчасти скомпенсировать воздействие неблагоприятных внешних факторов (таких как уровень безработицы, сокращение рабочих мест) и снизить риск бедности семьи. Низкоресурсные семьи больше страдают от негативных внешних факторов, чем семьи, имеющие необходимый социальный капитал и возможности его конвертации в случае наступления трудной ситуации. Иждивенческая нагрузка не только тормозит, ограничивает, но и мотивирует семьи проявлять, повышать трудовую активность и избирать превентивные стратегии, направленные не просто на «неухудшение ситуации», но на повышение уровня жизни и, следовательно, снижение риска бедности семьи.

Примечания

1. «Партисипаторный подход к снижению бедности: механизм общественного участия» (2010): 38 интервью в Нижнем Новгороде с представителями социальных служб защиты населения, НКО и с семьями, являющимися клиентами соцзащиты.

«Партисипаторный подход к снижению бедности: ситуация в малых городах России» (2011) в Нижегородской области: количественный опрос на первом этапе (1000 домохозяйств в малых городах Нижегородской области, выборка квотная, репрезентативная по полу и возрасту) и качественный анализ на втором этапе (51 интервью с экспертами (органы местной власти, социальной защиты населения, образования, здравоохранения, НКО и церкви) и с семьями с несовершеннолетними детьми).

«Проблемы качества жизни: ситуация в малых городах и сельских поселениях России» (2013–2014) в Нижегородской области: 41 интервью с экспертами (представителями администрации, центров занятости, социальной защиты, учителями, предпринимателями) и с семьями.

Список литературы

1. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения: Монография / Под общей ред. Н.М. Римашевской, Н.Н. Ивашиненко. Н. Новгород – М.: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. 268 с.

2. Семья и дети в России: особенности современной жизни и взгляд в будущее: Коллективная монография / Под ред. Л.Н. Овчаровой и Л.М. Прокофьевой. М.: ИСЭПН РАН, 2009. 274 с.

3. Климова С.В. Домашний труд в городской семье // Социс. 2012. № 4. С. 118–141.

4. Елютина М.Э., Климова С.В. Благополучие семьи: парадигма комплексного институционального подхода // Известия Саратовского университета. 2013. Т. 13. № 2. С. 19–27.

5. Римашевская Н.М. Семья и дети в условиях транзитивной экономики // Социальный капитал и социальное расслоение / Под ред. Д.Л.Твигг и К. Шектер. Изд-во «Альпина Паблишер», 2003. 384 с.

6. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях // В кн.: Научные труды: ИНП РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 688–712.

7. Великий П.П. Неоотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.

8. Шитова Ю., Шитов Ю. Маятниковая трудовая миграция в Московском регионе // Демоскоп Weekly. 2013. № 569–570. С. 1–18.

9. Скалон В.А. Неучтенные потоки // Эксперт. 2011. № 10 (744). С. 44–46 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://expert.ru/expert/2011/10/neuchtennyie-potoki/ (дата обращения: 22.08.2015).

10. Плюснин Ю. Отходничество в современной России // Отечественные записки. 2012. № 5 (50) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2012/5/24p.html (дата обращения: 21.08.2015).

11. Рыбаковский О.Л. Межрегиональный обмен населением: сущность и история изучения // Народонаселение. 2008. № 4. С. 70–78.

12. Письменная Е.Е. Трудовая миграция российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. № 1. С. 31–38.

13. Рощина Я.М., Сухова А.С. Типологический анализ поведения российских домохозяйств в сфере частного сельскохозяйственного производства: Препринт WP4/2009/04. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. 80 с.

14. Луговая Е. Там хорошо, где нас нет // Вести. 14.05.2013 (результаты исследования центров занятости и органов местного самоуправления «Трудовая миграция населения Кировской области»). Режим доступа: www.trudkirov.ru/cms_data/media/reg/.../трудовая%20миграция.docx (дата обращения: 25.10.2015).

15. Адаптационные стратегии населения: Коллективная монография / Под ред. д.э.н. Е.М. Авраамовой. СПб.: Компьютербург, 2003. 196 с.

16. Теодорович М.Л. Бедность как социальная проблема: стратегический подход: Монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2009. 452 стр.

17. Саралиева З.Х., Блонин В.А., Егорова Н.Ю. и др. Жизненные миры современной российской семьи: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.

18. Тартаковская И.Н. Социальные сети и поведение на рынке труда // Социологический журнал. 2004. № 1 (2). С. 129.

19. Теодорович М.Л. Феномен бедности сквозь призму институциональной теории // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2006. № 1 (5). С. 25–39.

20. Теодорович М.Л., Ивашиненко Н.Н. Ресурсы применения партисипаторных технологий для повышения социальной защищенности населения России // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2012. № 1 (25). С. 33–43.

21. Варызгина А.А. Стигматизация бедности как препятствие к социальному взаимодействию. Методы выхода семей из трудной жизненной ситуации и готовность делиться опытом // Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения: Монография / Под общей ред. М.Н. Римашевской, Н.Н. Ивашиненко. Н.Н.–М.: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013. 268 с.

22. Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.

EXTERNAL AND INTERNAL FACTORS AFFECTING THE CHOICE OF POVERTY PREVENTION STRATEGIES BY FAMILIES WITH MINOR CHILDREN

A.A. Varyzgina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Families with children choose and implement prevention strategies for avoiding poverty with the account of external and internal factors. This article presents those social and economic factors which are significant for families in the process of prevention strategies' choice. Some factors (mainly external factors, perceived by families as being beyond their influence) limit the families' choice, while other factors (mainly internal, peculiar to particular families) extend the range of prevention strategies for avoiding poverty.

Keywords: families with children, prevention strategies for avoiding poverty, quality of life, standards of life, small towns.

УДК 316.343.-057.66

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЦ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА И ЗАНЯТИЙ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

© 2017 г.

Н.Н. Хвоин

Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга

khv-nikolai@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2016
Статья принята к публикации 06.02.2017

Рассмотрены действующая в России сеть учреждений социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий, перечень предоставляемых им услуг, а также нормативные правовые акты, регламентирующие их деятельность; теоретические подходы к вопросам социальной адаптации; система социального обслуживания бездомных граждан в Санкт-Петербурге. Проведен анализ статистических данных Минтруда России об организациях, осуществляющих социальную помощь для лиц без определенного места жительства и занятий. Предложены дальнейшие направления работы, способствующие успешной ресоциализации и возвращению в общество бездомных граждан.

Ключевые слова: бездомные, бездомность, социальная адаптация, социальные услуги, механизм адаптации, стадии адаптации, дом ночного пребывания, социальная гостиница, центр социальной адаптации, социальное обслуживание, учет бездомных.

Проблемы социальной адаптации и ресоциализации бездомных граждан являются актуальными, поскольку количество бездомных в России не снижается, а применяемые социальные технологии в учреждениях социальной помощи бездомным гражданам не в полной мере способствуют их реинтеграции в общество. Для изучения данных вопросов необходимы проведение специальных исследований и дальнейшая разработка эффективных социальных технологий, способствующих созданию оптимального механизма адаптации.

Введение

В России создана сеть учреждений социальной помощи лицам без определенного места жительства и занятий, основной задачей которых является адаптация бездомных граждан и возвращение бездомных граждан к нормальной жизни в обществе [1]. Перечень предоставляемых услуг лицам без определенного места жительства и занятий может варьироваться в зависимости от типа и вида учреждения, а также применяемых в нём социальных технологий.

Стандартный набор услуг, предоставляемых бездомным в учреждении, включает: предоставление койко-места и горячего питания, проведение санитарной обработки и оказание доврачебной медицинской помощи, направление документов в миграционную службу для восстановления документа, удостоверяющего личность, содействие в трудоустройстве и проезде к месту проживания, предоставление единовременной материальной помощи, оформление (переоформление) инвалидности и подготовку документов для помещения в дома-интернаты для престарелых и инвалидов.

Цель исследования – анализ деятельности учреждений социальной помощи лицам без определенного места жительства и занятий. В качестве объекта исследования рассмотрены государственные учреждения социальной помощи лицам без определенного места жительства и занятий. Предметом исследования является ресоциализация и адаптация бездомных граждан в условиях системы социальной защиты населения.

По данным Минтруда России, опубликованным на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики [2], на конец 2014 года в Российской Федерации действовали 144 учреждения полустационарного типа по оказанию социальной помощи лицам без определенного места жительства и занятий, а также освободившимся из мест лишения свободы, в том числе 32 дома ночного пребывания, 8 социальных приютов, 6 социальных гостиниц, 61 центр социальной адаптации и 37 других учреждений (отделения для лиц без определенного места жительства и занятий, созданные в учреждениях системы социального обслуживания населения). В них фактически развернуто 8232 койко-места и обслужено более 132 тыс. чел.

Точная численность бездомных граждан в России неизвестна, так как практически не поддается учету и анализу. Общая численность

лиц без определенного места жительства и занятий в стране в отечественной литературе определяется различными величинами: от 450–500 тыс. человек до 3.3 млн человек; от 4 до 5 млн человек, это от 0.3% до 2.8% населения страны [3]. Если же учесть, что бездомные – это люди трудоспособного возраста, то получается примерно 5–7% потерь рынка труда (от численности экономически активного населения). По результатам социологического исследования бездомности на территории Санкт-Петербурга в 2006 году, проведенного по заказу Комитета по труду и социальной защите населения Правительства Санкт-Петербурга [4], из 128 опрошенных бездомных 83% составляют люди трудоспособного возраста (в возрасте от 18 до 54 лет).

Резкий рост численности бездомных граждан произошел после распада СССР и был связан с рядом причин. Прежде всего, на улице оказались граждане, лишившиеся работы, ведомственного жилья по причине банкротства предприятий, а также граждане, попавшие под амнистию, не имеющие собственного жилья и не принятые назад семьей. Категория лиц без определенного места жительства и занятий все эти годы продолжает пополняться за счет граждан, которые в силу различных причин потеряли работу, утратили жильё (невозможность оплачивать кредиты, мошенничество при совершении сделок с недвижимостью, семейные ссоры и неурядицы), лиц, освободившихся из мест лишения свободы, не имеющих жилья, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не обеспеченных государством жильем.

Полученные в ходе опроса данные о причинах бездомности в Санкт-Петербурге [4] распределены следующим образом: семейные обстоятельства – 36%, незаконные сделки с недвижимостью – 20%, личный выбор – 17%, лишение свободы (арест) – 15%.

Помимо отсутствия жилья, у бездомных граждан утрачены документы, удостоверяющие личность, и регистрация по месту жительства, что значительно затрудняет возможности получения различных видов услуг, в том числе при устройстве на работу, оформлении документов (паспорта, ИНН, СНИЛС, полиса ОМС), оформлении (переоформлении) пенсии и инвалидности, получении медицинской помощи, а также заключении договора аренды жилья.

Человек, лишившийся жилья, работы, поддержки родных и близких и не сумевший преодолеть самостоятельно трудную жизненную ситуацию, находится в состоянии «социального шока». Ключевая характеристика такого «социального шока», переживаемого социальным субъектом – индивидом или социальной группой, – категория страха (глубокая боязнь, испуг, ужас) [5, с. 313].

Итак, бездомных граждан можно охарактеризовать как группу людей, утративших привычные социальные связи, в силу различных причин, не имеющих возможности проживать в пригодном жилье и нуждающихся в проведении комплекса социализирующих мероприятий, направленных на их возвращение в общество в качестве полноправных граждан.

Несмотря на принятые государством меры и положительные тенденции в работе с лицами без определенного места жительства: открытие учреждений социальной помощи бездомным гражданам, в частности центров социальной адаптации, увеличение количества койко-мест, расширение перечня предоставляемых бездомным гражданам услуг, количество лиц без определенного места жительства продолжает расти, особенно в период ухудшения социально-экономической ситуации.

Решение проблем бездомности требует комплексного подхода со стороны не только государства, но и гражданского общества и семьи, в связи с чем возникает необходимость разработки эффективных технологий, способствующих успешной социальной адаптации бездомных граждан и их реинтеграции в общество.

1. Теоретические подходы к адаптации

Для рассмотрения проблем социальной адаптации можно выделить фундаментальные подходы исследователей:

– Э. Дюркгейма (в контексте теории социальной дезинтеграции, в результате которой возникает состояние аномии и человек не может приспособиться к новым условиям социальной среды) [6];

– М. Вебера (с позиции «понимающей социологии», осмысленного (рационального) действия, ориентированного на других; роли религиозно-этнических установок индивидов и групп в процессе приспособления к новому капиталистическому обществу) [7];

– Т. Парсонса (с позиции структурного функционализма, механизмов поддержания социального порядка в социальных системах, где одним из важнейших функциональных требований к системе является адаптация по отношению к внешней среде) [8];

– Р. Мертона (в рамках теории среднего уровня, изучения дисфункциональных явлений, возникающих вследствие напряжений и противоречий в социальной структуре, с позиции социальной адаптации личности к выработанным в обществе культурным нормам) [9].

Термин «адаптация» для характеристики социальных процессов был введен американскими социологами В. Томасом и Ф.Л. Знанецки и применяется в нескольких значениях: приспособление, освоение, взаимодействие, вхождение, вживание. Социологи Р. Парк и Э. Берджес рассматривали адаптацию как социальный процесс. Центральной проблемой в изучении любого социального процесса является адекватное «конструирование» его социального механизма.

Под механизмом социальной адаптации понимают [5, с. 256] симбиоз уникальных каузальных состояний, явлений и процессов, реализующихся в определенной последовательности и направленных на восстановление нарушенного равновесия оппозиции «социальная система – групповая среда – человек», т.е. макро-, мезо- и индивидуальный уровень социального взаимодействия. Нарушения могут быть разными, а результат, как правило, один – утрата работы, жилья, ухудшение состояния здоровья и других компонентов социального статуса, а далее установка «жить одним днем», низкооплачиваемые подработки, употребление алкоголя/наркотиков, болезни, инфекции, невозможность соблюдать санитарно-гигиенические нормы.

Результаты исследований свидетельствуют о наличии тесной связи между длительным ухудшением условий жизни и снижением у многих людей уровня социальных потребностей, притязаний и активности; как результат – формирование установки на выживание. Исследователи отмечают, что такая установка приводит к тому, что человек перестает стремиться преодолеть бедность, бездомность, а живет одним днем, не предпринимая шагов, которые могли бы способствовать изменению к лучшему сложившейся ситуации [10, с. 37].

Выделяют следующие механизмы адаптации: 1) оптимальные, т.е. такие, которые кратчайшим путем ведут к цели, 2) неоптимальные – блуждающие и путающиеся в дебрях социальной реальности по дороге к цели, но в итоге достигающие ее, и наконец 3) механизмы «квазиадаптаций» или «антиадаптаций» – не обеспечивающие в конечном счете продвижения на пути к установлению равновесия со средой или даже вызывающие откат в данном отношении [5, с. 256].

В любом случае проблема заключается и в том, что один и тот же адаптивный механизм может оказаться успешным для одного субъекта адаптации и безуспешным для другого, которому не хватит внутренних адаптивных ресурсов для достижения адаптивной цели.

Л.В. Корель [5] выделяет в социальной адаптации три крупные стадии: 1) социального шока, 2) мобилизации адаптивных ресурсов (резервов), 3) ответа на вызов среды, который завершается либо позитивным, либо негативным исходом.

Социальный шок наступает в том случае, когда произошедшие изменения требуют включения адаптивного потенциала такого уровня, который по своей величине приближен, равен или превосходит суперпорог адаптивного потенциала адаптирующегося субъекта. Конструктивность данной стадии социального шока состоит в том, что именно у субъекта зарождается адаптивная потребность – потребность в приспособлении [5].

Стадия мобилизации адаптивных ресурсов представляет собой этап глубокого осмысления общих тенденций развития, личностного позиционирования в сложившейся ситуации и концентрации усилий на сознательном поиске выхода из нее. Эта стадия связана с выявлением, актуализацией и активизацией всех возможных адаптивных средств, резервов и ресурсов, оценкой порогов адаптации и адаптивного потенциала, а также активным сознательным поиском, выбором и освоением на ментальном уровне новых «правил игры», потенциально возможных (зачастую инновационных) моделей адаптивного поведения [5].

Содержанием стадии ответа на вызов окружающей среды выступает реализация конкретных моделей адаптивного поведения, выбранных адаптантами как в силу собственного понимания происходящих в обществе перемен (их характера, глубины, необратимости и пр.), так и с учетом своих адаптивных ресурсов [5].

Многие специалисты учреждений социальной помощи бездомным гражданам отмечают, что наиболее адаптивной является группа бездомных, имеющих стаж бездомности не более 2 лет, это подтверждают и результаты исследования, проведенного в Санкт-Петербурге. В его рамках были получены следующие данные о стаже бездомности: 16% имеют опыт бездомной жизни не более года, и при соответствующей социальной помощи (прежде всего по оформлению документов и трудоустройству) они могли бы достаточно быстро вернуться в общество. 31% респондентов, у которых стаж бездомности находится в пределах от года до трех, тоже не утратили социальные навыки, однако им уже требуется разнообразная социально-медицинская помощь. Однако большая часть респондентов (53%) находится в положении бездомных от 3 лет и более, и это наиболее тяжелая для

социальной работы клиентская группа [4, с. 106].

В своей статье Е.В. Коваленко рассматривала бездомность сквозь призмы существующих концепций благосостояния. Концепция А. Сена связывает благосостояние со свободой человека выбирать тот образ жизни, который он ценит. Бездомные находятся в наиболее неблагополучном положении практически без альтернатив выбора своего образа жизни. Более того, важным параметром, влияющим на возможности, является срок фактической бездомности: потенциальные возможности сокращаются с увеличением продолжительности жизни на улице [11].

Таким образом, можно говорить, что одним из основных факторов, способствующих ресоциализации бездомных граждан, является минимальный период нахождения в состоянии бездомности и своевременное обращение в учреждения социальной помощи бездомным гражданам. На это указывает и тот факт, что не все обратившиеся в учреждения являются лицами без определенного места жительства и занятий, но они находились в «одном шаге», чтобы ими стать, и только своевременное обращение в учреждение и предоставление соответствующей помощи помогло обратившимся людям не пополнить ряды бездомных.

2. Существующая структура социального обслуживания бездомных граждан в России

Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации (далее – Минтруд России) утверждена примерная номенклатура организаций социального обслуживания, в которую включены организации, предоставляющие социальные услуги лицам без определенного места жительства и занятий: специальные дома-интернаты, в том числе для престарелых и инвалидов (стационарная форма социального обслуживания); центр социальной адаптации (помощи), в том числе для лиц без определенного места жительства и занятий; дом ночного пребывания; социальный приют; социальная гостиница (полустационарная форма социального обслуживания); службы срочного социального обслуживания, в том числе экстренной психологической помощи (нестационарная форма социального обслуживания), а также иные организации, осуществляющие социальное обслуживание в вышеперечисленных формах [12].

Правом приоритетного зачисления в учреждения социальной помощи лицам без определенного места жительства и предоставления услуг пользуются бездомные граждане: инвалиды и граждане пожилого возраста, а также лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [1].

В структуру организаций, осуществляющих стационарное и нестационарное социальное обслуживание, могут быть включены отделения полустационарного социального обслуживания, а в структуру организаций, осуществляющих полустационарное социальное обслуживание, могут быть включены отделения стационарного социального обслуживания [12].

Федеральным государственным унитарным предприятием «Российский научно-технический центр информации по стандартизации, метрологии и оценке соответствия» разработан национальный стандарт Российской Федерации социального обслуживания населения «Социальное обслуживание населения. Типы учреждений социального обслуживания и социальные услуги лицам без определенного места жительства и занятий. ГОСТ Р 53064-2008» (далее – стандарт) [1], с датой ввода в действие с 01 января 2010 г.

Данный стандарт устанавливает типы учреждений социального обслуживания бездомных граждан, состав, объемы и формы предоставляемых им услуг.

В настоящем стандарте установлены 3 типа учреждений социального обслуживания бездомных граждан: центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий; социальная гостиница для лиц без определенного места жительства и занятий; дом ночного пребывания для лиц без определенного места жительства и занятий [1].

В стандарте приводятся примерные структурные подразделения центра социальной адаптации: медико-социальное отделение (для приема и размещения инвалидов); отделение ночного пребывания (для первичного приема и размещения мужчин); отделение ночного пребывания женское (для первичного приема и размещения женщин); смешанное отделение (социальная гостиница) и другие отделения [1].

Следует обратить внимание на различия в типах учреждений социальной помощи бездомным гражданам, утвержденных Минтрудом России и установленных стандартом. Данные различия связаны с тем, что стандарт носит рекомендательный и добровольный характер применения и не является обязательным для исполнения.

Полномочия по утверждению номенклатуры организаций социального обслуживания, их структуры и штатного расписания в субъекте Российской Федерации находятся в компетен-

ции органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере социального обслуживания [13].

Учет деятельности учреждений социальной помощи бездомным гражданам осуществляется с 1997 г. в соответствии с формой федерального статистического наблюдения 4-собес (сводная) «Сведения об учреждениях социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий». Данные сведения предоставляются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими функции в области социального обслуживания населения, в Минтруд России [14].

Анализ статистических данных Минтруда России об организациях, осуществляющих социальную помощь для лиц без определенного места жительства и занятий, за период 1997–2014 гг. (включительно) приведен в таблице и показывает:

1. За указанный период количество учреждений увеличилось в 3.2 раза (в отношении к концу 1997 г.) и к концу 2014 г. составило 144 учреждения. Основной рост количества учреждений пришелся на 1998 г. Это связано в первую очередь с реализацией нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность учреждений социальной помощи лицам без определенного места жительства и занятий, в частности Постановления Правительства РФ от 05.11.1995 № 1105 «О мерах по развитию сети учреждений социальной помощи для лиц, оказавшихся в экстремальных условиях без определенного места жительства и занятий», Постановления Правительства РФ от 8 июня 1996 г. № 670 «Об утверждении Примерного положения об учреждении социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий», Приказа Минсоцзащиты РФ от 25.01.1994 № 10 «О домах ночного пребывания».

2. Создание учреждений в большей степени было ориентировано на организацию домов ночного пребывания, на конец 1997 г. функционировало 45 учреждений, из них дома ночного пребывания – 24, социальные приюты – 4, социальные гостиницы – 8, центры социальной адаптации – 9. По мере накопления опыта работы с бездомными гражданами, утверждения стандарта акцент смещается в пользу организации центров социальной адаптации, как наиболее эффективной формы работы с бездомными, поскольку она позволяет предоставлять бездомным более широкий спектр услуг. Появилась возможность расширить штатное расписание и ввести дополнительные ставки (психологов и юристов, врачей). Однако не везде это удается сделать по причине дефицита бюджета, поскольку финансирование данного направления работы формируется по остаточному принципу.

К началу 2015 г. число центров социальной адаптации выросло в 6.5 раза (по отношению к концу 1997 г.) и составило 61 учреждение. В то же время число домов ночного пребывания увеличилось в 1.3 раза и составило 32 учреждения.

3. Количество обратившихся в учреждения граждан за период 1997–2014 гг. увеличилось в 2.2 раза – с 60995 чел. до 132043 чел. В различные годы наблюдался как рост, так и спад количества обратившихся в учреждения граждан. Динамика численности обратившихся в учреждения социальной помощи граждан приведена на рисунке.

Минимальное количество обратившихся в учреждения было зафиксировано в 2000 г. и составило 48378 чел., количество обратившихся снизилось на 7580 чел., или на 13.5% (к 1999 г.), в тот же период сократилось и количество койко-мест – на 993 места (17.5%) и составило 4673 места.

Максимальный относительный прирост обратившихся в учреждения был зафиксирован в 2003 г. Количество обратившихся увеличилось на 36% к 2002 г. и составило 91551 чел. Увеличилось и количество койко-мест на 18.5% и составило 6229 мест.

В 2014 г. в учреждения обратилось 132043 чел., количество обратившихся возросло на 29177 чел. (28.4% к 2013 г.). Количество койко-мест сократилось к предыдущему периоду на 35 мест (0.4%) и составило 8232 места.

Из анализа статистических данных мы видим рост числа граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, свидетельствующий, что население медленно адаптируется к быстрым переменам последних лет. Растет и число нуждающихся в услугах, предоставляемых учреждениями социальной помощи, что говорит о необходимости расширения сети учреждений, а также разработки новых социальных технологий.

3. Особенности обслуживания бездомных граждан в Санкт-Петербурге

В Санкт-Петербурге действует двухуровневая система учреждений социального обслуживания населения городского и районного подчинения, оказывающих услуги бездомным гражданам. Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга осуществляет межведомственное взаимодействие и координацию деятельности по социальной адаптации бездомных граждан. В городе действуют межведомственная комиссия по проблемам профилактики бездомности, созданная при губернаторе Санкт-Петербурга, и

Таблица

Сведения об организациях, осуществляющих социальную помощь для лиц без определенного места жительства и занятий, за период 1997–2014 гг. (на конец года)

Годы / Наименование	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Всего учреждений	45	116	92	89	99	103	117	120	119
Дома ночного пребывания	24	28	25	36	38	36	43	35	35
Социальные приюты	4	5	2	11	14	13	10	8	8
Социальные гостиницы	8	15	10	19	21	24	21	21	21
Центры социальной адаптации	9	10	9	17	21	21	29	36	35
Другие учреждения	0	58	46	6	5	9	14	20	20
В них число мест	2782	5928	5666	4673	5187	5257	6229	6904	7060
Численность обслуженных в течение года, человек	60995	53902	55958	48378	57430	67171	91551	102964	94265
Годы / Наименование	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего учреждений	125	135	140	138	139	150	142	142	144
Дома ночного пребывания	35	41	45	37	34	38	33	33	32
Социальные приюты	6	8	7	8	8	8	6	6	8
Социальные гостиницы	18	13	11	8	7	8	7	5	6
Центры социальной адаптации	41	43	45	53	57	66	66	64	61
Другие учреждения	25	30	32	32	33	30	30	34	37
В них число мест	7225	7842	7902	7738	7836	8229	8497	8267	8232
Численность обслуженных в течение года, человек	99362	101111	95474	88222	103753	93463	103165	102866	132043

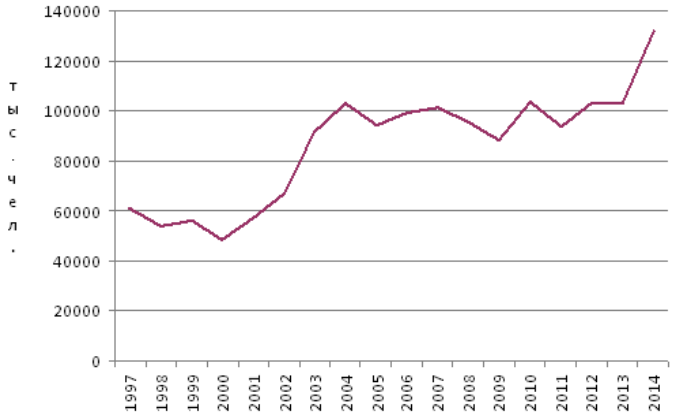

Рис. Динамика численности обслуженных граждан в учреждениях социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий за 1997–2014 гг.

аналогичные комиссии в административных районах Санкт-Петербурга. На конкурсной основе предоставляются субсидии некоммерческим организациям, реализующим программы по оказанию услуг бездомным гражданам, за счет средств бюджета Санкт-Петербурга [15].

Городские учреждения, подведомственные Комитету по социальной политике Санкт-Петербурга:

– СПб ГКУ «Городской пункт учета граждан Российской Федерации без определенного места жительства». Основными целями деятельности являются: создание условий для соблюдения конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации без определенного места жительства, находящихся на территории Санкт-Петербурга и имевших последнее место жительства в Санкт-Петербурге (Ленинграде), а

также содействие гражданам в реализации их прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации и международными договорами [16].

Всем гражданам, поставленным на учет в городском пункте учета, одновременно со справкой о постановке на учет выдается полис обязательного медицинского страхования, оказывается содействие в восстановлении утраченных документов, оформлении (при необходимости) пенсии и инвалидности, предоставляются правовая информация и консультационные услуги. По состоянию на 19.02.2015 г. на учете в городском пункте учета состояли 2317 бездомных граждан, из них 843 пенсионера (имеющих инвалидность – 496 чел.), 1257 граждан трудоспособного возраста, 217 несовершеннолетних [15].

– СПб ГБУСО «Центр социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы» на 125 мест. Основной задачей центра является предоставление временного (до 6 месяцев) места жительства гражданам, освобожденным из мест лишения свободы, и осуществление мероприятий по их социальной адаптации к условиям жизни в обществе: оказание первичной медицинской помощи, содействие в получении или восстановлении документов, оформлении пенсии и инвалидности, а также содействие в восстановлении трудовых навыков, приобретении специальности и в трудоустройстве [15].

– СПб ГБУ «Специнтернат для инвалидов и граждан пенсионного возраста, освобожденных из мест лишения свободы» на 54 места.

В специальный дом-интернат для престарелых и инвалидов принимаются для постоянного проживания граждане пожилого возраста (женщины старше 55 лет, мужчины старше 60 лет) и инвалиды I и II группы старше 18 лет, частично или полностью утратившие способность к самообслуживанию и нуждающиеся в постоянном постороннем уходе, из числа лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, а также граждане пожилого возраста и инвалиды, ранее судимые или неоднократно привлекавшиеся к административной ответственности за нарушение общественного порядка, занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством; систематически и грубо нарушающие правила внутреннего распорядка в учреждениях общего типа [17]. В 2014 г. 31 бездомный был размещен в стационарных учреждениях социального обслуживания (по медицинским показаниям) [15].

– Районные учреждения (отделения): отделения ночного пребывания для лиц без определенного места жительства на 279 мест: 13 домов ночного пребывания, являющихся структурными подразделениями комплексных центров социального обслуживания населения районов Санкт-Петербурга, и СПб ГКУ «Кронштадтский дом ночного пребывания» [15].

В домах ночного пребывания бездомным гражданам помимо ночлега предоставляются услуги по содействию в восстановлении документов, удостоверяющих личность, оформлении пенсии и инвалидности, восстановлении права на жилье, трудоустройстве, а также доврачебная медицинская помощь. На время нахождения на социальном обслуживании в домах ночного пребывания бездомным гражданам оформляется регистрация по месту пребывания. Срок регистрации по месту пребывания определяется по взаимному соглашению бездомного гражданина с администрацией дома ночного пребывания на основании заключаемого социального контракта. В 2014 г. по адресам домов ночного пребывания на период нахождения на обслуживании зарегистрировано 993 бездомных гражданина. В 2014 г. услуги ночлега в домах ночного пребывания предоставлены 1191 бездомному гражданину [15].

При финансовой поддержке бюджета Санкт-Петербурга (субсидии на конкурсной основе в 2014 г. составили 4850.0 тыс. руб.) некоммерческими организациями реализованы программы [15]:

– «Пункты обогрева», в которых бездомным гражданам предоставляется ночной приют, набор горячего питания для ускоренного согревания, первичная медицинская помощь, консультирование по социальным и правовым вопросам; в 2015 г. в 2 «пунктах обогрева» переночевали 456 чел. около 5 тысяч раз [18].

– «Ночной автобус»: на 4 стоянках «ночного автобуса» бездомным гражданам предоставляется горячее питание, первичная медицинская помощь, консультирование по социальным вопросам; в 2015 г. за один вечер автобус обслуживал в разное время года 150–200 человек [18].

– «Транзит», т.е. доставка иногородних бездомных граждан, находящихся на территории Санкт-Петербурга, в другие регионы Российской Федерации по адресу последней регистрации по месту жительства. Всего с 2009 по 2014 г. при поддержке Комитета возвратилось к прежнему месту жительства более 900 чел., что равно примерно 150 чел. в год [15]. К сожалению, их возвращение не означает продвижения в социальной адаптации. Зачастую они продолжают вести бездомный образ жизни, но в другом субъекте РФ. Органы социальной защиты оповещаются о направлении гражданина к месту его регистрации (проживания). В лучшем случае гражданин по прибытии обращается в

органы социальной защиты населения, где ему предоставляется стандартный набор услуг, но, как показывает практика, многие возвращаются обратно.

Организовано питание бездомных граждан в благотворительной столовой.

Всего в 2014 г. в учреждения социального обслуживания населения Санкт-Петербурга городского и районного уровней обратилось более 4 тыс. бездомных граждан, которым оказано более 160 тыс. различных социальных услуг [15].

Комитетом по труду и занятости населения Санкт-Петербурга организуются ярмарки вакансий рабочих мест для жителей, испытывающих трудности в поиске работы, в том числе лиц, освобожденных из мест лишения свободы, условно осужденных, а также бездомных граждан. Целью мероприятия является оказание содействия в трудоустройстве указанной категории граждан, привлечение работодателей к сотрудничеству, получение полной информации о рынке труда и о предприятиях, испытывающих потребность в работниках. На ярмарке вакансий граждан информируют о вакансиях, консультируют по вопросам занятости и организационно-правовым вопросам.

Работодатели отмечают отсутствие у бездомных граждан мотивации в трудоустройстве и нежелание менять свой образ жизни, к которому они успели адаптироваться, проживая на улице, что может свидетельствовать о неуспешной адаптации бездомных, а также необходимости в проведении дополнительных мероприятий по их ресоциализации.

Если проанализировать практику других регионов, то ситуация с предоставлением социальных и других видов услуг бездомным гражданам осуществляется не в полной мере. Строительство и ввод в действие учреждений социальной помощи бездомным гражданам постоянно переносится на более поздние сроки. По состоянию на конец 2011 г. [2] в 16 субъектах РФ отсутствовали государственные учреждения социальной помощи бездомным гражданам.

К сожалению, исследования разных лет показывают, что применяемые в России социальные технологии не обеспечивают эффективного использования даже тех незначительных средств, которые выделяются на помощь бездомным, не обеспечивают их ресоциализацию и адаптацию в обществе [4, с. 33; 12].

Выводы

По мнению автора, для проведения успешной социальной адаптации бездомных граждан необходимо:

1. Проведение анализа предоставляемых учреждением услуг. Выявление потребности в расширении перечня предоставляемых услуг и необходимости введения дополнительных ставок в штатное расписание учреждения.
2. Расширение действующей сети учреждений.
3. Изменение технологии работы учреждений социальной помощи бездомным, смещение акцента на проведение социализирующих мероприятий, восстановление трудовых и профессиональных навыков.
4. Строительство или оборудование недорогих доходных домов для проживания трудоустроенных бездомных граждан, поскольку данная категория граждан, при прохождении успешной адаптации, может быть занята общественно полезной деятельностью, самостоятельно обеспечивать себя и продолжать включение в общество.
5. Повышение правовой грамотности населения.

Трудоустройство бездомных граждан имеет приоритетное значение в их социальной адаптации: во-первых, психологическое, – оно формирует позитивное субъективное чувство удовлетворения возвращением в социальный статус полноправного гражданина; во-вторых, социально-психологическое, – осознание того, что человек перестал быть иждивенцем общества; в-третьих, социально-экономическое, – осознание того, что человек становится участником производства общественных благ, самостоятельным и приносящим пользу другим людям.

Список литературы

1. Социальное обслуживание населения. «Типы учреждений социального обслуживания и социальные услуги лицам без определенного места жительства и занятий. ГОСТ Р 53064-2008» (утв. Приказом Ростехрегулирования от 18.12.2008 № 441-ст). Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». Послед. обновление 20.02.2016.

2. Социальное положение и уровень жизни населения России // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138698314188 (дата обращения: 15.02.2016).

3. Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения: Вестник Межрегиональной сети «За преодоление социальной исключенности». Вып. 1 / Сост. А. Варсопко, Е. Ринн. СПб., 2008. 144 с.

4. Григорьева И.А., Бородкина О.И., Молчанов А.А. Социальная работа с лицами без определенного места жительства: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 133 с.

5. Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. URL: http://sociolog.in.ua/view_book.php?id=1231 (дата обращения: 20.12.2015).

7. Вебер М. Избранные произведения. URL: http://royallib.com/book/veber_maks/izbrannie_proizvedeniya.html (дата обращения: 20.12.2015).

8. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/876/582/1217/2_2_1pars.pdf (дата обращения: 12.12.2015).

9. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/036/663/1216/015.MERTON.pdf// (дата обращения: 3.01.2016).

10. Балабанов А.С., Балабанова Е.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 34–43. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/412/829/1219/004-BALABANOV A.S.pdf (дата обращения: 24.02.2016).

11. Коваленко Е. Воронка бездомности и ограничение потенциальных возможностей // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 4. С. 519–533.

12. Об утверждении примерной номенклатуры организаций социального обслуживания (Приказ Минтруда России от 17.04.2014 № 258н). Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». Послед. обновление 20.02.2016.

13. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации (Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014)). Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». Послед. обновление 20.02.2016.

14. Об утверждении статистического инструментария для организации Минздравсоцразвития России федерального статистического наблюдения за деятельностью учреждений социальной защиты населения (приказ Росстата от 11.09.2009 № 196). Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». Послед. обновление 22.01.2016.

15. Социальная помощь лицам без определенного места жительства // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: http://gov.spb.ru/helper/social/bomz/ (дата обращения: 12.12.2015).

16. Официальный сайт СПб ГКУ «Городской пункт учета граждан Российской Федерации без определенного места жительства». URL: http://11.site.gov.spb.ru/o-nas/spravka-ob-uchrezhdenii/ (дата обращения: 25.02.2016).

17. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (постатейный) (Белянинова Ю.В., Гурина О.А., Захарова Н.А., Кузнецова О.В., Слесарев С.А.) (под ред. Э.Р. Курманова). Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». Послед. обновление 25.02.2016.

18. Сайт благотворительной организации «Ночлежка» ООО. URL: https://homeless.ru/ (дата обращения: 20.02.2016).

SOCIAL ADAPTATION OF HOMELESS PEOPLE IN THE SOCIAL SECURITY SYSTEM

N.N. Khvoin

St. Petersburg Committee on Labor and Employment

In this article, we examine the network of social care institutions for the homeless operating in Russia, the services provided by such institutions, as well as the normative legal acts regulating their work. Theoretical approaches to the issues of social adaptation and the system of social care for homeless people in St. Petersburg are considered in detail. We also present an analysis of statistical data of the Russian Ministry of Labor on organizations that provide social assistance to the homeless. Some further areas of work are proposed that will contribute to the successful re-socialization and reintegration of the homeless.

Keywords: homeless, homelessness, social adaptation, social services, adaptation mechanism, adaptation stage, night stay house, social hotel, center for social adaptation, social services, keeping a record of the homeless.

УДК 316

ИДЕНТИЧНОСТЬ САМОЗАНЯТЫХ ИНТЕРНЕТ-РАБОТНИКОВ

© 2017 г.

Т.М. Хусяинов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

timur@husyainov.ru

Статья поступила в редакцию 25.04.2016
Статья принята к публикации 06.02.2017

Активное развитие и совершенствование интернет-технологий привело к формированию новых организационных и институциональных структур во всех сферах жизни современного общества, возникают совершенно новые явления, одним из которых стала новая форма трудовых отношений – интернет-занятость. Интернет-занятость может проявляться как в качестве наёмного труда, так и в форме независимой профессиональной деятельности. Целью работы является определение особенностей категории занятых в сети Интернет, которые работают в форме наёмного труда и самозанятости. Каждая из этих форм трудовых отношений имеет свои специфические особенности. В качестве эмпирической базы выступают данные социологического исследования занятых в сети Интернет, проведённого в 2015 году (N=140). Выделяются основные различия между самозанятостью и наёмным трудом интернет-работников, определяются их основные характеристики. Самозанятые интернет-работники обладают значительным человеческим и социальным капиталом и высокой мотивацией.

Ключевые слова: интернет-занятость, фриланс, телеработа, самозанятость, удалённая работа, идентичность, интернет-взаимодействие, постиндустриальное общество, труд.

Проблема занятости населения является одной из фундаментальных в функционировании и развитии общества. Со второй половины XX века начинают проявляться заметные сдвиги в социально-экономической структуре общества, характеризующие переход от индустриального к постиндустриальному его типу. В настоящее время стандартная (типичная) занятость быстро утрачивает свою значимость и постепенно сменяется новыми атипичными формами и видами труда. Вместе с тем можно отметить, что исследователи характеризуют именно современное общество как «Общество труда» [1]. Ранее труд ассоциировался со средством для выживания, данностью, с которой приходится мириться. Теперь трудовая деятельность становится основной сферой жизни человека. Занятость и профессия превращаются в главные факторы самоидентификации, формируя особый менталитет.

В то время как в индустриальной экономике была распространена коллективная организация труда, характеризующаяся иерархической вертикалью и часто связанная с крупномасштабным производством, то теперь всё большее распространение получает индивидуальный труд, с высокой степенью децентрализации и сетевым взаимодействием. В этих условиях сотрудники имеют персональные обязанности и получают личные задания, что делает трудовые отношения более индивидуальными, ставя их в прямую зависимость от потенциального вклада каждого работника, а также его качеств (профессионализма и опыта) [2, с. 116]. Другая важная черта, связанная с индивидуализацией, – повышение мобильности каждого конкретного работника, его умение и возможности сменить место работы не только территориально, но и профессионально – перейти из одной сферы в другую, использовать навыки из смежных специальностей. Что несомненно важно, в новой экономике знаний, где именно знания и информация являются новым сверхценным ресурсом, работник, обладающий наибольшим «капиталом», включающим опыт, знания, навыки, будет в наибольшей степени востребован. «Человек организации» постепенно вытесняется с рынка труда независимыми профессионалами [3; 4]. По мнению М.С. Токсанбаевой, самозанятость становится подлинной альтернативой наёмному труду, который постепенно утрачивает свою значимость, что на фоне проблемы отчуждения труда ведёт к усилению позиций самозанятости [5].

Самозанятыми считаются все те, кто занимается предпринимательской деятельностью, однако среди них можно выделить предпринимателей и собственно самозанятых. К первой группе можно отнести тех, кто использует наёмный труд на постоянной основе и обладает возможностью создавать безвозмездно изымаемую прибавочную стоимость от реализуемой деятельности, распределяя полученные доходы внутри рабочего коллектива.

Самозанятость приобретает особую актуальность в условиях ограничения спроса на наёмный труд, так как позволяет сбалансировать рынок труда. Насыщение рынка труда рабочей силой определённых профессий или в целом его перенасыщенность могут оказать влияние на формирование новых самозанятых, для которых это единственный способ преодолеть безработицу [6]. Для других же это возможность реализовать себя в профессиональной сфере, проявив большую свободу действий.

Сегодня мир переживает бурный процесс развития и распространения информационных и компьютерных технологий, что активно способствует изменениям в социально-трудовой структуре общества, что в заметной степени характеризуется формированием большого количества абсолютно новых, ранее неизвестных профессий и видов деятельности, снижением объёмов однотипного производства (процесс дестандартизации [7, с. 256]), дестандартизацией рабочих мест, повышением флексибильности (гибкости) и децентрализации современного рынка труда. Сами социально-трудовые отношения переживают существенные изменения, постепенно размываются нормативные представления о трудовой биографии [8], а старые формы труда признаются все менее и менее выгодными и продуктивными.

Активное внедрение и развитие интернет-технологий привело к формированию новой глобальной социально-экономической среды и возникновению новых организационных и институциональных структур во всех сферах общества; в этих условиях традиционные процессы начинают проявлять себя по-новому, а также возникают совершенно новые явления, одним из которых стала новая форма трудовых отношений – интернет-занятость [9]. Теперь нередко компьютеры могут выполнять работу за людей, причем намного быстрее и лучше, а роботы могут заменить человека при выполнении опасных или физически тяжёлых работ.

Интернет-занятость может быть охарактеризована как форма трудовой деятельности, которая раньше выполнялась на производственном рабочем месте, а теперь с развитием Интернета стала возможна как надомная, или мобильная, и выполняется по гибкому графику в зависимости от выбора интернет-работника, кроме случаев, когда условия труда оговорены в трудовом соглашении. В рамках интернет-занятости человек имеет возможность в большей степени реализовать свою свободу, так как теперь не ограничен формальными барьерами в виде границ между государствами и имеет возможность вступать в трудовые отношения с работодателем находясь в любой точке земного шара. В ходе подбора удалённого сотрудника работодатели в меньшей степени ориентируются на его пол, возраст, образование, для них главный показатель – наличие необходимых навыков и возможность их подтвердить, например, представив портфолио прежних работ.

В зарубежной научной литературе термин «интернет-занятость» имеет свой, схожий по значению, аналог – «телеработа», предложенный американским ученым Дж. Ниллесом в 1973 г. Под руководством этого исследователя в 1970-е гг. был проведён ряд экспериментов, результаты которых продемонстрировали преимущество надомной формы труда с использованием информационных технологий над обычной офисной работой [10]. В результате проведённых экспериментов телеработа стала рассматриваться как серьёзная альтернатива стандартной занятости. Развитие и распространение интернет-занятости могло стать решением целого ряда социально-экономических проблем, существующих в современном обществе, например, таких, как оптимизация и повышение эффективности рабочего процесса, решение транспортных и экологических проблем в современных городах.

По результатам первых исследований были организованы новые масштабные проекты при финансировании Национального фонда науки США, целью которых стало изучение и последующее внедрение удалённой занятости. Впоследствии успешной реализации этих проектов удалось не только позитивно повлиять на решение транспортных и экологических проблем, но и обеспечить работой население удаленных и экономически депрессивных регионов, а также людей, испытывающих проблемы с трудоустройством (например, лица с ограниченными возможностями здоровья, находящиеся в декретном отпуске и др.).

Особое влияние на популяризацию в мире идей новой формы занятости имела книга американского исследователя Э. Тоффлера под названием «Третья Волна», где он обосновывал мысль, что благодаря активному развитию информационно-коммуникативных технологий миллионы людей во всем мире смогут перейти со своих рабочих мест на заводах и в офисах на более удобные и комфортные, например в домашних условиях. Подобные структурные изменения – один из элементов формирующейся «Третьей Волны» – третьей стадии в развитии общества, а сама «Волна», в концепции Тоффлера, это заметный рывок в науке и технике, который приводит к значительным сдвигам во всех сферах жизни общества, в данном случае

им характеризуется переход к постиндустриальному типу общества [8].

Интернет-занятость может проявляться как в качестве наёмного труда, так и в форме независимой профессиональной деятельности. Если в традиционных формах трудовой деятельности самозанятых отличает от наемных работников отношение к владению средствами производства и принятию управленческих решений и существенно более высокая степень производственного риска при независимой трудовой деятельности, то в условиях развития интернет-занятости в большинстве случаев наёмный работник, как и самозанятый, использует личную технику и собственную точку доступа к сети Интернет, а также личные профессиональные навыки, то есть обладает основными средствами производства. В данном случае лишь принятие основных управленческих решений и наличие более высоких рисков отличают самозанятых от наёмных работников в сфере интернет-занятости.

В период с марта по апрель 2015 г. автором статьи было проведено социологическое исследование среди интернет-работников. Исследование было осуществлено методом онлайн-анкетирования. В нем приняли участие 140 работников, которые частично или полностью заняты в сети Интернет. Среди опрошенных были респонденты различного возраста (от 16 до 59 лет), имеющие разный уровень образования (61.2% из них с высшим образованием) и проживающие в различных населённых пунктах России. В ходе данного исследования выявлялись различные особенности в деятельности интернет-работников.

Согласно полученным в ходе исследования данным, можно сказать, что наиболее распространённый вариант взаимодействия в сфере интернет-труда – постоянная работа с несколькими компаниями или заказчиками, при этом не исключены варианты поиска сторонних временных заказов и постоянная самозанятость, которая выражается в поиске новых заказов после выполнения прежних (табл.).

Столь высокий процент работников (44.6%), которые постоянно удалённо работают на одних и тех же работодателей, вероятно, связан с тем, что в условиях относительной анонимности в сети Интернет и недоверия со стороны работодателей единственным бесспорным критерием для повторного найма является наличие успешного совместного опыта работы между нанимаемым интернет-работником и компанией-работодателем. С позиции самого работника, постоянная работа с одними и теми же организациями более выгодна и позволяет снизить риски и состояние неопределённости, с которыми связан поиск новых заказов.

Второй по частоте ответ – «Нахожу отдельные заказы и после их выполнения приступаю к поиску новых» (34.5%) демонстрирует состояние постоянной самозанятости респондентов. Данная форма трудовых отношений в современной литературе называется «фриланс», или «электронный фриланс». Она является менее стабильной, но существенно более гибкой, работник получает больше возможностей управлять своим графиком, выбирать более интересные для него проекты и заказы, а также самосовершенствоваться, что особенно важно в условиях высокой конкуренции на рынке интернет-труда. Однако в данных условиях он с большей вероятностью сталкивается с социально-экономическими рисками, свойственными интернет-занятости [11]: отсутствие заказов, обман со стороны заказчика, вынужденная сверхзанятость, а как следствие и развитие социально-психологических и социально-медицинских проблем.

Лишь 10.8% респондентов ответили, что работают на постоянной основе в организации, при этом только 20% от их числа имеют трудовой договор, остальные заключали с работодателем гражданско-правовые договоры или не заключали их вовсе. Невысокий процент интернет-работников, работающих на условиях наёмного труда, может быть связан с целым рядом факторов: немногие компании заинтересованы в постоянных удалённых сотрудниках; желание самого работника, синтезируя несколько разных заказов, проектов, работ, получить наибольшую материальную выгоду и удовольствие от самой деятельности.

Кроме того, как отмечали респонденты в варианте ответа «Другое», данная форма занятости для них – переходный вариант, пока не найдут постоянную работу. Удалось выделить небольшую группу тех, кто работает посредством сети Интернет временно, в период своей болезни.

Стоит также отметить ответы на вопрос: «Насколько важным источником доходов является для Вас занятость в сети Интернет?» Для 76.3% респондентов данный способ получения дохода является основным, в то время как для остальных дополнительным, а в редких случаях – просто хобби. Таким образом, интернет-занятость может восприниматься сегодня в качестве основного источника трудовых доходов, которая способна принести реальный доход, однако далеко не каждый работник готов полностью перейти на интернет-занятость.

При этом те, кто работают на основании постоянных связей с организациями (одной или несколькими), в большей степени отмечают важность доходов от интернет-занятости. Так, для 93.3% работающих на основании постоянного найма в одной компании и для 85.5% работающих параллельно с несколькими организациями это является основной статьёй дохода.

Таблица

Распространённость самозанятости и наёмного труда среди занятых в сети Интернет

Варианты занятости	Распространённость, %
Постоянная удалённая работа с одной компанией с зачислением в её штат	10.8
Постоянно удалённо работаю с несколькими компаниями, при этом не числюсь в штате ни одной из них	44.6
Нахожу отдельные заказы и после их выполнения приступаю к поиску новых	34.5
Являюсь интернет-предпринимателем	8.6
Работаю в сети Интернет только во время болезни	0.7
Другое	0.7

Среди тех, кто работает с отдельными заказами, только 58.3% оценивают такой доход как основной, остальные же воспринимают его только как дополнительный. Соответственно, мы можем предположить, что более половины тех, кто работает в формате самозанятости посредством сети Интернет, делают это для получения дополнительных доходов. Они пока не перешли на полную самозанятость и совмещают данный доход с каким-либо основным, например работой на постоянной основе (и в стандартном формате – на рабочем месте, определённом работодателем).

В ходе исследования было выявлено, что среди занятых в сети Интернет достаточно велик процент самозанятых – существенно выше, чем число тех, кто работает на постоянной основе в одной компании, но ниже доли тех, кто работает одновременно на нескольких нанимателей, что, по всей видимости, связано с большей мобильностью интернет-работников, желанием преодолеть барьеры традиционной занятости, но и с нежеланием сталкиваться с дополнительными рисками.

Самозанятые интернет-работники (так называемые электронные фрилансеры) являются категорией независимых профессионалов, которые обладают значительным человеческим и социальным капиталом и высокой мотивацией. В этом отношении они являются важными субъектами модернизации российской экономики, а возможности использования Интернета в ходе независимой профессиональной деятельности открывают широкие перспективы для внутренней и внешней свободы личности.

Список литературы

1. Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 44–54.

2. Кулаев А.М. Инновационные формы занятости на рынке труда // Молодежь и наука XXI века: экономика и управление в сфере услуг: Сборник научных статей по итогам I Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов (23–26 апреля 2012 г.). Том I. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2012. С. 115–118.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

4. Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб., 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://corp.delovoimir.kz/books/Vremya_bezrassudstva.pdf (дата обращения: 10.04.2016).

5. Токсанбаева М.С. Самозанятость и её противоречия // Экономическая наука современной России. 1998. № 3. С. 32–45.

6. Falco P., Haywood L. Enterpreneurship versus Joblessness: Explaning the Rise in Self-Employment // Discussion Papers. 2013. №1334. Berlin: German Institute for Economic Research, 2013. 57 p.

7. Стрелец И.А. Рынок труда в условиях распространения новых технологий // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2011. Т. 3. Вып. 2 . С. 265–269 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.econ.msu.ru/ext/lib/Category/x0c/xec/3308/file/10_Streletc.pdf (дата обращения: 10.04.2016).

8. Тоффлер Э. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 250–275.

9. Хусяинов Т.М. Причины добровольного перехода сотрудников на занятость в сети Интернет (на примере Нижегородской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1 (2). С. 468–473.

10. Bailey D.E., Kurland N.B. A Review of Telework Research: Findings, New Directions, and Lessons for the Study of Modern Work // Journal of Organizational Behavior. 2002. V. 23. P. 383–400 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/job.144/pdf (дата обращения: 10.04.2016).

11. Khusyainov T.M. Economic Risks of Internet-Employment as a Cause of Social and Psychological Problems // Conference: Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia / Editor-in-Chief V. Mansurov. Moscow, 2015. P. 299–301. DOI: 10.13140/RG.2.1.1777.0726.

IDENTITY OF SELF-EMPLOYED E-WORKERS

T.M. Khusyainov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Active development and improvement of Internet technologies has resulted in the creation of new organizational and institutional structures in all areas of society. Some absolutely new phenomena emerge, including a new form of employment relationship, online employment. Online employment can be both a wage labor and an independent professional work. The aim of this paper is to determine the characteristics of the category of online workers who are employed in the form of wage labor and self-employment. Each of these forms of labor relations has its own specific features. The empirical basis for this study is provided by the data of a sociological research of online workers conducted in 2015 ($N = 140$). In this work, the author identifies the main differences between self-employment and wage labor of online workers and defines their essential characteristics. Self-employed online workers have a significant human and social capital and are highly motivated.

Keywords: online employment, freelancing, telecommuting, self-employment, remote work, identity, online interaction, post-industrial society, labor.

УДК 316.35+159.9

ЦЕННОСТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СКОРОЙ ПОМОЩИ)

© 2017 г.

А.П. Козлов, А.И. Махалин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

accord-stroy@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.07.2016
Статья принята к публикации 06.02.2017

Представлены результаты эмпирического исследования клиентоориентированности в медицинских организациях скорой помощи. Дано определение клиентоориентированности как ключевого фактора создания конкурентных преимуществ. Показано, что организационная культура является важным ценностно-мотивационным ресурсом организации. Проведена оценка актуального и предпочтительного состояния типов организационной культуры, диагностика клиентоориентированности персонала и компании в медицинских организациях с государственной и частной формами собственности. Раскрыто влияние кланового компонента организационной культуры, который в сочетании с приоритетным рыночным обеспечивает включение клиента в ценностное поле организации. Следствием этого является более полное удовлетворение потребностей клиента в безопасности, принятии, уважении.

Ключевые слова: клиентоориентированность компании, клиентоориентированность персонала, организационные ценности, организационная культура, ценностно-мотивационная регуляция, медицинский персонал, скорая медицинская помощь.

В настоящее время в условиях глобализации бизнеса, роста масштабов и разнообразия конкуренции, значительного повышения требований потребителя и других конкурентных вызовов компании ищут новые пути создания и сохранения конкурентных преимуществ. Ключевым фактором дифференциации становится уровень обслуживания клиентов, который в большей степени по сравнению с остальными конкурентными преимуществами защищён от копирования конкурентами. Сбор, анализ, интенсивное использование знаний о клиентах для наращивания способностей «чувствовать рынок» и ориентация на клиента остаются критическими инструментами создания конкурентных преимуществ [1, с. 33–34]. Стремление организаций создать позитивный имидж, сохранить и увеличить клиентскую базу в условиях жесткой конкурентной борьбы заставляет их фокусировать свое внимание на взаимоотношениях с клиентами. Многочисленные исследования показывают: организации становятся успешными, когда направляют усилия на установление и развитие взаимоотношений с клиентами, удовлетворение их интересов и потребностей [2, с. 13].

Развитие любого современного бизнеса основывается на принципиально важной социально-психологической составляющей – удовлетворении потребностей потребителей, поэтому современный менеджмент создаёт соответствующие стратегии управления бизнесом. Это, в частности, стратегия и связанные с ней технологии клиентоориентированной организации [3, с. 388–389]. Такие стратегии изменяют подход к ведению бизнеса, поскольку критерием эффективности является создание для клиента большей ценности. А это, в свою очередь, приводит к получению дополнительной прибыли.

Термин «клиентоориентированность» (КО) подразумевает политику организации, осознающей, что в центре её деятельности стоит клиент. В рамках этой политики поведение персонала и его способность выстраивать долгосрочные эффективные отношения с клиентами рассматриваются в числе главных факторов, определяющих уровень качества услуг. Клиентоориентированная стратегия осуществляется за счёт мотивации, паттернов поведения и личностных характеристик. Перед клиентоориентированными организациями возникает важнейшая задача оценки и развития требуемых мотивационных, деловых, личностных характеристик и моделей поведения сотрудников [4, с. 72].

Многозначность форм ориентации на клиента и связанное с этим многообразие подходов к определению данного феномена проявляются как в практике бизнеса, так и в исследовательских проектах. Существующие подходы к трактовке КО и соответствующие им определения проанализированы А.Г. Рожковым, В.А. Ребязиной и М.М. Смирновой [1]: поведенческие

(Saxe, Weits, 1982; Henning-Thurau, 2004), ценностные (Peters, Waterman, 1982; Narver, Slater, 1990; Deshpande, Farley, Webster, 1993), принятия решений (Shapiro, 1988), процессные (Kohli, Jaworski, 1990; Deshpande, Farley, 1998), стратегические (Ruekert, 1992; Ламбен, 2007).

Исходя из анализа сторонников клиентоориентированного подхода [1–3] можно сделать вывод, что такой подход – целостная система взглядов и методов управления, позволяющих организации устанавливать, поддерживать и развивать взаимоотношения с клиентами, что приводит её к необходимому результату – сохранению конкурентных преимуществ и получению дополнительной прибыли.

Определяя в качестве целевого результата клиентоориентированности создание дополнительной ценности, исследователи не случайно выделили те механизмы и процессы, из которых складывается итоговая ориентация на клиента. Ими являются, в частности, ценностные установки, обеспечивающие более внимательное отношение сотрудников к потребностям клиентов (Peters, Waterman, 1982); более высокий приоритет интересов клиентов по сравнению с другими группами стейкхолдеров (Deshpande, Farley, Webster, 1993); организационная культура, в рамках которой сотрудники ориентированы на понимание текущих и перспективных целей и задач клиента, достаточных для устойчивого создания клиентской ценности (Narver, Slater, 1990).

Очевидно, что для успешного внедрения подхода, направленного на клиента, необходимо провести взаимосвязанные организационные преобразования, включающие изменение структуры компании, пересмотр её бизнес-процессов. Наряду с организационными преобразованиями, первостепенное влияние на эффективность клиентоориентированного подхода оказывает организационная культура [5]. Рост внимания к организационной культуре со стороны менеджеров начался с 1980-х гг., когда усилилась неустойчивость внешней среды, часто требовавшей новых ценностей и предпочтений. Организационная культура (ОК) – это набор базовых ценностей, убеждений, негласных соглашений, норм, разделяемых всеми членами организации. Концепция культуры помогает менеджерам понять скрытые аспекты организационной жизни. Это своего рода система общих ценностей и предпочтений, что и как делается в фирме, она познаётся менеджерами и другими сотрудниками организации по мере того, как им приходится сталкиваться с внешними и внутренними проблемами. Осознание культурных традиций позволяет новым членам организации правильно мыслить, чувствовать, понимать происходящее вокруг них [6, с. 98].

Л.Н. Захарова определяет ОК как систему ценностей, идей, обычаев, распространённых в организации, которые, взаимодействуя с формальной структурой, формируют нормы поведения, общения, деловые качества людей [3, с. 389]. Чтобы организацию можно было с уверенностью назвать клиентоориентированной, это должно проявляться не только на отдельных локальных уровнях (например, на уровне служб маркетинга, продаж), но и пронизывать всю организационную систему, становясь базовым принципом её функционирования и развития, ценностной доминантой организационной культуры. Организационная культура представляет собой ту среду, в которой существует работник, своеобразное ценностное поле. Существующие в фирме политика и процедуры, система вознаграждений формируют типы поведения и установки, которые необходимы для достижения целей организации. ОК должна способствовать достижению целей компании. Если цель – обеспечение клиентоориентированности, то ОК должна поощрять такое поведение, которое ставит интересы клиента превыше всего.

Значимость ОК в современной практике менеджмента можно раскрыть через функции, которые она выполняет в управлении организацией. Основными функциями ОК являются:

1. Интегрирующая функция. Единая система ценностей позволяет каждому ощутить себя частью единого целого и определить свою роль и ответственность. Формирует чувство общности, имидж организации, сплачивает организацию;

2. Функция адаптации организации к внешней среде. Например, учет целей, интересов потребителей, отраженный в элементах культуры, способствует установлению более прочных взаимоотношений с клиентами. Организационная культура вырабатывает правила взаимоотношений с партнерами, предполагающие не юридическую, а моральную ответственность перед ними. Функцией организационной культуры является нахождение наиболее непротиворечивого сочетания корпоративных ценностей и ценностей внешней среды;

3. Регулирующая функция. Организационная культура включает в себя правила, которые указывают на то, как люди должны вести себя в процессе работы. Эти правила определяют способы действий в организации: последовательность совершения работ, характер рабочих контактов, формы обмена информацией. Таким образом задается однозначность и упорядоченность организационных процессов. Л.Н. Захарова и

Таблица 1

Характеристики актуального и предпочтительного состояния организационной культуры медицинских компаний

Организации	Типы организационной культуры											
	Клан			Адхократия			Рынок			Иерархия		
	А	П	*p* (*W*)	А	П	*p* (*W*)	А	П	*p* (*W*)	А	П	*p* (*W*)
МС	26.06	35.37	**	20.70	21.81	–	32.73	24.91	**	20.51	17.92	Т
СМП	27.55	39.07	**	18.98	20.09	–	20.79	21.62	–	32.69	19.21	**
p (*U*)	–	–		–	–		**	–		**	–	

В табл. 1: А – актуальное, П – предпочтительное состояние ОК; $p(W)$ – уровень значимости критерия Вилкоксона; ** $p(W) \leq 0.01$.

В табл. 1–2: $p\ (U)$ – уровень значимости критерия Манна–Уитни; ** $p(U) \leq 0.01$; Т – тенденция; тире означает, что различия статистически не значимы.

А.И. Примак отмечают, что «…в организационной жизни имеет место феномен, в котором находят специфическое воплощение уровни регуляции трудового поведения человека. Этот феномен – ОК» [3, с. 389].

Таким образом, практическое значение организационной культуры заключается в том, что она выполняет важные функции в управлении поведением персонала. По сути, она является одной из подсистем управления организацией, но весьма специфичной, поскольку незрима, слабо формализована и работниками часто осознается не полностью. Чем сильнее культура, тем более сильное влияние она оказывает на работу персонала.

Организационная культура – это один из важных ценностно-мотивационных ресурсов любой организации, в том числе и медицинской. Исследование типа ОК в организации, приверженности её ценностям персонала позволяет ответить на ряд вопросов о регуляции трудового поведения.

Теоретико-методологические основы данного исследования составили: концепция рыночной ориентации Д. Нэрвера и С. Слэйтера (см. [1]), идеи С.Л. Рубинштейна о детерминации деятельности [7], концепция и типология организационной культуры К. Камерона и Р. Куинна [8], теория ОК Э. Шейна [9], мотивационно-потребностная теория А. Маслоу [10].

В качестве эмпирической базы исследования выбраны две медицинские организации (МО) скорой помощи: скорая медицинская помощь (СМП) государственной формы собственности и «МедСервис» (МС) – частной. Респондентами стали 36 врачей и фельдшеров скорой медицинской помощи, в том числе государственной (СМП) – 18 человек и частной (МС) – 18 человек. Среди них женщин – 13, мужчин – 23; 11 врачей и 25 фельдшеров. Возраст сотрудников – от 21 года до 55 лет (средний возраст – 34.5 года), стаж медицинской работы – от 1 года до 26 лет (средний стаж – более 11 лет).

Методы исследования: метод экспертной оценки, метод глубинного интервью, опросник КоРа (клиентоориентированность работника) [11], шкала оценки ориентации компании на клиента MKTOR (Narver, Slater), метод диагностики организационной культуры К. Камерона и Р. Куинна, непараметрические методы математической статистики. Эти методы позволяют, опираясь на содержание конкретных вопросов, интерпретировать полученные показатели как удовлетворение определённых категорий потребностей клиентов по А. Маслоу.

Результаты и их анализ. Результаты исследования показывают статистически значимые различия в характеристиках актуального и предпочтительного состояния ОК медицинских компаний. Так, данные таблицы 1 свидетельствуют, что в актуальном состоянии для компании «МедСервис» с частной формой собственности характерна ОК рыночно-клановая, а для СМП с государственной формой собственности – иерархически-клановая.

В МС рыночный компонент ОК получил самое высокое значение. Организацию характеризует ориентация на результат. Чтобы успешно существовать в рыночной среде, акцент поставлен на конкурентные действия. В отношениях между работниками МС существует конкуренция – каждый стремится повысить свой рейтинг, который определяет ценность работника для организации. Должностные обязанности не так строго регламентированы, так как помощь не ограничена рамками стандартов. Организационная структура в СМП более формализована и ориентирована на соблюдение стандартов, инструкций и регламента, поэтому на первом месте у этой организации представлен иерархический тип ОК. Здесь существует жёсткая субординация. Обязанности строго регламентированы и прописаны. Главное в работе – соблюдать дисциплину и инструкции.

Вторым по выраженности в обеих компаниях стал клановый тип ОК. Интервью показывает, что при бюрократической ориентации клановая составляющая обеспечивает комфортность отношений для самого персонала, ввиду слабой конкуренции между работниками и от-

сутствия заинтересованности в клиентах. В СМП нет материальной мотивации, оплата труда не зависит от качества и количества обслуженных клиентов (повременно-премиальная система оплаты труда). Премии выплачиваются по итогам работы всей организации в целом, а не конкретного работника. Работа персонала ограничена рамками стандарта ОМС (обязательное медицинское страхование). Самостоятельность и инициатива врача по оказанию помощи сверх стандарта здесь не приветствуются.

В то же время при рыночной доминанте выраженность клановой составляющей может обеспечивать реальную заботу о клиенте. В ходе интервью выяснено, что зарплата в МС напрямую зависит как от количества обслуженных клиентов (сдельная система оплаты труда), так и от качества оказанной помощи. В МС рейтинг врача во многом определяют отзывы клиентов. Ценится как профессионализм, так и умение установить хорошие отношения с клиентами. Здесь врач не ограничен рамками стандартов ОМС: он более свободен в методах и схемах лечения, использовании лекарств. Кроме того, отсутствует ограничение по времени, отведённому на каждого пациента. Врач может уделить внимания пациенту столько, сколько нужно: подробно объяснить схему лечения (как принимать лекарства), проконсультировать по нескольким видам патологий. Это способствует лучшему излечению пациента и, следовательно, удовлетворению врача (потребность в самореализации по А. Маслоу).

Внимательное отношение к клиентам обеспечивается, помимо всего прочего, и снижением напряжённости, интенсивности труда медицинского персонала. Меньшее количество вызовов в платной скорой снижает уровень психофизиологической напряжённости трудового процесса. Вследствие этого и профессиональное выгорание сотрудников проявляется в меньшей степени.

Данные таблицы 1 также показывают, что персонал обеих организаций стремится к повышению клановой составляющей ОК (предпочтительное состояние). Причём стремление персонала МС к усилению клановой составляющей происходит за счёт снижения доли рыночной. Для менеджмента МС это может быть проблемой. Персоналу МС некомфортна рыночная конкурентная среда, и он предпочитает «семейные» отношения клановой. То есть происходит смещение акцента на внутренние взаимосвязи. Это может создать сложности в сохранении приоритета рыночных ценностей с фокусировкой ориентации на клиента. Задача менеджмента заключается в том, чтобы работник чувствовал себя комфортно в клиентоориентированной рыночно-клановой среде, а этого, судя по предпочтениям, не происходит.

В то же время персонал СМП также тяготеет к клановой среде, но стремление к ценностям отношений идёт за счёт уменьшения бюрократического компонента. Всё-таки персонал СМП хотел бы снизить структурированность и регламентированность рабочих процессов. Слишком много временных затрат по написанию «карты вызова скорой медицинской помощи» для проверки представителями страховых компаний, что является обязательным требованием в работе организации при оказании помощи по ОМС. Если карта вызова заполнена не по форме, то страховая компания может отклонить оплату и даже наложить штраф в размере до 200% от стоимости вызова.

Кроме того, работники обеих организаций предпочитают увеличить адхократический компонент и уменьшить иерархическую составляющую ОК. Такие данные свидетельствуют, что персонал готов уменьшить жёсткую регламентацию трудовых процессов в пользу самостоятельности и свободы в методах и схемах лечения. Всё это повышает удовлетворённость в самореализации работника.

Факт одинаковых предпочтений сотрудников в ценностных ориентациях можно объяснить тем, что практически и в той, и в другой организации работают одни и те же люди и неудивительно, что их ценностные предпочтения совпадают.

Характеристики клиентоориентированности персонала и организации представлены в таблице 2.

В МС потребности клиента удовлетворяются в большей степени, чем в СМП. Потребность в безопасности удовлетворяется за счёт склонности к планированию и самоорганизации в работе с клиентом (ПД), к самоанализу своей работы с клиентом с целью оценки как удачных, так и ошибочных действий (РД). Потребность в принятии удовлетворяется по причине готовности работника пренебречь житейскими проблемами ради эффективного взаимодействия с клиентом (ТЖТ), психологической готовности эффективно работать с клиентами, развивать соответствующие компетенции (КОП), чётко выраженных целей по повышению удовлетворённости клиентов (ЦПУ), прояснённых в ходе глубинного интервью с персоналом. Потребности в уважении, признании удовлетворяются за счёт установки, что желаниями клиента нельзя пренебрегать ради интересов компании (ОИК), конформистской стратегии работы с клиентом, выражающейся в стремлении подстроиться под

Таблица 2

Характеристики клиентоориентированности персонала и организации

Группы респондентов	КО работника							КО организации	
	ПД	КНФС	ДК	ТЖТ	РД	КОП	ОИК	ЦПУ	ИУУ
МС	10.56	17.44	20.17	16.89	18.94	81.83	36.72	4.17	4.00
СМП	5.22	12.28	23.22	10.28	15.56	63.50	28.61	3.33	2.39
$p(U)$	**	*	Т	**	Т	*	*	*	**

В табл. 2 и далее: ПД – планирование деятельности, КНФС – конформистская стратегия работы с клиентом, ДК – дистанцирование от клиента, ТЖТ – терпимость к житейским трудностям, РД – рефлексия деятельности, КОП – клиентоориентированная профессионализация, ОИК – ориентация на интересы клиента, ЦПУ – у нашей компании есть цели по повышению удовлетворённости клиентов, ИУУ – мы регулярно измеряем уровень удовлетворённости наших клиентов.
* $p(U) \leq 0.05$.

интересы клиента, угодить ему (КНФС), регулярности измерения уровня удовлетворённости клиентов (ИУУ), что также было прояснено глубинным интервью с персоналом. В то же время наличие психологических барьеров в процессе взаимодействия с клиентами (ДК) выше в СМП – свидетельство меньшей клиентоориентированности данной организации по сравнению с МС.

Характеристики клиентоориентированности компании показывают, что в МС более выражены показатели наличия целей по удовлетворённости клиентов, а также измерения уровня удовлетворённости клиентов. Эти вопросы были подробно раскрыты в глубинном интервью с персоналом исследуемых организаций. Интервью было проведено по месту работы респондентов. Время проведения – 1.5 часа. В организации МС интервьюировался врач (46 лет) со стажем работы в компании 3 года и общим стажем 19 лет. В СМП интервью было проведено также с врачом (47 лет), стаж работы которого в данной организации – 3 года и общий стаж – 20 лет.

Ответ на вопрос «У вашей компании есть цели по повышению удовлетворённости клиентов?» просили конкретизировать: «Какие конкретно цели?» В ходе интервью выяснилось, что конкретная цель – как можно лучше оказать медицинскую помощь, обслужить пациента максимально хорошо, чтобы он был доволен и обратился ещё раз, и при этом рекомендовал обращаться своим родственникам, друзьям, знакомым. Для поддержания этой идеи руководством МС проводится устный инструктаж для персонала, также у диспетчера на телефоне есть инструкция, как отвечать на звонки пациентов. Кроме этого в МС предусмотрена дополнительная мотивация персонала – материальное поощрение к зарплате, если от пациентов поступила благодарность за обслуживание в письменной или устной форме. В то же время за некачественное обслуживание в МС персонал получает административное наказание вплоть до увольнения. Если же пациент обратился повторно в течение семи дней, то ему предоставляется скидка в размере 10% на обслуживание, включая лечение и лекарства.

В платной скорой помощи (МС) есть способы повышения удовлетворённости клиентов: расширен перечень лекарств, медицинских манипуляций, не входящих в перечень ОМС. Введены такие услуги, как замена катетера, перевязки, капельницы, обработка ран, наложение гипса для нетранспортабельных больных на дому, УЗИ, снятие ЭКГ и выписка больничного листа на дому и другие услуги. Есть специальные программы «Личный врач», «Твоя медицинская карта» для пациентов. В СМП никаких особых программ и способов повышения удовлетворённости пациентов не установлено.

Вопрос «Мы регулярно измеряем уровень удовлетворённости наших клиентов» тоже был прояснён с персоналом медицинских организаций путём конкретизации: «Как измеряется уровень удовлетворённости ваших клиентов, какими способами?» Выяснилось, что в МС заведующая делает телефонный опрос пациентов примерно 2 раза в месяц или чаще при падении количества вызовов. Опрос проводится примерно по 10–12 вопросам. Примеры ключевых вопросов:

– как быстро приехала скорая?

– удовлетворены ли вы качеством медицинской помощи, оказанной вам?

– как вы оцениваете отношение к вам медработников?

– ваши пожелания: на что хотелось бы обратить внимание?

Кроме того, пациентов МС, которые являются постоянными клиентами, регулярно поздравляют с праздниками, юбилеями (данные копируются с паспорта) с пожеланиями здоровья. Форма поздравления – открытка или личный звонок для VIP-клиентов. В СМП измерение уровня удовлетворённости пациентов не практикуется.

Для получения дополнительных данных использовалась экспертная оценка, в которой сотрудники МО с 18-летним стажем работы провели сравнительную характеристику клиентоориен-

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа типов организационной культуры в актуальном состоянии и клиентоориентированности персонала и компании

Компоненты ОК	КО работника						КО организации		
	ПД	КНФС	КМПС	ТЖТ	КОП	ОИК	СЦК	ЦПУ	ИУУ
К	–.117	.014	.087	.038	–.049	.058	.123	.012	–.025
А	–.018	–.047	.059	–.050	.051	–.020	.463**	.262	.078
Р	.531**	.392*	.347*	.556**	.423*	.421*	.169	.516**	.618**
И	–.326	–.156	–.181	–.359*	–.244	–.179	–.359*	–.434**	–.421*

В табл. 3: К – клановый тип ОК, А – адхократический, Р – рыночный, И – иерархический, КМПС – компромиссная стратегия работы с клиентом, СЦК – мы стремимся создавать ценность для наших клиентов.

тированности организаций на основе оказываемых услуг. Всего сравнивалось 20 видов услуг, которые удовлетворяют определённые категории потребностей пациентов по А. Маслоу.

Потребность в безопасности пациентов удовлетворяется посредством оказания ряда медицинских услуг (наблюдение за пациентом после оказания помощи – кураторство; оказание наркологической помощи), а также за счет введения и соблюдения определенных стандартов (наличие узких специалистов – выезд специальной бригады по виду клиники; уровень квалификации персонала – фельдшер или врач; нормативы времени прибытия).

Удовлетворение потребности в принятии пациентов происходит за счёт таких услуг, как возможность сделать анализы на дому, получить совет по лечению, использованию лекарств.

Удовлетворение потребности в уважении пациентов проявляется в возможности вызвать врача к определённому времени, в затратах времени на пациента и индивидуальном подходе к каждому.

По результатам экспертной оценки, потребности пациентов по видам оказываемых услуг также лучше удовлетворяются в МО «МедСервис», а некоторые услуги вообще отсутствуют в СМП, так как не входят в стандарт ОМС (например, наркологическая помощь, кураторство и другие).

Специфика клиентоориентированного поведения персонала организаций с разной характеристикой ОК проявляется и при анализе корреляционных связей между особенностями типов ОК и уровнем клиентоориентированности персонала и компании (таблица 3).

Данный анализ делает ещё более чёткими различия между медицинскими организациями. Получены значимые положительные корреляционные связи рыночного компонента ОК с показателями клиентоориентированности. Это свидетельствует, что при усилении доли рыночного компонента ОК будет увеличиваться клиентоориентированность через планирование деятельности, за счет конформистской стратегии работы с клиентом, компромиссной стратегии работы с клиентом, терпимости к житейским трудностям, клиентоориентированной профессионализации, ориентации на интересы клиента, целей по повышению удовлетворённости клиентов, регулярности измерения уровня удовлетворённости клиентов. Это соответствует удовлетворению потребностей клиентов в безопасности, принятии, уважении. Обнаружена незначимая положительная корреляционная связь рыночного компонента со стремлением создавать ценность для клиентов (СЦК). В ходе глубинного интервью с медицинским персоналом организаций было выяснено, что они понимают этот вопрос как стремление сделать лечение пациента, обслуживание и консультацию более комфортно, профессионально, а также понять, чего хочет клиент, как максимально улучшить помощь в конкретной ситуации. Это можно интерпретировать как удовлетворение потребности клиента в принятии.

В то же время обнаружены отрицательные корреляционные связи иерархического компонента ОК с аналогичными показателями КО. Получены значимые отрицательные связи с терпимостью к житейским трудностям, стремлением создавать ценность для клиентов, целями по повышению удовлетворённости клиентов, регулярности измерения уровня удовлетворённости клиентов; незначимые отрицательные корреляционные связи с планированием деятельности, конформистской стратегией работы с клиентом, компромиссной стратегией работы с клиентом, клиентоориентированной профессионализацией и ориентацией на интересы клиента. Это говорит, что при увеличении доли значения иерархического компонента клиентоориентированность работников и компании будет соответственно уменьшаться.

Если в организации МС доля рыночного компонента выше, то это подтверждает и более высокую выраженность клиентоориентированности. В СМП, наоборот, наличие выраженного иерархического компонента подтверждает, что клиентоориентированность меньше.

Значимые корреляционные связи кланового компонента ОК с показателями клиентоориентированности не обнаружены. Объяснением

этого может служить то обстоятельство, что ценности кланового типа ОК акцентируются на внутреннем фокусе: важными являются внутренние отношения, моральный климат, сплочённость, общность работников. А клиентоориентированность предполагает смещение фокуса к ориентации на клиента, то есть внешнюю направленность. Такую внешнюю фокусировку может обеспечить приоритет ценностей рыночного типа ОК. Эти данные ещё раз подтверждают, что лишь связка ценностей рыночно-кланового типа способна сохранить ориентацию на клиента.

Зафиксирована одна значимая положительная корреляционная связь адхократического компонента ОК со стремлением создавать ценность для клиентов. Ценности инноваций в такой культуре вполне логично способствуют созданию ценностей для клиентов. Адхократического компонента больше в МС, и это говорит о большей самостоятельности врача в лечении пациента, более творческом подходе к оказанию помощи с учётом индивидуальных особенностей. Как отмечалось ранее, персонал МС не скован требованиями стандартов ОМС, нет проверяющих из страховых компаний.

Выводы

1. Исследование показало, что в медицинских организациях наблюдаются разные типы организационных культур: в компании «МедСервис» – рыночно-клановая, а в СМП – иерархически-клановая. Клановый компонент в этих связках выполняет различные функции. Его сочетание с приоритетным рыночным компонентом в компании «МедСервис» обеспечивает включение клиента в ценностное поле организации. Следствием этого является более полное удовлетворение потребностей клиента в безопасности, принятии, уважении.

2. Обнаружено стремление персонала обеих организаций к клановой организационной культуре, что говорит о приоритете внутренних взаимоотношений. В организации «МедСервис» это создаёт риск снижения клиентоориентированности, поддерживаемой рыночными ценностями с акцентом на внешних взаимосвязях и фокусом на клиенте.

Выявленные различия между актуальной и предпочтительной организационными культурами в компании «МедСервис» говорят о том, что для поддержания рыночно-клановых ценностей менеджменту необходимо помимо прямых административных методов управления активно использовать косвенные методы управления, задействовать регулирующую функцию организационной культуры. Этому могут способствовать дополнительные мотивационные факторы: большее вовлечение в бизнес, участие в принятии решений путём повышения уровня самостоятельности в деятельности, возможности дополнительной самореализации сотрудников.

Список литературы

1. Рожков А.Г., Ребязина В.А., Смирнова М.М. Ориентация компании на клиента: результаты эмпирической проверки на примере российского рынка // Российский журнал менеджмента. 2014. Т. 12. № 3. С. 33–58.

2. Шавровская М.Н. Клиентоориентированность персонала: формирование и оценка: Дис. … канд. экон. наук. Омск: Омский государственный университет им. Достоевского, 2011. 203 с.

3. Захарова Л.Н., Примак А.И. Бизнес заботы: организационная культура и социально-психологический потенциал развития предприятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 5(1). С. 388–395.

4. Апенько С.Н. Методологические основы оценки клиентоориентированности персонала организаций // Омский научный вестник. 2010. № 1 (85). С. 72–74.

5. Лосев С.В. Принципы построения клиентоориентированной организации // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 6 [Электронный ресурс]. URL: http://dis.ru/library/661/2120/ (дата обращения: 03.03.2016).

6. Дафт Р. Менеджмент: Пер. с англ. 10-е изд. СПб.: Питер, 2015. 656 с.

7. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.

8. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 320 с.

9. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. 336 с.

10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2014. 400 с.

11. Орлов А.В., Башук Е.Н., Хмелев Е.А. Тестовая диагностика клиентоориентированности персонала компаний // Четырнадцатая Международная научно-практическая конференция «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития». 25–28 ноября 2014 года: Материалы конференции. СПб.: Изд-во ИМЦ «НВШ – СПб.», 2014. С. 128–130.

12. Козлов А.П. Ценностная регуляция клиентоориентированности (на примере медицинских учреждений скорой помощи) // Проблемы современной психологии глазами студентов: Сборник статей по материалам IV и V Межвузовских студенческих научно-практических конференций (май 2014 г., 2015 г.). Н. Новгород: Мининский университет, 2015. С. 259–261.

VALUE-BASED REGULATION OF CUSTOMER FOCUS
(A CASE STUDY OF EMERGENCY MEDICAL SERVICES)

A.P. Kozlov, A.I. Makhalin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The results of an empirical study of customer focus in emergency medical services are presented. Customer focus is defined as a key factor to creating competitive advantages. A comparative analysis is conducted of the types of organizational culture and customer focus in state-owned and private medical institutions. It is shown that the organizational culture is an important value-motivational resource of organizations. The clan culture, in conjunction with the dominant market culture, provides the inclusion of customers in the organization's value field. The consequence of this is a more complete satisfaction of the customer's needs for safety, acceptance, respect.

Keywords: customer focused company, customer focused staff, organizational values, organizational culture, value regulation of behavior, emergency medical services.

УДК 316.346.2

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ ИНЖЕНЕРОВ

© 2017 г.

Е.В. Кеммет

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

Elena.Kemmet@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 08.06.2016
Статья принята к публикации 06.02.2017

Анализируются зарубежные и отечественные исследования проблем, связанных с гендерными предрассудками и барьерами для женщин не только при вхождении их в сферу науки, технологии и инженерии, но, прежде всего, в повседневной практике инженерного и научного сообщества, на рабочих местах. Выявляются социальные факторы, как сглаживающие препятствия и потери для развития и продвижения женщин в сфере инженерного труда, так и способствующие их нарастанию. Авторский перевод и анализ исследований зарубежных авторов, как и участие в проведении исследования работающих женщин-инженеров ряда крупных региональных промышленных предприятий позволили сформулировать вывод, что причины маргинального положения женщины в современной индустрии существуют не только как традиция (техника – дело мужское), но поддерживаются и воспроизводятся повседневной практикой.

Ключевые слова: гендер, инженерия, наука, женщина-инженер, неравенство.

В поле гендерных исследований все чаще попадают процессы трансформации публичной сферы, такие как гендерная асимметрия на рынке труда, проблемы женского участия в области науки, технологии, инженерии и математики. Вопросами продвижения гендерного равенства, искоренения препятствий для женщин в областях STEM (наука, технология, инженерия и математика) активно занимается ЮНЕСКО. Области науки, техники и технологии являются ключевыми сферами устойчивого развития общества. В современном мире, где более 1 млрд человек живет в нищете (большинство из них женщины и дети), роль науки и технологии становится крайне важной для улучшения качества жизни и социально-экономической обстановки в мире. По данным ЮНЕСКО, ни в одном регионе мира доля женщин, участвующих в деятельности, связанной с наукой и технологией, не доходит и до трети доли мужчин, занятых в сфере науки и технологии [1].

Проблемы гендерного неравенства впервые возникают на стадии начального образования и воспитания в атмосфере сохраняющихся гендерных предрассудков: мальчики должны мастерить и конструировать, девочки заниматься рукоделием и кулинарией.

Две трети стран мира, по данным ЮНЕСКО, не обеспечивают равного доступа обоих полов к начальному, среднему и высшему образованию. В Бразилии женщины составляют менее 40% всех специалистов в области науки и техники. В Китае правительство недавно утвердило десятилетний план «Основы развития китайских женщин», конечная цель которого заключается в увеличение доли женщин в сфере STEM до 35%. В Греции существуют огромный гендерный разрыв в науке, и даже в области астрономии женщины составляют лишь 16% специалистов, хотя это сфера, где женщины обычно преобладают в мире. Лишь 11.6% женщин задействованы в области STEM в Японии [1].

Гендерная асимметрия сохраняется и в направлениях обучения STEM: женщины больше представлены в биологических науках, науках об окружающей среде, медицине, а в инженерных и в вычислительных областях в значительной степени преобладают мужчины.

Наиболее остро последствия сохраняющегося гендерного неравенства в инженерии ощущаются на рабочих местах. В сфере производства по-прежнему наблюдаются многочисленные случаи предвзятого отношения к женщине, что заставляет их испытывать дискомфорт при работе в отрасли.

Дискриминацию женщин в сфере науки и технологии западное и европейское общество называет «эффектом Матильды», в честь первой активистки, заговорившей об ущемлении женщин в науке, Матильды Джослин Гейдж [2].

Канадские ученые данный эффект подтвердили тем, что мужчин-ученых цитируют гораздо чаще, чем женщин. В период с 2008 по 2013 год на базе платформы Web of Science ими были проанализированы 679 338 инженерных статей и 974 837 авторов этих публикаций [3].

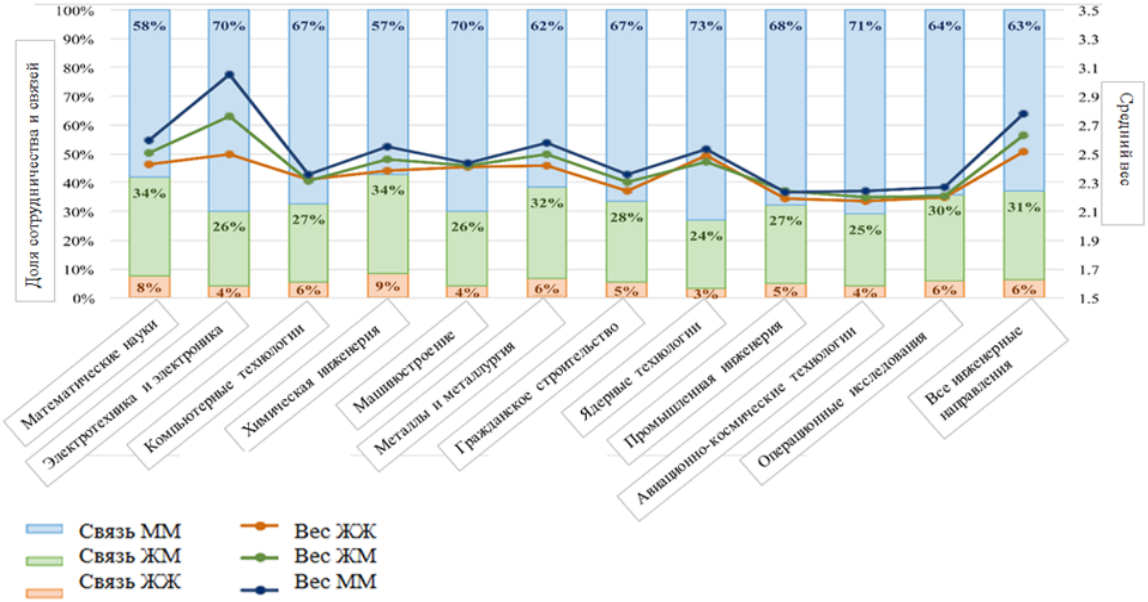

Рис. ЖЖ-, ЖМ- и ММ-сотрудничество по инженерным специальностям [3]

Всесторонний гендерный анализ инженерных публикаций, анализ результатов исследований и научного влияния исследователей на академическую, государственную и производственную сферу выявил недооцененную роль женщин-ученых и подавляющее (80% от массива) доминирование мужских публикаций в инженерии. Эти же исследователи предприняли попытку понять, каким образом отдельные представители каждого пола в инженерной среде сотрудничают друг с другом. Они рассматривали три типа связей в совместной работе: (1) между женщинами-инженерами (ЖЖ-сотрудничество); (2) между женщиной-инженером и мужчиной-инженером (ЖМ-сотрудничество) и (3) между инженерами-мужчинами (ММ-сотрудничество) (рис.).

Львиная доля сотрудничества приходится на работу между мужчинами, в то время как женщины организуют свою совместную работу менее чем в 7% случаях от общего количества сотрудничества среди инженеров. Эти результаты показывают, что в инженерной области доминируют мужчины, женщин-инженеров относительно мало и сотрудничество между женщинами – редкий случай.

Анализ данных показывает, что только незначительное число (чуть больше ста человек) авторов каждого пола сотрудничают только с женщинами-инженерами. С другой стороны, 38% женщин-инженеров и около 50% мужчин-инженеров сотрудничают исключительно с инженерами мужского пола и не имеют каких-либо совместных работ с женщинами (рис.). Несмотря на то, что женщины-инженеры публикуют свои статьи в журналах с более высоким импакт-фактором, чем их коллеги мужчины, их работа получает более низкое признание и упоминание в научном сообществе [3].

По данным голландских исследователей, во многих случаях заявки на получение гранта со стороны женщин оцениваются более строго, чем аналогичные заявки со стороны мужчин. Отчасти это может объяснить тот факт, что женщин, занимающихся исследованиями, меньше, чем женщин на штатных должностях с окладом. Попытки интеграции большего числа женщин в инженерию оказываются лишь частично успешными, поскольку гендерное неравенство уходит корнями в культурные ассоциации между инженерией, технологиями и маскулинностью [4].

Анализ зарубежных научных публикаций выявил существование и закрепление структурной дискриминации в инженерной среде, при которой женщин относят к вторичному рынку труда, где они занимают низкооплачиваемые должности. Способности женщин расцениваются ниже и заведомо обречены на ограниченные возможности карьерного роста. Эти невидимые искусственные барьеры, формируемые гендерными стереотипами и предрассудками, закрывают женщинам путь к высокопоставленным должностям в сфере инженерии и получили образные определения «эффекта стеклянного потолка» и «липкого пола» [5, 6].

Конструирование гендерной дискриминации подпитывается широко известными стереотипами об особенностях гендерных ролевых ресурсов в публичной сфере. Существует обыденное представление о том, что женщины более

Таблица

Доля женщин-инженеров в крупных англоязычных странах

Страна	% обучающихся женщин	% женщин в профессии
США	19.9	10.6
Великобритания	18	7–15
Австралия	15	10
Канада	20	9

склонны к исполнительной деятельности, с более высокой готовностью соглашаться на низкую оплату труда и меньшей потребностью в обеспечении дохода. Подобные утверждения о том, что характер гендерного неравенства в производственной инженерной сфере следует считать не открытой, а вынужденной формой дискриминации, ставит под сомнение исследователь Ричард Анкер [7]. В своей работе о проблемах профессиональной сегрегации он выделяет группу стереотипов о высокой склонности женщин к исполнительной деятельности и якобы их меньшей потребности в получении высокого дохода. Женщины действительно часто добровольно уступают первенство мужчинам. Причиной этого являются традиции общественного представления, которые, в свою очередь, влияют на решения руководства по отношению к женщинам, а также давление стереотипа о мужчине как «кормильце семьи». Как следствие, женщины вынуждены занимать «второсортные» рабочие места на производстве.

Значительный прогресс в достижении гендерного равенства отмечен в англоязычных странах (США, Канада, Великобритания и Австралия), где женщины составляют 15–20% студентов, получающих высшее инженерное образование, и примерно 10% женщин после обучения работают по профессии (табл.) [8].

Существующий двойной разрыв в количестве подготовленных и доле занятых в инженерии женщин остается активно обсуждаемой проблемой в зарубежной индустриальной социологии. Причинами двойного сокращения доли женщин при переходе из образовательной среды в профессиональную, по данным зарубежных исследователей, служат многочисленные примеры открытой дискриминации, негативно влияющие на сохранение женщин в сфере образования и в сфере труда.

Есть многочисленные примеры открытой дискриминации, а также менее серьезные побочные явления, которые могут негативно повлиять на сохранение женщин в сфере образования и в сфере труда [9].

Для решения этой проблемы существуют отделы человеческих ресурсов в государственных и профессиональных учреждениях, реализующие политику, которая стремится к созданию оптимальной организационной культуры, поддерживающей и продвигающей всех инженеров, мужчин и женщин, преуспевающих и использующих свой талант. Тем не менее даже компании с оптимальной политикой разнообразия не всегда успешны в предостережении отдельных женщин от переживания «холодного климата». Цена дискриминации очень высока: в Австралии 36% женщин-инженеров сообщают о перенесенной форме дискриминации, а в США это факт отмечают от 30 до 58% женщин-инженеров [8].

Австралийской исследовательницей Карен Хэпгуд была предпринята попытка с помощью теории вероятностей описать наличие дискриминации женщины-инженера в трудовом коллективе, и она пришла к выводу, что вероятность негативного опыта у женщины в технической сфере не зависит от размера компании или организационной культуры. По расчетам теории вероятностей, если в структуре персонала компании имеется только 10% женщин-инженеров, то каждая женщина будет испытывать негативное событие (дискриминацию) один раз в десяти случаях взаимодействия. После того как процент женщин достигает 50%, вероятность испытать подобные негативные события приблизится к нулю. С другой стороны, когда доля женщин в структуре персонала компании приближается к нулю, вероятность повторения такого неблагоприятного события стремится к бесконечности. Автор делает вывод, что увеличение числа женщин – инженерно-технических работников является самым простым способом снижения негативных переживаний для женщин в технических сферах [10].

В любом трудовом процессе на каком-либо производстве важна технология, которая работает на определенные социальные условия разделения труда по полу. Например, «в Южной Шотландии на заре индустриальной революции станки на хлопковых фабриках были сконструированы так, чтобы на них могли работать женщины и дети, которые считались тогда более дисциплинированной рабочей силой» [11].

Относительно немного российских исследований по гендерной дискриминации в производственной (инженерной) сфере. Обычно исследования затрагивают дискриминацию относительно профессионального роста, статуса, перспектив деловой карьеры женщин-

специалистов и руководителей, проблемы профессиональной сегрегации по признаку пола. За рамками исследования остается то, что происходит непосредственно в производственной сфере, на рабочих местах.

Российские исследовательницы Е.П. Мясина и В.И. Уварова, исследуя путь к профессии инженера у девушек, пришли к выводам: в большинстве своем девушки выбирают технический вуз под влиянием родительской семьи и на этапах обучения не испытывают серьезных внешних преград, за исключением стереотипа, что «техника – не женское дело». Траектории их профессиональной деятельности различны от работы на производстве до защиты кандидатской и докторской диссертации, но протекают в непростых обстоятельствах с множеством препятствий [12].

Что касается влияния стереотипов семьи на выбор профессии, М.В. Сафонова, изучающая карьерные успехи женщин, пришла к выводу, что женщины, находящиеся под влиянием отца, а не матери, стремятся к независимости, высокому статусу и высокому материальному положению [13].

Исследователи С.А. Солнцев и С.Ю. Рощин при изучении гендерной сегрегации в сфере занятости выделяют «барьеры для проникновения женщин в сферу «мужских» профессий и наоборот» и отмечают факт существования на рынке труда скрытой дискриминации и механизмов самоотбора женщин, которые заведомо не могут занимать положения, одинаковые с мужчинами, и засиживаются на своих должностях [14].

Российский социолог Н.В. Скиндер, раскрывая понимание горизонтальной сегрегации в сфере труда, выделяет свойства инерционности и способности к самоподдержанию гендерного неравенства и, как следствие, устойчивость процессов гендерной сегрегации в промышленности [15].

В рамках исследования практикующих женщин-инженеров, проведенного коллективом уральских исследователей (с участием автора) на ряде крупных промышленных предприятий Свердловской области, было выявлено, что стереотипы в обществе являются не только традицией, они поддерживаются в индустрии, в том числе в крупных машиностроительных и металлургических корпорациях. Политика «липкого пола» и «феминизации низших должностей» приводит к росту профессиональной неуверенности женщин-инженеров и является серьезной преградой на пути их карьерного роста, формируя внутренний барьер, препятствующий продвижению женщин [16].

Анализ зарубежных и отечественных исследований гендерного неравенства в профессиональном сообществе инженеров выявил набор социально сконструированных барьеров, препятствующих активному проникновению и профессиональному развитию женщин в инженерии: неравный доступ к профессии «на входе», влияние стереотипов семьи на выбор профессии, неравные возможности развития в одной и той же профессии с мужчинами («стеклянный потолок» и «липкий пол»), повседневная дискриминация на рабочих местах и ряд других проблем.

В целом представительницы инженерной сферы труда отличаются тем, что формально они все имеют высокий уровень образования, но, несмотря на это, многим из них зачастую приходится выполнять рутинную, нетворческую, не требующую высокого уровня образования работу. К тому же «на входе» в профессию нередко женщины воспринимаются работодателем как «издержки» по причине того, что зачастую начало их трудовой деятельности совпадает с репродуктивными функциями, а впоследствии происходит снижение профессиональной квалификации и профессиональное отставание от мужчин.

Вместе с тем сегодня заметно увеличивается число женщин в инженерии. Одна из основных причин – активная модернизация инженерно-технической среды, внедрение новых технологий на производствах, изменение и характера инженерной деятельности. Особенно ярко это наблюдается в секторе информационно-коммуникационных технологий, работая в котором женщина хорошо зарабатывает и имеет возможность строить карьеру. Важную роль в процессе привлечения женщин играют технологии, и те страны, по мнению ЮНЕСКО, которые только начинают входить в мировое Web-пространство, имеют колоссальную возможность вовлекать женщин и мужчин на равных в процесс формирования нового в области STEM [1].

В настоящее время во многих государствах, международных организациях, в крупных компаниях активно обсуждаются проблемы институциализации гендерного равенства, преодоления дискриминации в сфере труда, закрепления в ряде документов норм и критериев по обеспечению равных прав и профессиональных возможностей женщин и мужчин. На международном уровне этому вопросу посвящено огромное количество правовых актов, начиная с Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН. В нашей стране первые женские независимые организации стали появляться в конце 80-х гг. XX века, за 10 лет в стране появилось около 15 тысяч объединений, защищающих права женщин, девять из них с федеральным статусом [17].

В российском обществе существуют формальные ограничения на спрос женской рабочей силы под воздействием особенностей трудового законодательства, например: работа в ночное время (Конвенция МОТ № 4, 1919 г.); работа, связанная с поднятием тяжестей (Конвенция МОТ № 127, 1967 г.; ст. 253 ТК РФ); подземные работы (Конвенция МОТ № 45, 1935 г.; ст. 253 ТК РФ); работа с опасными и вредными условиями труда (ст. 253 ТК РФ) [18].

Эти ограничения возникают исходя из многолетнего опыта интенсивного участия женщин в производственной сфере, где главное различие между мужским и женским трудом связано с физическими характеристиками работы.

Постановлением Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 162 [18] утвержден Перечень работ, при выполнении которых запрещается использовать женский труд, но многие профессии, отнесенные к данному Перечню № 162, в равной степени вредны для женского и мужского здоровья, следовательно, эти нормы многими женщинами воспринимаются как дискриминационные. Хотя эти меры и принимаются из благих намерений, но они ограничивают трудовую мобильность, профессиональный и карьерный рост работающих женщин. Например, женщинам запрещено выполнять работу машиниста электропоезда (и более того, помощника машиниста электропоезда), хотя эта работа не является опасной для репродуктивной функции женщин и, в конце концов, может быть опасной в зависимости не от пола, а от обстоятельств.

Некоторые права женщин законодательно закреплены, но не гарантированно выполняются и обходятся работодателями. Чаще всего это притеснения женщин на работе в случае беременности (принуждение к оформлению увольнения по собственному желанию либо создание невыносимых условий работы, оплаты труда), также нередко у женщин возникают сложности при возвращении на работу после отпуска по уходу за ребенком (женщина обязана возвращаться в строй сотрудников, не имея возможности пройти профессиональную переподготовку). Получается, что льготы на законодательном уровне для женщин являются препятствием, а зачастую удобным фактором для предприятий, которые не хотят брать на себя социальную ответственность, несмотря на закон.

В производственной сфере труда специфически «женских» профессий не существует, есть либо «мужские» профессии, либо «гендерно нейтральные». И получается, что гендерное разделение на производстве – не только экономический феномен, но и своего рода манипуляция физическими свойствами мужчин и женщин. В результате сохраняются социокультурные стереотипы об инженерии как сугубо мужской сфере.

Вывод. Несмотря на прогрессивное законодательство, женщинам часто отказывают в доступе к STEM, и поэтому, по мнению экспертов, достижение гендерного равенства в науке и технологии зависит от сотрудничества в глобальном масштабе [19]. Нужны способы совершенствования национальной стратегии для достижения гендерного равенства в науке и технике; реализации инициатив, обеспечивающих эффективность превентивных мер гендерной политики: создание специальной должности представителя по вопросам гендерной проблематики в науке с целью изменения культурных стереотипов в академической и производственной среде в каждой стране, в частности в России.

Статья подготовлена в рамках проекта № 15-03-0069 «Формирование профессионального этоса современного инженера: гендерные и функциональные аспекты», поддержан РГНФ.

Список литературы

1. Гендерные вопросы и наука // Модельный тренинг ООН-2015. ЮНЕСКО. 2015. URL: http://www.state.gov/documents/organization/240763.pdf (дата обращения: 25.04.2016).

2. Women's Rights Room. URL: http://www.matildajoslyngage.org/ (дата обращения: 09.05.2016).

3. Ghiasi G., Larivière V., Sugimoto C.R. On the compliance of women engineers with a gendered scientific system // PLOS ONE. 2015. December 30. URL: http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0145931 (дата обращения: 05.05.2016).

4. Etzkowitz H., Kemelgor C., Uzzi B. Athena unbound: The advancement of women in science and technology // Technological Forecasting & Social Change. Cambridge University Press, 2000. P. 953–954.

5. Vance C.M., Paik Y. Managing a global workforce: Challenges and opportunities in international human resource management: Third edition. 2015. 450 p. URL: http://samples.sainsburysebooks.co.uk/9781317516613_sample_1052075.pdf (дата обращения: 05.04.2016).

6. McKee L.E. Women in American energy: Defeminizing poverty in the oil and gas industries // Journal of International Women's Studies. 2014. V. 15 (1). P. 167–178. URL: https://www.scopus.com/ (дата обращения: 09.04.2016).

7. Анкер Р. Теория профессиональной сегрегации по признаку пола: аналитический обзор // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и составитель к.э.н. Е.Б. Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – Русская панорама, 2002. С. 299–328.

8. Кеммет Е.В. Выбор инженерной профессии: гендерный аспект // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке: Сборник материалов 2-й Всероссийской конференции, 28–29 мая 2015 г., Екатеринбург / Под ред. Е.М. Дорожкина, В.А. Копнова.

Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015. 265 с.

9. Miller G.E. Frontier masculinity in the oil industry: The experience of women engineers // Gender Work and Organization. 2004. V. 11 (1). P. 47–73.

10. Saavedra L., Araújo A., Taveira M. & Vieira C. Dilemmas of girls and women in engineering: a study in Portugal // Educational Review. 2014. V. 66 (3). P. 330–344.

11. Тартаковская И.Н. Публичная сфера и гендерное разделение труда: лекция 6. М.: Московский центр гендерных исследований, 2012. 11 с.

12. Мясина Е.П., Уварова В.И. Карьера российской женщины инженера: особенности и проблемы // Профессиональная карьера женщин и вызовы времени: Междунар. научно-практическая интернет-конференция (1–31 мая 2007 г.). Орел: ОрелГТУ, 2007. С. 65–77.

13. Сафонова М.В. Дис. … канд. психол. наук. СПб., 1999. 233 с.

14. Рощин С.Ю., Солнцев С.А. Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике: Препринт WP. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 52 с.

15. Скиндер Н.В. Гендерная дискриминация женщин и стереотипы в сфере занятости в современной России. Шахты: ЗАО «Полиграфист», 2006. 42 с.

16. Банникова Л.Н., Кеммет Е.В., Шолина И.И. Аспекты выбора политехнического образования // Современные технологии и развитие политехнического образования [Электронный ресурс]: Междунар. науч. конференция. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. С. 688–691. Режим доступа: http://www.dvfu.ru/web/dpn/katalog (дата обращения: 18.05.2016).

17. Айвазова С.Г. Гендерное равенство в контексте прав человека. М.: Изд-во «Эслан», 2001. 98 с. Режим доступа: http://library.khpg.org/files/docs/1313603677.doc (дата обращения: 29.08.2016).

18. Герасимова Е.С., Саурин С.А., Лютов Н.Л. Эффективность защиты от дискриминации в трудовых отношениях по признаку пола в законодательстве и на практике в России: аналитический доклад. М., 2015. 125 с.

19. Наука, технология и гендер: международный доклад // ЮНЕСКО – Женщины в науке. 2007. URL: http://www.ifap.ru/library/book232.pdf (дата обращения: 01.05.2016).

GENDER ASYMMETRY IN THE PROFESSIONAL COMMUNITY OF ENGINEERS

E.V. Kemmet

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

The article analyzes the materials of foreign and domestic research of problems related to gender prejudices and barriers for women who experience difficulties not only when they enter the fields of science, technology and engineering, but, first of all, in the daily practice of the engineering and scientific community, in their workplace. We identify social factors that either mitigate or contribute to obstacles and losses for the development and advancement of women in the field of engineering work. The analysis of foreign authors' research and the contribution to the study of women engineers working at several major regional industrial enterprises leads us to the conclusion that the reasons for the marginal status of women in the modern industry are not just part of a tradition (engineering is a man's job), but are maintained and reproduced by everyday practices.

Keyword: gender, engineering, science, women engineers, inequality.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.147

ОБРАБОТКА И АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ФИЗИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННЫХ ГРАФИЧЕСКИХ КАЛЬКУЛЯТОРОВ CASIO

© 2017 г.

И.Е. Вострокнутов

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

vostroknutov_i@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2017
Статья принята к публикации 02.02.2017

Рассматривается применение современных графических калькуляторов для обработки результатов физического эксперимента. На примере экспериментов по школьному курсу физики показаны возможности инструментов статистического анализа графических калькуляторов CASIO fx-9860GII и fx-CG20 для определения уравнения регрессии и возможности графического анализа полученной модели физического процесса. Описывается процесс последовательного уточнения физической модели для её согласования с данными эксперимента. Предлагаемая методика может служить основой для проведения школьных работ физического практикума в исследовательском варианте, что является актуальным в соответствии с ФГОС общего образования.

Ключевые слова: лабораторный практикум, обработка экспериментальных данных, графический калькулятор, регрессионный анализ, графический анализ физической модели.

Лабораторный практикум сегодня, несомненно, является важной составляющей обучения физике как в школе, так и вузе. Именно на лабораторных занятиях, когда в процессе проведения реального физического эксперимента учащиеся сопоставляют полученные экспериментальные данные с теорией, у них происходит осознание физических законов и формируется физическая картина мира. Методика проведения работ физического практикума в соответствии с ФГОС должна определяться необходимостью формирования исследовательских качеств личности учащихся и содержать следующие этапы: сбор первичной информации, выдвижение гипотезы, экспериментальная проверка гипотезы, уточнение и формулировка выводов [1]. Процесс сбора экспериментальных данных в современной школе предполагает в том числе использование средств автоматизации эксперимента, графической иллюстрации, математической обработки данных. Без использования компьютерных средств обработки экспериментальных данных значительная погрешность проведения школьных экспериментов не позволяет убедительно доказать существование того или иного закона, подтвердить его аналитическое выражение [2].

В последнее время наблюдается большой прогресс в области производства лабораторного оборудования для школ и вузов. Сегодня уже многие лабораторные работы проводятся с использованием компьютеров и датчиков, что дает возможность получать более точные результаты. Тем не менее во многих школах учителя физики продолжают работать по старинке, и учащиеся лишь строят графики в тетради на основании полученных данных. В вузах в зависимости от оснащения лабораторий либо имеет место похожая картина, либо для обработки данных используются дорогостоящие и сложные программы типа Mathcad и Mathlab. В течение долгого времени нами ведется работа по внедрению в школьную практику обучения физике методики обработки экспериментальных данных с помощью научных или графических калькуляторов [3].

Несомненным лидером в производстве научных и графических калькуляторов является японская компания CASIO. Современные научные калькуляторы не только позволяют проводить вычисления достаточно сложных и объемных выражений целиком, но и содержат мощный статистический аппарат, который можно успешно использовать для обработки экспериментальных данных. Еще большими возможностями обладают графические калькуляторы. Они позволяют наряду со статистическим анализом проводить и графический анализ резуль-

Рис. 1. Графические калькуляторы CASIO fx-9860GII и fx-CG20

Рис. 2. Эксперимент по механике с цифровым измерительным комплексом CASIO

татов эксперимента. Покажем, как можно провести элементарное физическое исследование с выдвижением и уточнением выдвигаемых гипотез на основе статистической и графической обработки результатов экспериментальных данных с помощью графических калькуляторов CASIO fx-9860GII и fx-CG20 (рис. 1).

Пусть в результате проведения эксперимента с цифровым измерительным комплексом CASIO по измерению момента времени прохождения магнита каретки мимо герконов (рис. 2) получим экспериментальный график (рис. 3). Из рисунка видно, что лабораторная установка позволяет проводить измерения с точностью до тысячных долей секунды (табл. 1).

В качестве первого шага нашего исследования предположим, что зависимость координаты от времени носит линейный характер. В окне параметров уравнения регрессии в этом случае будет следующий набор чисел (рис. 4).

Уравнение функции будет

$$y = 1125.947311x - 8.92096716. \qquad (1)$$

Параметр r – это коэффициент корреляции. Если r=1, то зависимость между имеющимися данными и рассчитанной функцией полная, график функции проходит через все точки ис-

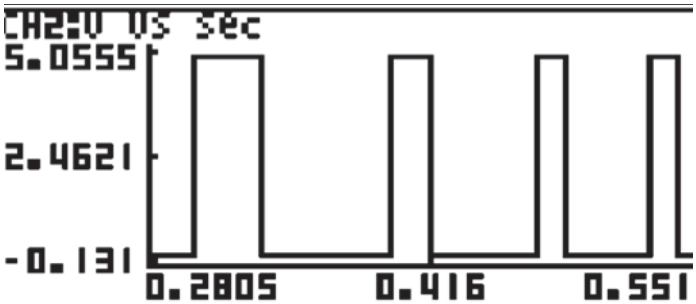

Рис. 3. Экспериментальный график времени прохождения магнита каретки относительно герконов

Таблица 1

Время прохождения каретки мимо герконов *t* при расстоянии между герконами 80 мм

№ пуска каретки	Время прохождения каретки мимо каждого геркона			
	t_1, с	t_2, с	t_3, с	t_4, с
1	0	0.089	0.158	0.214
2	0	0.093	0.159	0.215
3	0	0.090	0.156	0.212
4	0	0.087	0.153	0.209
5	0	0.089	0.156	0.210
Среднее время, с	0	0.090	0.156	0.212

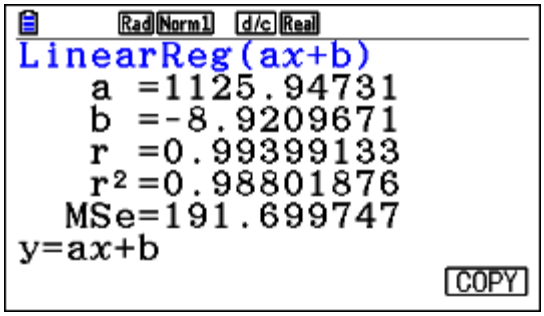

Рис. 4. Начальные параметры регрессии

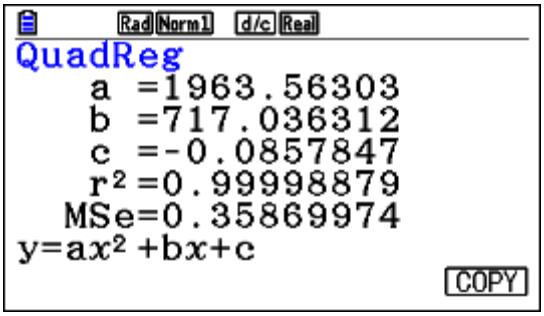

Рис. 5. Уравнение квадратичной регрессии

следуемой закономерности. Если $0.75 \le r \le 1.0$, то зависимость сильная, если $0.5 \le r \le 0.75$ – значительная, если $0.25 \le r \le 0.5$ – умеренная, если $0.0 \le r \le 0.25$ – слабая.

В рассматриваемом случае вроде бы все хорошо: коэффициенты рассчитаны, а коэффициент корреляции говорит о том, что зависимость сильная. Но для полноты эксперимента проверим, как изменятся коэффициенты уравнения и коэффициент корреляции, если будем искать уравнение регрессии в виде квадратичной функции. Откроется другое окно параметров регрессии при выборе квадратичной функции (рис. 5).

В данном случае коэффициент корреляции будет больше, чем в предыдущем случае, и нам следует принять гипотезу о квадратичной зависимости координаты от времени. Значит, уравнение регрессии будет иметь вид:

$$y = 1963x^2 + 717x - 0.085. \qquad (2)$$

Построим график зависимости координаты от времени (рис. 6) и определим координаты точки минимума, соответствующей началу движения каретки.

Полученное время 0.212 с совпадает с зафиксированным в таблице 1, что подтверждает достоверность построенной графической модели движения каретки. Пользуясь этой моделью, можно определить время прохождения каретки мимо любой точки направляющей. Движение каретки из состояния покоя описывает правая от точки минимума часть полученного графика. Так, мы имеем следующие координаты минимума: –0.83 с; –6.5 мм. Эти координаты означают, что каретка от первого геркона двигалась 0.183 с и прошла за это время 65.5 мм.

Можно рассчитать скорость каретки в любой точке графика. Это тангенс угла наклона касательной в выбранной точке (рис. 7).

Используя знания из школьного курса геометрии, несложно рассчитать угол наклона касательной. На основании графического анализа учащиеся определяют, что скорость каретки в точке установки первого геркона равна 0.7 м/с, а величина ускорения составляет 3.9 м/с^2. Соответственно, в системе координат, совпадаю-

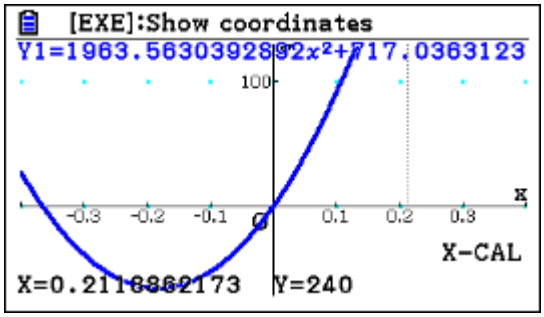

Рис. 6. Графическая иллюстрация зависимости координаты от времени

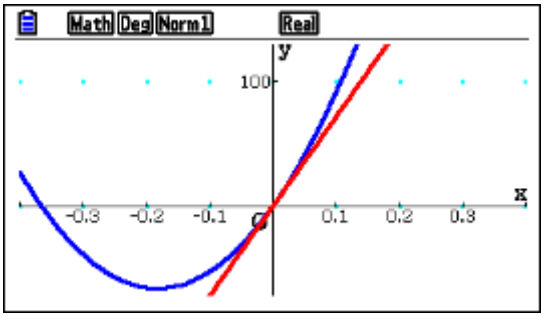

Рис. 7. Определение значения скорости

щей с первым герконом, каретка движется в соответствии с уравнением:

$$X(t) = \frac{3.9t^2}{2} + 0.7t. \qquad (3)$$

Используя это выражение, учащиеся могут рассчитать времена прохождения каретки мимо каждого геркона и убедиться, что они совпадают с экспериментально измеренными. Этот этап предлагается в качестве самостоятельной работы. Таким образом, создается завершенный процесс физического исследования.

Разработанная нами методика применения современных калькуляторов в учебном процессе по физике описана в ряде методических рекомендаций и успешно реализуется в школах [3; 4]. Важно подчеркнуть, что именно автоматизация учебного демонстрационного и лабораторного эксперимента существенно облегчает его перевод в исследовательский вариант, что является актуальным требованием ФГОС.

Список литературы

1. Лазарев В.С. Рекомендации по развитию исследовательских умений учащихся. М.: Владос, 2007. 126 с.

2. Вострокнутов И.Е., Никифоров Г.Г. Муниципальная сеть современных кабинетов физики – основа модернизации физического образования в рамках подготовки к работке в условиях стандарта второго поколения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Инновации в образовании. 2011. № 3(3). С. 77–85.

3. Вострокнутов И.Е., Никифоров Г.Г., Никитина Н.С. и др. Лабораторный практикум по физике на основе цифрового измерительного комплекса EA-200 - fx-9860GII. Вып. 3. Механика / Под ред. И.Е. Вострокнутова, Г.Г. Никифорова. Троицк: Тровант, 2012. 96 с.

4. Вострокнутов И.Е., Никифоров Г.Г. и др. Лабораторный практикум по физике на основе цифрового измерительного комплекса EA 200 – fx-9860G. М.: Принтберри, 2013. 78 с.

PROCESSING AND ANALYSIS OF PHYSICAL EXPERIMENT RESULTS BY MEANS OF CASIO GRAPHIC CALCULATORS

I.E. Vostroknutov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

We discuss the application of modern graphic calculators for processing the results of physical experiments. By using the example of experiments in the secondary school physics course, we show the possibilities of statistical analysis offered by the tools of the CASIO fx-CG20 Graphing Calculator to determine regression equations and to perform the graphical analysis of the resulting model of the physical process. A description is given of the successive refinement of the physical model for harmonizing it with the experimental data. The proposed method can serve as a basis for performing research work in the framework of school physical practicum, in accordance with the Federal State Standard for General Education.

Keywords: laboratory practicum, experimental data processing, graphing calculator, regression analysis, graphical analysis of a physical model.

УДК 378.1

СОВМЕСТНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УНИВЕРСИТЕТА ЛОБАЧЕВСКОГО)

© 2017 г.

А.И. Горылев, С.Н. Кузнецова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

gorylev@fup.unn.ru

Статья поступила в редакцию 13.12.2016
Статья принята к публикации 02.02.2017

Рассматривается роль интернационализации в процессе международного признания вузов. Анализируются элементы и основные направления интернационализации образования как основы гармонизации образовательных систем, условия реализации данных направлений. Приводится обзор практики реализации совместных образовательных программ российских и европейских университетов как важного инструмента интернационализации, а также анализируются проблемы и препятствия в области реализации совместных программ. Рассматривается опыт реализации совместных образовательных программ юридического факультета Университета Лобачевского.

Ключевые слова: интернационализация, совместные образовательные программы, совместная магистратура, магистерская программа на французском языке, Университет Лобачевского, Гренобльский альпийский университет.

За последние 30 лет интернационализация в сфере высшего образования стала объективным трендом развития, в рамках которого существенно повысилась роль международных проектов и программ, приводящих к разработке каких-либо инновационных моделей или образовательных программ и к формированию дискурса экспертов, являющегося движущей силой развития, что отражается в работе Дж. Штайнер-Хамси «Transferring Education, Displacing Reforms» [1].

На современном этапе развития мировой системы высшего образования национальная обособленность вузов все более вступает в конфликт с такими последствиями и перспективами интернационализации и глобализации, как признание университетских дипломов, специализаций и оценок, развитие международных форм оценки качества, международная аккредитация и др. [2].

Вследствие глобализации экономики возник международный рынок образовательных услуг, формирование которого способствует процессу гармонизации в сфере образования. Безусловно, вузы, претендующие на заметные места в мировых рейтингах, должны стать активными и конкурентоспособными участниками этого рынка. Именно поэтому ведущие российские вузы стали активно внедрять все элементы и развивать основные направления интернационализации образования как основы гармонизации образовательных систем.

Такими элементами интернационализации, как известно, являются:

1) мобильность студентов или профессорско-преподавательского состава в образовательных и научно-исследовательских целях;

2) интеграция в образовательные программы международного измерения;

3) установление долгосрочного институционального партнерства.

Необходимыми условиями для реализации данных направлений являются качественная языковая подготовка студентов, аспирантов и преподавателей, а также создание привлекательной среды для зарубежных студентов и партнеров.

Кроме того, очевидно, что освоение и реализация таких инструментов, как совместные образовательные программы, являются показателями достаточно высокого уровня интернационализации, поскольку кроме развития языковой компетенции предварительно требуют:

– разработки новых образовательных программ международного уровня;

– создания различных форм долгосрочного партнерства в институциональной сфере образования;

– согласованного использования международных компетенций в образовательном процессе вуза;

– возможного проведения международной аккредитации и сертификации качества образования на основе международных стандартов [3].

Наиболее всесторонне проанализирована практика реализации совместных образовательных программ российских и европейских университетов в исследовании «Совместные программы ЕС – Россия (Инновации и трансформации в транснациональном образовании)» («EU-Russia Joint Programmes (Innovations and Transformations in Transnational Education)»), проведенном Н. Буркель, С.В. Шендеровой, С.В. Твороговой в рамках проекта Европейской комиссии [4], в статьях С.В. Твороговой, Н. Буркель, С.В. Шендеровой [5], А.И. Горылева, Н.Р. Камыниной [6], а также в учебно-методическом пособии, разработанном сотрудниками Университета Лобачевского [7].

В сфере высшего образования интернационализация становится объективной реальностью, поскольку глобальная экономика требует наличия человеческих ресурсов, представляющих различные культуры и страны и, следовательно, имеющих международные/интернациональные компетенции, что наглядно показано в работе Дж. Найта «Пять правдивых фактов об интернационализации» (Knight J. «Five Truths about Internationalization») [8], а также в работе А.И. Горылева «Интеграционные процессы на Европейском пространстве в сфере высшего образования» [9].

Глобализация в сфере экономики влечет за собой усиление мобильности и конкуренции квалифицированных работников, что приводит к повышению роли общих/трансверсальных компетенций, формирование которых невозможно в национально замкнутой среде. В этой связи объективной необходимостью является развитие интеграционных процессов в сфере образования, ярким и эффективным примером которых является Болонский процесс, приведший к формированию Европейского пространства высшего образования. В рамках Болонского процесса были разработаны конкретные механизмы интернационализации, основными из которых являются совместные образовательные программы, и методическое сопровождение их реализации в виде Европейских стандартов и рекомендаций по обеспечению качества, Руководства по системе накопления и переноса зачетных единиц, Руководства по реализации совместных программ и др.

Участники Болонского процесса сформировали общее понятийное поле, выявили нелинейные зависимости состояния высшего образования от различных культурных, социальных, экономических и политических факторов, а также осуществили поиск способов нахождения общности для всех субъектов взаимодействия и для их сотрудничества при сохранении самобытности и уникальности национальных образовательных систем, что отражено в работе Н.М. Аксеновой, А.А. Муравьевой, О.Н. Олейниковой [10].

Представляется обоснованным согласиться с концепцией интернационализации в сфере высшего образования, которая предполагает проанализированную в работе [11] интернационализацию образовательных программ и вузов, а также преподавания и обучения.

Выгоды от разработки и реализации совместных программ заключаются в том, что они создают «точки роста» в вузах, трансформируя деятельность университета в целом; формируют общеевропейское понимание качества образования; способствуют развитию инфраструктуры университета (кампус, библиотека, лаборатории) и компетенций преподавательского и административного персонала; содействуют модернизации учебной и исследовательской работы; способствуют расширению знаний и умений студентов и возможностей освоения студентами международных компетенций, а также несут в себе так называемый «брендинговый эффект» для вуза.

Как правило, такие программы имеют идентичную структуру и содержание в каждом университете-партнере (параллельное изучение одних и тех же курсов/модулей, общие методы обучения и экзаменационные процедуры) или сравнимые модули/курсы, но различные специализации, предоставляемые каждым партнером; либо курсы/модули разных университетов взаимно дополняют друг друга в рамках единой согласованной образовательной программы (т.е. образовательная программа разделена на несколько частей, каждая из которых реализуется только одним партнером).

Такие программы разрабатываются и утверждаются несколькими вузами и предполагают полное и автоматическое признание партнерами периодов обучения и экзаменов в другом вузе, а также участие преподавателей каждого из партнерских вузов в учебном процессе в вузах-партнерах. Помимо этого они предполагают формирование совместных приемных и экзаменационных комиссий, включенную мобильность и общую для всех партнеров систему обеспечения качества.

Методической основой совместных программ являются результаты обучения, обеспечивающие автоматическое признание обучения, полученного в вузе-партнере.

Как указывалось выше, важным элементом совместных программ является включенная мобильность. Благодаря возможности освоения нового профессионального опыта и транснациональных/международных компетенций, мобильность повышает возможности трудоуст-

ройства выпускников и их конкурентоспособность на рынке труда.

Однако, несмотря на эти явные выгоды мобильности, нельзя не признать в качестве сдерживающего фактора ее высокую стоимость. В этой связи приобретает особое значение виртуальная мобильность (дистанционное обучение), которая, конечно же, не может заменить реальный опыт обучения в иной культурной и образовательной среде, но все же лучше, чем полное отсутствие погружения в иной опыт.

В целом педагогические выгоды интернационализации достаточно многообразны, включая новые компетенции преподавателей и студентов, а также способы их формирования и систему ценностей (аксиологический аспект).

При этом нельзя не указать на проблемы и препятствия в области реализации совместных программ, которые требуют скорейшего решения. К ним относятся:

– различия нормативно-правового регулирования в различных странах, включая национальное законодательство;

– различия систем обеспечения качества, включая системы оценок, регулирование экзаменационных процедур, приема и т.д.

Большое внимание реализации всех направлений интернационализации уделяется в программе развития Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, являющегося участником программы повышения конкурентоспособности российских вузов среди ведущих мировых научно-образовательных центров («5-100»).

Позитивным опытом и важным достижением юридического факультета Нижегородского университета в этой сфере является создание Совместной магистратуры на базе магистерской программы «Международное право для делового человека» с Гренобльским альпийским университетом (Гренобль, Франция).

Старт данной программе был дан в 2008 г., в рамках специалитета по направлению «Юриспруденция». В соответствии с договором 2008 г. о совместной магистратуре первого года обучения с Гренобльским университетом в программе могли принимать участие студенты 5 курса юридического факультета ННГУ международно-правовой специализации, свободно владеющие французским языком.

Университетами была согласована учебная программа, которая состояла из 12 учебных дисциплин, разделенных на два семестра. 6 дисциплин преподавались на юридическом факультете ННГУ (по 3 в каждом семестре), 6 – на юридическом факультете Гренобльского альпийского университета (по 3 в каждом семестре). Обучение во французском вузе проходило дистанционно. По желанию студенты ННГУ могли освоить указанные дисциплины во Франции.

Студенты получали полный доступ к электронной базе методических и учебных материалов Гренобльского альпийского университета, письменно выполняли задания, направляемые французскими преподавателями (под их руководством).

Экзамены по программе проводились в г. Нижний Новгород: письменные работы отправлялись на проверку в Гренобльский альпийский университет, устные экзамены организовывались в режиме видеоконференции.

Выпускники данной программы получали два диплома – диплом юриста (специалист), выдаваемый Университетом Лобачевского, и диплом первого года магистратуры Гренобльского альпийского университета.

В рамках программы было осуществлено 4 выпуска совместной магистратуры: 2010 г. – 4 человека, 2011 г. – 4 человека, 2012 г. – 2 человека, 2013 г. – 2 человека.

В связи с переходом на двухуровневую систему «бакалавр – магистр» программа радикально изменилась, на ее базе была создана полноценная совместная магистерская программа, предполагающая выдачу двух дипломов магистра (российского и французского) и, соответственно, участие студентов каждого из вузов-партнеров.

В соответствии с новым договором, предусмотрены две возможные формы обучения студентов:

– очная форма: на первом курсе магистратуры российские студенты проходят обучение в Гренобльском альпийском университете, французские – в ННГУ (предусмотрено взаимное признание периодов обучения в обоих университетах); на втором курсе магистратуры студенты обучаются в своих университетах;

– частично дистанционная форма: на первом курсе магистратуры в первом семестре российские студенты обучаются по очной форме в Гренобльском альпийском университете, французские – в ННГУ; во втором семестре – российские студенты дистанционно обучаются в Гренобльском альпийском университете, французские – в ННГУ; на втором курсе магистратуры студенты так же, как и в первом случае, обучаются в своих вузах.

Написание магистерской диссертации осуществляется под двойным руководством преподавателей Университета Лобачевского и Гренобльского альпийского университета. Защита осуществляется в своих университетах на засе-

дании совместной комиссии, которое должно проходить в режиме видеотрансляции.

Кроме того, в настоящее время в Университете Лобачевского также разработана магистерская программа «Международное и европейское право» для иностранных студентов на французском языке. Данная программа сопоставима с аналогичной магистерской программой в Гренобльском альпийском университете. Предполагается включение этой программы в межвузовский договор о совместной магистратуре. Реализация магистерской программы на французском языке значительно увеличит возможности для французских студентов обучаться в рамках программы двойных дипломов (так как в этом случае для них отсутствует требование знания русского языка, изучение которого все же предусмотрено учебным планом) и получить российский диплом магистра.

Как было указано выше, для реализации такой формы интернационализации, как совместные образовательные программы, требуется достаточно высокий уровень развития международного сотрудничества. В случае юридического факультета Университета Лобачевского предпосылкой стало установление долгосрочного сотрудничества с европейскими вузами в рамках проектов Европейской комиссии TEMPUS TACIS A.C.I.R.R. (T-JEP-10325-97), TEMPUS TACIS VOLGADOC (JEP–22196-2001), TEMPUS TACIS BOLOGNA-JURIS (JEP–25146-2004) и TEMPUS TACIS FORCONDHO-VOLGA (JEP-27043-2006).

В результате реализации данных проектов на юридическом факультете ННГУ:

– была создана кафедра европейского и международного права;

– разработано и преподается более 20 дисциплин международно-правового цикла;

– открыта международно-правовая специализация (профиль);

– открыта магистратура по международному и европейскому праву;

– установлено постоянное сотрудничество между юридическим факультетом ННГУ и факультетом права Гренобльского университета (Франция), а также развивается сотрудничество с целым рядом других западных вузов;

– производится обучение иностранных студентов и аспирантов;

– создан обучающий центр по европейскому праву, оснащенный современным компьютерным оборудованием с выходом в Интернет;

– внедрена новая форма обучения – совместное научное руководство дипломными работами выпускников юридического факультета со стороны профессорско-преподавательского состава факультета и со стороны зарубежных партнеров;

– ведется подготовка аспирантов под научным руководством преподавателей юридического факультета и зарубежных ученых.

Кроме того, особенностью международных программ юридического факультета Университета Лобачевского является то, что ставка при реализации сотрудничества сделана на французский язык. Абсолютное большинство международных совместных образовательных программ, созданных российскими вузами, реализуется на английском языке. Выбор французского в качестве рабочего языка делает программу привлекательной для вузов и студентов из целого ряда франкоязычных стран при минимальном уровне конкуренции.

Такой подход стал возможным благодаря открытию в 1993 г. программы двух дипломов «Российско-Французский университет» (РФУ), переименованной в 2014 г. в программу «Экономика–Право–Лингвистика» (ЭПЛ).

Программа ЭПЛ, базирующаяся на классической идее параллельного образования, стала настоящим экспериментом в сфере образования, представляя собой уникальный образовательный проект, предусматривающий подготовку юристов, владеющих двумя европейскими языками (французским и английским).

Программа была основана при поддержке правительства Франции договором о сотрудничестве двух вузов России и двух вузов Франции: Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (юридический и экономический факультеты); Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (переводческий факультет); Университета им. П.М. Франса (юридический и экономический факультеты) (в настоящее время – Гренобльский альпийский университет, Франция); Лингвистического университета им. Стендаля (г. Гренобль, Франция).

Программа предусматривает обучение студентов одновременно в двух российских вузах: 3 дня в неделю на юридическом факультете (или в институте экономики и предпринимательства) ННГУ и 3 дня в неделю на переводческом факультете НГЛУ. Выпускники получают 2 квалификации и 2 диплома о высшем образовании.

В настоящее время программа реализуется совместно с переводческим факультетом НГЛУ им. Н.А. Добролюбова на основе договора о сетевом взаимодействии.

Студенты, обучающиеся на программе ЭПЛ, имеют возможность:

– проходить стажировки за рубежом, включая краткосрочные ознакомительные стажировки (одна–две недели) или семестровое практико-ориентированное обучение (3–4 месяца) в европейском вузе;

– участвовать в международных конкурсах, летних академиях европейского права, совместных видеоконференциях с западными вузами;

– участвовать в реализации международных программ юридического факультета ННГУ;

– впоследствии обучаться в Совместной магистратуре ННГУ и Гренобльского альпийского университета (Франция) по программе «Международное право для делового человека» с получением дипломов магистра ННГУ и европейского вуза (программа совместной магистратуры предусматривает обучение в течение семестра или одного учебного года в Гренобльском альпийском университете);

– работать в компьютерном классе, библиотеке и читальном зале Центра международного и европейского права.

Выпускники программы ЭПЛ – специалисты, отвечающие европейским стандартам подготовки, широко востребованные как на российском, так и на зарубежном рынке труда. Выпускники работают в международных организациях, в европейских вузах, в посольствах и консульствах РФ на территории иностранных государств, многие занимают ведущие должности в транснациональных и иностранных компаниях в России и за рубежом. Востребованность выпускников программы на рынке труда свидетельствует о ее эффективности и успехе.

Очевидно, что интернационализация, являющаяся одним из важных условий международного признания вузов, не может быть осуществлена одномоментно как в рамках отдельного вуза, так и в масштабах региона или страны. Это процесс, который требует принятия и реализации обдуманной и длительной стратегии, предполагающей наличие как человеческих, так и финансовых ресурсов. Открытие совместных образовательных программ возможно только при условии определенного уровня развития международного сотрудничества и подготовки. Опыт реализации совместных образовательных программ юридического факультета Университета Лобачевского свидетельствует об эффективности подхода, направленного на системную и поэтапную реализацию инструментов интернационализации в сфере образования.

Список литературы

1. Steiner-Khamsi G. Transferring Education, Displacing Reforms // Discourse Formation in Comparative Education. Peter Lang GmbH, 2000. P. 125–188.

2. Сагинова О.В. Интернационализация высшего образования как фактор конкурентоспособности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/internatsionalizatsija-vysshego-obrazovanija-kak-faktor-konkurentosposobnosti/ (дата обращения: 17.11.2016).

3. Шумейко А.А. Интернационализация и регионализация высшего образования как важный фактор развития конкурентоспособности университета // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23862 (дата обращения: 17.11.2016).

4. Burquel N., Shenderova S., Tvorogova S. EU-Russia Joint Programmes. Innovations and Transformations in Transnational Education. URL: http://fu-berlin.de/sites/moscow/media/eu-report-catalog/REPORT_JOINT-PROGRAMMES_RU.pdf?1413288134 (дата обращения: 23.11.2016).

5. Буркель Н., Творогова С.В., Шендерова С.В. Приоткрывая занавес: многообразие совместных программ и перспективы развития международного сотрудничества вузов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Педагогика. 2014. № 4. С. 210–220.

6. Горылев А.И., Камынина Н.Р. Совместные образовательные программы как инструмент построения единого европейского пространства высшего образования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2015. № 3 (39). С. 183–189.

7. Горылев А.И., Грудзинский А.О., Грудзинская Е.Ю., Марико В.В., Петрова О.В., Пономарева Е.А., Русаков А.В. На пути в Единое европейское пространство высшего образования. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. 163 с.

8. Knight J. Five Truths about Internationalization // International higher education. Number 69. The Boston College centre for international higher education. 2012. P. 4–5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.revistaensinosuperior.gr.unicamp.br/edicoes/ihe/IHE69original.pdf (дата обращения: 23.11.2016).

9. Горылев А.И. Интеграционные процессы на Европейском пространстве в сфере высшего образования // Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. Серия Педагогические и психологические науки. 2011. Вып. 11 (30). С. 73–81.

10. Аксенова Н.М., Муравьева А.А., Олейникова О.Н. Интернационализация, международная интеграция и сотрудничество в области профессионального образования и обучения. М.: Логос, 2012. 120 с.

11. Wende M.C. van der Internationalizing the Curriculum in Higher Education // Internationalisation of Higher Education. Paris: OECD, 1996. P. 35–91.

JOINT EDUCATION PROGRAMS AS A TOOL FOR INTERNATIONALIZATION (THE EXAMPLE OF LOBACHEVSKY UNIVERSITY FACULTY OF LAW)

A.I. Gorylev, S.N. Kuznertsova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In this article, we consider some issues having regard to the role of internationalization in the process of international recognition of higher education institutions. We also examine the elements and the main approaches in the internationalization of education as a basis for harmonization of educational systems, as well as the conditions for the implementation of these approaches. We present a review of the practices in the implementation of joint educational programs by Russian and European universities as an important internationalization tool. An analysis of the problems and obstacles in the implementation of joint programs is given, along with a brief evaluation of the experience of joint educational programs implementation at the Faculty of Law of Lobachevsky University.

Keywords: internationalization, joint educational programs, joint Masters Degree program in French, Lobachevsky University, Grenoble Alpes University.

УДК 378

НАУЧНЫЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ В ОБУЧЕНИИ ФИЗИКЕ (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ[1])

© 2017 г.

И.В. Гребенев, Е.В. Чупрунов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

grebenev@phys.unn.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2017
Статья принята к публикации 02.02.2017

Рецензируется сборник статей классика советской и российской методики обучения физике В.Г. Разумовского. Отмечается уникальный вклад ученого в развитие содержания и методики физики в средней школе, рассматриваются основные научные результаты, созданные им научные школы.

Ключевые слова: В.Г. Разумовский, методика физики, научные школы.

Среди актуальных задач, стоящих перед современной системой российского образования, важнейшей является развитие естественнонаучного образования, подготовка кадров для науки и инновационного развития промышленности. Запросы государства к школе в этой части изложены в послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию 1 декабря 2016 г.: «Важно сохранить глубину и фундаментальность отечественного образования. В школе нужно активно развивать творческое начало, школьники должны учиться самостоятельно мыслить, работать индивидуально и в команде, решать нестандартные задачи, важно воспитывать культуру исследовательской работы» [1].

При размышлении над путями развития российской системы естественнонаучного образования полезно обратиться к истории вопроса: понять, каким образом сложилась современная ситуация, обсудить предлагавшиеся варианты развития и упущенные возможности. Существенно расширить знания о месте российского физического образования в мировой системе подготовки учащихся, увидеть условия его серьезной модификации, понять, что есть возможности для становления подлинно научного способа обучения физике, поможет внимательное прочтение сборника научных статей общепризнанного лидера российского физического образования В.Г. Разумовского [2].

Научное творчество В.Г. Разумовского велико и разнообразно. Составитель сборника его статей проф. Ю.А. Сауров собрал работы, посвященные различным актуальным вопросам, основным проблемам развития методики физики. С большим интересом читатель ознакомится с результатами сравнительного анализа качества естественнонаучной подготовки учащихся в зеркале международных исследований, прочтет об опыте модернизации физического образования в США, познакомится с материалами по внедрению ФГОС, стандартизации оценки достижений школьников, узнает точку зрения автора на проблемы школьного физического эксперимента и качества подготовки преподавателей. Все эти аспекты естественнонаучного образования по-прежнему являются злободневными, определяя важность опубликованных работ для развития методики обучения естественным наукам. Именно глубина и основательность творчества В.Г. Разумовского позволили развиться на этой основе одной из ведущих научных школ в области методики физики.

Приведенные в сборнике статьи демонстрируют образец подлинно научного подхода к исследованию проблем методологии и методики обучения физике, сочетания глубокого теоретического анализа с конкретикой, типичной для учителя-практика. Каждый читатель найдет здесь актуальные для себя положения, интересные тезисы, важные методические рекомендации. Мы выделим те разделы, которые посвящены формированию естественнонаучной грамотности учащихся и развитию научного метода познания в обучении. Это отражает и наибольшую значимость приведенных в книге работ для развития современной методики обучения физике и естественным наукам в целом. Тема естественнонаучной грамотности учащихся и роль формирования научного метода познания в обучении физике развивалась В.Г. Разумовским на протяжении десятков лет. Приведенные статьи показывают определяющую роль именно естественнонаучной грамотности и адаптации научного метода познания для формирования необходимого уровня знаний, умений и развития творческих способностей учащихся.

Ю.А. Сауров внес вклад не только в сбор и обработку статей В.Г. Разумовского. Уже в предисловии им выдвигается чрезвычайно важный тезис, основанный на всем материале книги: «ядром **содержания современного физического образования** (выделено нами. – *И.Г.*, *Е.Ч.*) является научный метод познания. Существенно, однако, что метод познания лежит и в основе любой методики преподавания. При таком подходе появляется условие построить целостный, на фундаментальной теоретической платформе учебный процесс. Нормы научного метода познания задают идейно-теоретические основы в деятельности учителя» [2, с. 4].

Здесь следует высказать несколько соображений. Прежде всего – по поводу трактовки термина «содержание обучения». Традиционно содержание обучения является важнейшим объектом методики обучения любому естественнонаучному предмету. Однако сколь-нибудь серьезного продвижения в развитии содержания обучения за последние несколько десятилетий, во всяком случае после 80-х годов прошлого столетия, заметить нельзя ни в пособиях для студентов, ни в методической литературе. Более того, если понимать содержание обучения упрощенно в форме перечня усваиваемых законов и теорий, то происходит серьезное упрощение и облегчение его. Переход же большинства школ к двухчасовой физике в старших классах и вовсе изъял из усваиваемого содержания все, кроме беглого изложения сведений, но отнюдь не усваиваемых знаний и тем более способа их получения. Здесь мы сталкиваемся с печальной тенденцией. Несмотря на признание в дидактике и теории обучения физике ведущей роли деятельности учащихся, «в большинстве методических рекомендаций описание преподавания выступает на первый план, учение остается в контексте» [3, с. 23]. «Учение остается в контексте» означает, что неважно, как ученики выполнили лабораторную работу, насколько самостоятельно и продуктивно они работали. Хотя теоретически давно стало понятно, что «нельзя говорить о действительном управлении учебным процессом, если пренебрегать характером познавательной деятельности учащихся … при управлении учебным процессом требуется контроль не только за правильностью ответа на то или иное учебное задание, но и за той системой познавательных действий, с помощью которых этот ответ получен» [4, с. 32]. «Характер выполняемой учеником деятельности в значительной мере определяет качество полученных знаний: далеко не безразлично, через какую деятельность попали знания ученику» [4, с. 16]. Главный недостаток многих работ собственно по методике преподавания физики, как в школе, так и в вузе, это отсутствие описания деятельности учащихся, мотивированной содержанием обучения, понимаемого в т.ч. как основа научного метода познания, и управляемой преподавателем, формирующим основы этого метода. Внесение метода научного познания в ядро усвояемого содержания обучения многое расставляет по своим местам, определяя основную задачу преподавателя как формирование определенного способа получения знания в результате познавательной деятельности учащихся.

В работах, посвященных реализации требований ФГОС, выдвигается тезис об удвоении содержания обучения: учащийся должен усвоить не только сами знания, но и способ их получения, т.е. все тот же метод научного познания. Утверждается, что требования ФГОС к результатам освоения учебной программы «фактически требуют удвоения содержания образования и таких технологий обучения, которые все время обращают внимание на способ действий учащихся» [5, с. 6]. О том же говорит и В.Г. Разумовский: «В современное понятие «содержание образования» входит не только объем знаний, подлежащий усвоению, но и опыт деятельности, приобретаемый школьниками в учебном процессе» [2, с. 126]. Перенос научного метода познания в содержание обучения вполне адекватен как нормам ФГОС, так и международным требованиям. В книге приводятся интересные данные о методике и результатах международных исследований по степени сформированности научной грамотности учащихся, согласно которым школьники российских школ находятся далеко не на первых местах, а в ряде случаев замыкают рейтинг [2, с. 100, с. 147, с. 171]. В этом нет ничего удивительного, поскольку исследование, например, по программе Program for International Student Assessment (PISA) исходит из следующего определения научной грамотности: «владение научными знаниями и применение этих знаний для распознавания проблем, для научного объяснения явлений и для приобретения новых знаний» [2, с. 171]. Соответственным образом формулируются и задания в исследованиях PISA, по результатам которых наши учащиеся не умеют «наблюдать и описывать явления, обобщать их и выражать в научных понятиях, выяснять и решать проблему для исследования, объяснять явления и применять полученные знания на практике» [2, с. 173].

Основа научного метода познания действительности – учебный физический эксперимент. Буквально в каждой статье обсуждаемой книги анализируется ситуация с экспериментом в школе и предлагаются новые методические ре-

шения, вытекающие все из того же метода научного познания. Автор указывает на недостаточность оборудования, сокращение учебного времени, ослабление внимания к экспериментальным умениям при подготовке учителей [2, с. 125]. С нашей точки зрения, снижение удельного веса эксперимента в учебном процессе есть также следствие низкой его методической эффективности. Поясним мысль. Как неоднократно указывал В.Г. Разумовский и другие исследователи, после введения ЕГЭ и ГИА произошла переориентация учебного процесса. Не успешность усвоения всего содержания учебного предмета, а успешность выполнения типовых заданий ЕГЭ стала критерием результативности успешности обучения. Однако структура и конкретное наполнение заданий ЕГЭ никак не соответствуют требованиям ФГОС. «Типовые расчетные задачи, условия которых начинаются с перечисления заданных физических параметров, характеризующих явления, должны быть в составе измерителей, но для оценки итоговой научной грамотности выпускников недостаточны» [2, с. 156]. Эти задания далеки от требований ФГОС, среди которых – «умение применять полученные знания для объяснения условий протекания физических явлений в природе и для принятия практических решений в повседневной жизни» [6].

Для формирования умений решать типовые расчетные задачи, с точки зрения успешности выполнения заданий ЕГЭ, эксперимент малоэффективен и в силу этого объективно вымывается из учебного процесса. Если же в качестве обязательного элемента содержания обучения мы будем иметь не только знания, но и усвоенный способ их получения, в т.ч. для применения в новой познавательной ситуации, то роль и значимость учебного эксперимента будет иной. Основным способом получения нового физического знания является эксперимент, со всей прилежащей методической аранжировкой: выдвижение гипотезы, планирование техники и методики его применения, формирование экспериментальных умений, обсуждение и оценка полученных результатов, усвоение нового полученного содержания. Поэтому и обойтись в учебном процессе без учебного эксперимента, имея в виду усвоение способа получения знания, нельзя. Метод научного познания в его экспериментальном исполнении становится сердцевиной методики обучения, нормируя всю деятельность учителя и учащихся.

Несколько лет назад мы предложили для обсуждения следующее понимание принципа научности в обучении физике: структура усваиваемого учащимися физического знания определяет основные характеристики конструируемого процесса обучения – цели, методы обучения, обеспечивая обоснованность моделирующей, проектировочной и конструктивной деятельности учителя [7]. Теперь очевидно, что в соответствии с требованиями ФГОС в этом определении «знания» следует поменять на обобщенное понятие «содержание», в которое включается и метод научного познания. Предложенная формулировка базируется на понимании физики как учебного предмета, изучающего, прежде всего, основы науки. Определение учебного предмета физики как изоморфной копии соответствующей науки, предложенное А.А. Пинским, отнюдь не утратило с течением времени своей актуальности [8]. В силу этого определения первостепенное значение для конструктивной деятельности преподавателя имеет следование объективной логике раскрытия изучаемого научного содержания, в том числе в смысле формирования научного метода познания как учебной копии исследовательской деятельности ученого. Вот как описывается эта деятельность В.Г. Разумовским: «Изменяется функция учителя. Владение школьниками методом научного познания позволяет учителю организовывать их самостоятельную познавательную деятельность. Выполнение такого исследования ведет ученика от незнания к знанию не со страниц учебника и не со слов учителя, а в результате проведенного исследования, доставляя ему ощущение собственного открытия и громадное удовлетворение. При этом возрастает эффективность развития способности самостоятельно учиться, мыслить и творчески действовать благодаря учебной деятельности, адекватной научному методу познания» [2, с. 130–131].

Мы не ставили своей целью дать развернутую рецензию на сборник статей В.Г. Разумовского. Каждая из них в свое время после публикации была с большим вниманием встречена научно-педагогической общественностью и оказала серьезное влияние на ход дискуссии по злободневным вопросам теории и практики обучения. Однако повторное прочтение нескольких статей по одной из тем – формирование научного метода познания – дало толчок к размышлению и стало поводом для поиска новых методических решений.

Составитель книги чл.-корр. РАО, проф. Ю.А. Сауров проделал большую работу по сбору статей и подготовке книги к изданию. Получился не просто сборник статей одного автора, но чрезвычайно полезный труд по методике обучения физике, её роли в современной образовательной системе, проблемам и перспективам развития. Знакомство с результатами многолетнего труда акад. В.Г. Разумовского

будет весьма полезно всем, кто заинтересован в развитии теории и практики обучения физике.

Пока статья готовилась к печати, пришло печальное известие о смерти академика РАО В.Г. Разумовского.

Авторы выражают искреннее соболезнование ученикам и соратникам Василия Григорьевича и скорбят вместе со всеми.

Примечание

1. Разумовский В.Г. Проблемы теории и практики школьного физического образования: Избранные научные статьи / Сост. Ю.А. Сауров. М.: Институт стратегии развития образования РАО, 2016. 196 с.

Список литературы

1. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379 (дата обращения: 20.12.2016).

2. Разумовский В.Г. Проблемы теории и практики школьного физического образования: Избранные научные статьи / Сост. Ю.А. Сауров. М.: Институт стратегии развития образования РАО, 2016. 196 с.

3. Сауров Ю.А. Основы методологии методики обучения физики. Монография. Киров: Изд. Кировского ИУУ, 2003. 198 с.

4. Талызина Н.Ф. Формирование познавательной деятельности учащихся. М.: Педагогика, 1983. 175 с.

5. Лазарев В.С. Формирование познавательных действий в учебной деятельности // Педагогика. 2014. № 6. С. 3–12.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=2588 (дата обращения: 10.04.2016).

7. Гребенев И.В., Чупрунов Е.В. Фундаментальная научная подготовка учителя как основа его профессиональной компетентности // Педагогика. 2010. № 8. С. 65–71.

8. Пинский А.А., Голин Г.М. Логика науки и логика учебного предмета // Советская педагогика. 1983. № 12. С. 54–64.

SCIENTIFIC METHOD OF KNOWLEDGE ACQUISITION IN THE TEACHING OF PHYSICS (REFLECTIONS ON THE BOOK)

I.V. Grebenev, E.V. Chuprunov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

This publication is a review of a collection of articles by V.G. Razumovsky, the Soviet and Russian classic in the methods of teaching physics. We note his unique contribution to the development of the content and methods of teaching physics in the secondary school, discuss scientific schools created by Razumovsky, and examine his main scientific results.

Keywords: V.G. Razumovsky, methodology of physics, scientific schools.

УДК 378

УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ КАК СПОСОБ УГЛУБЛЕНИЯ И РАСШИРЕНИЯ ЗНАНИЙ ПО МАТЕМАТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ

© 2017 г.

О.В. Задорожная

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста

ovz_70@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.12.2016
Статья принята к публикации 02.02.2017

Рассматриваются педагогические особенности внедрения проектной деятельности в процесс изучения математических дисциплин. С учетом специфики предмета дается определение учебного проекта по математическому анализу. В качестве примера описывается поэтапное выполнение проекта, в котором исследуются проблемы, мало изученные в математическом анализе. Основной целью исследования является не только формирование у студентов прочных фундаментальных знаний предмета, но и формирование проектных умений, элементов научно-исследовательской работы, развитие самостоятельности, приобретение навыков самообразования, саморазвития, формирование уникального опыта, позволяющего приобретать новые знания. Для достижения эффективности этого процесса предлагается внедрение в учебную деятельность комплекса проектов по математическому анализу, сгруппированных по определенным признакам, взаимосвязанных между собой, при условии их систематического использования.

Ключевые слова: учебный проект, проектная деятельность, математический анализ.

Постановка проблемы

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 01.03.01 «Математика», видами профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники бакалавриата, являются научно-исследовательская, производственно-технологическая, организационно-управленческая и педагогическая деятельности. В зависимости от вида деятельности выпускник должен быть готов решать соответствующие профессиональные задачи, обладать общекультурными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями. Для достижения этих целей предполагается применение активных методов обучения, к которым можно отнести метод проектов. Внедрение проектного метода в обучение является одним из условий переориентации высшего профессионального образования с традиционного «знаниевого» подхода на личностно ориентированный и компетентностный [1; 2].

В педагогической практике сложились теоретические предпосылки использования проектов в обучении, основанные на идеях американских педагогов и психологов конца XIX в. Дж. Дьюи [3], У. Килпатрика [4]. В начале XX в. отечественные исследователи, разрабатывавшие идеи проектного обучения, отмечали, что метод проектов применялся как средство слияния теории и практики в обучении (Е.Г. Кагаров [5]); развития самостоятельности и подготовки школьников к трудовой жизни (С.Т. Шацкий [6]); всестороннего развития ума и мышления (П.Ф. Каптерев [7]); формирования творческих способностей (П.П. Блонский [8]).

Современные концепции применения проектов в обучении можно проследить в исследованиях российских и зарубежных авторов П.Р. Атутова [9], В.В. Гузеева [10], Н.В. Матяш [11], Г.К. Селевко [12], В.Д. Симоненко [13] и др., выявивших широкие возможности учебных проектов, позволяющих углублять, обновлять знания, формировать умение самостоятельно приобретать их, ориентироваться в информационном пространстве. Анализ научной, педагогической и методической литературы показал, что существуют различные подходы к пониманию учебного проекта, определяемого как конечный продукт, как решение проблемы материального, социального характера, как форма образования, как эффективный способ развивающего и проблемного обучения. Существуют исследования об эффективном обучении математическим дисциплинам с использованием проектов [14]. Изучение математического анализа подчинено особым требованиям, обусловленным необходимостью подготовки высококвалифицированных специалистов, способных в будущем не только получать новые научные результаты, но и определять мировое развитие математики (В.А. Садовничий [15]), для чего нужно обладать глубокими знаниями по математическому анализу и возможностью их применения в различных ситуациях.

Особенности преподавания математического анализа

Математические дисциплины, изучаемые в высших учебных заведениях, существенно отличаются от математики, преподаваемой в средней школе. Перед преподавателем вуза стоят две задачи: определить, раскрыть, установить математические законы, на основе которых математика раскрывается как наука, и сообщить студентам знания, добытые наукой. Таким образом, математика изучается как наука и как учебная дисциплина. Известно, что *математический анализ* – это обширная область математики с характерным объектом изучения (переменной величиной), своеобразным методом исследования (анализом посредством бесконечно малых или посредством предельных переходов), определенной системой основных понятий (функция, предел, производная, дифференциал, интеграл, ряд) и постоянно совершенствующимся и развивающимся аппаратом, основу которого составляют дифференциальное и интегральное исчисления. Математический анализ характеризуется высокой степенью абстрактности изучаемого материала, не имеющей близких аналогов в других предметах, а тем более в предметах не математического цикла. Объекты изучения находятся в непрямой связи с действительностью. Так, например, «функция», «множество», «множество действительных чисел» и т.д. часто даже более абстрактны, чем многие вытекающие из них понятия. Зачастую в преподавании высшей математики не важно, как исследователь пришел к открытию математической истины, важны само доказательство и логика перехода от одной идеи к другой. Математика как наука строится и развивается по определенной системе, она раскрывает законы, вытекающие один из другого в строгой последовательности; изучаются объекты не в конкретном виде, а структура отношений, в которых они выступают. Множества объектов различной природы могут иметь одинаковую структуру, определяемую одними и теми же отношениями между элементами этих множеств. Математика изучает эти отношения.

Преподавание математического анализа как науки не считается со сложностью устанавливаемых законов и уровнем развития тех, кто будет изучать эти законы. Однако, по нашему мнению, все же необходимо учитывать возрастные особенности студентов. Студенческий возраст – это период выработки мировоззрения, убеждений, характера и жизненного самоопределения. Восприятие в этот период характеризуется целенаправленностью, внимание – произвольностью и устойчивостью, память – логическим характером. Мышление студентов отличается более высоким уровнем обобщения и абстрагирования, постепенно приобретает теоретическую и критическую направленность. Можно отметить, что студенты первого курса уже подготовлены к изучению абстрактного материала, в виде исследования пространственных форм и установления многих зависимостей между величинами. Однако способность к абстракции и логическому мышлению нуждается в развитии.

Математический анализ в вузе начинают изучать с первого курса. В это время студент проходит адаптацию к учебе в вузе, где нередко возникают трудности, связанные с отсутствием моральной поддержки коллектива, которая была в школе; недостаточной психологической подготовкой к выбору профессии; с неумением осуществлять психологическое саморегулирование поведения и деятельности, усугубляемое отсутствием привычки к повседневному контролю педагогов.

Личный педагогический опыт позволяет утверждать, что многие из тех, кто успешно учился в школе, на первом курсе испытывают затруднения при изучении математических дисциплин, в особенности математического анализа. Это связано со спецификой последнего, с психологическими особенностями вузовского обучения, а также с тем, что у многих бывших школьников не сформированы способности к самостоятельной учебе, контролированию и оцениванию себя, умение правильно распределять свое время для самостоятельной подготовки, поэтому для устранения этих недостатков необходимо внедрять в учебный процесс проекты, ориентированные на высокую долю самостоятельности.

Мы выявили, что внедрение проектной деятельности при изучении математического анализа изменяет отношение студентов к предмету. Расширение и углубление знаний происходит за счет создания нового субъективно значимого продукта. При этом возрастает ценность понимания того, какая именно информация нужна, где ее получить, из каких источников, как обработать, проанализировать, дополнить и использовать в математическом исследовании.

Понятие проекта по математическому анализу

В ходе экспериментального исследования нами показано, что учебный проект может стать эффективным инструментом преподавания наиболее сложных и трудных задач в математическом анализе, помогает раскрыть и установить

внутрипредметные связи между основными дидактическими единицами дисциплины, выявить глубокую соподчиненность математических объектов [16]. Для преподавателя важно получить информацию о полноте знаний студентов, определить обратные связи, способы мониторинга учебных достижений, динамику интеллектуального развития, степень овладения студентом теми или иными компетенциями. Учебный проект по математическому анализу может рассматриваться как дидактическое средство активизации познавательной деятельности студентов, развития когнитивных процессов, креативности, способствующее обогащению интеллектуальных возможностей студентов; другими словами, он является источником инициативы, творчества, интеллектуальной деятельности. **Проект по математическому анализу** – это учебное задание поисково-исследовательского характера, направленное на дополнение, углубление, систематизацию учебного материала, требующее сравнения, обобщения, анализа фактов, понятий, теорем. Проект характеризуется наличием методических альтернатив изучения материала, абстрактностью используемого математического аппарата, оценкой результата с помощью критериев, проведением его презентации. Результат имеет математический показатель в виде решения проблемы, создания субъективно нового, личностно значимого продукта и формирования прочных математических знаний, а также психолого-педагогический показатель в виде изменения личности студента – способности решать новые предметные задачи, возрастания интереса к учебной и научной работе [16].

В преподавании математического анализа логические обоснования и рассуждения занимают большое место. Поскольку задания по математическому анализу характеризуются высокой степенью абстрактности изучаемого материала, они не могут носить практической направленности, и поэтому тема проекта может не являться социально значимой, а быть личностно значима для студента. На первый план выходит получение некоторого результата (обычно теоретического характера), не имеющего напрямую практического применения в жизни [17; 18].

Реализация учебных проектов по математическому анализу. Эффективность реализации учебных проектов по математическому анализу достигается, если их применение носит не эпизодический характер, а направлено на систематическую работу в течение всего процесса обучения. Учебные проекты необходимо объединить, подчинить одной цели, сгруппировать по определенным признакам, что побудило нас создать комплекс учебных проектов по математическому анализу, в котором делается акцент на взаимосвязи различных содержательно-методических линий предмета. Комплекс учебных проектов по математическому анализу предусматривает, с одной стороны, использование совокупности разнообразных методов и средств обучения, а с другой – необходимость интегрирования знаний и умений из различных разделов математического анализа, установления различных внутрипредметных связей. Цель использования комплекса учебных проектов – научить студентов самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, развивать способности прогнозирования, предполагать возможные последствия разных вариантов решения, устанавливать причинно-следственные связи, привить интерес к занятиям наукой.

Нами разработан комплекс учебных проектов, рассчитанный на два года изучения математического анализа. Каждый проект по своей сути является уникальным исследованием в рамках предмета, где упор делается на реализацию многочисленных внутрипредметных связей между несколькими содержательно-методическими линиями курса. Учебные проекты используются на лекционных и практических занятиях; их готовит преподаватель, он знакомит с основными правилами их создания, предлагает методические рекомендации к их решению. Кроме того, учебные проекты выполняются студентами в качестве большого самостоятельного домашнего задания. В начале семестра преподаватель предлагает студентам перечень учебных проектов, которые представляются на мини-конференциях; кроме того, преподаватель включает их в коллоквиумы, экзамены как составную часть билетов.

Проиллюстрируем учебный проект по математическому анализу по теме «*Функциональные свойства интеграла как оператора, определенного на различных классах вещественнозначных функций*».

<u>На проблемно-целевом этапе</u> подбирается задание для проекта, не имеющее готового, однозначного ответа, требующее поиска решения. Особенностью данного проекта является то, что он основан на отсутствии «очевидного» решения и субъективной для студента новизне, не имеет готового, однозначного ответа, который можно явно найти в учебнике или лекции. Проект базируется на фундаментальных разделах курса – интегральном и дифференциальном исчислениях.

Известно, что в зависимости от природы области определения и области значений термин «функция» имеет несколько синонимов: преобразование, оператор, функционал, отображение, соответствие.

Напомним, что функция, определенная на множестве, элементами которого являются функции, со значениями на множестве, элементами которого также являются функции, называется оператором.

Интеграл $\int p(x)dx$ от вещественнозначной функции одной переменной можно рассматривать в двух аспектах:

1) $\int p(x)dx = g(x)$ – интеграл как функция переменной x;

2) $\int p(x)dx = g(p)$ – интеграл как оператор, где переменной выступает подынтегральная функция $p(x)$.

Причем, со второй точки зрения, где интеграл рассматривается как оператор, изучение некоторых разделов математического анализа ранее не проводилось. Поэтому возникла **идея учебного проекта** – исследовать интеграл как оператор на различных классах вещественнозначных функций (интегрируемых по Риману, непрерывных на промежутке, монотонных, знакоположительных и т.д.).

На аналитическом этапе конкретизируется цель в виде **задания** – определить свойства оператора интегрирования, определенного на классе интегрируемых по Риману функций. Преподаватель ориентирует студентов на внимательный и глубокий просмотр изученного материала под углом зрения поставленной проблемы, выделения главных смысловых аспектов учебного проекта. Педагог подчеркивает, что многие вопросы уже изучены, однако можно смотреть на некоторые вещи и не заметить другие, можно знать факты, но не суметь использовать их в другой ситуации. Студенты приходят к мысли об указании класса функций, которые могут быть взяты в качестве области определения оператора интегрирования.

На прогностическом этапе выбираем пути выполнения проекта и делаем предположения. Итак, мы должны решить две **задачи**: 1) указать область определения и область значений интеграла как оператора; 2) выявить классы интегрируемых функций.

Для реализации проекта привлекаются, в частности, изученные ранее теоремы для определенного интеграла, как функции верхнего предела. Делаем прогноз о возможности решения проблемы с помощью утверждения: если подынтегральная функция интегрируема по Риману на отрезке, то результатом операции интегрирования является непрерывная на этом отрезке функция.

На практическом этапе осуществляем реализацию задач проекта. Учебный проект предполагает одновременное рассмотрение интеграла как функции переменной x и интеграла как оператора, в котором переменной выступает подынтегральная функция. Полученные сведения переносятся на случай интеграла как оператора. В результате делаем **вывод**: *областью определения* интеграла как оператора является множество интегрируемых по Риману функций, а *областью значений* – множество непрерывных функций.

Для выполнения второй задачи учебного проекта подбирается информация об интегрируемых функциях.

Функция $f(x)$ интегрируема по Риману на отрезке $[a;b]$, если выполнено одно из условий: 1) $f(x)$ непрерывна на данном отрезке; 2) $f(x)$ ограничена на отрезке и непрерывна на нем всюду, за исключением, может быть, конечного числа точек разрыва первого рода; 3) $f(x)$ монотонна на отрезке.

Особое внимание уделяется утверждению Лебега, согласно которому функция интегрируема по Риману на отрезке тогда и только тогда, когда она ограниченна и непрерывна на отрезке почти всюду, т.е. за исключением точек множества меры нуль. В результате приходим к **факту**, который известен в математическом анализе, но на который студенты не обращали внимание, а именно: ограниченные разрывные функции также входят в класс интегрируемых функций.

Анализируя и сопоставляя собранный материал, делаем следующий **вывод**: интеграл как оператор преобразует множество, элементами которого являются интегрируемые на отрезке функции (возможно, разрывные), в множество, элементами которого являются непрерывные на данном отрезке функции.

На этапе рефлексии при оценке проделанной работы получаем интересное математическое **наблюдение и вывод** об одном из свойств интеграла как оператора: оператор интегрирования улучшает функциональные свойства функций, т.к. в результате интегрирования интегрируемая (не обязательно непрерывная) функция преобразуется в непрерывную на отрезке функцию. Геометрически это свойство можно сформулировать так: ограниченная, не обязательно непрерывная кривая преобразуется при интегрировании в непрерывную кривую.

Однако полученный материал служит **источником для дальнейшего исследования**. Рефлексия побуждает студентов к дальнейшему расширению и обогащению своих знаний. Возникает вопрос о возможности рассмотрения других функциональных свойств интеграла как оператора.

Перед студентом встает **новая задача** – рассмотреть *свойства дифференцируемости инте-*

грала как функции и свойства интеграла как оператора, определенного на классе непрерывных на отрезке функций.

При решении данной задачи используется утверждение о том, что если подынтегральная функция непрерывна на отрезке, то интеграл от нее, рассматриваемый как функция переменной x, является дифференцируемой на этом отрезке функцией, то есть имеющей конечную производную на данном отрезке, причем равную подынтегральной функции.

Сделаем следующие выводы:

1) интеграл как функция переменной x улучшает свойства функций, т.к. непрерывная на отрезке функция преобразуется в дифференцируемую на данном отрезке функцию;

2) определенный на классе непрерывных на отрезке функций интеграл как оператор отображает класс непрерывных функций на класс дифференцируемых на отрезке функций; т.е. множество, элементами которого являются непрерывные функции, преобразует в множество, элементами которого являются дифференцируемые функции.

Анализ полученных результатов, выводов позволяет расширить границы данного задания и **исследовать** *свойства интеграла как оператора, определенного на классе знакоположительных в R функций.*

Рассмотрим ситуацию: пусть дифференцируемая в R функция биективна в R. Необходимо выявить, что из этого следует, какие выводы можно отсюда сделать. Возникает **идея** представить $g(x)$ в виде интеграла $g(x)=\int p(x)dx, x\in R$.

Считаем, что функция $p(x)$ непрерывна в R. Тогда функция $g(x)$ дифференцируема в R на основании полученных выводов в данном проекте. Причем $g'(x)=p(x)$ при всех x, принадлежащих R.

Расширяем круг поиска нужных сведений. В результате анализа, обобщения, сопоставления материала по данной теме имеем следующую информацию:

1) непрерывное отображение $g(x)$ биективно на R тогда и только тогда, когда функция $g(x)$ строго монотонна на R;

2) если $g'(x)=p(x)>0$ в R, то функция $g(x)$ возрастает в R, а если $g(x)$ возрастает в R, то $g'(x)=p(x)\geq 0$ в R;

3) возрастание дифференцируемой функции $g(x)$ влечет только неотрицательность производной, а не ее положительность.

Из вышеизложенного делаем вывод: если $g'(x)=p(x)\geq 0$ в R, то интеграл как оператор преобразует множество, элементами которого являются неотрицательные в R функции $p(x)$, в множество, элементами которого являются биективные в R функции. Другими словами, интеграл как оператор преобразует множество знакоположительных в R функций $p(x)\geq 0$ в множество возрастающих в R функций $g(x)$. В этом и состоит функциональное свойство интеграла как оператора, определенного на классе знакоположительных функций.

Геометрически это означает, что кривая, расположенная в верхней полуплоскости и являющаяся графиком знакоположительной в R функции $p(x)$, при интегрировании преобразуется в кривую, являющуюся графиком возрастающей в R функции $g(x)$. Этот факт используется при построении графиков функций.

Из вышеизложенного следуют следующие выводы:

1) класс знакоположительных в R функций порождают класс биективных в R функций;

2) интеграл как оператор, где переменной выступает подынтегральная функция, преобразует множество монотонных функций в множество монотонных функций.

Показателем прочности и глубины приобретенных знаний, полученного исследовательского опыта в результате выполнения учебного проекта служит возможность самостоятельного составления функций, относящихся к классу знакоположительных биективных в R функций. Например, $y=\mathrm{arcctg}x$, $y=\mathrm{arctg}x+\frac{\pi}{2}$, $y=\mathrm{arcctg}^2x$, $y=\mathrm{arctg}^2x$ и т.д.

Рассмотрим одну из таких функций: $p(x)=\mathrm{arctg}^2(x-x_1)...(x-x_n)$.

Непосредственно убеждаемся, что точки $x_1,...,x_n$ являются нулями функции, более того, они являются точками минимума; это следует из того, что $p(x)\geq 0$ в R и $p'(x)=0$ в данных точках $x_1,...,x_n$. Имеет место ситуация: $p'(x_k)=0$, $p''(x_k)\neq 0$, $k=1,...,n$, $g''(x_k)=p'(x_k)=0$, $g'''(x_k)=p''(x_k)\neq 0$, откуда следует, что точки экстремума $x_1,...,x_n$ функции $p(x)$ являются точками перегиба функции $g(x)=\int p(x)dx, x\in R$.

Выдвигается **гипотеза**: в общем случае точки экстремума функции $p(x)$ являются точками перегиба функции вида $g(x)=\int p(x)dx$, для подтверждения которой используется представление функции $g(x)=\int p(x)dx$, а также соотношения и свойства функций: $g'(x)=p(x)$,

$g''(x) = p'(x)$, $g'''(x) = p''(x)$ и $g''(x_k) = p'(x_k) = 0$, $g'''(x_k) = p''(x_k) \neq 0$. Эти характерные свойства функций $p(x)$ и $g(x)$ могут быть использованы также при построении графиков функций.

Достоинством нашего проекта является то, что поднимаемые здесь вопросы имеют определенную математическую значимость, поскольку биективные функции в вещественном анализе менее изучены, в отличие от геометрической теории функции комплексного переменного и теории однолистных функций комплексного переменного. Кроме того, необходимо обратить внимание на следующее: в математическом анализе рассматриваются биективные функции на локальных промежутках, т.е. на подмножествах множества R; в данном проекте существенным является то обстоятельство, что биективность рассматривается именно на всем классе R. Поэтому любой факт, касающийся биективных функций, несет в себе субъективную новизну и математический интерес. Данная работа показывает, как много можно увидеть, выделить, систематизировать, обобщить при целенаправленном изучении предмета посредством учебных проектов.

Заключение

Практика внедрения учебных проектов в учебный процесс показывает их эффективность. Положительный результат подтверждается высоким уровнем сформированности, прочности и гибкости математических знаний и умений студентов [2]. Наши исследования показывают, что использование учебных проектов в процессе изучения математического анализа способствует формированию глобального видения различных проблем курса, позволяет воспринимать знания в их взаимосвязях и взаимозависимостях. Однако это сложный процесс, поскольку каждый проект по своей сути уникален и большая роль при разработке тем проектов и организации проектной деятельности отводится преподавателю. Безусловно, такой подход к учебному процессу должен рассматриваться только как компонент систематического предметного обучения, однако надо отметить, что проектный подход является современной функциональной технологией, максимально востребованной в российском высшем образовании.

Список литературы

1. Кузьмина И.В., Лозовская Л.Б., Морозов О.А., Новиков В.А. Опыт применения проектного метода обучения в практических занятиях курса «Основы теории управления» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2016. № 3 (43). С. 163–168.

2. Яковлева Н.Ф. Проектная деятельность в образовательном учреждении: Учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2014. 144 с.

3. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления / Пер. с англ. Н.М. Никольской; Под ред. Н.Д. Виноградова; 2-е изд. Берлин, 1922. 196 с.

4. Килпатрик У.Х. Метод проектов: Применение целевой установки в педагогическом процессе. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. 43 с.

5. Кагаров Е.Г. Метод проектов в трудовой школе. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926. 88 с.

6. Шацкий С.Т. Избранные педагогические сочинения. В 2 т. Т. I. М.: Педагогика, 1980. 304 с.

7. Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / Под ред. А.М. Арсеньева. М.: Педагогика, 1982. 704 с.

8. Блонский П.П. Задачи и методы новой народной школы. М.: Задруга, 1917. 80 с.

9. Атутов П.Р. Политехническое образование школьников: сближение общеобразовательной и профессиональной школы. М.: Педагогика, 1986. 176 с.

10. Гузеев В.В. Теория и практика интегральной образовательной технологии. М.: Народное образование, 2001. 224 с.

11. Матяш Н.В. Психология проектной деятельности школьников: Автреф. дис. … д-ра психол. наук. М.: Брянский гос. педагогический университет им. акад. И.Г. Петровского, 2000. 52 с.

12. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. М.: Народное образование, 1998. 256 с.

13. Симоненко В.Д., Ретивых М.В., Матяш Н.В. Технологическое образование школьников: теоретико-методологические аспекты / Под ред. В.Д. Симоненко. Брянск: Изд-во БГПУ, НМЦ «Технология», 1999. 230 с.

14. Задорожная О.В. Проектирование комплекса учебных проектов в процессе обучения математическому анализу в университете: Дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. 237 с.

15. Архипов Г.И., Садовничий В.А., Чубариков В.Н Лекции по математическому анализу: Учебник для вузов / Под ред. В.А. Садовничего. 4-е изд., испр. М.: Дрофа, 2004. 640 с.

16. Zadorozhnaya O.V., Kochetkov V.K. Exploring mathematical analysis based on project activity // Biosciences Biotechnology Research Asia. Vol. 11. № 2. Режим доступа: http://www.biotech-asia.org/specialedition.php?issue=SE%20Nov%2014&pg=1 (дата обращения: 15.09.2015).

17. Zadorozhnaya O.V. Training project «Comparative analysis of univariate and multivariate mathematical analysis» // The 8th Congress of the International Society for Analysis, its Applications, and Computation. M.: PFUR, 2011. P. 462–463.

18. Zadorozhnaya O. Classroom project «Mathematical analysis in the unity and diversity» // Progress in analysis. Proceedings of the 8th Congress of the International Society for Analysis, its Applications, and Computation Vol. 3. M.: Peoples' Friendship University of Russia, 2012. P. 209–215.

EDUCATIONAL AND RESEARCH PROJECTS AS A WAY TO DEEPEN AND EXPAND THE KNOWLEDGE OF MATHEMATICAL ANALYSIS

O.V. Zadorozhnaya

Kalmyk State University

We consider some pedagogical features of introducing project activities into the process of studying mathematics subjects. A definition is given of the educational project on mathematical analysis with the account of the specifics of this subject. An example is presented of a stage-by-stage implementation of the project, where little-studied problems in mathematical analysis are investigated. The main goal of our research is to develop in students not only the solid fundamental knowledge of the subject, but also to develop project skills, elements of research work, self-reliance, as well as self-education and self-development skills and to give our students a unique experience allowing them to acquire new knowledge. It is proposed to introduce into learning activities a set of interrelated mathematical analysis projects grouped according to certain criteria, and to use them on a systematic basis.

Keywords: educational project, project activity, mathematical analysis.

УДК 372.881.111.1

УПРАВЛЕНИЕ КОНТРОЛЕМ КАК АСПЕКТ ПРИОБРЕТЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

© 2017 г.

Л.И. Новожилова, А.Ю. Перевезенцев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

novozhilovali@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.12.2016
Статья принята к публикации 02.02.2017

Рассматриваются значение и методы обеспечения качества преподавания; доказывается, что качество – это успех преподавания на любом уровне. Под методами обеспечения качества преподавания понимается системное, интегрально-многоуровневое образование, обладающее совокупностью ведущих принципов обучения и целенаправленно проектирующее методическое, лингвистическое, психологическое и организационное обеспечение учебного процесса применительно к конкретной учебно-речевой задаче с учётом достижения заданного результата обученности средствами изучаемого иностранного языка. С позиции комплексного подхода к рассмотрению методического управления в учебном процессе выявлены, прежде всего с методической точки зрения, такие задания, при выполнении которых обучающиеся становятся участниками иноязычного обучения. Основным условием отбора заданий являются самостоятельность и содержание элементов творчества. На реальном занятии все задания взаимосвязаны, субординированы и дополняют друг друга.

Ключевые слова: формулировка заданий, обратная связь, менеджер учебного процесса, языковая компетенция, корректирующие действия, фонд оценочных средств.

В данной статье предпринята попытка проследить связь коммуникативной доминанты в обучении иностранному языку с системой упражнений, сформированных на основе расширения профессиональных знаний и, что особенно важно, коммуникативных умений преподавателя. Мы предполагаем, что существует тесная взаимосвязь между аспектами языка и видами коммуникативной деятельности.

Выдвижение коммуникативной компетенции в качестве основной практической цели обучения иностранному языку вызывает необходимость уточнения объектов контроля коммуникативных умений.

Предпринятый анализ методической литературы позволяет увидеть, что контроль выполняет следующие функции: обучающую, диагностическую, корректирующую, управленческую, стимулирующую, развивающую, воспитывающую и оценочную.

Именно этой точки зрения придерживается проф. С.Ф. Шатилов [1], который различает следующие функции: контрольно-корректирующую, контрольно-предупредительную, контрольно-стимулирующую, контрольно-обучающую, контрольно-диагностирующую, контрольно-воспитательную и развивающую. Методисты исходят из общедидактического понимания контроля. Кроме того, применительно к предмету «Иностранный язык» выдвигается предупредительная функция, целью которой является задача установления объектов, которые будут подвержены контролю. Следует также отметить ещё одну функцию, а именно итоговый контроль, который, по сути, всегда является комплексным.

Более того, в обучении иностранному языку важную роль играет отрицательный языковой опыт, суть которого раскрыл ещё Л.В. Щерба [2].

Среди методистов нет единства по представленному вопросу, и он требует более тщательного исследования.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению коммуникативной компетенции, имеет смысл осветить основные необходимые способы контроля. Известно, что первоначально при контроле усвоения языкового материала использовались обычные упражнения. Затем стали применяться тесты. Позднее, в 60–70-е годы, в работах исследователей в области языкового тестирования акцент был смещён на формальную сторону речи, на манипулирование единицами языка.

Очевидно, что в работах по вопросам тестирования, как правило, рассматривается тестирование либо рецептивных видов речевой деятельности, либо аспектов языка.

При этом важно отметить весьма существенное обстоятельство, которое сыграло важную роль в совершенствовании умений чтения и аудирования. Сюда мы отнесём использование таких видов заданий, как множественный выбор, упорядочение, т.е. так называемых зада-

ний на выбор ответа. Многолетний опыт показывает, что использование таких заданий в практике обучения иноязычной речи в целях контроля и самоконтроля внесло весомый вклад в проблему разработки способов контроля. В частности, контроль говорения сводится к монологическому сообщению по одной из предложенных тем.

Тщательно проанализировав методическую литературу по данному вопросу и сопоставив данные анализа с опытом преподавания иностранного языка на уровне университета, можно сделать вывод, что ориентация на данные способы контроля сводится к формированию следующих компетенций:

– компетенция в говорении (лексическая, грамматическая, произносительная);

– компетенция в письме (лексическая, грамматическая, орфографическая);

– компетенция в аудировании (различение фонетических знаков; а также грамматическая и лексическая);

– компетенция в чтении (различение грамматических знаков; грамматическая и лексическая).

Описанная выше модель коммуникативной компетенции не представляется завершённой, так как не устанавливает сущности отдельных её компонентов; кроме того, неясна связь между различными компонентами, а также то, каким образом они интегрированы в общую коммуникативную компетенцию [3].

Исходя из коммуникативного подхода, необходимо приобрести коммуникативную компетенцию или, иначе говоря, умение общаться на данном языке. Коммуникативная компетенция предполагает умение пользоваться всеми видами речевой деятельности: чтением, аудированием, говорением (диалогом или монологом), письмом. Далее коммуникативная компетенция любого уровня включает также языковую компетенцию, под которой понимается умение выражать свои мысли и понимать мысли с помощью языковых средств, т.е. умения и навыки пользования грамматикой, лексикой и произношением.

Однако для достижения взаимопонимания необходимы также знание социокультурного контекста, умения и навыки речевого и неречевого поведения, характерные для носителей изучаемого языка. Общечеловеческими знаниями и умениями обучающийся владеет на основе родного языка, а специфические знания, навыки и умения для общения на изучаемом языке он должен приобрести. Из этого следует, что ведущими объектами контроля при обучении иностранному языку могут и должны быть речевые умения в области говорения, аудирования, чтения и письма на основе аутентичных материалов, обеспечивающих контроль знаний, умений и навыков социокультурного фона.

Исходя из того, что функции контроля, указанные выше, по своим наименованиям соответствуют общедидактическим, рассмотрим их проявление в обучении иностранному языку.

Начнём с обучающей функции. Обучающая функция характеризуется серьёзными отличиями от аналогичной функции контроля в других предметных областях. По всем предметам её источником является закрепление, совершенствование знаний, умений и навыков в процессе выполнения контрольных заданий. Применительно к иностранному языку обучающиеся, помимо тренировки в обучении или действиях с языковым материалом, приобретают языковой опыт, который является важным источником совершенствования речевых умений и навыков.

Значительно отличается и осуществление преподавателем диагностирующей функции контроля в обучении иностранному языку. В ходе проявления этой функции в предметных областях главное внимание направляется на ошибки обучающихся. Аналогичен подход в преподавании иностранных языков при контроле сформированности языковых навыков [4]. При контроле речевых умений основное внимание должно направляться на решение коммуникативной задачи. Ошибки же рассматриваются в качестве дополнительных критериев общения.

Итак, основным результатом обучения иностранному языку является достижение определённого уровня компетенции. Иными словами, обучающиеся должны овладеть языковыми навыками на основе предложенной лексики и грамматики и, что особенно важно, добиться их включения в речевую деятельность.

Исходя из указанной выше особенности (специфики) обучения иностранной речи нетрудно определить, что основным объектом станут виды речевой деятельности. Это важно учитывать и при формулировке заданий, а именно следует избегать излишнего языкового материала, отвлекающего от основной цели задания.

Чаще всего в учебном процессе встречаются вопросно-ответные задания. Они имеют широкую область применения. Эффективность этого типа заданий состоит в том, что ответ управляется и формой вопроса, и известной обучающемуся ситуацией или информацией.

Внутриязыковое перефразирование относится к наиболее продуктивным типам заданий, особенно при проверке прочитанного. Перефразирование предполагает передачу своими словами мысли автора. Формулируя высказывание, необходимо максимально точно передать замы-

сел автора. При этом обучающийся вырабатывает умение подбирать синонимы или давать объяснение тому или иному слову, выражению, определять связь между событиями и явлениями.

Здесь важно определить место перевода в процессе обучения иностранному языку. Перевод занимает весьма ограниченное место, т.е. злоупотребление переводом вырабатывает привычку мыслить категориями родного языка, постоянно искать прямые соответствия, что в конечном счёте делает процесс обучения иностранному языку трудным и малопродуктивным.

Однако в действительности человек может оказаться в какое-то время в положении переводчика. Поэтому он должен уметь найти эквивалентную форму, чтобы передать содержание; и если он не может сделать это напрямую, то ему следует прибегнуть к переложению содержания, выраженного средствами одного языка, на другой язык, т.е. найти приемлемое перефразирование [5].

Далее рассмотрим пропуск слов. Такая процедура предполагает осмысление информации, предшествующей пропуску, анализ грамматической структуры, извлечение из долговременной памяти и подбор вербального элемента, сочетающегося с данным контекстом, облечение его в грамматическую форму. При выполнении этого задания обучающийся проявляет языковую компетенцию в ситуации, что приводит в движение механизм вероятностного прогнозирования, демонстрируя при этом общий уровень владения языком, совокупную сформированность умений и навыков [6]. В качестве примера можно привести учебник английского языка Е.С. Орловой «University Universal Prime» [7], упражнения «Complete the sentences using the modals presented» [7, с. 125]; «Make sentences using core and multi-word modals» [7, с. 125]; «Complete the sentences making the right choice» [7, с. 146]; «Rephrase the italicized fragments making the right choice» [7, с. 147]; «Use proper substitutes to stand for particular verbs» [7, с. 207].

Для проверки продуктивных умений следует также включать такие задания, при выполнении которых обучающиеся становились бы участниками иноязычного общения. Это может быть ролевая игра, устное интервью, решение проблемы в университете или стране, заполнение анкеты, написание приглашения или ответного письма. При этом необходимо выбирать задания, которые в полной мере соответствовали бы поставленным целям, – по преимуществу задания, требующие большей самостоятельности и, по возможности, содержащие элементы творчества [7]. В связи с вышесказанным, представляется целесообразным описать градуированную систему упражнений, направленную на постепенное овладение структурами языка, что в конечном итоге ведёт к формированию коммуникативной компетенции. Это упражнения типа: «Read what some people say about themselves. Guess what sort of people they are. Answer the questions and reproduce the texts in the present simple making the necessary changes in person» [7, с. 188]; «Respond to the statements in the way familiar to you» [7, с. 192]; «Make your own stories using vocabulary items from the plots given above» [7, с. 200]; «What would you say in these situations? Make offer and suggestions: show your determination, intention, etc.» [7, с. 249]; «Produce a fragment of your academic writing involving participle clauses» [7, с.336]; «Read and recall whether you once read or heard something like this; comment on the viewpoint given» [7, с. 352]; «Read the text. Develop a few ideas of your own on the role of logical reasoning and intuition in study, research and discovery-making. Make a short verbal outline of what you think of the problem» [7, с. 399]; «Read and discuss in hypothetical terms» [7, с. 434].

Анализ приведённых упражнений позволяет сделать вывод, что языковой материал запоминается в процессе выполнения специальных упражнений, которым и принадлежит решающая роль при обучении умению высказываться «своими словами» по поводу прочитанного или прослушанного текста.

Правильность избранного подхода к решению проблемы управления контролем как аспектом приобретения коммуникативной компетенции на иностранном языке через специальный комплекс упражнений, построенный с учётом особенностей их формирования, показывает практика обучения иностранной речи на основе текста. Безусловно, контроль является неотъемлемой частью любого вида деятельности, так как он используется, с одной стороны, для оценки правильности развития учебного процесса, его движения в направлении поставленных целей, а с другой стороны, для углубления и совершенствования фонда оценочных средств.

Следует добавить также, что контроль – это, прежде всего, обратная связь для выработки корректирующих действий. Данные контроля отвечают преподавателю на вопрос, воспринимают ли студенты тот материал, который преподаётся. Если этого нет, то следует применять корректирующие действия по улучшению процесса преподавания.

На наш взгляд, преподавание – это вход учебного процесса, а обучение – его результат. Отсюда следует, что, несомненно, образовательный процесс настойчиво требует непрерывного улучшения качества и необходимости постоянно учиться тому, как его совершенство-

вать. Мы исходим из того, что в основе улучшения знаний лежат новые знания и желание учиться дальше, а преподаватель – это специалист своего дела и менеджер учебного процесса, поскольку на время ведения учебного процесса преподаватель становится менеджером, чтобы объединить обучающихся в эффективную и целенаправленную группу.

Всё сказанное выше позволяет заключить, что обеспечение тесной взаимосвязи между аспектами языка и видами коммуникативной деятельности реализуется за счёт:

– обучения сущности и методам освоения своей дисциплины;

– выработки определённого комплекса умений и представлений;

– выдвижения коммуникативной компетенции в качестве основной практической цели обучения иностранному языку;

– уточнения объектов контроля коммуникативной компетенции;

– постановки реальных и достижимых целей, которые должны быть доведены до студента в ясной и чёткой форме;

– обеспечения мотивации к совершенствованию;

– вовлечения студентов в учебный процесс, а не принуждения их участвовать в нём.

Список литературы

1. Шатилов С.Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе. М.: Просвещение, 1986. 223 с.

2. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1984. 435 с.

3. Утробина А.А. Методика преподавания и изучения иностранного языка. М.: Просвещение, 2006. 112 с.

4. Новожилова Л.И., Перевезенцев А.Ю. Лингвострановедение. Английские королевы: династия Стюартов: Учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: ННГУ, 2015. URL: http://www.unn.ru/books/resources.html (дата обращения: 20.12.2016).

5. Гриценко Е.С., Шамов А.Н., Александров К.В. Системный подход к информатизации иноязычного образования // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 131–137.

6. Современные теории и методики обучения иностранным языкам / Под общ. ред. Л.М. Фёдоровой, Т.И. Рязанцевой. М.: Экзамен, 2004. 256 с.

7. Орлова Е.С. University Universal Prime: Учебник английского языка для университетов. 5-е изд., доп. и перераб. Нижний Новгород: ННГУ, 2011. 210 с.

MONITORING MANAGEMENT AS AN ASPECT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE ACQUISITION

L.I. Novozhilova, A.Yu. Perevezentsev

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In this article, we discuss the importance of and the methods for teaching quality assurance. Teaching quality assurance methods are based on systemic, integral multilevel education implementing a set of leading teaching principles, where methodological, linguistic, psychological and organizational support for teaching activities is tailored to achieving specific tasks in the development of foreign language speech skills. In the context of a comprehensive approach to the methodological management of the teaching and learning process, assignments that involve students as participants in foreign language learning have been identified. The essential criteria for assignment selection include students' self-reliance and creativity. All such assignments are interrelated, subordinated and complement each other in classroom.

Keywords: assignment definition, feedback, educational process manager, linguistic competence, corrective actions, pool of assessment tools.

УДК 378.146

СВЯЗЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ЕГЭ И АКАДЕМИЧЕСКИХ УСПЕХОВ СТУДЕНТОВ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ВУЗЕ

© 2017 г.

Н.А. Чернышова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

natalyachernyshova17@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2016
Статья принята к публикации 02.02.2017

Проверяется наличие связи между результатами ЕГЭ и успеваемостью студентов в сельскохозяйственном вузе на основе линейного и многофакторного регрессионного анализа (на примере ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева). Рассматривается связь дополнительных переменных, таких как форма обучения – бюджетная или контрактная, гендерная принадлежность, с успеваемостью студентов в вузе. Выявляются особенности данных связей в разрезе факультетов и укрупненных групп направлений подготовки. Проверяется гипотеза о существовании значимой связи между суммарными баллами ЕГЭ и успеваемостью студентов на протяжении всех лет обучения в вузе, а также роли договора об оказании платных образовательных услуг в этой связи и гендерной принадлежности студентов.

Ключевые слова: результаты ЕГЭ, успеваемость студентов, регрессионный анализ, сквозная регрессия, корреляция.

Общему образованию как фундаментальному в системе российского образования сегодня уделяется особое внимание. В частности, независимая оценка качества образования выпускников общеобразовательных организаций на протяжении многих лет является приоритетной в государственной политике в сфере общего образования.

Эксперименты по введению новых форм государственной итоговой аттестации (ГИА) с целью создания и развития системы управления качеством образования на основе внешней независимой оценки [1] начались еще в 2001 г. На сегодняшний день единый государственный экзамен как основная форма осуществления ГИА для выпускников общеобразовательных организаций имеет многолетний опыт апробации и проводится в штатном режиме с 2009 г. по единой технологии на всей территории Российской Федерации.

По данным Департамента государственной политики в сфере общего образования Министерства образования и науки Российской Федерации, анализ результатов ГИА показывает, что баллы, получаемые на ЕГЭ, демонстрируют не случайные результаты, – они отражают определенные тенденции как в состоянии общего образования по предметным областям, так и в дальнейших показателях успеваемости студентов в вузах.

Это также подтверждено исследованием, проведенным Т.Е. Хавенсон и А.А. Соловьевой, о корреляции между средними баллами ЕГЭ и успеваемостью первокурсников. На основании полученных результатов они делают вывод, что предсказательная способность суммарного балла ЕГЭ является приемлемой для того, чтобы признать этот экзамен валидным инструментом отбора абитуриентов [2]. Подобное исследование было проведено Л.В. Щеголевой и Т.Г. Суровцовой [3] на базе Петрозаводского государственного университета. Авторы также выявили положительную зависимость между результатами ЕГЭ и учебными успехами первокурсников. О.В. Польдин показал возможность прогнозирования успеваемости студентов по результатам ЕГЭ [4]. В свою очередь, О.О. Замков и А.А Пересецкий получили значимую связь переменных на протяжении первых трех лет обучения в вузе [5].

Однако все существующие на сегодняшний день исследования подобного рода в основном затрагивают экономические и математические направления подготовки. Т.Е. Хавенсон и А.А. Соловьева также отмечают этот факт в своей работе [2]. В связи с этим аналогичное исследование в сельскохозяйственном вузе будет достаточно информативным.

Таким образом, возникает исследовательский вопрос. Какова связь между результатами ЕГЭ и успеваемостью студентов в сельскохозяйственном вузе, где представлен достаточно широкий спектр направлений подготовки, в том числе и непрофильных для данной образовательной организации? Кроме того, как связаны между собой суммарные баллы ЕГЭ, успеваемость студентов, источник

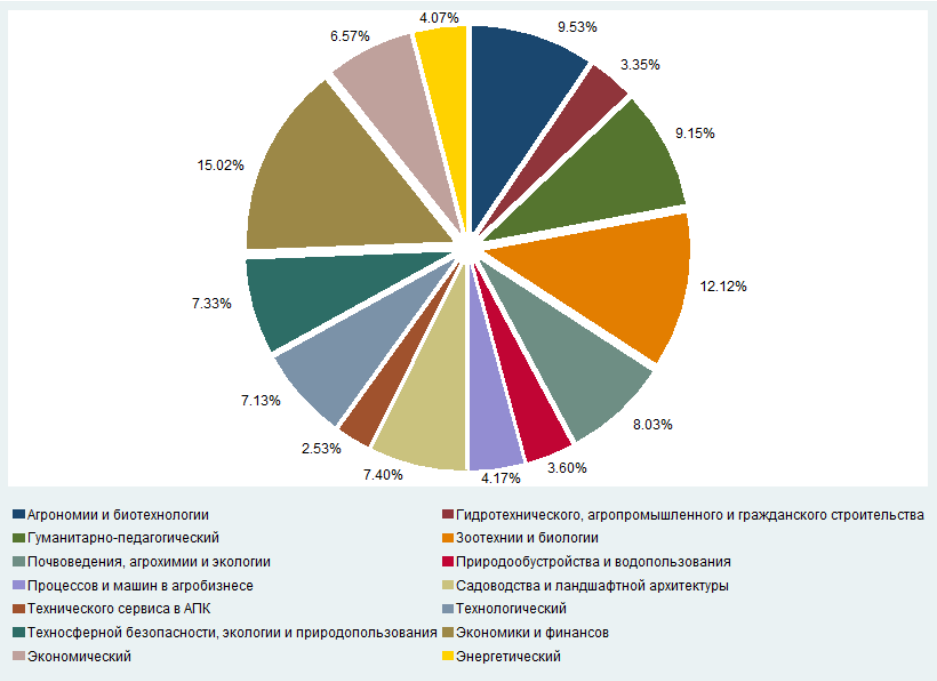

Рис. 1. Распределение студентов, представленных в выборке, по факультетам

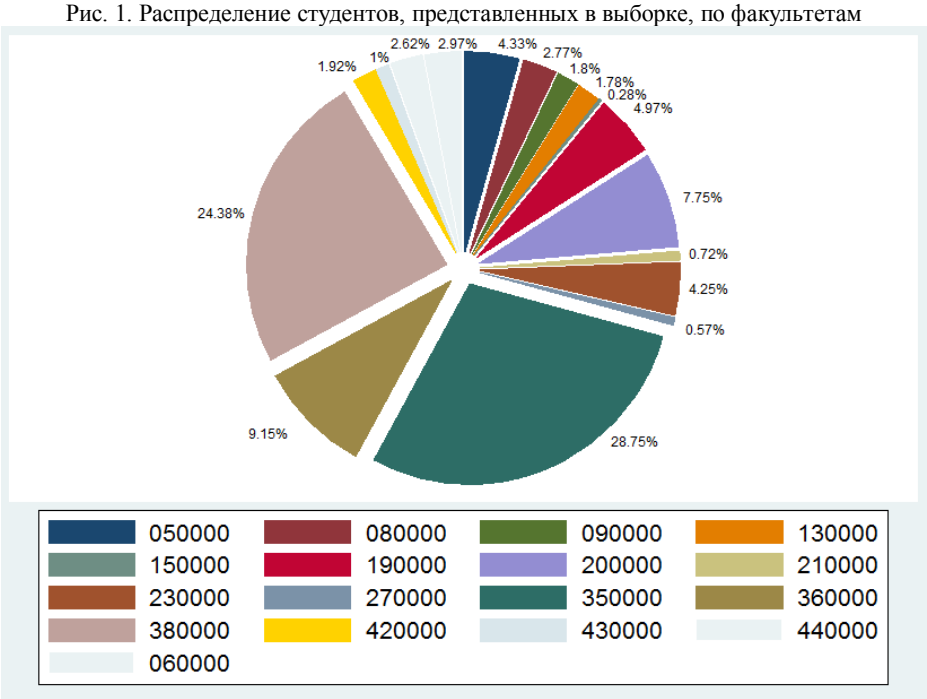

Рис. 2. Распределение студентов, представленных в выборке, по укрупненным группам направлений подготовки

финансирования обучения (бюджетная или контрактная форма) и гендерная принадлежность?

Выдвигается гипотеза, что существует значимая связь между суммарными баллами ЕГЭ и успеваемостью студентов на протяжении всех лет обучения в вузе, при этом наличие договора об оказании платных образовательных услуг также играет немаловажную роль в данной связи. Гендерный признак, несомненно, существен и имеет восходящую направленность для представителей женского пола.

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева». Общая выборка составила 6000 студентов за период с 2012 по 2016 г., обучающихся на 14 факультетах по 17 укрупненным группам направлений подготовки. Процентное соотношение студентов, вошедших в выборку, по факультетам и направлениям подготовки представлено на рисунках 1 и 2 соответственно.

Проведенный регрессионный анализ выявил линейную зависимость между суммарным бал-

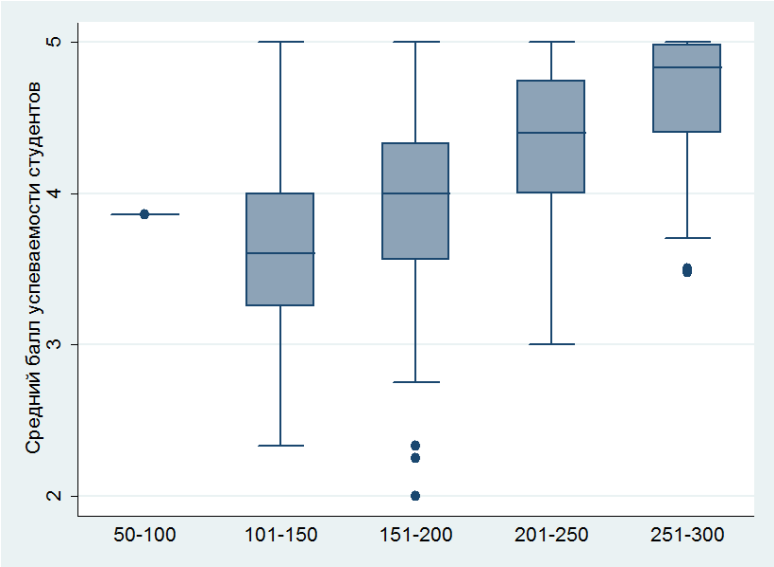

Рис. 3. Связь суммарных баллов ЕГЭ и успеваемости студентов вуза

Таблица 1

Связь суммарного балла ЕГЭ и успеваемости студентов по курсам

Курс	Оценка эффективности	Стандартное отклонение	Коэффициент детерминации	Коэффициент модуляции
1	0.007***	0.000	0.148	0.385
2	0.009***	0.000	0.230	0.480
3	0.009***	0.001	0.258	0.508
4	0.009***	0.001	0.235	0.485

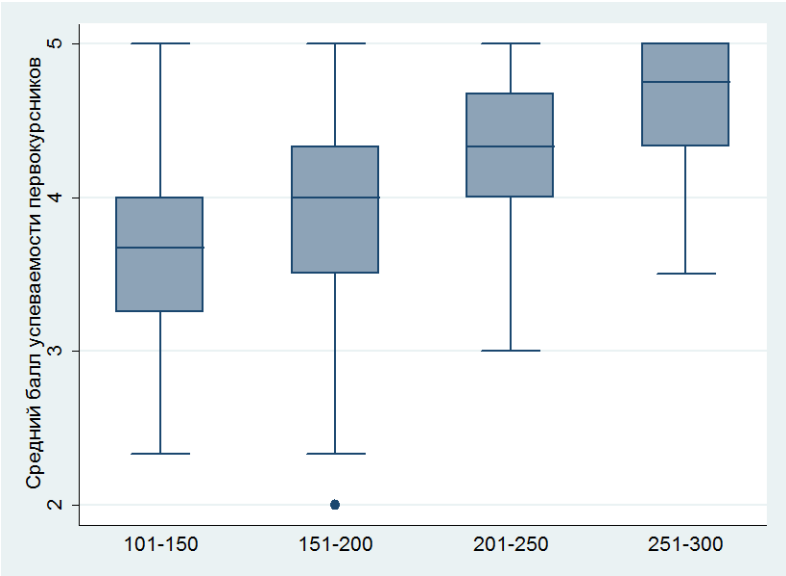

Рис. 4. Корреляция успеваемости первокурсников и суммарных баллов ЕГЭ

лом ЕГЭ и средней успеваемостью студентов в вузе. Сразу стоит отметить, что сквозная регрессия по методу наименьших квадратов (по всем направлениям подготовки, факультетам, курсам и прочим составляющим) не учитывает структуру данных (рис. 3).

При этом вывод Т.Е. Хавенсон и А.А. Соловьевой о том, что данная связь значима только для первокурсников, не подтвердился. В РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева на уровне значимости 1% суммарный балл ЕГЭ повышает среднюю успеваемость студентов на 0.007%, 0.009%, 0.009% и 0.009% стандартного отклонения для 1, 2, 3 и 4 курсов соответственно (табл. 1). Таким образом, теснота связи среднего балла успеваемости студентов и суммарного балла ЕГЭ для каждого курса составляет свыше 38%.

Для определения эффективности существующей оценки знаний выпускников

Таблица 2

Многофакторный регрессионный анализ

	(1)	(2)	(3)
Переменные	Успеваемость		
Суммарный балл ЕГЭ	0.00721***	0.00670***	0.00524***
	(0.000356)	(0.000365)	(0.000382)
Наличие договора		-0.141***	-0.172***
		(0.0243)	(0.0239)
Пол			-0.241***
			(0.0229)
Константа	2.681***	2.814***	3.194***
	(0.0632)	(0.0668)	(0.0745)
Количество наблюдений	2.362	2.362	2.362
Коэффициент детерминации (R2)	0.148	0.160	0.198
В скобках указаны стандартные отклонения			
*** p<0.01, **p<0.05, *p<0.1			

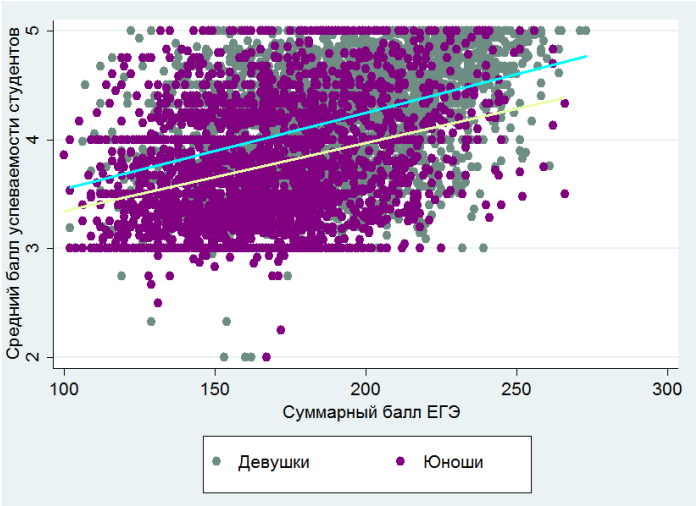

Рис. 5. Связь суммарных баллов ЕГЭ и успеваемости студентов по гендерному признаку

Таблица 3

Регрессионный анализ успеваемости первокурсников и баллов ЕГЭ в разрезе учебных предметов

Учебный предмет	Оценка коэффициентов	Стандартное отклонение	Коэффициент детерминации	Коэффициент корреляции
Русский язык	0.015***	0.001	0.108	0.328
Математика	0.012***	0.001	0.090	0.300
Химия	0.017***	0.003	0.237	0.487
Биология	0.015***	0.001	0.129	0.359
Обществознание	0.026***	0.002	0.213	0.462
Физика	0.006**	0.002	0.008	0.087
География	0.008*	0.004	0.029	0.169
История	0.016*	0.008	0.088	0.297
Информатика и ИКТ	0.008	0.006	0.037	0.193
Иностранный язык	0.006	0.006	0.026	0.160

общеобразовательных организаций и валидности применения данного инструмента в качестве вступительных экзаменов в вузах, а также его прогностических возможностей наиболее целесообразно рассмотреть связь результатов ЕГЭ с успеваемостью первокурсников, чтобы максимально исключить возможное влияние панельной структуры данных (рис. 4).

Многофакторный анализ позволил наиболее точно оценить наличие связи между суммарным баллом ЕГЭ первокурсников и успеваемостью (табл. 2). Коэффициент детерминации в первом случае составил 0.148, при введении дополнительной переменной – бюджетной или контрактной формы обучения – вырос до 0.16. Стоит также отметить, что наличие договора на уровне

Таблица 4

Регрессионный анализ успеваемости первокурсников и суммарных баллов ЕГЭ по укрупненным группам подготовки

Укрупненная группа направлений подготовки	Оценка коэффициентов	Стандартное отклонение	Коэффициент детерминации	Коэффициет корреляции
Науки о земле	0.007***	0.002	0.083	0.288
Биологические науки	0.008***	0.002	0.229	0.479
Техника и технологии строительства	0.011***	0.002	0.249	0.499
Информатика и вычислительная техника	0.007***	0.002	0.165	0.406
Электро- и теплоэнергетика	0.011***	0.004	0.115	0.339
Машиностроение	-0.005	0.010	0.027	0.164
Промышленная экология и биотехнологии	0.010***	0.001	0.391	0.625
Техносферная безопасность и природообустройство	0.009***	0.002	0.123	0.351
Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия	0.013***	0.004	0.308	0.555
Техника и технологии наземного транспорта	-0.003	0.003	0.010	0.100
Управление в технических системах	0.007***	0.002	0.286	0.535
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	0.009	0.001	0.221	0.470
Ветеринария и зоотехния	0.010	0.001	0.367	0.606
Экономика и управление	0.010***	0.001	0.234	0.484
Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело	0.007	0.005	0.117	0.342
Сервис и туризм	0.023**	0.009	0.282	0.531
Образование и педагогические науки	0.011***	0.002	0.366	0.605

значимости 1% снижает успеваемость студентов на 14% стандартного отклонения. Введение еще одной дополнительной переменной – пол – снижает оценку коэффициента до 0.005 на том же уровне значимости, при этом повышая коэффициент детерминации до 0.198. Увеличение суммарного балла ЕГЭ приводит к повышению успеваемости студентов на 0.5% стандартного отклонения, а наличие договора, напротив, – к снижению на 17%.

Гендерные различия также тесно связаны с успеваемостью студентов: снижают ее на 24% стандартного отклонения для представителей мужского пола и на столько же повышают для лиц женского пола. Подобная картина наблюдается и по вузу в целом (рис. 5).

Для выявления связи успеваемости первокурсников и баллов ЕГЭ по отдельным учебным предметам также был проведен линейный регрессионный анализ.

Регрессионный анализ выявил, что на уровне значимости 1% результаты ЕГЭ по русскому языку, математике, химии, биологии и обществознанию связаны с успеваемостью студентов; по физике этот уровень составляет 5%, по истории и географии – 10%. Баллы по информатике и ИКТ, а также по иностранному языку незначимы для данной модели. Теснота связи данных представлена в таблице 3.

Наибольший интерес представляют регрессии внутри укрупненных групп направлений подготовки и факультетов.

Для большинства направлений подготовки прослеживается корреляция суммарных баллов ЕГЭ со средним баллом успеваемости студентов. Однако примечательно, что именно для профилирующей укрупненной группы направлений подготовки 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» значимой связи не было выявлено, как не обнаружено ее и для таких УГН, как «Машиностроение», «Техника и технологии наземного транспорта», «Ветеринария и зоотехния» и «Средства массовой информации и информаци-

Таблица 5

Регрессионный анализ успеваемости первокурсников и суммарных баллов ЕГЭ по факультетам

Факультет	Оценка коэффициентов	Стандартное отклонение	Коэффициент детерминации	Коэффициет корреляции
Агрономии и биотехнологии	0.008***	0.001	0.235	0.485
Гидротехнического, агропромышленного и гражданского строительства	0.010***	0.002	0.198	0.445
Гуманитарно-педагогический	0.010***	0.001	0.318	0.564
Зоотехнии и биологии	0.010***	0.001	0.320	0.566
Почвоведения, агрохимии и экологии	0.010***	0.002	0.247	0.497
Природообустройства и водопользования	0.007***	0.002	0.089	0.298
Процессов и машин в агробизнесе	0.011***	0.003	0.130	0.361
Садоводства и ландшафтной архитектуры	0.007***	0.001	0.203	0.451
Технического сервиса в АПК	0.010***	0.003	0.104	0.322
Технологический	0.008***	0.001	0.231	0.481
Техносферной безопасности, экологии и природопользования	0.006***	0.001	0.056	0.237
Экономики и финансов	0.011***	0.001	0.322	0.567
Экономический	0.010***	0.002	0.181	0.425
Энергетический	0.012***	0.002	0.198	0.445

онно-библиотечное дело». Напротив же, непрофильные направления подготовки демонстрируют достаточно сильную корреляцию (табл. 4).

Регрессионный анализ в разрезе факультетов выявил корреляцию на уровне значимости 1% для каждого из них. При этом связи внутри непрофильных факультетов гораздо сильнее, нежели у многих специализированных (табл. 5).

Таким образом, исследование подтвердило гипотезу, что баллы, полученные на ЕГЭ, отражают не случайные результаты, а демонстрируют общий уровень подготовки выпускников. Причем рассматриваемые переменные коррелируют на протяжении всех лет обучения в вузе. Кроме того, была установлена значимая связь между баллами ЕГЭ по обязательными учебным предметам (русскому языку и математике) и успеваемостью.

Достаточно прочная связь результатов ЕГЭ и успеваемости студентов позволяет сделать вывод о валидности ЕГЭ для мониторинга качества образования выпускников общеобразовательных организаций и его применения как инструмента оценки знаний абитуриентов вузов.

Список литературы

1. Болотов В.А., Ковалёва Г.С. Опыт России в области оценки образовательных достижений школьников // Инновационные проекты и программы в образовании. 2010. № 5. С. 3–11.

2. Хавенсон Т.Е., Соловьева А.А. Связь результатов Единого государственного экзамена и успеваемости в вузе // Вопросы образования. 2014. № 1. С. 176−199.

3. Щеголева Л.В., Суровцова Т.Г. Результаты ЕГЭ и успеваемость студентов первого курса // Непрерывное образование: XXI век. 2015. Вып. 4 (12). С. 75–79.

4. Польдин О.В. Прогнозирование успеваемости в вузе по результатам ЕГЭ // Прикладная эконометрика. 2011. № 1 (21). С. 56−69.

5. Замков О.О., Пересецкий А.А. ЕГЭ и академические успехи студентов бакалавриата МИЭФ НИУ ВШЭ // Прикладная эконометрика. 2013. № 30 (2). С. 93−114.

CORRELATION BETWEEN THE RESULTS OF THE UNIFIED STATE EXAMINATION AND ACHIEVEMENT OF STUDENTS IN AN AGRICULTURAL UNIVERSITY

N.A. Chernyshova

National Research University – Higher School of Economics

The article examines the correlation between the results of the unified state examination and academic performance of students in an agricultural university on the basis of linear and multivariate regression analysis. This case study is based on the data of the Moscow Agricultural Academy. We also consider the impact of some other variables on the performance of students at the university, including the category of students (studying on fee-paying or tuition-free basis) and their gender.

Keywords: results of the unified state examination, student performance, regression analysis, pooled regression, correlation.

АВТОРЫ

Авагян Элизабет Армановна – магистрант каф. математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-09-06; e-mail: elizbeth@li.ru

Бузмакова Марина Валерьевна – доц. каф. экономической теории и методологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603950, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37; сл. тел. (831) 433-02-66; e-mail: webdirect@nm.ru

Варызгина Алла Александровна – асс. каф. экономической социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.соц.н.; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-83-30; e-mail: varyzgina@mail.ru

Вострокнутов Игорь Евгеньевич – зав. каф. информатики и теории и методики обучения информатике Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.пед.н.; проф.; 607220, Арзамас, ул. Революции, д. 22б; сл. тел. (83147) 40-43-6; e-mail: vostroknutov_i@mail.ru

Горылев Александр Иванович – зав. каф. европейского и международного права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.ю.н.; доц.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-30-03; e-mail: gorylev@fup.unn.ru

Гребенев Игорь Васильевич – проф. каф. кристаллографии и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.пед.н.; проф.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-33-13; e-mail grebenev@phys.unn.ru

Ефремова Марина Владимировна – зав. каф. сервиса и туризма Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; проф.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 245-54-11; e-mail: mefremova@iee.unn.ru

Задорожная Ольга Владимировна – доц. каф. алгебры и анализа Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова; к.пед.н.; 358000, Элиста, 5-й микрорайон, 3; сл. тел. (84722) 3-90-08; e-mail: ovz_70@mail.ru

Золотов Александр Владимирович – зав. каф. экономической теории и методологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; проф.; 603950, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37; сл. тел. (831) 433-02-66; e-mail: zoav6@iee.unn.ru

Карцева Лидия Валерьевна – проф. каф. социально-культурной деятельности и педагогики Казанского государственного института культуры; д.соц.н.; проф.; 420059, Казань, ул. Оренбургский тракт, 3; сл. тел. (843) 277-53-60; e-mail: lizolda@mail.ru

Кеммет Елена Викторовна – асс. каф. социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; сл. тел. (343) 375-48-22; e-mail: Elena.Kemmet@urfu.ru

Козлов Александр Петрович – магистр по направлению «Психология» Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-82-48; e-mail: accord-stroy@yandex.ru

Кузнецов Виктор Павлович – зав. каф. экономики предприятия Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; д.э.н.; проф.; 603004, Н. Новгород, ул. Челюскинцев, 9; сл. тел. (831) 297-39-59; e-mail: keo.vgipu@mail.ru

Кузнецов Юрий Алексеевич – зав. каф. математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.ф.-м.н.; проф.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-09-06; e-mail: Kuznetsov_YuA@iee.unn.ru

Кузнецова Светлана Николаевна – доц. каф. европейского и международного права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.ю.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-30-03; e-mail: s.kuznetsova@bk.ru

Кутявина Елена Евгеньевна – доц. каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.соц.н.; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-83-49; e-mail: kutyavona@gmail.com

Лядова Елена Владимировна – доц. каф. экономической теории и методологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 433-02-66; e-mail: lyadova_ev@mail.ru

Малышев Александр Геннадьевич – социолог проектов по отцовству Региональной общественной организации «Информационно-методический центр «Анна» (Москва); 193313, Санкт-Петербург, ул. Коллонтай, 5/1, кв. 931; сл. тел. +79523716729; e-mail: mirk912@rambler.ru

Маркова Светлана Евгеньевна – асп. каф. математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-09-06; e-mail: mmep@iee.unn.ru

Махалин Андрей Игоревич – асс. каф. психологии управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-82-48; e-mail: anigma-x@rambler.ru

Новожилова Людмила Ивановна – доц. каф. зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.пед.н.; доц.; 603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37; сл. тел. (831) 433-82-45; e-mail: novozhilovali@yandex.ru

Перевезенцев Александр Юрьевич – преп. каф. зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37; сл. тел. (831) 433-82-45; e-mail: lexquell@list.ru

Перова Валентина Ивановна – доц. каф. математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.ф.-м.н.; доц.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-09-06; e-mail: perova_vi@mail.ru

Ростовская Наталия Андреевна – учитель английского языка средней общеобразовательной школы № 121; к. культурологии; 117393, Москва, ул. Гарибальди, 28, к. 3; сл. тел. (499) 794-43-12; e-mail: narostovskaya@mail.ru

Ростовская Тамара Керимовна – проф. каф. организации работы с молодежью Российского государственного социального университета; д.соц.н.; 107150, Москва, ул. Лосиноостровская, 24; сл. тел. (495) 255-67-67; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Стрункина Татьяна Сергеевна – асп. Шуйского филиала Ивановского государственного университета; 155908, Шуя, ул. Кооперативная, 24; сл. тел. (49351) 3-11-60; e-mail: ts.37@bk.ru

Хвоин Николай Николаевич – вед. специалист отдела мониторинга, государственных программ и приоритетных проектов Управления труда и социального партнерства Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга; 190000, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 7; сл. тел. (812) 312-92-36; e-mail: khv-nikolai@yandex.ru

Хусяинов Тимур Маратович – асп. каф. социальной философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-83-30; e-mail: timur@husyainov.ru

Чернышова Наталья Алексеевна – стажер-исследователь Центра мониторинга качества образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000, Москва, пер. Потаповский, 16/10; сл. тел. (495) 772-95-90; e-mail: natalyachernyshova17@mail.ru

Чкалова Ольга Владимировна – зав. каф. торгового дела Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; проф.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-09-35; e-mail: ochkalova@iee.unn.ru

Чупрунов Евгений Владимирович – ректор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.ф.-м.н.; проф.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-30-03; e-mail: rector@unn.ru

Чурбанова Елена Сергеевна – асп. каф. экономики предприятия Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; 603004, Н. Новгород, ул. Челюскинцев, 9; сл. тел. (831) 297-39-59; e-mail: l.churbanowa@gmail.com

Шмелева Елена Александровна – зам. дир. по научной работе Шуйского филиала Ивановского государственного университета; д.психол.н.; доц.; 155908, Шуя, ул. Кооперативная, 24; сл. тел. (49351) 3-11-60; e-mail: noc_sspu@mail.ru

Шорыгин Евгений Александрович – магистрант каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-83-49; e-mail: evgeny_shore@mail.ru

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (45)

2017

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 24,1. Усл. печ. л. 20,9. Тираж 100 экз. Заказ № 232.
Дата выхода в свет: 31.03.2017
Свободная цена

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.